

Zhelikhovskaja

Anemona

АНЕМОНА

РОМАНЪ

В. ЖЕЛИХОВСКОЙ.

(ВЪ 4-ХЪ ЧАСТЯХЪ).

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. В. Комарова, Невскій, № 138.

1890.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ раннемъ цвѣту.

I.

ольшая, провинціально меблированная гостиная губернскаго сановника, Ивана Максимовича Сайницкаго, казалась, съ перваго взгляда пустой. Утреннее солнце играло на золоченыхъ рамахъ зеркалъ и дешевыхъ картинъ, плохихъ снимковъ съ дорогихъ оригиналовъ; задѣвало уголь рояля, съ открытыми нотами моднаго вальса на пюпитрѣ; скользило по репсовой портьерѣ, насквозь прохвативъ ее такъ, что ея малиновый цвѣтъ дожился полоскою на ярконатертый полъ; играло всѣми цвѣтами радуги на пестрыхъ букетахъ розъ и фуксій по ковру передъ диваномъ.

Гостиная показалась пустой и старому лакею, остановившемуся на ея порогѣ, съ визитной карточкой въ рукахъ.

Онъ подошелъ было къ столу, чтобы положить ее въ мраморную вазочку, стоявшую среди альбомовъ, пепельницъ и прочихъ атрибутовъ заурядныхъ гостинныхъ, но остановился въ нерѣшимости, увидавъ «барышню».

Барышня, Людмила Юрьевна, стояла въ глубокой амбразурѣ окна, полуприкрытая занавѣсью, повидимому, такъ глубоко погружена въ свои думы, что ничего не видѣла и не слышала.

Барышня вытянулась по стѣнѣ амбразуры во весь свой большой ростъ, закинула обѣ руки за голову, упираясь въ нихъ затылкомъ. Сѣрые глаза ея смотрѣли, словно не видя, туманенныя; черныя, тонкія брови почти сошлись подъ прямымъ, невысокимъ лбомъ, а красиво очерченныя, алія безъ вспомогательныхъ средствъ губы, крѣпко закушены жемчужными зубами.

Барышня эта безспорно красавица, какихъ мало; но въ эту минуту лицо ея скорѣе отталкиваетъ, чѣмъ привлекаетъ, такая запечатлѣлась на немъ злобная и горькая не то печаль, не то досада.

Старый слуга остановился, въ недоумѣніи.

Она повела на него взглядомъ и сказала:

— Что это?

— Это-съ карточка... Офицеръ какой-то, Зар... Зарен..

Онъ не могъ выговорить иностранную фамилію.

— Дайте сюда. Сколько разъ я приказывала письма и карточки подавать на подносахъ?

— Да я-съ незналъ, что вы тутъ... Хотѣлъ положить...

Она прочла на большой атласной карточкѣ, украшенной гербомъ и короной:

«Графъ Фердинандъ Рейзенъ фонъ-Рейзенштернъ».

— Просите, я дома!—встрепенулась она.

— Да они-съ... Они ужъ уѣхали.

— Зачѣмъ... Кто велѣлъ вамъ не принимать?

— Да я думалъ... Располагалъ такъ, что невозможно... потому барышня, Любовь Ивановна...

— Какое вамъ дѣло разсуждать?.. Прошу никогда не смѣть распоряжаться, не доложивъ!.. Идите теперь... Чего же вы ротъ открыли?... Не вернуть. Ступайте!

Слуга молча вышелъ и, проходя по смежной залѣ, качалъ головой и тихо бормоталъ:

— Поди-жь ты!... Ну, аспидъ-дѣвка!

Сильный звонокъ заставилъ его вздрогнуть и послѣшить къ дверямъ передней. Отворивъ ее, онъ чуть не былъ сбитъ съ ногъ ворвавшимся кавалеристомъ. Юноша вбѣжалъ еле перевода духъ, такъ онъ летѣлъ сюда по лѣстницѣ и съ маху спросилъ:

— Что у васъ? Что барышня?

Старикъ окинулъ его мрачнымъ взглядомъ и не совсѣмъ дружелюбно освѣдомился:

— Которая-съ?

— Ахъ, Боже мой! Все равно... То-есть та, Любовь Ивановна... Говорятъ больна?

— Больны-съ. Почитай умирають...

— Ахъ! Господи!... Да что-жь это?... А Людмила Юрьевна?... Можно ихъ видѣть?

Лакей махнулъ рукой.

— Должно можно!... Ступайте въ гостиную... Ужь коли новыхъ фертиковъ принимать желаютъ, такъ васъ и подавно.

Кавалеристъ поспѣшно сбрасывалъ свою шинель, но услыхавъ послѣднія слова, быстро обернулся и спросилъ:

— Новыхъ фертиковъ?... Что это значить?... Какихъ? Кого?...

— Да вы неизвольте!... Я не на счетъ, то-есть... А тутъ прѣвжалъ одинъ, новый...

— Графъ Рейзенштернъ?

— Ну да-съ. Кажись, что такъ.

— Приняли?

— Нѣту. Я не принялъ... За то и досталось.

— Досталось?

Юноша ослабилъ свои бѣлые крѣпкіе зубы, съ маху вынулъ изъ кармана скомканную десятирублевую ассигнацію и положилъ ее на подзеркальникъ, передъ лакеемъ.

— На-те вамъ за то, въ утѣшеніе!—сказалъ онъ.

— Покорно благодаримъ, только зачѣмъ же-съ?—мягко протестовалъ лакей, пряча деньги въ карманъ.

Кавалеристъ спѣшилъ, но передъ зеркаломъ все же остановился, приглаживая черные волосы и едва пробившіеся усы, уступавшіе и въ ширинѣ и въ чернотѣ широкимъ, почти сросшимся надъ орлинымъ носомъ, бровямъ. Типъ лица его былъ татарскій, но не скулистый, а татаръ кавказскихъ, съ большими черными глазами на выкатѣ, съ поволокой, орлинымъ носомъ и волосами природно вьющимися, изъ-синя черными—изъ тѣхъ восточныхъ лицъ, что производятъ, въ глубинѣ Россіи, великія впечатлѣнія на женскія сердца.

Въ эту минуту раздались поспѣшные, мягкіе шаги и изъ боковой двери выглянуло полное, заплаканное лицо пожилой женщины.

— Андриянъ!... Это не докторъ? —спросила она и въ ту же минуту спохватилась.

— Ахъ!... Князь Гирзаевъ! Это вы?... Здравствуйте!... Извините, у насъ такое несчастье!...

— Я слышалъ, Зинаида Алексѣевна. Что такое съ Любовею Ивановной?... Чѣмъ она заболѣла?...

— Ахъ! Ужь и не спрашивайте! она махнула рукой отчаянно:—всѣ доктора перебивали... Андриянъ! Что-жь Никита?... Нѣтъ до сихъ поръ?...

Она заливалась слезами.

— Нѣтъ, сударыня... Нашъ-то докторъ на дачѣ живетъ... Не ближній свѣтъ.

— Знаю! Да ужъ можно бы... Вотъ послали за нашимъ старикомъ, за Альбертомъ Карловичемъ,—начала она объяснять Гирзаеву:—Хоть онъ ужъ никого не лечитъ, но можетъ быть...

— Не могу-ли я чѣмъ служить?—спросилъ кавалеристъ:— Мои дрожки у подъѣзда.

— Нѣтъ, благодарю васъ... Впрочемъ, развѣ если Альбертъ Карловичъ непріѣдетъ, такъ за другимъ... Самъ онъ больной... Тогда еще, можетъ, позвать Альротта? Говорятъ, онъ хорошій?..

— Прекрасный докторъ! Если вамъ угодно, я сейчасъ пошлю?...

Но въ эту минуту новый звонокъ возвѣстилъ пріѣздъ ожидаемаго доктора.

Андріанъ щелкнулъ ключемъ и очень старый человекъ, закутанный не по времени года, вошелъ и торопливо началъ снимать пальто и калоши.

— Слава Богу! Сюда, прошу васъ, Альбертъ Карловичъ!— засутилась полная дама, вздохнула и продолжая платкомъ смахивать слезы съ разгорѣвшагося лица:—Сюда, прямо!... Наша бѣдная Любочка...

Она зарыдала.

Докторъ поспѣшно послѣдовалъ за ней во внутреннія комнаты. На ходу, рыдая, она ему объясняла:

— Ужъ мы всѣхъ городскихъ врачей призывали. Вчера это, ночью, послѣ бала, дурно ей сдѣлалось.. Они говорятъ: ядь!.. Господи! Да возможно-ли это?... Не поможете-ли вы, дорогой мой?...

Корнетъ Гирзаевъ, между тѣмъ, прошелъ въ пріемныя комнаты.

Когда шпоры его послышались въ залѣ, красивая дѣвушка, все еще стоявшая у окна слѣдующей комнаты, слегка поведла головой и нахмурила брови. Гирзаевъ вошелъ, осмотрѣлся и, увидавъ ее, вспыхнулъ и быстро пошелъ къ ней.

— Людмила Юрьевна! Что это съ вашей сестрицей?... Больна?

— Больна.

Она стояла неподвижно безъ улыбки и привѣта на блѣдномъ, правильномъ лицѣ; но, когда Гирзаевъ схватилъ ея руки и началъ покрывать ихъ поцѣлуями, она ихъ не отнимала, только смотрѣла на склоненную голову его какъ то

странно, вопросительно-величаво. Она была одного роста, чуть-ли не выше его.

Когда онъ поднялъ голову и черные глаза его прилисли въ уровень съ ея стальнымъ, холоднымъ взглядомъ, что-то будто кольнуло его прямо въ сердце и онъ, несмѣло улыбаясь, прошепталъ:

— Людмила! Я такъ счастливъ!.. Отецъ мнѣ пишетъ... онъ простилъ... онъ такъ меня любитъ, что вѣрно согласится!

— Согласится?—безучастно отозвалась она:—на что?

Гирзаевъ отшатнулся и вспыхнулъ.

— Какъ на что?..—въ недоумѣннн проговорилъ онъ:—на нашу свадьбу... Людмила!.. Что съ вами?..

— Ничего!—тихо отвѣчала она:—только...

Она не докончила. Медленно отнявъ у него руки, она отвернулась лицомъ къ окну и припала лбомъ къ стекламъ.

— Что же только?—горячо подхватилъ юноша:— Людмила, ты меня пугаешь! Что случилось?.. что съ тобой?.. ты сегодня такая странная... я не узнаю.

Онъ остановился на полусловѣ, растерявшись.

Дѣвушка величаво повернулась, строго взглянула ему въ лицо и брезгливымъ движеніемъ сбросивъ съ своей талии руку, которой онъ было пытался обнять ее, холодно сказала:

— Я тоже, князь, не узнаю васъ! Вы забыли... а я, кажется, просила васъ помнить, что не даю вамъ еще согласія. Вы вчера позволяли себѣ такія выходки.

— Простите! я забылъ. Это такъ трудно помнить!.. Вѣдь, вы же, потомъ, иначе говорили, Людмила Юрьевна. Ради Бога, не мучьте меня!.. Вы знаете, что одно ваше слово... Боже мой! да я незнаю!..

— Нечего и знать,—спокойно замѣтила дѣвушка:—вы слышите? Сестра больна. Быть можетъ умереть... какое-же время говорить о свадьбѣ.

— Умереть?.. Но, почему вы думаете?.. Что съ ней такое?

— Что такое? Да! Что съ ней такое, князь Гирзаевъ?!

Красавица снова медленно обернулась и, устремивъ на него упорный взглядъ, продолжала, отчеканивая каждое слово:

— Не лучше-ль вамъ то знать, чѣмъ мнѣ?.. Я пріѣхала два мѣсяца тому назадъ, а васъ застала въ домѣ вотчина своимъ человѣкомъ. Со мной сестра никогда не бывала откровенна... Вы знаете: она меня не любитъ. Да и я тоже... я не люблю никакихъ изліяній, ни дружескихъ откровенностей... Впрочемъ, я поступала-бы иначе, еслибъ Люба меня предупредила... вѣроятно... Тутъ я не виновата!

Въ голосѣ ея послышалось раздраженіе.

— Вы не виноваты. Но... и кто-жъ виноватъ?.. Я не понимаю!—пробормоталъ Гирзаевъ.

— Я тоже. Я ничего не знаю вѣрно, но, судя потому, что стало въ послѣдніе дни съ Любой, какъ рѣзко она измѣнилась со мной, да и со всѣми, я начинаю думать...

Она вдругъ измѣнила нерѣшительный тонъ на очень рѣзкій и спросила въ упоръ:

— Скажите, князь, зачѣмъ вы приняли христіанство?

Юноша вздрогнулъ отъ неожиданности этого вопроса. Онъ смотрѣлъ на нее бессмысленно и молчалъ. Она продолжала:

— Ну, да. Что заставило васъ тогда, задолго до моего пріѣзда, переѣхать вѣру?.. Такія вещи не дѣлаются даромъ. Должны были быть какія-нибудь важныя причины?.. Не даромъ-же вы рисковали гнѣвомъ вашего отца, неудовольствіемъ семьи. Изъ-за чего-же?

— Изъ-за чего?.. да просто... Я хотѣлъ быть христіаниномъ, какъ и всѣ.

— Какъ и всѣ! — повторила насмѣшливо Людмила и засмѣялась холоднымъ, беззвучнымъ смѣхомъ.— Не по убѣжденію-ли? Не все равно вамъ: Богъ — или Аллахъ? Христосъ — или Магометъ?.. Говорите правду!—гнѣвно вскричала она:— вы окрестились потому, что и тогда думали жениться на русской, на христіанкѣ?

— Да... то-есть... можетъ быть!—запнулся Гирзаевъ, теребясь, какъ пойманный въ преступкѣ школьникъ передъ своимъ наставникомъ.

— Не можетъ быть, а навѣрное!—отрѣзала Людмила:— на комъ-же вы тогда думали жениться?.. Говорите. Меня вы еще не знали.

Онъ вспыхнулъ и тотчасъ-же поблѣднѣлъ, низко опустивъ голову и еле сдерживая подступившія къ глазамъ жгучія слезы.

Она сама за него отвѣчала:

— Вы, прежде чѣмъ я пріѣхала, хотѣли жениться на моей сестрѣ. Говорили вы ей о женитьбѣ?

— О женитьбѣ?.. На ней?.. О, нѣтъ!.. Клянусь вамъ.

— Не о женитьбѣ, такъ о любви, это все равно!—произнесла она, задумчиво.

— Я... право, я не думалъ! Вѣдь, я не зналъ тогда васъ!—жалобно пробормоталъ юноша.—Но, увѣряю васъ, я никогда не говорилъ ей прямо о женитьбѣ... Никогда!

— Тѣмъ хуже!.. Если вы знали, что она васъ любитъ.

— О, нѣтъ! Клянусь вамъ. Какъ-бы я смѣлъ?... Любовь Ивановна всегда такая скромная, сдержанная.

— О, да! Наслышалась я объ этой скромности, — горько прервала Людмила — но, вѣдь, бываетъ... и въ тихомъ омутѣ... Впрочемъ, что мнѣ за дѣло?.. Одно скажу вамъ: не думаю, чтобъ наша свадьба состоялась, князь.

Гирзаевъ поблѣднѣлъ, не сводя съ нея испуганныхъ глазъ.

— Да! не думаю! — рѣшительно повторила она: — если окажется, что Любочка надѣялась сама... что она васъ, въ самомъ дѣлѣ, любила и что изъ-за этого...

— Но, какже, не вы ли сами? — вдругъ спохватился юноша: — не вы ли смѣялись надъ тѣмъ, что она... что я...

Онъ путался въ словахъ и окончательно растерялся, когда она топнула ногой и злобно закричала:

— Никогда!.. Не смѣйте говорить этого!.. Я не знала! я не думала и вамъ запрещаю думать, что я... слышите-ли?.. Я ничего о васъ не знала и... васъ не хочу знать!

Гдѣ-то въ глубинѣ дома хлопнула дверь. Раздался плачь, рыданія.

Людмила Юрьевна еще больше поблѣднѣла и сразу умолкла, стиснувъ до боли свои красивыя, какъ выточенныя руки. Гирзаевъ вслушивался въ ужасѣ, позеленѣвъ.

Въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги.

— Уходите отсюда! Вамъ здѣсь не мѣсто! — повелительнымъ тономъ произнесла дѣвушка.

Ее однако услышалъ не одинъ Гирзаевъ.

На порогѣ показался высокій старикъ; это былъ хозяинъ дома. На немъ лица не было.

— Не мѣсто? — повторилъ онъ слова своей падчерицы, тихимъ, словно надтреснутымъ голосомъ: — почему-же?.. Напротивъ, Люба вѣдь умерла, мѣшать не будетъ.

Онъ пошелъ, шатаясь, черезъ комнату, къ дверямъ своего кабинета. Гирзаевъ бросился было, чтобы поддержать его, но вдругъ остановился, схватившись за голову обѣими руками.

Людмила тоже стояла какъ окаменѣлая. Прислонившись къ стѣнѣ, сложивъ руки на груди, она слѣдила за восточнымъ взглядомъ, котораго выраженіе описать трудно. Жалость въ немъ не преобладала.

II.

Когда старикъ скрылся за дверью, а князь Гирзаевъ упалъ на стулъ и зарыдалъ, закрывъ лицо, беспомощно, какъ ребенокъ, Людмила Юрьевна, взглянувъ на него презрительно, прошла мимо, сама однакоже шатаясь: у нея тряслись колѣна. Видимо она не ожидала такого страшнаго и скораго конца.

Въ слѣдующей комнатѣ двое докторовъ шепотомъ, горячо спорили и, для своей профессіи, казались необычайно взволнованы. Увидѣвъ Людмилу Юрьевну, они смолкли, почтительно поклонившись. Одинъ изъ нихъ участливо подошелъ.

— Какой ужасный случай!.. Ваша несчастная сестрица!.. и никакихъ средствъ!..

Она едва отвѣтила на ихъ поклоны и прошла далѣе. Ей хотѣлось скорѣе быть одной, запереться въ своей комнатѣ. Ей столько надо было обдумать, рѣшить...

Но едва она отворила дверь третьей комнаты, на порогѣ предъ нею вдругъ выросла высокая, худая старуха, вся въ черномъ, — мать ея вотчима. Безъисходное горе лежало на измученномъ лицѣ ея, но, при видѣ молодой дѣвушки оно исказилось еще сильнѣе злобой и гнѣвомъ.

— Куда?—закричала она, заграждая ей путь дрожащими руками:—полюбоваться на свое дѣло идешь?.. Ступай, ступай! Погляди тамъ, какъ мать убивается надъ тѣломъ отравившейся дочери. Чай, ты всѣхъ лучше знаешь изъ-за чего сестра яду-то приняла, душу свою загубила!.. Иди, иди!.. Растолкуй матери, что теперь тебѣ вольготнѣй на свѣтѣ будетъ! Что сестра для тебя лишь помѣхой была!.. Вразуми ее, неразумную, чтобъ не надрывалась она надъ мертвой Любочкой...

Вдругъ голосъ старухи порвался и она заплакала дряблымъ, жалкимъ плачемъ.

— Вы съ ума сошли!—холодно отвѣчала Людмила.—Пустите меня пройти!

И собравъ всю силу воли, чтобы не оттолкнуть старуху, она, гадливо сторонясь отъ нея, прошла мимо и заперлась въ своей комнатѣ.

Да! Ей было о чемъ подумать, но она не сразу собрала мысли. Ее поразила смерть сестры. Огорчить—нѣтъ! Она ее почти не знала и вообще мало чѣмъ могла огорчаться: таковъ былъ ея нравъ. Но смерть эта сбила на время ровное настроеніе чувствъ ея и мыслей, нарушила ея спокойствіе.

Изъ за чего вздумалось сестрѣ?.. Неужели въ самомъ дѣлѣ изъ за любви къ этому черномазому татарченку?.. Было изъ за кого идти на вольныя мученія и смерти!.. И... глупая дѣвченка! Избрать такую мучительную смерть, какъ отрава сѣрными спичками. Ужъ лучше бы бросилась въ рѣку, повѣсилась, все что угодно!.. Умереть въ мученіяхъ изъ за Гирзаева?.. Господи! чего на свѣтѣ не бываетъ!.. Правда: сама она было рѣшилась выйти за него замужъ, — но это другое дѣло! Ей нужно выйти замужъ, за Гирзаева или другаго, ради независимости, ради средствъ къ жизни!.. Положимъ, Гирзаевъ не Богъ вѣсть какъ богатъ, но для нея это не бѣда. Къ ней богатство пришло бы... со временемъ, такъ или иначе... Люба не изъ такихъ... Ей нужна была любовь. Любовь и хижина!.. Ну какже? Сватался же за нее богатый этотъ, какъ его?.. Желѣзнодорожникъ, — она отказала! Значить, это была романтическая страсть... Къ Гирзаеву?! Дешево цѣнила себя эта бѣдная, глупенькая дѣвочка... Въ сущности пустельга!.. Ну, — «что и жалѣть коли нечѣмъ помочь?..»

Досадно только, что будешь теперь сказкой всего города: кумушки чуть не пальцами будутъ показывать... А впрочемъ ей то что за дѣло?.. Семья матери ей почти чужая. Она здѣсь гостыя... Разумѣется, одно слово — и дядя съ радостью возьметъ ее къ себѣ обратно. Но лучше было бы, если бы удалось то, — другое...

Да! То, — другое. За этимъ другимъ она собственно и пріѣхала погостить къ матери. Она оставила Петербургъ; отказалась отъ поѣздки за границу и вотъ чуть было не потеряла цѣли, чуть было со зла и нетерпѣнія не сдѣлала страшной глупости, — не связала своей судьбы съ судьбой какого-то дикаря, татарскаго князя, Хороша бы она была!.. Да и ему сладкое бы житіе съ нею было, что говорить!

Людмила разсмѣялась при одной мысли о томъ, какъ бы они вдвоемъ захозяйничали «съ дикимъ ханомъ». Такъ недавно назвалъ Гирзаева графъ Рейзенштернъ.

Графъ Фердинандъ Рейзенъ-фонъ-Рейзенштернъ.

Громкое имя!..

Хорошо, что онъ въ пору пріѣхалъ, а то ужъ она было отчаялась. Онъ засидѣлся въ Эстляндіи или Курляндіи у своей допотопной бабушки, отъ которой ждетъ скорого наслѣдства... Умно. Умнѣй, нежели она когда либо отъ него ожидала...

«Вѣдь я пріѣхалъ только для васъ!» — сказалъ онъ ей вчера, на балу губернатора, при первой встрѣчѣ ихъ... Будто она сама этого не знала! Это онъ одинъ Фердинандъ фонъ-Рейзенштернъ, могъ, въ простотѣ сердечной, предположить, что она

этого не знаетъ и вѣрить, что онъ взявъ отпускъ, чтобы по-видаться съ родственниками... Со здѣшними родственниками, отъ которыхъ и наслѣдства то нечего ждать!.. О, простота!.. Да: онъ ей съ руки. Съ нимъ она, несмотря на свои планы въ будущемъ, все же можетъ надѣяться сохранить и миръ, и нѣкоторую дружбу... Рейзенштернъ цивилизованъ. Онъ богаче Гирзаева... И главное покладливѣй!.. Вотъ «дикій ханъ» безъ всякихъ правъ уже вздумалъ дѣлать сцены ревности... Боже! Какъ глупо этотъ мальчишка велъ себя вчера на балу! Не одинъ графъ,—всѣ замѣтили его сумасбродныя выходки.

Ахъ! Люба!

Ужъ не эти ли пошлыя выходки Гирзаева и заставили ее рѣшиться сразу?

Молодая дѣвушка вскочила съ мѣста и тревожно заходила по комнатѣ.

Она было позабыла, а теперь вдругъ вспомнила и ужаснулась: сестра ея отравилась! Умерла!.. Это ужасно! Чтожъ теперь будетъ?

Ей ясно представились всѣ предстоявшія подробности: похороны, сцены отчаянія... Отвратительно!.. Конечно, ихъ тоже жаль. Но ей то изъ за чего же терпѣть на чужомъ пиру похмѣлье?

Эта старуха... выжившая изъ ума вѣдьма!.. Съ чего взяла она ее корить?.. Она всегда ненавидѣла ее, Людмилу, гораздо больше чѣмъ вотчимъ. Ея сынъ и радъ бы ненавидѣть,—да и на то характера не хватаетъ. Безличное, безвольное созданіе, ни на добро, ни на зло не способное!.. Но мать его, эта крикливая старуха, теперь способна ее преслѣдовать еще больше. Впрочемъ, что она можетъ?.. Ничего.

А все-жъ таки скорѣе бы здѣсь все покончить и развязаться на всегда и съ труппой этой и съ семьей, гдѣ всѣ ей въ тягость и сама она всѣмъ непріятна, начиная съ родной матери. Ужъ если до сихъ поръ мать ее не любила, только боялась, то чтоже будетъ теперь, послѣ смерти любимицы?.. Вѣдь, никого не обвинять въ полуумномъ поступкѣ этой цацы, этой кроткой, примѣрной дочери, какъ ее, Людмилу. Старуха та прямо кричить: «твое дѣло!..» Съ чего это?.. Какое право она имѣетъ?! Развѣ она виновата, что Любочка завидовала ея красотѣ, ея образованію?.. Она и не думала и никогда не желала затмѣвать ее ни въ чемъ. Но... если есть у людей глаза, она въ томъ не виновна!

Людмила подошла къ зеркалу и долго всматривалась въ себя, сдвинувъ брови и критически разбирая каждую черту свою.

Лицо, отражавшееся въ зеркалѣ, было блѣдно, выраженіе же было сосредоточено и сурово, но все же это было безспорно лицо красавицы.

Сѣро-стальные глаза, съ зеленоватымъ, какъ морскія волны, отблескомъ, были холодны. Въ нѣжныхъ, правильныхъ, словно изъ фарфора вылитыхъ чертахъ, въ энергично очерченныхъ, подвижныхъ губахъ, сказывалась сила воли и рѣшимость необычайныя. Но пожелай она и выраженіе ихъ смягчалось. Тонкая ласковая улыбка оживляла ихъ, словно блестящій лучъ солнца, глаза загорались глубокимъ огнемъ, прозрачный румянецъ разливался по нѣжному лицу и все оно влекло къ себѣ и неотразимо увлекало cadaго.

Если точно въ красотѣ есть власть и сила, Людмила Юрьевна Недвинова имѣла ихъ, должна была ихъ имѣть.

Ея темно-пепельные волосы взбились и растрепались. Она вынула гребень и шпильки; встряхнула головой такъ, что они тяжелымъ жгутомъ хлестнули по воздуху и, распутившись волнами, окутали ее по плечамъ, ниже пояса... Мягкими движениями она стала проводить по нимъ руками, расчесывая ихъ густыя пряди пальцами, какъ гребнемъ, любуясь ими и собою.

III.

на часто такъ любовалась собою, какъ посторонней. Она любила свою красоту, свои чудные волосы, свое стройное прекрасное тѣло... Она мысленно увидала предъ собою, рядомъ, маленькую бѣло-розовую, голубоглазую дѣвочку.

— «Ну, гдѣ же ей до меня!.. Такихъ, какъ она—тысячи! Сотни тысячъ!»—мелькнуло въ умѣ ея.

Но въ ту же секунду она вспомнила, что ее ужъ нѣтъ! Что тѣло ея, вѣроятно, теперь кладутъ на столъ, что черезъ нѣсколько часовъ оно будетъ въ гробу, въ землѣ... Истлѣетъ! Исчезнетъ навсегда....

Сознаніе этого показалось ей такъ ужасно, что она вздрогнула и отошла отъ зеркала.

— «О! Зачѣмъ, зачѣмъ эта несчастная это сдѣлала надъ

собою?.. Зачѣмъ она не сказала ей, что это такъ серьезно?.. Кто-же могъ повѣрить, что она въ самомъ дѣлѣ любитъ Гирзаева и замышляетъ свершить такое страшное дѣло, такъ ужасно покончить съ собою?!

Въ глубинѣ сердца Людмилы что то шевельнулось. Не горе,—а какое то неприятное чувство. Въ ней пробудилось отвращеніе при мысли, что вотъ черезъ день-два Любочка, эта свѣженькая, румяная, веселая дѣвочка, что вѣчно тутъ вертѣлась возлѣ нея, вѣчно раздражала ее то болтовней и безпричиннымъ смѣхомъ, то упреками и слезами,—будетъ лежать въ темнотѣ, въ сырой могилѣ и... разлагаться!.. Какой ужасъ! Ее невольно брала дрожь при этой картинѣ.

Она бросилась въ кресло, закрыла лицо руками и глубоко задумалась.

Предъ ней пронеслась вся послѣдняя сцена ея съ сестрой.

Третьяго дня, когда всѣ ихъ гости разъѣхались, Люба пришла къ ней, въ эту самую комнату, молча присѣла въ уголку и долго смотрѣла на нее, пока она раздѣвалась, пока горничная расчесывала ея великолѣпные волосы. Она долго молчала, такъ долго, что Людмила чуть не забыла о ея присутствіи и только потомъ, по голосу ея узнала, что Люба молча плакала. Она заговорила только, когда ушла горничная и онѣ остались вдвоемъ.

Голосъ ея сразу раздражилъ старшую сестру. Она не терпѣла «сценъ», а тѣмъ болѣе сценъ со слезами. Людмила вообще презирала слезы, какъ проявленіе безсилія. Онѣ всегда возбуждали въ ней, вмѣсто сожалѣнія, лишь отвращеніе и злобу, лишь задорное желаніе противопоставить имъ не только равнодушіе, но даже жестокость.

Такъ стало и теперь.

Люба спросила:

— Скажи мнѣ правду, Милочка: князь сдѣлалъ тебѣ предложеніе?

— Я всегда говорю правду—отвѣтила она—но люблю знать опредѣленно, о комъ или объ чемъ говорю. О какомъ князѣ рѣчь?

— О князѣ Гирзаевѣ. Мы другаго не знаемъ!..

— Ошибаешься, душа моя. Я знаю еще нѣсколькихъ... Если ты о Гирзаевѣ спрашиваешь, то я, кажется, давно тебѣ сказала, что да. Что онъ просилъ у меня позволенія свататься... Развѣ ты не слышала этого недѣлю тому назадъ?

— Слышала! чуть слышно вздохнула Люба.—Но... я думала, ты шутишь.

Сдержанный вздохъ сестры раздражилъ Людмилу и она отвѣчала рѣзко, громко разсмѣявшись:

— Вотъ прекрасно!.. Развѣ такими вещами шутятъ?.. Это было бы похоже на хвостовство, которое я ненавижу.

— Боже мой! Для тебя, такой красавицы, развѣ предложеніе Гирзаева такая честь? горько прервала Люба.

— Чести особой въ этомъ нѣтъ, конечно. Но я нахожу, что всякое сватовство, предложеніе каждаго мужчины, кто бы онъ ни былъ,— честь для дѣвушки, которой его дѣлаютъ,— холодно возразила Людмила.— Избирая ее одну изъ многихъ, онъ тѣмъ самымъ доказываетъ, что считаетъ ее лучшей изъ всѣхъ. А такое предпочтеніе всегда лестно!.. Развѣ ты этого не находишь?

— Я?... Я незнаю... И... Что же!.. Значить, ты любишь его?

— То есть, кого именно?

— Господи! Да князя Гирзаева!

— Да... Князя Гирзаева?... протянула Людмила Юрьевна и презрительно разсмѣялась.— Этого я не говорю!..

Люба вскочила, всплеснувъ руками.

— Какъ?! вскричала она, широко открывъ на сестру изумленный взглядъ.— Такъ зачѣмъ же?.. Зачѣмъ же ты... все это сдѣлала?.. Не грѣшно-ли?.. Вѣдь значить ты его обманываешь?

— Зачѣмъ такія громкія слова? холодно возразила Людмила, пожавъ плечами и медленно переводя на сестру презрительно насмѣшливый взоръ.— Я никого не обманываю!.. Я и не думаю увѣрять Гирзаева въ своей любви... Увѣряетъ онъ,— а я слушаю... Вотъ все, что я, по твоему выраженію, «сдѣлала»!.. Кажется въ томъ нѣтъ еще большаго грѣха.

— Такъ значить ты за него не выходишь замужъ?

— Нѣтъ. Это еще совсѣмъ значитъ не то!.. Я не знаю еще сама. Можетъ быть выйду... А можетъ и нѣтъ.

— Какъ же?.. Ты выйдешь—не любя?..

Людмила Юрьевна снова разсмѣялась.

— Ты, право, хуже всякаго ребенка, Люба! Ну, многія-ли выходятъ замужъ по любви?

— Но зачѣмъ же?.. Я-бъ не могла... И на что тебѣ именно за него выходить, когда ты могла бы выйти и гораздо лучше, и по любви!..

— Ты любовь оставь въ сторонѣ, душа моя. Она для меня не необходима. Если я не выйду за Гирзаева, то скорѣй потому... По другимъ причинамъ.

— По другимъ причинамъ? бессознательно повторила Любочка.

— Да... Ты хочешь знать ихъ?.. Изволь. Потому что Гирзаевъ необразованный, неотесанный дикарь. А главное— онъ недостаточно богатъ... Мнѣ, Люба, нуженъ мужъ очень богатый!

— Богатый? Неужели тебѣ мало того, что ты имѣешь отъ своего богатаго дяди?

— Отъ дядюшки Дарзанса? расхохоталась Людмила.— О, боги мои!.. Очень мало, безъ сомнѣнія. Да наконецъ это и не мое! Сегодня дядя дастъ, а завтра разсердится и отыметъ.

— Зачѣмъ отымать?.. Онъ тебя любитъ... Тебя всѣ любятъ... только вотъ ты сама...

— Что?.. Никого не люблю? весело перебила Людмила.— Чтожь!.. Очень можетъ быть. Я не спорю... Мнѣ кажется такъ удобнѣе...

Сестра смотрѣла на нее изподлобья затуманеннымъ, скорбнымъ взглядомъ и, наконецъ, словно вдругъ рѣшившись, стремительно проговорила, заломивъ руки такъ, что пальцы ея хрустнули:

— А знаешь, что еще я скажу тебѣ, Милочка?.. Ты Гирзаева не любишь,—а я люблю его!.. Такъ люблю, что если онъ на мнѣ не женится,—я не хочу жить!.. Я умру!

— Вотъ какъ?.. снисходительно разсмѣялась старшая сестра.— Ты вздоръ мелешь, Люба. Куда тебѣ за него выйти?.. Онъ повезъ бы тебя на Кавказъ, въ свои горы...

— Такъ чтожь?.. Я съ радостью поѣду!

— Ты умерла бы тамъ съ тоски. А не то его дикари— татары, тебя убьютъ. Право!.. Они христіанъ ненавидятъ... Они бы тебя заморили! посмѣивалась она.— И наконецъ, какъ же ты выйдешь за него?.. Развѣ онъ за тебя сватался?

— О, нѣтъ!.. Еслибъ онъ сватался, я-бъ теперь была его невѣстой! простодушно отвѣчала Любочка.

— Ну, вотъ видишь...

— Да! Но я знаю, что онъ посватался бы на мнѣ. Непремѣнно бы посватался, еслибъ...

— Договаривай. Еслибъ— что?..

— Если бы ты не пріѣхала! вздохнула меньшая сестра и вся зардѣлась.

— Ты думаешь?.. насмѣшливо переспросила старшая.— Такъ кто же ему мѣшалъ?.. Напрасно онъ этого не сдѣлалъ!.. Я бы плакать не стала.

— Чего тебѣ плакать!.. Ты—красавица! Ты умная, свѣтская, богатая!.. Зачѣмъ тебѣ его?.. У тебя все есть... А у меня ничего! И .. ты вѣдь не любишь его,—а я люблю!

И Любочка снова горько, беспомощно заплакала...

Теперь Людмилѣ тяжело вспоминалась эта сцена; но тогда она только засмѣялась, раздосадованная «пошлостью» сестры. Она принялась ей доказывать, что все это воображеніе, сентиментальность, глупая восторженность. Что всѣ мечты ея разлетѣлись бы въ прахъ при первомъ столкновеніи съ тяжелой судьбой, которая неминуемо постигла бы ее, еслибъ она вышла за этого «татарина»; что наконецъ ея родные никогда не согласятся на этотъ бракъ,—а про его семью и говорить нечего! Эти дикари замучаютъ, въ чахотку вгоняютъ свою невѣстку, если она имъ не придется по сердцу...

— А ты?.. Ты же не побоялась бы! протестовала Любочка.

— Я?.. Я другое дѣло!.. Я бы прежде всего никогда не позволила ему не только везти, но и самому возвращаться въ свои горы...

Люба увѣряла ее, что Гирзаевъ и самъ не думаетъ туда ѣхать. Что онъ теперь христіанинъ, совсѣмъ отрекся отъ прежней жизни и что мать ихъ знаетъ, что она, Люба, не выйдетъ ни за кого, кромѣ князя. Что она его любитъ и не можетъ жить безъ него...

Все это говорилось такъ нерѣшительно, съ такими запинками, что не могло произвести впечатлѣнія на Людмилу, все время занятую своими личными соображеніями. Жалобы и слезы сестры раздражали ее, казались ей униженіемъ и аффектаціей... Она не вѣрила ея искренности и не могла жалѣть ее.

Разумѣется, еслибы только знала она, еслибы могла предвидѣть, что на другой день, на балѣ губернатора, увидитъ Рейзенштерна... Наконецъ, еслибъ могла вообразить, что эта плаксивая дурочка замышляетъ совершить надъ собою,—о! Тогда она сейчасъ же дала бы ей слово отказаться отъ ея возлюбленнаго князя. Но вѣдь она еще не подозрѣвала ни того, ни другаго...

И—вотъ!.. Все кончено!

Людмила опять векочила порывисто съ мѣста и безпокойно прошлась.

Въ воспоминаніи ея теперь возникъ вчерашній балъ, гдѣ она всѣхъ затмила.

Тамъ, предъ ея красотою, предъ ея дорогимъ нарядомъ, скромное, бѣлое платьице сестры, сшитое губернской «мастерицею»; кроткое, бѣло-розовое личико Любы, потонуло и исчезло, какъ тонетъ свѣтъ незамѣтной звѣздочки въ лучахъ блистательной зари... И къ довершенію всего, этотъ мальчишка,

князь Гирзаевъ, вздумалъ позволить себѣ глупѣйшія выходки, будто имѣлъ право ее ревновать.

Онъ становился въ позы, онъ дѣлалъ Рейзенштерну «страшные глаза»... Глупый мальчишка!.. Она вспомнила, какъ поблѣднѣла Люба, когда Гирзаевъ подошелъ звать ее, Людмилу, на котильонъ, а она отвѣчала, что ужъ ангажирована, а предложила ему танцевать съ сестрой... Но онъ точно не слышалъ ея словъ. Злобно отвернулся отъ нихъ обѣихъ и ушелъ въ уголокъ залы, откуда, не танцуя, все время металъ на нее и графа грозные взгляды... По окончаніи шумнаго котильона матери ея и сестры уже не оказалось не балѣ, а вотчимъ холодно спросилъ ее: когда наконецъ угодно ей будетъ ѣхать домой, съ нимъ, которому мать ее поручила, уѣхавъ ранѣе съ больной сестрой ея?.. Она тотчасъ-же послѣдовала за нимъ.

На обратномъ пути старикъ не промолвилъ съ ней ни слова; да она и не нуждалась въ его бесѣдѣ. Когда-же они пріѣхали, она прошла прямо къ себѣ, не выдавшись ни съ сестрой, ни съ матерью. Она была увѣрена, что онъ давно спитъ.

Но только что сама она заснула, убаюканная розовыми грезами, ее разбудили бѣготня и шумъ во всемъ домѣ.

— Что у нихъ тамъ случилось?—подумала она сквозь сонъ; но такъ какъ они и все что «у нихъ» дѣлалось ее интересовало весьма мало, то она повернулась на другой бокъ, плотнѣй укуталась пуховымъ одѣялсмъ и тотчасъ-же снова крѣпко заснула.

Однако, на зарѣ, шумъ, плачь матери и крики «бабушки» заставили ее очнуться и позвонить; но ея звонка долго никто не слышалъ. Наконецъ ея горничная вошла съ растеряннымъ, испуганнымъ лицомъ, объявляя, что не слыхала звону, потому что была въ комнатѣ младшей барышни, оттирала барыню, упавшую въ обморокъ.

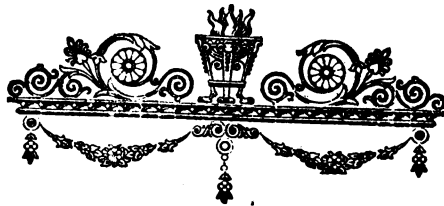
— Барышня, Любовь Ивановна, мучаются! Совсѣмъ помираютъ!.. Смотрите даже страхъ беретъ!

— Помираютъ? Кто? Люба? Что съ ней?—вскричала Людмила и тутъ-же подумала:

«Вотъ не во время! Вотъ досада!.. Придется, пожалуй, не принимать никого, а онъ хотѣлъ сегодня быть!»

Она встала, одѣлась не спѣша, приказала по обыкновенію подать себѣ чаю въ свою комнату и только что было хотѣла пройти къ сестрѣ, узнать въ чемъ дѣло, какъ «бабушка», которую по Любѣ всѣ въ домѣ такъ называли, ворвалась къ ней съ неистовымъ плачемъ и крикомъ. Людмила ничего не

могла въ немъ понять, кромѣ проклятій себѣ за что-то, что «несчастливая Любочка надъ собою сдѣлала», въ чемъ будто-бы ей, Людмилѣ, придется отдавать тяжкій отвѣтъ Господу Богу! Вся эта безобразная картина, заключительная картина только что происшедшей драмы, молніей пронеслась въ мысляхъ Людмилы Юрьевны; но надъ всѣмъ этимъ роємъ тяжелыхъ воспоминаній преобладала тягчайшая еще забота: какъ же теперь устроятся ея личныя дѣла? Вѣдь приличіе не позволитъ болѣе бывать въ свѣтѣ, а тѣмъ болѣе принимать у себя нѣкоторое время... Гдѣ же будутъ они видѣться?

IV.

Смерть Любочки Сайницкой произвела эффектъ и переполюхъ необычайные въ губернскомъ городѣ Х.

Всѣ судили и рядили по своему и, разумѣется, отъ всѣхъ почти доставалось «этой безсердечной кокеткѣ», — сестрѣ самоубійцы, отбывшей у бѣдняжки любимаго жениха. Такъ говорили преимущественно женщины. Мужчины, въ особенности молодые люди, горой стояли за «безъ вины виноватую» красавицу.

На похоронахъ, гдѣ былъ весь городъ, всѣ глаза были устремлены на Людмилу Юрьевну Недвинову, съ различными помыслами: нѣкоторые съ гнѣвомъ и нѣмымъ укоромъ; другіе съ восторгомъ, — всѣ съ любопытствомъ.

Она стояла въ церкви и на кладбищѣ, какъ мраморная; казалось, никога не замѣчала, спокойная и величавая, на диво красивая въ своихъ черныхъ креповыхъ вуаляхъ. Ее нельзя было не отличить въ траурной семьѣ Сайницкихъ и многочисленнаго ихъ родства и свойства, хотя бы потому, что она одна не выказывала своего горя, держалась въ сторонѣ отъ матери, вочима и въ особенности старухи-бабушки, которые такъ отчаянно рыдали, съ такими криками бросались на гробъ, что

вчужѣ становилось жутко. Боясь съ ихъ стороны какой-нибудь непріязненной выходки, которая басней пошла бы по городу, Людмила нарочно ступевывалась. Близкіе Сайническихъ тоже ее сторонились; иные по чувству деликатности, но большинство по непріязни. Эта дѣвушка съ своей красотой и сравнительной роскошью, всѣмъ чужая и даже семьѣ своей немилая, вторглась въ ихъ общество, въ ихъ тихую жизнь и сразу возмутила ея спокойное теченіе. Она привлекла къ себѣ общее вниманіе; потомъ оттолкнула большинство, мало заботясь о симпатіяхъ, равнодушно относясь ко всему и ко всѣмъ, холодно затмѣвая собою всѣхъ, не желая замѣчать ни восторговъ, ни вражды.

Женщины и дѣвушки, оскорбленныя въ своихъ самолюбіяхъ, въ особености матери, раздосадованныя за своихъ дочекъ, теперь нашли случай выместить свои пени на этой заносчивой красавицѣ и вымещали ихъ.

Частыя посѣщенія Гирзаевымъ Сайническихъ, близость его съ Любочкой, явное покровительство Зинаиды Алексѣевны этой близости, еще задолго до пріѣзда старшей дочери, не могли не обратить вниманія губернскихъ кумушекъ. Когда же «кавказскій князь», какъ его обыкновенно называли, принялъ христіанство, весь городъ рѣшилъ, что онъ женится на Сайнической. Такъ бы оно и было, вѣроятно, еслибы не явилась Людмила Юрьевна. Съ ея появленіемъ все измѣнилось и всѣ тотчасъ же поняли въ чемъ дѣло.

За этой семейной драмой съ интересомъ слѣдилъ весь городъ; но никто не могъ ожидать ея трагической развязки. До этого еще многіе защищали Недвинову. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, она виновата, что красавица и что мальчишка Гирзаевъ въ нее влюбился?

Она могла ничего не знать объ отношеніяхъ его къ ея сестрѣ; могла, наконецъ, не отвѣчать на его чувства и даже совѣтъ не замѣчать ихъ. Но, когда узнали, что онъ за нее сватался, когда увидали потомъ все, что произошло на балѣ, на «последнемъ Любочкиномъ балѣ»,—тогда всѣ симпатіи женщинъ, называвшихъ прежде Любочку и хитрой, и себѣ на умѣ «интриганткой, ловко подцѣпившей богатаго, титулованнаго жениха»,—разомъ обратились къ этой «бѣдняжкѣ дѣвочкѣ, обманутой, загубленной той безсердечной кокеткой,» и хоръ осужденій поднялся дружно, усилившись до безумной фуги, когда по городу разнеслось невѣроятное извѣстіе о самоубійствѣ Любы. Голоса немногихъ защитниковъ Людмилы притихли и почти потонули въ общемъ громѣ нареканій.

Вернувшись съ похороць сестры разстроенная, а еще больше

разсерженная всеобщимъ недоброжелательствомъ, которое не могла не замѣтить, хотя и прикидывалась, что не замѣчаетъ, Людмила Юрьевна прошла къ себѣ, съ твердымъ намѣреніемъ не выходить весь день изъ своей комнаты. Она вся была проникнута одною мыслью: какъ и гдѣ бы ей видѣться съ графомъ Резейнштерномъ. Однимъ желаніемъ: скорѣе вырваться изъ этой, душившей ее, среды.

«Если это не устроится, — рѣшила она: — и не устроится скоро, я брошу все и уѣду!.. Что въ самомъ дѣлѣ? Развѣ на этомъ рыжемъ нѣмцѣ свѣтъ клиномъ сошелся?.. Не онъ — такъ найдется другой!»

Она сѣла къ письменному столу, чтобы написать необходимое письмо, которое давно собиралась отправить; оно было ей такъ неприятно, что она медлила. Въ эту минуту глаза ея упали на два запечатанныхъ письма, положенныхъ на столъ въ ожиданіи ея возвращенія. Одно было въ красивомъ конвертѣ, надписанномъ неумѣлымъ дѣтскимъ почеркомъ. Она его тотчасъ распечатала и прочла съ улыбкой снисхожденія. Это было посланіе ея двоюродной сестры, тринадцатилѣтней Елены Дарзансъ, переименованной по капризу отца въ Леоноры. Оно было полно призывами и мольбами о возвращеніи къ нимъ.

Другое письмо, писанное крупнымъ, мужскимъ почеркомъ, письмо отца этой капризной, своевольной дѣвочки, требовавшей возвращенія кузины на томъ лишь основаніи, что ей надоѣло гулять и ѣздить въ театръ съ гувернанткой, было переполнено горячими просьбами о томъ же. Людмила знала это заранѣе, его не распечатывая... Злая, презрительная улыбка играла на ея крѣпко сжатыхъ губахъ, а въ глазахъ было негодованіе и затаенная нечаль, пока она медленно собиралась сорвать печать съ письма этого человѣка, которому она столько была обязана, но котораго втайнѣ ненавидѣла.

Валентинъ Львовичъ Дарзансъ былъ женатъ на родной сестрѣ отца Людмилы, урожденной Недвиновой. По смерти брата, страстно любимого ею, не смотря на многія свои предрѣшенія, госпожа Дарзансъ взяла дочь его, меньшую, нелюбимую въ семьѣ дочь стараго грѣшника и его второй жены, — бывшей гувернантки дѣтей его по первому браку. Юрій Александровичъ Недвиновъ, левъ высшаго полета, красавецъ, спустившій на вѣку своемъ не одну сотню тысячъ русскихъ рублей на иностранныхъ Аспазій и Фринъ, въ старости влюбился въ хорошенькое личико русской учительницы, оказавшейся не столь податливой, какъ большинство женщинъ, за которыми ухаживалъ отжившій баринъ ловеласъ. Не умѣя

сдерживать своихъ желаній, ни «препятствовать своему праву»,—Недвиновъ женился на Зиночкѣ и этимъ окончательно обозлилъ все свое родство, кромѣ обожавшей его сестры.

Елена Александровна воспитывала Людмилу, тщательно заботясь объ ея образованіи и кончила тѣмъ, что искренно полюбила ее. При ней племянницѣ жилось хорошо; но послѣдніе три года, послѣ смерти тетки, обстоятельства измѣнились. Теперь Людмилѣ не легко было рѣшиться вернуться въ домъ богатаго дяди. Она однако не предвидѣла другаго исхода, если положеніе ея не измѣнится окончательно замужествомъ. Она безъ сомнѣнія могла остаться въ домѣ матери, еслибы захотѣла... Но, вѣтъ!.. Уже этого-то она низачто не пожелала-бы. Будь—что будетъ! Все лучше подобнаго прозябанія.

И она рѣшительно сорвала печать съ письма своего бывшаго воспитателя, «лучшаго, преданнѣйшаго друга, вѣрнаго даже до смерти»,—такъ подписано было это посланіе.

Лицо молодой дѣвушки пылало, пока она читала его, а въ умѣ все время вертѣлось заключеніе:

«Если я вернусь—онъ приметъ это за согласіе, за сдачу!.. Что-же мнѣ дѣлать?..»

Она злобно скомкала въ рукѣ почтовый листокъ.

Въ комнату вошла горничная съ визитной карточкой въ рукахъ. Людмила прочла имя князя Гирзаева.

— «А!.. Вотъ еще исходъ, помимо материнскаго крова!»—мелькнула ей мысль.

— Онъ самъ здѣсь?—спросила она.

— Сами-съ. Они спрашиваютъ, когда вамъ угодно будетъ ихъ принять?.. Они ужъ въ другой разъ. И каждый день, говорятъ, раза по три навѣдывались.

— «Безтактный дуракъ!»—подумала Людмила.

— Тамъ-съ написано,—прибавила горничная.

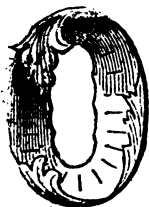
Въ самомъ дѣлѣ, на оборотѣ карточки было начертано карандашемъ: «Когда я могу васъ видѣть?»

Недолго думая, Людмила обмакнула перо въ чернила и написала на той же карточкѣ.

«Незнаю. Вѣроятно мать моя не будетъ долго принимать. Я же не имѣю ни нужды, ни желанія принимать особо, кого-бы то ни было въ этомъ незнакомомъ мнѣ городѣ».

V.

травивъ бѣдному дикому хану этотъ рѣзкій отвѣтъ, Людмила тотчасъ-же о немъ и забыла, погрузившись въ соображенія, когда дверь снова отворилась и на порогѣ показалась мать ея.

Зинаида Алексѣевна Сайницкая была женщина лѣтъподъ пятьдесятъ, полная той прозрачной, нездоровой полнотою, котора я почему-то называется сырой, съ остатками однако прошлой миловидности въ мелкихъ чертахъ ея легко воспламенявшася и гнѣвомъ, и горемъ лица. Сходства не было ни малѣйшаго между матерью и дочерью. На Зинаиду Алексѣевну была похожа Люба, старшая-же дочь пошла въ семью своего отца.

Сайницкая остановилась на порогѣ въ нерѣшимости. Она очевидно была возбуждена чѣмъ-то, помимо тяжкаго горя, которое въ нѣсколько дней состарило ее на много лѣтъ.

Идя сюда, она готовилась сердито закричать вопросъ свой, но, взглянувъ на дочь, проговорила далеко не увѣреннымъ и не громкимъ голосомъ:

— Ты отказала князю Гирзаеву отъ дома?

Людмила встала, увидавъ мать, повернула къ ней кресло, какъ-бы приглашая ее сѣсть и сдержанно отвѣчала:

— Я?.. Никогда. Какое-же право я имѣю здѣсь распоряжаться?

— Однако ты написала ему, что не желаешь его принимать!—волнуясь, возразила Зинаида Алексѣевна:—я сама видела карточку!.. Зачѣмъ такія позднія великодушія?.. Принимай его! Выходи за него замужъ! Какое намъ дѣло теперь!..

Она горько заплакала, перешагнувъ за порогъ, но не входя, а придерживаясь за косякъ двери. Людмила придвинула ей еще больше кресло, но она, казалось, не замѣчала.

— Садитесь, маменька. Постарайтесь успокоиться и быть сколько-нибудь справедливой. Я знаю, что до меня вамъ мало дѣла. Вы никогда не любили меня, какъ дочь; теперь-же все такъ несчастно сложилось, что, пожалуй, и вы готовы возненавидѣть меня, какъ. меня ненавидятъ мужъ вашъ и его мать.

— Съ чего ты взяла?.. Никто тебя не ненавидитъ, но... горько намъ! Тяжко.

— Мнѣ васъ глубоко жаль... Я, вѣдь, тоже, однако, имѣю право... хоть на простую справедливость и ея только и желаю.

Сайницкая сѣла, не отрывая платка отъ глазъ, воспаленныхъ слезами.

— Мнѣ очень больно видѣть ваше горе, очень тяжело себя сознавать невольной причиной этого несчастья. Ужасно! Но, виновата-ли я въ отчаянной рѣшимости сестры?.. Вольно же было ей мнѣ прямо не сказать, что она любитъ Гирзаева.

— Что ты говоришь!—прервала ее мать, отчаянно замахавъ руками:—Развѣ я не знаю?.. Любочка, умирая, прося у меня прощенья, созналась мнѣ. О! Боже мой!.. Она тебѣ говорила, рассказывала все... Ты бы могла... Да что!.. О! дитя мое, дитя мое!

— Она, въ послѣдній вечеръ, передъ тѣмъ, проклятымъ баломъ, рассказывала что-то такое спутанное, что я ничего не поняла,—хладнокровно солгала Людмила:—еслибы я знала, что она такъ любитъ его, что готова руки на себя наложить, Богъ мой! Да я ни секунды не позволила-бы ей сомнѣваться въ томъ, что я никогда за Гирзаева не выйду.

— Теперь это лишнее. Зачѣмъ приносить бесполезныя жертвы?

— Но кто же говорить вамъ, что это жертва?—высокомерно усмѣхнулась Людмила Юрьевна:—я была увѣрена, что вы и ей бы, Любочкѣ, никогда не позволили сгубить себя такимъ бракомъ... Какая охота выходить замужъ за какого-то дякаря-татарина.

— Какъ?!

И Зинаида Алексѣевна всплеснула въ изумленіи руками и замерла точно также, какъ пять дней тому назадъ это сдѣлала, на томъ же мѣстѣ, ея умершая дочь.

— Такъ ты за него не выйдешь?

— Не выйду. И не думала никогда выходить.

— Но... какже Любочка?.. Какже ты ей сказала, Любочкѣ?

— Любочка изумлялась, что я не люблю Гирзаева и увѣряла, что безъ любви нельзя выходить за мужъ. Я же отвѣчала, что не такъ понимаю вещи и могу легко выйти не любя. Вотъ и все!.. Изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ я вышла за Гирзаева.

— Вотъ и все?—прервала внѣ себя Сайницкая, вскочивъ и не слушая болѣе объясненій дочери:—вотъ и все!.. Прекрасно!.. Господи! этого не доставало!.. Любочка его любила! Любочка изъ-за него душу свою загубила, жизнь отдала, въ полной увѣренности, что должна себя въ жертву принести для сестры,—а сестра вотъ какъ помыкаетъ!.. «Вотъ и все»!.. Скажите! какая принцесса!.. Богатый человекъ, князь, красивый, молодой, влюбился въ нее, какъ дуракъ,—а она...

Зинаида Алексѣевна вдругъ окончательно вышла изъ себя и заголосила, схватившись за голову.

— О, Господи Боже мой!.. Онъ другую загубилъ! Любушку мою, кроткую, любящую прелестную дѣвочку!.. Родную мою Любушку бросилъ изъ-за нея!.. Голубку, бѣлую мою до смерти довелъ, — а тутъ, вдругъ: «не слѣдуетъ, чтобъ я за него вышла!» «Вотъ и все!» О!.. Боже! Да гдѣ же правда-то?.. Гдѣ милость Божья?!

Она повалилась въ кресло, надрываясь въ рыданіяхъ.

— Маменька! Опомнитесь!.. Что съ вами?.. Развѣ вамъ было-бы легче, еслибы я вышла не любя, за глупаго мальчишку, изъ-за котораго бѣдная Люба вздумала отравиться? Подумайте: изъ-за чего вы вдругъ такъ?.. Мнѣ жаль Любу, жаль и васъ. Но изъ за этого не могу-же я и себя загубить! — сердито протестовала, Людмила. — Чтожъ вы моимъ несчастіемъ желаете тризну по Любочкѣ что-ли справлять?.. Благодарю васъ.

— О-о, Господи! — застонала на этотъ разъ ужъ какъ-то безсильно несчастная мать: — кто говоритъ тебѣ о погибели?.. Дѣлай, какъ знаешь! Обидно мнѣ только... Больнѣе еще и горше, что дитя мое родное такъ, изъ-за ничего, даромъ пропало!

— Да, дѣйствительно, даромъ. Еслибы она не умерла, она бы сама вамъ сказала, что я говорила ей о Гирзаевѣ. Какъ предупреждала ее, что онъ грубый, неотесанный дикарь, который загубилъ бы ея жизнь, еслибы она вышла за него замужъ.

— Э-эхъ!.. Кто-бы могъ? — недовѣрчиво протянула Зинаида Алексѣевна, обмахивая мокрымъ платкомъ свое, пятнами горѣвшее, лицо: — у кого-бы рука поднялась губить такого ангела.

— Ну, я себя за ангела, застрахованнаго, не считаю, а потому за Гирзаева и не пойду.

— Не пойдешь?.. такъ вотъ какъ!... Ахъ, Любушка моя, Люба!.. что-жъ? Дѣлай, какъ знаешь... только смотри, чтобы еще и онъ... чтобы и съ нимъ несчастія не случилось.

— Съ нимъ?.. Ну, ужъ это мнѣ рѣшительно все равно! — засмѣялась Людмила: — не велика потеря, если повѣситсѣя однимъ дуракомъ на свѣтѣ меньше будетъ.

— Какъ ты можешь?.. Зачѣмъ же было вызывать, кокетничать?

— Кокетничать! Я, — съ Гирзаевымъ?.. Съ чего вы взяли это? Я всегда со всѣми одинакова.

— Ну, значить, ты всегда со всѣми кокетничаешь.

— Это... зависитъ отъ взглядовъ. Я всёми желаю нравиться,—это правда.

— Всёми нравиться—не грѣхъ! Только какъ этого достигъ... какъ и чѣмъ нравиться-то, все дѣло въ томъ. Вотъ Любочка, моя голубка, всёми нравилась... А со всёми кокетничать, всёми стараться голову вскружить, а послѣ насмѣяться,—это грѣшно и стыдно! За это ни любить, ни хвалить никто не станетъ.

— О, это для меня совершенно безразлично! Лишь-бы я сама собой была довольна и лишь-бы тѣмъ я нравилась, кому хочу. Я, говоря, что всёми хочу нравиться, совсѣмъ и не подразумѣвала толпу, — матушекъ и кумушекъ, до которыхъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла.

— Ну еще бы!... Я знаю, что ты горда, какъ самъ чертъ.

— Покорно васъ благодарю... Впрочемъ, я такъ уважаю это вѣковѣчное воплощеніе ума, что всякое сравненіе съ нимъ мнѣ очень лестно!

Людмила вдругъ разомъ умолкла.

«Зачѣмъ я все это говорю?...—подумала она.—Къ чему выказывать раздраженіе? Ни злобы моей, ни безвыходнаго положенія—она не пойметъ!»

— Что же ты думаешь теперь дѣлать?... Долго еще про-будешь съ нами?

— Не знаю, право. Валентинъ Львовичъ и Лора упрашиваютъ скорѣе вернуться въ Петербургъ. Они даже отложили отъѣздъ за границу, поджидая меня.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Сайницкая вздохнула, невольно облегченная.

— Такъ ты скоро уѣдешь?

— Я не могу еще опредѣлить, когда именно. Впрочемъ, если я вамъ въ тягость, то разумѣется я могу выѣхать хоть завтра.

— Нѣтъ, не мнѣ. Но я скажу правду: несчастному Ивану Максимовичу и бабушкѣ тяжело твое присутствіе. Ты умна, сама поймешь, что глядя на тебя, видя тебя здоровой... счастливой...

— Ну, да! Я понимаю, что мужу вашему и его матери было бы несравненно легче, если-бы и я умерла... Или, по крайней мѣрѣ, была очень несчастна. Но, къ сожалѣнію, я все могу доставить имъ этого удовольствія.

— Къ чему такія насмѣшки?... Можно бы и ихъ пожалѣть.

— Можно и должно. А потому будьте спокойны: я пе-

«старуюсь скорѣе все покончить и разстанусь съ вами, вѣроятно, навсегда.

— Что покончить-то?... Какія у тебя могутъ быть здѣсь дѣла?

— Есть кое какія... Отца у меня нѣтъ. Мать родная не очень о своей первородной дочери заботится... Чтожъ? Приходится мнѣ самой свои дѣла устроить.

Она посмѣивалась, но горечь слышалась въ ея шуткахъ и мать почувяла ее.

— Чѣмъ насмѣшки придумывать, скажи лучше матери жъ чемъ дѣло?... Быть можетъ я могла бы въ чемъ помочь?... Посоветовать...

— Нѣтъ, благодарю васъ. Не обращайтесь вниманія... Я привыкла своимъ умомъ жить!

— Развѣ что... Кончай. А то—что тебѣ въ нашемъ захолустыи сидѣть?... Я увѣрена, что всѣ удивляются.

— Помилуйте, маменька! Вѣдь не всѣ такъ легко, какъ вами вы, забываютъ, что вы все же мнѣ мать! Для всего міра ничего не могло бы быть натуральнѣе, какъ если-бы я и совсѣмъ у васъ поселилась... Всѣ рѣшили бы, что я осталась нарочно, чтобы утѣшить мать!

— Эхъ! Людмила... Откуда берутся у тебя такія горькія слова?... Колкости!

— А у васъ, маменька, откуда берутся равнодушіе, безсердечье къ дочери?... Хорошо бы жилось мнѣ, еслибы я не имѣла другихъ родныхъ, ближе, добрѣ матери!

— Чтожъ! Ты съ пеленокъ была у меня отнята... Я для твоего же блага отказалась отъ материнскихъ правъ.

— Такъ и не требуйте же дочерней любви.

— Я ничего не требую!..—тихо сказала Зинаида Алексѣевна, не безъ тайнаго укора совѣсти.—Я знаю, что тамъ тебя любятъ, какъ родную дочь и очень хорошо понимаю, что и ты дядю любишь, какъ отца...

— Вы думаете?—злбно усмѣхнулась молодая дѣвушка.—Про себя—умолчу!... Я несовсѣмъ увѣрена въ своихъ чувствахъ къ дядюшкѣ... Но, что онъ меня горячо любитъ—это не подлежитъ сомнѣнію!

— Господи правый! Неужели-же ты и ихъ не любишь, Людмила?... Вѣдь дядя съ теткой тебѣ вполне родителей замѣнили.

— О, да! Тетушка была мнѣ по истинѣ доброй матерью.

— Ну, а Валентинъ Львовичъ?... Ужъ, кажется, онъ такъ къ тебѣ добръ, что я и не знаю!

— Вотъ именно: этого никто не знаетъ!

— Чего-же смѣяться?... Онъ-ли не бережетъ, не заботится о тебѣ?... Подарки, деньги на тебя такъ и сыпятся.

— Ну да. Словно дождь золотой на Данаю!

— Я тебя не понимаю... Кажется, чего бы еще тебѣ нужно?..

Людмила рѣзко разсмѣялась.

«Du hast diamanten und perlen

Schöhn mädchen was wilt du noch mehr?»

продекламировала она, ставъ въ театральную позу.

— Вы пародируете Гейне, маменька?...— продолжала она постепенно разгораясь.— Въ самомъ дѣлѣ: чего мнѣ нужно?.. Не странная-ли я дѣвушка?.. Чего мнѣ надо?... Жизнь моя сложилась такъ стройно, радостно, спокойно! Кромѣ своей семьи—нѣжной, внимательной,—нашлась у меня и другая! Здѣсь—горячо любящая мать; тамъ—не менѣе нѣжный дядюшка,—что твой родной отецъ!... Вѣдь вы такъ его назвали, не правда-ли?... И оба они составляютъ въ великодушїи: мать, въ ущербъ собственнымъ чувствамъ, старается какъ можно скорѣе сплавить меня къ обожающему меня дядѣ, а дядя умоляетъ меня скорѣе возвратиться въ его отеческія объятїя!.. Чего же лучше, въ самомъ дѣлѣ?... А я все еще недовольна!.. Безумная и неблагодарная, не такъ-ли?

Она снова засмѣялась неестественнымъ, гнѣвнымъ смѣхомъ и вдругъ стихла. Лицо ея только что оживленное непривычнымъ ему румянцемъ волненїя—поблѣднѣло; ея горѣвнїе глубокимъ огнемъ глаза потухли, принявъ холодно-презрительное, даже до дерзости, выраженїе. Она отошла въ сторону и молчала.

Какъ ни была Зинаида Алексѣевна поглощена своимъ семейнымъ горемъ, но увидала, что съ дочерью творится что-то неладное. Она внимательнѣй поглядѣла на нее сквозь туманъ заплаканныхъ, наболѣвшихъ глазъ и сказала ласковѣе:

— Не знаю, что съ тобой, Людмила?... Огорчена ты, или сердидься? Ты знаешь, я никогда не умѣла хорошо понимать тебя.. Если что-нибудь не такъ, если нужно тебѣ что,—скажи! Мы съ Иваномъ Максимовичемъ сдѣлаемъ все, что можемъ для тебя.

— О! Зачѣмъ же утруждать мной Ивана Максимовича?... Онъ мнѣ постороннїй... Едва-ли даже не враждебенъ..

— Онъ слишкомъ хорошїй христїанинъ и слишкомъ добръ, чтобы чувствовать къ кому-нибудь вражду,—перебила мать.

— Да, я знаю его безобидныя свойства... Мнѣ ихъ описывать незначѣмъ.

— Вот видишь, Людмила!... За что-же ты так?.. Впрочем... что говорить! Богъ съ тобой!

— О, да! Богъ со всѣми, кто намъ не нуженъ и не милъ. Это старый припѣвъ!.. Но я не намѣрена и Бога собою беспокоить... Пусть ужъ буду сама въ жизни, какъ-нибудь, пробавляться своимъ умомъ, не утруждая высокопоставленныхъ лицъ.

— Людмила! Ты богохульствуешь!

— Ну, вотъ!... Я и не думаю. Да не въ томъ и дѣло... Если я поняла васъ, маменька, вамъ собственно важно, чтобъ я, какъ можно скорѣй освободила вашего мужа отъ моего непріятнаго присутствія?... Тотчасъ уѣхать я не могу. Но свободно могу перейти на тѣ нѣсколько дней, которые должна еще провести здѣсь, на квартиру...

— Ахъ! Господи Боже мой... Да Христосъ съ тобой, что ты говоришь?—ужаснулась Зинаида Алексѣевна—Еще этого сраму на насъ неоставало!

— Сраму я не вижу. Я совершеннолѣтняя... Всѣ знаютъ, что въ домѣ глава—хозяинъ!.. Г. Сайницкій мнѣ посторонній.

— Знаю, милая!.. Не напоминай десять разъ. Куды намъ въ твое аристократическое родство залѣзть? Мы люди простые!...

— Помилуйте! Я только заявляю фактъ... Я сама, напротивъ, напросилась къ вамъ на время въ семью. Я съ своей стороны ничего не имѣю противъ перехода на квартиру.

— Помилосердствуй!.. Вотъ ужъ разодолжила бы, нечего сказать... Удивительно прилично!

— Почему же?.. Я достаточно обезпечена и могу распорядиться собою, какъ совершеннолѣтняя...

— И совершеннолѣтняя, и обезпечена, и все, что угодно, но, пска ты въ городѣ, гдѣ живетъ твоя мать, тебѣ другаго мѣста нѣтъ, какъ въ ея домѣ.

— Какъ вамъ угодно! Я съ своей стороны обѣщаю вамъ мало выходить изъ своей комнаты и не долго васъ затруднять. Я пробуду, вѣроятно, не болѣе недѣли.

— Живи съ Богомъ!

Зинаида Алексѣевна встала, но уйти еще не рѣшалась. Она чувствовала себя какъ-то неловко... Ей казалось странно уйти такъ, оборвавъ, не вымолвивъ ни ласки, ни привѣта родной дочери... Вѣдь она тоже дочь ей!.. Дочь?!

Она вдругъ возмутилась духомъ.

Нѣтъ! У нея нѣтъ болѣе дочери. Эта дѣвушка, лишь на свѣтъ ею рожденная и тотчасъ отъ нея оторванная; эта красивая, холодная, чуждая ей дѣвушка другаго круга, другихъ

понятій и чувствъ—ей не дочь!.. Какъ чужая, какъ врагъ-вошла она въ ихъ счастливую жизнь и принесла въ нее ужасъ и горе!.. Нѣтъ! Какая это дочь?... Развѣ она можетъ замѣнить Любочку?.. Ни вернуть ихъ утраты, ни даже понять всей глубины ея—она не можетъ!.. Нѣтъ!.. Богъ съ ней!.. Лишь бы скорѣе уѣзжала!.. Пусть будетъ счастлива, но гдѣ-нибудь тамъ... подальше! Чтобы не напоминать!..

И затаявъ рыданіе, сжавшее ей грудь, несчастная женщина вышла молча и притворила за собою дверь по плотнѣе.

Дочь проводила ее взглядомъ тоже молча, съ недоброй улыбкой на лицѣ. Когда она скрылась за дверью, Людмила порывисто заперла ее за нею на замокъ и рѣшительно проговорила:

— Да будетъ такъ!.. Если не удастся выйти за Рейзенштерна,—вернусь въ объятія дядюшки, моего второго отца!

И беззвучно разсмѣявшись, она бросилась въ кресло-качалку, закинувъ по привычкѣ руки за голову и погрузилась въ соображенія и расчеты.

Непріятное, жесткое выраженіе застыло на прекрасномъ лицѣ ея, закаливъ всѣ ея черты, словно она превратилась въ каменную статую.

VI.

лестящее лѣтнее утро. Подъ городомъ, въ мужскомъ монастырѣ отошла ранняя обѣдня; рѣдкіе богомольцы выходятъ изъ подъ массивныхъ воротъ на улицу пыльной слободки, а монахи направляются къ надворнымъ зданіямъ, въ свои кельи. Въ глубь, за церковь, расходятся аллеи кладбища. Памятники и кресты виднѣются между темной зеленью дубовъ и пахучихъ, кудрявыхъ липъ, въ полномъ цвѣту.

Яркое солнце заливаетъ все, играетъ золотыми лучами на

сочной зелени могиль, сіяеть на мраморѣ, на бронзовыхъ крестахъ и рѣшеткахъ. Все смотритъ радостно, свѣжо и тихо. Одни воробьи звонко заливаются на дорожкахъ, да пчелы суетливо жужжать въ липахъ.

Вотъ въ ворота вошла высокая женщина въ траурѣ, подъ густой вуалью. Она поровнялась съ папертью церковной въ то время, какъ на ней появился сторожъ и сталъ гремѣть ключами, запирая тяжелые замки и затворы.

— Обѣдня кончилась? спросила она.

— Сейчасъ отошла. Черезъ часъ будетъ служитья поздняя.

— Да? А можно отсюда выйти въ рощу?

— Можно-съ. Тамъ калитка, въ стѣнѣ, направо... Днемъ завсегда отперта. Идите прямо по аллеѣ. Тамъ будетъ видно.

— Знаю. Спасибо!

Дама пошла красивой, легкой походкой и вскорѣ скрылась въ зелени. Но, дойдя до конца небольшого кладбища, она не вышла въ рощу, а только пріотворила тяжелую калитку, какъ очутилась лицомъ къ лицу съ молодымъ человекомъ въ гвардейскомъ мундирѣ... Она отступила, удивленная или прикидываясь удивленной.

— Графъ!.. Что это значить? Вы—здѣсь!.. И въ такую пору дня!

— Не только въ такую пору, но всю ночь я простоялъ бы здѣсь охотно, m-lle de Nedvinoff, чтобы наконецъ имѣть счастье увидѣть васъ! отвѣчалъ графъ, quasi російскимъ нарѣчіемъ, но съ сильнымъ иностраннымъ произношеніемъ.

Согнувшись въ три погибели, чтобы не задѣть головой массивную стѣну, онъ перешагнулъ калитку и протянулъ ей обѣ руки. Она стремительно подала ему свои, но тотчасъ же, словно опомнившись, ихъ отняла.

— Какъ вы узнали, что я здѣсь буду?..

— Какъ я узналъ?.. Но вѣдь ни за ничто я пѣлую недѣлю умолялъ кузину Аду побывать у m-me Saynitzky... Не безъ причины она вчера была у васъ и съ вами имѣла разговоръ.

— Но неужели я говорила ей? Совершенно не помню!.. Однако развѣ хорошо съ вашей стороны, графъ, развѣдывать и пользоваться окольными путями?

— Qu'est ce que c'est?.. Ah! Oui. Pourquoi pas?.. Почему же мнѣ тоже не любить утреннихъ прогулокъ? Не будьте же такъ... gride. Устройтесь, чтобы имѣть полчаса хорошенкаго разговора.

И графъ окончательно перемѣнилъ непривычную ему русскую рѣчь, на французскую. Это былъ здоровенный по росту

я сложенію малый, съ крупными правильными чертами и честнымъ взглядомъ свѣтло-голубыхъ глазъ, не очень живо, но привѣтливо озиравшихъ весь міръ.

— Еслибы вы знали, какъ я былъ несчастенъ во всѣ эти дни невольной разлуки! говорилъ онъ, медленно двигаясь по липовой, густой аллеѣ.—Пріѣхать нарочно въ этотъ родъ пустыни, чтобы видаться съ вами безъ стѣсненій общества, безъ контроля вашего дядюшки, который меня, кажется, ненавидитъ и къ счастью считаетъ, что я теперь на краю свѣта и вдругъ се *contre temps!*.. *Se malheur*,—это несчастье, хотѣлъ я сказать!.. Этотъ несвоевременный трауръ разбилъ мои лучшія мечты!.. Но... надо сознаться: онъ васъ дѣлаетъ еще прекраснѣй! *Oh! Mais vous êtes d'une beauté!*.. Мой Богъ! Подъ этими креповыми вуалями вы подобны божественной Венерѣ, облекшейся въ трауръ!.. Простите! О, простите!.. Я терню голову отъ счастья васъ видѣть.

Онъ не спускалъ съ нея растеряннаго взора. Она шла рядомъ съ нимъ, съ разсѣянной улыбкой, не глядя на него, но сколько равнодушнымъ взглядомъ по деревьямъ и надгробнымъ памятникамъ, единственнымъ свидѣтелямъ ихъ бесѣды. Она откинула вуаль и строгая красота ея,—ея матовыя тонкія черты, оттѣненные лишь длинными темными рѣсницами и бровями; ея пепельные, шелковистые волосы, выбивавшіеся изъ подъ чернаго крепа, невольно бросались въ глаза своей оригинальной красотой. Когда же она подымала густыя рѣсницы и чудныя глаза ея, отливавшіе то блескомъ стали, то глубокой синевою и зеленою морской волны, озирали ея собесѣдника; а губы, алыя, свѣжія губы открывались для словъ или улыбки, ея мощная, самобытная, своеобразная красота поражала еще сильнѣй.

Графъ Фердинандъ Рейзенъ-фонъ-Рейзенштернъ напрасно добивался этой встрѣчи, если еще желалъ сохранить свою свободу!..

Людмила позволила ему говорить и изливаться долго и наконецъ спросила:

— Вы говорили мнѣ, графъ, на томъ несчастномъ балѣ, что не могли пріѣхать ранѣе потому, что ваша тетушка была больна?

— Да... То есть бабушка. *Ma grand'mère, la comtesse douairière de Reisenstern.*

— А ваша кузина, Аделаида Францовна, вчера мнѣ говорила, что вопросъ былъ матримоніальный... Что у васъ тамъ богатая невѣста. *Une jeune héritière, riche à millions.*

Людмила, ради его удобства,—тоже говорила по французски. Голосъ ея звучалъ насмѣшливо.

Рейзенштернъ удивился.

— Ада сказала сущій вздоръ! заявилъ онъ съ легкимъ смущеніемъ.— Мало-ли что можетъ взбрести на умъ такой отживающей старухѣ, какъ графиня?.. Моя бѣдная бабушка впадаетъ въ дѣтство, а кузина повторяетъ ея бредни.

— Однако. Аделаида Францовна рассказывала, что графиня ставитъ этотъ бракъ условіемъ своего наслѣдства! настаивала Людмила, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ его замѣшательства.

Графъ Фердинандъ покраснѣлъ отъ рыжеватыхъ бакенбардъ, вплоть до краснаго околыша фуражки.

— О! Мой Богъ. Я очень мало забочусь!.. Да она не имѣетъ и права. Я старшій въ родѣ послѣ нея.

— Да?.. Но кажется есть фамиліное условіе, которымъ наслѣдники обязуются жениться на лютеранкахъ исключительно, подѣ страхомъ лишиться своихъ правъ?

— Никогда! въ негодованіи воскликнулъ Рейзенштернъ.— О!.. Что это наболтала вамъ эта сантиментальная старая дѣвица?.. Откуда почерпнула она такія свѣдѣнія?.. Да не дѣлайте, какъ мой прадѣдъ, отецъ вдовствующей графини, былъ женатъ на французкѣ, на католичкѣ. О, нѣтъ! Прошу васъ не вѣрить такимъ баснямъ.

— Да вѣдь мнѣ рѣшительно все равно. Я сказала такъ, потому что къ слову пришлось, а мнѣ какое же дѣло?

Она засмѣялась и замолчала.

Графъ Фердинандъ подергалъ себя за усы и сталъ рассказывать о тоскѣ и скукѣ, которыя онъ претерпѣлъ во время своего обязательнаго пребыванія въ замкѣ престарѣлой родственницы; о нетерпѣніи, съ которымъ онъ стремился сюда, зная, что онъ здѣсь найдетъ ее.

Людмила слушала разсѣянно и вдругъ спросила:

— А вы еще долго думаете здѣсь прожить?

Графъ не съ разу вникалъ въ смыслъ вопросовъ, которыми перебивали теченіе его собственныхъ мыслей или рѣчей. Онъ нѣсколько вдумался и отвѣчалъ.

— Да столько же, какъ пробудете вы, я полагаю.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Такъ вамъ придется уѣхать скоро. Я ѣду дня черезъ два-три. Если ничего особаго не случится.

— То есть, что же именно можетъ случиться?

— Что?.. Почему я знаю! загадочно усмѣхнувшись, отвѣтила она.— Мало-ли что случается въ жизни... Особенно въ жизни дѣвушекъ!

— Какъ?! изумленно вскричалъ графъ, такъ ростерянно вымучивъ на нее глаза, будто она сказала нѣчто необычайное.

И тутъ же самъ сказалъ необычайную глупость.

— Неужели! Неужели вы думаете выйти замужъ за этого татарина?.. За этотъ образчикъ дикаго человѣчества?.. Вы?! Богъ всемогущий!..

Людмила Юрьевна остановилась, посмотрѣла ему прямо въ глаза и очень серьезно, даже сурово произнесла:

— Кто далъ вамъ право, графъ, такъ оскорблять человѣка, котораго вы совѣтъ не знаете?.. Вы удивляете меня! *Se n'est pas d'un gentilhomme, ni d'un homme d'honneur.*

— Нѣтъ ничего безчестнаго давать людямъ ихъ истинную цѣну! возмущился до нынѣ невозмутимый графъ Фердинандъ. — Что же вамъ такое этотъ маленькій татаринъ, что вы за него такъ вступились?

— Что онъ мнѣ такое?.. Онъ—человѣкъ, который глубоко и безкорыстно меня любитъ! Человѣкъ, который все свое бросилъ, всему измѣнилъ—ради меня!.. Вѣра предковъ, завѣты семьи, родина, отецъ и мать,—онъ отказался отъ всего! Онъ ничего не пожалѣлъ ради любви своей ко мнѣ. Скажи я ему сегодня, что мнѣ нужна его жизнь—завтра онъ наложитъ самъ на себя руки! Вотъ что для меня, если вы желаете это знать, человѣкъ, котораго вы называете татаринѣмъ и дикаремъ!.. Такими чувствами, такими доказательствами преданности не шутятъ и... и такую любовь отвергнуть трудно!

— Трудно отвергнуть?.. Да!.. Такъ... извините. Вы вѣроятно приняли предложеніе князя... какъ его?.. *Pardonnez-moi!* Забылъ!..

Людмила Юрьевна вдругъ стихла и эффектно отвернулась.

— Нѣтъ, еще не приняла.

— Но, намѣрены принять?—пылая внутренно, настаивалъ графъ.

— Незнаю, — прошептала она съ усиленіемъ: — думаю, что должна принять его.

— Должны?.. Это очень странно! — натянуто промолвилъ онъ:—конечно... Если вы его любите.

— Я?!

Людмила повернулась къ нему движеніемъ полнымъ и страсти и отчаянія, и обожгла его такимъ взглядомъ, который едва не свалилъ съ ногъ графа Фердинанда Рейзенъ-фонъ-Рейзенштерна.

— О!—вздохнула она:—еслибы я могла любить его, какъ бы я была счастлива.

Она закрыла руками лицо, на которомъ краска волненія и страстнаго ожиданія проступала, какъ алый румянецъ на золотистомъ персикѣ и отчаянно закончила:

— Но я не могу!

Она едва, казалось, стояла на ногахъ.

Наслѣдство, бабушка, невѣста-нѣмка съ миллиономъ приданнаго, — все и всё вылетѣли изъ честной, но не крѣпкой головы графа Фердинанда. Онъ не устоялъ. Обнявъ стройную талію дѣвушки, онъ привлекъ ее къ себѣ и, склонившись рыжими баками къ самому лицу ея, глубоко волнуясь, прошепталъ:

— Вы не можете?.. О! Ma chérie!.. Ты не можешь любить потому, что уже любишь другаго?.. Да?.. Не правда-ли?.. Скажи!.. Скажи!

Людмила Юрьевна бессильно опустила руки и въ отвѣтъ только устремила свои великолѣпные глаза въ простодушные голубые, тевтонскіе глазки графа.

— Кого?.. Кого вы любите?—страстно шепталъ онъ, мѣля и тая.

— А... вы не знаете?—чуть слышно вздохнула Людмила.

Графъ закрылъ глаза, словно ослѣпленный ея взглядомъ и, склонивъ голову ниже, уже вообразилъ, что страстно цѣлуетъ эти румяныя, нѣгой дышавшія, губы, но... онъ ощутилъ только вѣздухъ.

Людмила быстро отшатнулась, рѣшительнымъ движеніемъ отстранила его отъ себя и, выпрямившись, величественно прошепсала:

— Нѣтъ, графъ, сегодня я обѣщалась дать окончательный отвѣтъ Гирзаеву. Чужихъ невѣсть не цѣлуютъ!

Рейзенштернъ остался съ отверстыми на воздухъ объятіями и, едва-ли сознавая еще въ чемъ дѣло, весьма глупо борготалъ:

— Чужихъ невѣсть?... Mais... pourquoi donc чужихъ?

Видъ его былъ такъ беспомощенъ и недоумѣніе такъ искренно, что несмотря на рѣшительность этой важной для жизни ея минуты, Людмилѣ Юрьевнѣ стоило величайшаго усилія не рассмѣяться.

— Стыдно вамъ пользоваться, графъ! — тихо выговорила она, неподражаемо изображая жестокое смущеніе.

На этотъ разъ графъ понялъ и не выдержалъ:

— Dieu des dieux!—вскричалъ онъ, схвативъ ее за руку и весь старая: — что васъ смущаетъ?.. Неужели вы не видите, что я люблю васъ до сумасшествія?.. Что я влюбленъ въ васъ съ перваго свиданія и ничего лучшаго не желаю, какъ

назвать васъ моею женою?.. О! моя возлюбленная!.. *Ma bien aimée! Ne me repoussez pas!*.. Не отталкивайте меня, дорогая! Позвольте любить васъ и всю жизнь мою принести вамъ въ даръ!

«А-а! Вотъ оно наконецъ, — форменное предложеніе. Конечъ тревогамъ и сомнѣніямъ!» Сбылись ея золотыя мечты: первый призъ взять у жизни съ бою! Она—графиня!.. Она—богата!.. Она избавлена отъ благодѣяній дяди, «второго отца»! Иронія!.. Это горькое воспоминаніе мелькнуло и исчезло, чтобъ дать мѣсто чувству полного торжества... Теперь она свободна, она счастлива!

И подойдя величаво, улыбающаяся, на диво красивая, она рѣшительно спросила:

— Графъ Рейзенштернъ! вы предлагаете мнѣ вашу руку и ваше имя?

Онъ не нашель словъ, а только смотрѣль на нее восторженно сіявшимъ, телячьимъ взоромъ, снявъ зачѣмъ-то фуражку и, неопредѣленно улыбаясь, протянулъ ей свободную руку.

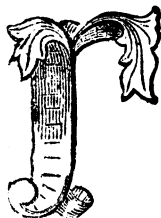
— Я согласна быть вашей женою, графъ, и... могу теперь сказать, что всей душою васъ люблю!

И свершивъ эту торжественную ложь, вся зардѣвшись румянцемъ счастливой невѣсты, она сама протянула ему объятія...

Зеленые своды деревьевъ, надгробные памятники, таинственно бѣлѣвшіе подъ ними, да вольныя птицы и мотыльки, витавшіе въ солнечномъ блескѣ, были нѣмыми свидѣтелями блаженно-счастливаго, честнаго поцѣлуя, даннаго графомъ Фердинандомъ своей страстно любимой, вопреки всѣмъ и всему избранной имъ, невѣстѣ.

VII.

ороду X. суждено было переживать въ эти дни тревоженія необычайныя и все по поводу семьи Сайницкихъ. Едва недѣля прошла со смерти Любочки, какъ въ обществѣ пронесся слухъ, что Людмила выходитъ за Рейзенштерна, этого графа-гвардейца и богача, родственника генерала Прейсцинга, губернатора.

Всѣ опять заволновались.

«Какъ? Ужъ не за князя Гирзаева?.. Вѣдь они же,—Гирзаевъ съ Недвиновой,—другъ въ друга влюблены?.. Вѣдь изъ-за этого Люба отравилась!.. Что-жъ это значить? Не можетъ быть!

— Ну, какъ же! Значить можетъ, когда есть. Гирзаевъ даже не бываетъ у Сайницкихъ: ему отказано отъ дома. Онъ, говорятъ, съ отчаянія все рветъ и мечетъ, какъ дикій звѣрь... Понятно, что Недвинова предпочитаетъ этому горцу-дикарю графа Рейзенштерна, полковника гвардіи, съ огромнымъ состояніемъ и будущностью. За это нечего ее винить... Но изъ-за чего же погибла бѣдняжка меньшая?.. Ну, барышня! Столичная, что говорить... Умѣетъ дѣла обдѣлывать.

Волновались не только матери, огорченные многими дочками не находившими сбыта, но рѣшительно всѣ. Волновались, спрашивали, рассказывали, сочиняли и сплетничали, забывъ границы и мѣру. Въ первые дни даже городъ оживился, какъ въ праздникъ; всѣ сразу почувствовали необходимость «сдѣлать нѣсколько визитовъ».

Сайницкихъ осаждали, но они не принимали никого. Жизнь осиротѣлой, на вѣки разбитой семьи текла одиноко и однообразно въ своей безысходной, великой печали. Женихъ съ невѣстой, которымъ весь домъ былъ отданъ въ распоряженіе, не видѣли и не слышали въ немъ хозяевъ; они проводили цѣлые дни въ церкви, на могилѣ дочери или въ дальней комнатѣ бабушки, совсѣмъ расхворавшейся.

Графъ торопилъ приготовленія къ свадьбѣ; по мимо нетерпѣнія влюбленнаго, онъ спѣшилъ вырваться и увести Людмилу изъ этой тягостной атмосферы. Имъ негдѣ было видѣться внѣ этого траурнаго дома, гдѣ приходилось вѣчно остерегаться, сдерживать каждое слово, каждый взрывъ веселости, изъ опасенія оскорбить слухъ и скорбныя чувства хозяевъ.

— Скорѣе-бы, скорѣе на чистый воздухъ, въ среду болѣе достойную тебя, моя несравненная! — говаривалъ онъ своей невѣстѣ, обратившей всѣ пустыя комнаты въ мастерскія приданаго,—Зачѣмъ тебѣ всѣ эти тряпки?.. Заграницей, въ Парижѣ все сдѣлаешь... Здѣсь, право, все дышетъ смертью, силеномъ и навѣваетъ черныя мысли.

Она оправдывалась необходимостью. Ей и самой было жутко, но какъ же быть? Больше имъ негдѣ проводить время до свадьбы...

Это была правда. Графу Фердинанду пріятнѣй было бы чаще встрѣчать невѣсту у своихъ превосходительныхъ кузинъ. Но Людмила, побывавъ у нихъ раза два за обѣдомъ и вечеромъ, отказалась на отрѣзъ посѣщать ихъ иначе, какъ на

полчаса, официальнымъ визитомъ. Для нея были одинаково неприятны и фамильярно-шутливая любезность старика Прейстинга, и натянутая холодность его супруги, и покровительственный тонъ неумолчной болтовни сестры ея, старой дѣвы, смотрѣвшей на «кузена Фрица» влюбленно-маслянными глазками, непритворно убѣжденной, что «*cette petite*» то есть она, Людмила Юрьевна, должна чувствовать себя до такой степени подавленной величіемъ и великодушіемъ своего жениха, безмѣрностью и неожиданностью своего счастья, что ее надо ободрять и поддерживать.

Въ одно изъ вынужденныхъ ея посѣщеній, губернаторъ, шутя спросилъ ее, знаетъ-ли она, что начальство Гирзаева весьма озабочено «содержаніемъ его въ порядкѣ»? Бѣдный юноша едва-ли не сошелъ съ ума, до того странно и буйно ведетъ себя.

Людмила холодно отвѣчала, что не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о поступкахъ и состояніи здоровья князя Гирзаева.

Тогда губернаторша, окинувъ ее недовѣрчивымъ взглядомъ, спросила въ упоръ:

— Скажите, онъ вамъ дѣлалъ предложеніе, этотъ бѣдный молодой человекъ?

— Если бы и такъ, я не считала бы себя въ правѣ объ этомъ рассказывать,—горделиво отвѣчала Людмила.

— *J'espère que je ne commet pas d'indiscrétion?*—слегка взволновавшись, продолжала генеральша.—Весь городъ говорить о томъ, что онъ влюбленъ въ васъ и сошелъ съ ума вслѣдствіе вашей перемѣны...

— Вамъ конечно, извѣстно, что «всѣ города» обыкновенно рассказываютъ басни!—съ презрительной усмѣшкой возразила молодая дѣвушка.—Я надѣюсь, что порядочные люди не станутъ повторять городскихъ сплетенъ... Впрочемъ, на всѣ рассказы обо мнѣ у меня одинъ отвѣтъ: молчаніе и презрѣніе!

— *C'est très beau!*—сказала губернаторша и отвернулась.

— *Assurément!* Но мнѣ все такъ жаль этого хорошенькаго мальчика, бѣднаго кавказскаго князя!—прибавила восторженная старая дѣвица.

И неудержимо заболтала о проявленіяхъ безумія Гирзаева, пока ихъ гостья не поднялась, прощаясь.

Едва онѣ остались однѣ, губернаторша сказала сестрѣ своей:

— Послушай, Адхенъ, ты слишкомъ добра! Мнѣ кажется эта *M-me Nedvinoff* прехитрая и не нравственная дѣвушка! Она держала Гирзаева въ запасѣ и вышла бы за него, еслибы

кузень Фердинандъ за нее не посватался... Я увѣрена, что она его совсѣмъ не любитъ.

— Кого?... Графа Фердинанда!!.—ужаснулась старая дѣвственница.—Фуй!.. Что говоришь ты, Амалья?.. Возможно-ли не любить, такой красавецъ, такой прекрасный кавалеръ?!

— Эта дѣвушка имѣеть очень холодное сердце, Аделаида!—настаивала старшая сестра.—Я очень боюсь, что помимо *mésalliance*, гнѣва бабушки, которая навѣрное лишилась его наслѣдства и всякихъ семейныхъ неприятностей,—Фердинандъ ошибется въ ней... Онъ не будетъ съ ней счастливъ!

— Ахъ, добрый Богъ!—чуть не расплакалась кузина Ада.—Ты думаешь такъ, Амальхенъ?.. О! Бѣдный, бѣдный *cousin* Фрицъ.

День, назначенный для свадьбы, приближался. По случаю траура невѣсты она должна была совершиться утромъ, очень тихо, а послѣ завтрака у губернатора, молодые тотчасъ уѣзжали.

Людмила не знала, какъ дожидаться времени освобожденія. Помимо всякихъ неприятностей и стѣсненій ее преслѣдовали письма Гирзаева, его мольбы и угрозы, отъ которыхъ она не знала, какъ отдѣлаться? Онѣ сваливались на нее точно съ неба. Несмотря на строгое запрещеніе не пускать его въ домъ, на осторожность ея движеній и выѣздовъ, Людмила боялась ужасно, потому что письма бѣднаго «дикаго хана», были дѣйствительно дики до безумія, а отъ сумасшедшаго дикаря можно было ждать и опасаться всего.

Бѣдный юноша обезумѣлъ. Какъ только не стало сомнѣній, что Недвинова выходитъ за Рейзенштерна, онъ бросился искать секундантовъ. Онъ хотѣлъ драться съ графомъ, хотѣлъ, чтобы одинъ изъ нихъ далъ мѣсто другому! Убить Рейзенштерна или самому быть убитымъ сдѣлалось одной мыслью Гирзаева. Но, на бѣду, къ кому изъ товарищей ни обращался онъ за помощью, всѣ уклонялись и отговаривали его драться. Изъ за чего онъ вызоветъ графа? Чѣмъ оскорбилъ онъ его? Въ чемъ провинился?.. Они почти не знали другъ друга, никогда не говорили между собою. У Сайницкихъ ни разу не видалъ его Рейзенштернъ и навѣрное ничего не подозреваетъ о чувствѣхъ корнета къ его невѣстѣ и его претензіяхъ... Какой же будетъ предлогъ дуэли?.. Нельзя же придти и сказать человѣку: Вы должны со мною драться потому, что прежде меня посватались, не сообщивъ мнѣ о своемъ намѣреніи жениться на особѣ, которую я самъ намѣренъ былъ осчастливить своимъ предложеніемъ!.. Не находилось, словомъ, охотниковъ безъ всякой видимой причины идти вызывать полковника гвардіи отъ

шени корнета изъ татаръ, здорово живешь, нарываться изъ за него на неприятности, жертвовать его фантази своей карьерой.

Еслибы Рейзенштернъ оскорбилъ его, — ну, тогда, по товариществу, пришлось бы принять участіе.

Какъ нарочно время наступило лѣтнее, глухое для общественныхъ собраній и увеселеній. Къ тому же у Рейзенштерна небыло въ городѣ знакомыхъ, кромѣ губернатора и двухъ-трехъ официальныхъ лицъ. Да онъ и не бывалъ нигдѣ, такъ что какъ усердно ни рыскалъ Гирзаевъ ища съ нимъ встрѣчи, нигдѣ не находилъ его.

Выведенный изъ терпѣнія, онъ написалъ графу письмо, въ которомъ не было ни складу, ни смыслу, а были только безпричинныя ругательства и сумасшедшія угрозы. Отвѣчать на такое посланіе письмомъ или вызовомъ было невозможно. Каждый здравомыслящій человекъ увидалъ бы въ немъ, что увидалъ графъ: бредъ безумца, котораго надо посадить на цѣпи или по меньшей мѣрѣ въ лазаретъ, на излеченіе. Графъ фонъ Рейзенштернъ далеко не былъ трусомъ. На каждый честный вызовъ онъ отвѣчалъ бы, какъ подобало потомку благородныхъ тевтонскихъ рыцарей. Но тутъ онъ рѣшительно ничего не понималъ, растерялся и придя къ заключенію, что «дикій ханъ» окончательно спятилъ, отправился посоветоваться, что ему дѣлать съ губернаторомъ.

Губернаторъ ничего лучшаго не выдумалъ, какъ отослать это безумное письмо, со своимъ адъютантомъ, полковому командиру Гирзаева; а тотъ засадилъ буйнаго татарина подъ арестъ, сдѣлавъ ему приличное внушеніе. Тѣмъ дѣло, повидимому, и кончилось.

Гирзаевъ, казалось, успокоился и причесмирѣлъ, вѣроятно, ссѣвавъ свое неразуміе. Но на дѣдѣ не такъ-то было! Онъ временно притихъ, сосредоточившись надъ своими замыслами, озлобленный и на все готовый.

VIII.

аступило блестящее лѣтнее утро, долженствовавшее превратить Людмилу Юрьевну Недвинову въ графиню Рейзень фонъ Рейзенштернъ.

Къ полудню она вышла въ туалетъ самаго строгаго стиля, вся драпированная бѣлымъ крепомъ. Она вошла въ залу, гдѣ приготовлены были образа; гдѣ съ болью на сердцѣ поджидали ее мать и вотчимъ, именно въ ту минуту, когда къ крыльцу подѣхалъ шаферъ, чтобы избѣгнуть лишней неловкости и слезъ матери. Людмила была такъ хороша, что даже въ убитомъ горестью сердцѣ Зинаиды Алексѣевны шевельнулись чувства умиленія и невольной гордости. Въ первый разъ, по смерти Любы, она заплакала не по ней, обнимая и благословляя свою старшую дочь на новую жизнь.

Лицо Людмилы неподвижно застыло въ величавомъ спокойствіи. Она принимала ласки и слезы матери такъ же равнодушно, какъ тутъ же приняла букетъ изъ бѣлыхъ розъ и флеръ д'оранжа изъ рукъ вѣстника своего жениха; какъ склонилась на коверъ, чтобы принять благословіе посаженныхъ отца и матери, исполняя обрядъ, безъ малѣйшаго волненія.

Блѣдный, изнеможенный горемъ, вотчимъ ея счелъ своимъ долгомъ исполнить обязанность посаженнаго отца. Онъ искренно пожелалъ падчерицѣ, благословляя ее, всякаго счастья... несмотря на тяготившее его убѣжденіе, что она была, хотя косвенной, но единственной причиной гибели его родной дочери. Сайниціе отказались отъ свадебнаго завтрака у губернатора; но собирались поздравить молодыхъ и проститься съ ними, провожая ихъ на желѣзную дорогу.

Людмила Юрьевна садилась въ карету со старушкой генеральшей, изображавшею ея посаженную мать, когда ей метнулась въ глаза, на сидѣньи, четвертушка бумаги.

— Что это за письмо, душа моя?—освѣдомилась любопытная генеральша.

Первымъ движеніемъ дѣвушки было выбросить вонъ конвертъ, на которомъ она вмигъ узнала почеркъ Гирзаева; но, сообразивъ, что это подать поводъ къ комментаріямъ, она спокойно распечатала его, замѣтивъ:

- Это ко мнѣ... Странная манера передавать письма!
- Не спросить-ли кучера, кто бросилъ его сюда?
- О, нѣтъ!.. Онъ могъ и не замѣтить.

Она прочла:

«Еще есть время отказаться отъ постыдной измѣны. Откажитесь, Людмила! Не то двойное преступленіе—его смерть моя,—ляжетъ на вашу душу».

Подписи не было.

— «Идіотъ!»—гнѣвно подумала Людмила, презрительно скомкавъ письмо; а сама, снисходительно улыбувшись, сказала:

— Пустяки!.. Это мой любимецъ, маленькій казачекъ... Вы видѣли его въ передней?... Онъ захотѣлъ первымъ поздравить меня и пожелать счастья.

Она опустила письмо въ карманъ и до самаго собора не промолвила больше ни слова, безпокойно поглядывая въ окна кареты и по сторонамъ, когда изъ нея вышла. Она съ удовольствіемъ замѣтила, что полиція и жандармы, вѣроятно по приказанію губернатора, никого не впускаютъ въ храмъ, кромѣ поѣзжанъ, не только отгоняютъ народъ, но и прилично одѣтую публику учтиво просятъ удалиться...

Бракосочетаніе благополучно совершилось и весь свадебный поѣздъ отправился въ домъ губернатора. Во весь недолгий переѣздъ молодая бросала въ толпу тревожные взгляды; но нигдѣ не замѣтила антипатичнаго ей отнынѣ лица восточнаго типа, появленія котораго невольнo побаивалась.

Благодареніе Богу—все кончено!.. Еще часа два-три и ее уже не будетъ въ этомъ городишкѣ. Всѣ узы, не только съ нимъ, но и со всей ея прошлой жизнью будутъ порваны на дѣки!

IX.

Уасу въ четвертомъ этого самаго дня старинная карета Сайницкихъ подвезла печальную чету къ подъѣзду вокзала, гдѣ уже была порядочная давка, въ ожиданіи отхода поѣзда, но свадебныхъ поѣзжанъ еще не было видно. Иванъ Максимовичъ и Зинаида Алексѣевна входили въ залу перваго класса, осматриваясь, гдѣ бы поудобнѣ сѣсть, чтобы не пропустить прибытія молодыхъ, когда Сайницкую поразило, при входѣ ея, рѣзкое движеніе какого-то господина, сидѣвшаго у самой двери. Онъ вдругъ вскочилъ, будто испугавшись; потомъ опустился снова на скамью и быстро отвернулся, лицомъ къ стѣнѣ.

Не сдѣлай онъ этого, на него никто не обратилъ бы вниманія; но это движеніе выдало его и заставило Зинаиду Алексѣевну внимательно смотрѣть на этого страннаго человѣка, упорно сохранявшаго очень неловкое положеніе, чтобы не показать имъ своего лица. Она очень скоро замѣтила необыкновенное сходство его съ человѣкомъ, слишкомъ хорошо ей знакомымъ.

— Что за удивительное дѣло!—сказала она мужу, когда они сѣли.—Погляди, Иванъ Максимычъ—ну развѣ-жъ это не князь Гирзаевъ?

— Гдѣ?—встрепенулся Сайницкій, задѣтый за живое этимъ именемъ.—Впрочемъ, что же удивительнаго? Ихъ сегодня, вѣроятно, полгорода будетъ провожать... Онъ тоже знакомый.

— Да какое знакомый! Погляди! Онъ точно въ маскарадъ собрался: перерядился въ статское платье и прячется за толпу... Посмотри, вонъ тамъ на скамейкѣ.

— Гдѣ? Богъ съ тобой, Зинаида Алексѣевна!.. Ну, гдѣ-же таки ему быть въ статскомъ платьи. Смѣлъ бы онъ такъ выйти! Да и зачѣмъ?

— Да вотъ же смѣлъ!.. То-то и дѣло, что зачѣмъ? Видишь?

Въ это время у подъезда станціи раздался грохотъ нѣсколькихъ экипажей и господинъ, на котораго указывала Сайницкая, сорвался съ своего мѣста.

Тутъ и Иванъ Максимовичъ его призналъ.

— Гирзаевъ! Перереженный!—вскричалъ онъ.—Господи помилуй! Чтобы это значило?.. Не вышло бы какой бѣды!.. Пойдемъ! Пойдемъ скорѣе!

И не дожидаясь жены, Сайницкій скорыми шагами пошелъ черезъ залу.

Онъ подошелъ ко второй, выходной двери на подъездъ, какъ разъ въ то время, какъ Гирзаевъ, переодѣтый въ старое пальто и соломенную шляпу, сталъ въ углу, схватившись лѣвою рукою за ручку дверей, а другую запустивъ въ карманъ... Блѣдное, страшно исхудавшее лицо юноши вспыхнуло злобной рѣшимостью, горѣвшіе глаза устремились на молодыхъ, всходившихъ, со своей блестящей свитой, на крыльцо вокзала. Онъ не замѣчалъ, что сзади его остановился старикъ Сайницкій, не спуская съ него внимательнаго взгляда...

И въ пору онъ подосиѣлъ!

Едва графъ и графиня Рейзенштернъ вошли въ переднюю и приостановились на минуту, встрѣченные матерью молодой, какъ татаринъ выхватилъ изъ кармана револьверъ, прицѣлился, чуть не въ упоръ въ затылокъ графа, почтительно склонив-

паго обнаженную голову предъ Зинаидой Алексѣвной и выстрѣлить...

Пуля ушла въ потолокъ, потому что Сайницкій успѣлъ сильно толкнуть его руку вверхъ подъ локоть.

Произошло ужасное смятеніе.

На выстрѣль сбѣжались всѣ, но никто ничего не понималъ. Полицейскіе, жандармы, губернаторъ, самъ Рейзенштернъ, узнавшій вочима своей жены, но отнюдь не Гирзаева, бросились къ отчаянно борющимся въ углу сѣней старику и юношѣ, стараясь разобрать въ чемъ дѣло, разнять ихъ. Сайницкій отчаянно силился овладѣть рукой и револьверомъ Гирзаева, оградить отъ его выстрѣловъ графа и Людмилу; но тотъ неожиданно вырвалъ руку и, повернувъ револьверъ противъ себя, выстрѣлилъ разъ и другой...

Несчастный упалъ, заливаясь и захлебываясь кровью.

Какъ только раздался первый выстрѣль, Зинаида Алексѣвна, совсѣмъ было позабывшая о князѣ при видѣ молодыхъ, неистово закричала:

— Это Гирзаевъ! Онъ убьетъ васъ!.. Людмила, бѣги!.. Я узнала его! Спасайся!.. Спасайтесь, графъ!

И она, вся согнувшись отъ страху, уклоняясь отъ воображаемыхъ пуль, отчаянно тянула дочь свою въ залу. Гирзаевъ уже лежалъ безоружный и безопасный, истекая кровью; а бѣдная напуганная женщина вся дрожала и не могла успокоиться, держась за Людмилу, ощупывая ее, спрашивая не ранена ли она?.. Скорѣе всѣхъ поняла въ чемъ дѣло и опомнилась сама Людмила Юрьевна. Еслибы не ея распоряженія и присутствіе духа, они весьма легко могли бы опоздать къ поѣзду; она не пропустила ни перваго, ни тѣмъ болѣе втораго звонка и черезъ четверть часа она уже сидѣла со своимъ сильно взволнованнымъ и совершенно растеряннымъ супругомъ, въ купѣ, покрытомъ цвѣтами, заваленномъ бонбоньерками и очаровательно улыбалась, раскланиваясь изъ окна.

Еще нѣсколько минутъ и поѣздъ двинулся... Графиня Людмила Юрьевна Рейзенъ-фонъ-Рейзенштернъ благополучно отбыла изъ города, гдѣ пробыла недолго, но испытывала сама и другимъ доставила много тревоженій. Посѣщеніе ея стоило жизни ея сестрѣ и юношѣ, повинному лишь въ томъ, что слишкомъ безумно полюбилъ ее... Оно разрушило на вѣки счастье ея семьи, разбило сердце ея матери, но отъѣзжая, она ни о чемъ не думала. Мысли ея и радужныя мечты неслись впередъ, въ блестящее будущее, которое она сумѣла себѣ устроить.

Графъ Фердинандъ долго пытался въ углу купѣ, безо-

мощно вращая глазами и опоминаясь. Сознаніе пріятной дѣйствительности не скоро къ нему вернулось... Наконецъ, онъ поглядѣлъ осмысленнѣй на свою красавицу жену, улыбнулся блаженной улыбкой и потянулъ себя за рыжіе баки, умильно прищуривъ на нее круглые голубоватые глаза, словно котъ на масло.

— Votre beau père, mon amie!—промолвилъ онъ съ чувствомъ.—Mais quel excellent homme!.. Что за прекраснѣйшій старикъ вашъ вотчимъ!

И вставъ, онъ пересѣлъ поближе къ ней...

Князь Гирзаевъ не сразу умеръ. Нѣкоторые поѣзжане, проводивъ молодыхъ, любопытно зашли въ боковую залу, гдѣ полиція составляла протоколъ и куда перенесли несчастнаго, въ ожиданіи доктора.

Они имѣли удовольствіе слышать, какъ бѣдный юноша въ предсмертныхъ мукахъ проклиналъ Людмилу и горько каялся, что изъ за нея загубилъ кроткую, любившую его дѣвушку и самого себя.

Въ полковой госпиталь привезли трупъ Гирзаева; онъ умеръ до дорогъ.

X.

вадебный туръ графа и графини Рейзенштернъ продолжался не долго; сама Людмила сократила его. Она страшно скучала въ счастливомъ tête-à-tête со своимъ мужемъ и кромѣ того ее такъ сильно озабочивала ихъ общая будущность, грозившая ему потеря громаднаго состоянія въ случаѣ немилости бабушки, что все красоты Тироля и Швейцаріи пропадали въ глазахъ ея даромъ. Еще въ самомъ началѣ путешествія, при первой остановкѣ ихъ, когда она разъ застала мужа взволнованнымъ надъ чтеніемъ письма своей престарѣлой родственницы, она попросила его подѣлиться съ ней содержаніемъ ея посланія и вмѣсто того, чтобы краснѣть

и потѣтъ, растирая свой лобъ надъ измышленіемъ отвѣта, поручить ей отвѣчать разгнѣванной старухѣ.

— Какъ, мой ангелъ, вы хотите?—изумился графъ.

— Я хочу побесѣдовать благоразумно съ вашей почтенной родственницей,—отвѣчала графиня.—Во всѣ времена я позволяла говорить себѣ, что въ глазахъ и словахъ моихъ многосила воли и убѣжденіе заразительное... я попытаюсь. Старуха знаетъ французскій языкъ?

— Превосходно!.. Но какже?.. Я никогда не посмѣю передать вамъ, мой кроткій ангелъ, всѣ тѣ дурныя слова, которыя эта несдержанная женщина говоритъ по отношенію къ вамъ.

Графиня улыбнулась, презрительно прищурившись въ окно на бѣло-снѣжную Юнгфрау.

— Это, право, мнѣ все равно!—продолжала она разговоръ, какъ всегда, по французски. *Je ne suis pas susceptible, mais je voudrais savoir à quoi m'en tenir.* Я люблю всегда видѣть ясно свою дорогу и заранѣе ориентироваться... Дайте мнѣ, прошу васъ, письмо вдовствующей графини.

Графъ Фердинандъ слегка еще протестовалъ, онъ изъявилъ сомнѣніе—пойметъ ли жена его нѣмецкій, мелко нацарапанный почеркъ графини; предлагалъ прочесть ей громко... Но Людмила Юрьевна спокойно возразила, что достаточно знаетъ нѣмецкій языкъ, чтобы понять все и, при нуждѣ, отвѣчать даже на немъ письменно и овладѣла посланіемъ.

Мужъ прохаживался по комнатѣ, то закладывая руки въ карманы, то нервно дергая себѣ усы, безпокойно поглядывая на жену; но на красивомъ, совершенно безстрастномъ лицѣ молодой женщины и болѣе проницательному челоуѣку, чѣмъ графъ Фердинандъ, мудрено было бы прочесть ея истинныя чувства!.. Какъ бы то ни было, она прочла письмо, приняла его къ свѣдѣнію и на другой же день отослала отвѣтъ,—совершенно неожиданный старой графиней.

Столѣтній кедръ у готическаго окна замка Рейзенштернъ, у котораго грѣлась на полуденномъ солнцѣ вдовствующая графиня, свѣтлое озеро стараго парка, на которое устремлены были выцвѣтшіе, но еще проницательные глаза ея, лѣтъ тридцать не видали на ея строгомъ поблекломъ лицѣ такой яркой краски, какая загорѣлась на немъ, когда она сорвала печать и содержаніе письма Людмилы Рейзенштернъ коснулось ея сознанія.

«Она права, эта русская мѣщанка, — думала старая графиня: — я точно не имѣю права ее обвинять въ безуміе моего внука... Она поступаетъ благородно!.. Даже великодушно..»

предлагая освободить его отъ брачныхъ узъ, которыя приняла, не зная ничего о семейныхъ обстоятельствахъ графа»...

Въ эту минуту въ комнату тихо вошла стройная дѣвушка и подошла къ старухѣ, не слыхавшей и не видавшей ее, — такъ была она взволнована и занята своими мыслями.

— Здравствуйте, милая бабушка! — сказала та по нѣмецки: — вы, кажется, чѣмъ-то разстроены?

— Да, мое дитя. Я получила письмо отъ нея, отъ этой... особы, на которой женился твой кузень.

Дѣвушка не вспыхнула яркимъ румянцемъ, а вся заалѣла тонкимъ, нѣжнымъ оттѣнкомъ розоваго шиповника, приличнымъ ея типу бѣлоснѣжной Гретхенъ.

Она молчала, но голубые, на выкатѣ, кроткіе глаза ея смотрѣли вопросительно, съ испуганнымъ ожиданіемъ, словно говорили:

«Ну? и что-же?... Неужели она осмѣлилась огорчить васъ?»

— Фердинандъ имѣлъ глупость или неосторожность дать ей прочесть мое къ нему письмо и вотъ она мнѣ отвѣчаетъ...

— Какъ же отвѣчаетъ она, дорогая бабушка?.. Неужели гнѣвно? Непочтительно?..

— О, нѣтъ! Письмо ея очень сдержанно, очень прилично. Она несомнѣнно умная женщина!

— Слава Богу! — вырвалось искреннее восклицаніе у молодой дѣвушки.

Старая графиня посмотрѣла на нее, будто о ней сожалѣя...

— Ты очень добра, Эмма, дитя мое! — съ нѣсколько суровой, негодующей нѣжностью промолвила она. — Меня сознание ума ея раздражаетъ!.. Хотя я признаю свою несправедливость!

Дѣвушка молча поцѣловала руку старухи, ласково прижавшись къ ней.

— Представь себѣ, милое дитя: она сама возмущена поведеніемъ графа! Она ничего не знала о семейныхъ его обязанностяхъ.

— Неужели кузень Фердинандъ обманулъ... скрылъ отъ нея?!.. — ужаснулась Эмма, снова зардѣвшись.

— Нѣтъ... Этого я не думаю, но онъ не достаточно объяснилъ ей.

«Онъ хорошо сдѣлалъ! Его ничего не обязывало! Онъ былъ въ правѣ и я ему за это благодарна! — мысленно протестовала Эмма; но вслухъ своихъ мыслей не рѣшилась высказать, не желая раздражать старухи.

— Онъ долженъ былъ рассказать ей, что воля его и

твоихъ родителей, мое непремѣнное желаніе и всѣ семейные расчеты обязываютъ его быть твоимъ мужемъ.

— О! Бабушка!—воскликнула дѣвушка и столько печали оскорбленнаго достоинства было въ этомъ единомъ словѣ протеста, что графиня невольно подняла на нее глаза.

— Ну, да, я знаю, что ты въ томъ не нуждаешься и не любишь Фердинанда!—сказала она не безъ упрека въ тонѣ:— будь онъ увѣренъ въ твоей симпатіи, онъ вѣроятно не такъ-бы отнесся къ семейнымъ проэктамъ и все было-бы иначе.

— Я очень люблю брата Фердинанда, но не такъ... Я не могла обманывать... какъ и онъ... Мы оба знали и... И я очень рада его счастію! прошептала Эмма, окончательно сбившись въ выраженіи своихъ чувствъ.

— Именно. Я это знаю. Потому и не подумаю воспользоваться предложеніемъ этой особы... его жены.

— Какимъ предложеніемъ, бабушка?

— Она предлагаетъ разводъ.

— Разводъ?!

Эмма отшатнулась и въ широко открытыхъ, ясныхъ глазахъ ея выразились неподдѣльный ужасъ и недоумѣніе.

— Но это ужасно!—домолвила она:— что-жъ она?.. Развѣ она такая... дурная женщина? Или она его тоже совсѣмъ не любитъ, чтобы рѣшиться на такую крайность?

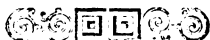
— Нѣтъ, она-то его любитъ!—горько отозвалась вдовствующая графиня:— она-то должна любить его! Но она прочла мое письмо и вѣроятно оскорбилась. Въ ней заговорили негодованіе и оскорбленное достоинство.

— Она права!—прошептала Эмма.

— Ну, да! Ты хочешь сказать, что я одна неправа? Что только я виновата и предъ нею и, пожалуй, предъ тобою?..— возразила графиня, нахмутивъ черныя брови:— я понимаю, что мы, старые люди, часто бываемъ виноваты противъ дѣтей нашихъ, потому что они не достаточно благоразумны, чтобы до вѣрять намъ и постигать, что мы-то разумнѣй ихъ и имъ-же желаемъ добра!.. Нѣтъ, нѣтъ, ненадо!—отстранила она внучку, бросившуюся было къ ней съ горячею лаской.— Я знаю, что ты—не такова! Ты бы не захотѣла противиться моей волѣ, хотя твое горе въ томъ, что ты его не любила!.. Я знаю! Знаю!.. Надо примириться... Но теперь уйди! Ступай къ себѣ, въ садъ, въ свою школу, куда хочешь, а меня оставь!.. Мнѣ надо быть одной, чтобы сосредоточиться и заняться дѣлами.

И своенравная старуха рѣзко отвернулась, сѣвъ къ письменному столу и не взглянувъ болѣе на смущенную дѣвушку.

Эмма фонъ-Рейзенштернъ вышла изъ комнаты и прошла въ садъ.

вашъ?.. Что

XI.

орнію...

Для
чу
връ
ей
об
независимо отъ ея
воли.

на задумчиво пошла вдоль по дубовой аллеѣ озеру, куда глаза глядятъ и думала или върнѣ ей представлялись картины, — какіе-то туманные обрывки мыслей и образовъ, независимо отъ ея воли.

Эмма была мечтательная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и много думавшая, отъ природы серьезная дѣвушка.

Въ послѣдніе годы обстоятельства развили мистическую наклонность въ умѣ ея и часто мечты заносили ее далеко отъ границъ обычныхъ дѣвичьихъ грезъ. Ея довольно туманныя представленія о человѣческомъ существованіи и задачахъ его на землѣ, дружили тѣсно съ фатализмомъ и безнадежностью; за то за предѣлами земной жизни она не признавала страданій и, касательно ея, не допускала возможности пессимизма, а тѣмъ болѣе сомнѣній. Несчастливая привязанность къ человѣку не ея круга, человѣку, которому даже входъ въ привилегированную касту людей, составлявшихъ «общество», — достойныхъ, по мнѣнію бабушки и родичей ея, такого собирательнаго названія, — былъ замкнутъ безапелляціонно, развила въ ней болѣзненно-печальный взглядъ на жизнь и какое-то странное къ ней равнодушіе. Если въ немъ, въ этомъ неестественномъ равнодушіи и было преувеличеніе воображенія, то Эмма его не сознавала, и ей оттого было не легче.

Она была, напротивъ, убѣждена въ своей искренности и въ правотѣ своихъ убѣжденій.

Вотъ и теперь она шла безцѣльно, стараясь, казалось ей, отгонять отъ себя печальныя мысли, въ особенности личныя, а онѣ ссаждали ее и не давали успокоиться. Онѣ летѣли далеко, эти непокорныя мысли: за моря, за океаны, вслѣдъ за уплывшимъ въ поискахъ за счастьемъ юношей, котораго врядъ-ли когда-нибудь увидитъ она опять, — здѣсь на землѣ! Но для Эммы это здѣсь было такимъ браннымъ, скоропреходящимъ мигомъ, на которомъ она не любила останавливаться.

Она дошла до озера, до ограды парка и вдругъ, словно вспомнивъ что-то, быстро направилась къ калиткѣ и вышла на дорогу. Здѣсь въ виду деревушки и высокой черепичной кровли церкви, съ пѣтухомъ на шпигѣ, она остановилась на секунду.

Ее смутила мысль: что скажетъ бабушка, узнавъ, что она опять ходила одна, безъ лакея или старой Августы, внѣ пре-

дѣловъ замка?.. Однако мысль эта ее не заставила возвратиться. Черезъ десять минутъ она входила въ чистенькій, желкой травкой засѣянный дворъ пастората. Здѣсь было три строенія: церковь, домъ пастора и школа.

Эмма хотѣла пройти во-второй, но на порогѣ школы показала высокая пожилая женщина, привѣтливо ей улыбаясь. Дѣвушка вернулась въ ея сторону.

— Что такъ поздно, фрейленъ Эмма?— встрѣтила ее та:— ужь дѣти разошлись обѣдать... Вернутся лишь къ четыремъ часамъ,— да и то не всѣ.

— Я знаю, милая фрау Денверсъ,— отвѣчала молоденькая графиня:— я и не рассчитывала сегодня быть въ школѣ... Не знаете-ли вы, дома-ли старый Германъ Гейзе?

— Дома, пока. Вчера вернулся изъ лѣсу: два дня пропадалъ... Принесъ цѣлый ворохъ корней и травъ... а пасторъ боялся.

— О! онъ привыкъ. Чего-же за него бояться?.. И не такіе лѣса, какъ наши бѣдныя, сѣверныя болота исходилъ онъ вдоль и поперекъ!— улыбнулась Эмма.

— Я знаю... Все-же господинъ Гейзе боится за своего стараго дядю. Пасторъ его чрезвычайно уважаетъ!

— Какъ и всѣ, кто знаетъ старика Германа!— перебила дѣвушка.

— Какъ и всѣ!— вздохнувъ и, улыбаясь, согласилась фрау Денверсъ:— какъ и мой мальчикъ, мой Отто!

Обычно блѣдное лицо Эммы фонъ-Рейзенштернъ снова окрасилось цвѣтомъ алаго шиповника.

Она молчала, неестественно глядя въ сторону.

Школьная смотрительница продолжала, ничего не замѣчая.

— Поглядѣли бы вы, что Отто пишетъ ему изъ Америки. И не поймешь ихъ!

— Развѣ они... въ перепискѣ?.. Я не знала.

— О! Вѣдь это какъ найдеть на Отто?.. Онъ такой фантаверъ!.. Не въ мою сестру, а въ отца своего, корабельщика... Вы знаете, вѣдь мужъ сестры моей былъ финляндецъ. Шкиперомъ, тоже, весь свѣтъ обплавалъ, да тамъ, гдѣ-то за морями и сгинулъ... У! Вольнодумецъ былъ, да смѣлый какой!.. Вотъ и Отто въ него пошелъ... Боюсь, чтобы и онъ не пропалъ, какъ отецъ его... И бѣдная сестра моя, умирая, того-же боялась за сына!— со вздохомъ прибавила словоохотливая фрау Денверсъ и долго бы еще продолжала говорить на любимую тему, — о своемъ племянникѣ, его предприимчивости и смѣлыхъ планахъ, еслибы Эмма не прервала ее вопросомъ, на который рѣшилась не безъ колебаній.

— Такъ на чемъ же остановился племянникъ вашъ?.. Что дѣлаетъ? Гдѣ онъ теперь?

— Пока въ Америкѣ. Пишетъ, что ѣдетъ въ Калифорнію... А долго ли тамъ пробудетъ?—не знаю!. Богъ вѣдаетъ... Для этого безпокойнаго парня всюду тѣсно! Вотъ пишетъ старому Герману: уже просить новыхъ рекомендательныхъ писемъ, къ какимъ то заморскимъ его друзьямъ... У того вѣдь по дѣлому свѣту кумовья.

Въ эту минуту въ палисадникъ предъ пасторскимъ домомъ, вышелъ высокій старикъ. Въ рукахъ его былъ цѣлый снопъ травы и дикихъ цвѣтовъ; а за нимъ въ припрыжку переваливаясь съ боку на бокъ, слѣдовалъ огромный, черный, съ сизыми крыльями воронъ. Старикъ сѣлъ у дома, на скамью и разложилъ возлѣ себя свои травы. Птица взлетѣла на скамейку и сѣла рядомъ.

Женщина покачала головой, неопредѣленно улыбаясь.

— Смотрите! — сказала она Эммѣ:—вотъ вамъ и старый Гейзе, со своимъ чернымъ вѣщуномъ. Охъ!.. Умень старикъ, а ужъ птица его пожалуй еще умнѣ!.. Чего-чего они вдвоемъ не знаютъ!

— Я пойду, поздоровуюсь съ нимъ,—сказала Эмма и, перегнувшись, тихо направилась къ старику.

А тотъ, еще издали увидавъ свѣтлую, стройную фигуру дѣвушки, приближавшуюся къ нему, всю залитую горячими лучами солнца, прикрылъ сухою рукой глаза и привѣтливо закивалъ ей, бормоча себѣ подъ носъ, словно по секрету сообщая ворону свои размышленія.

— А!.. Чистая, мудрая!.. Мудрая дѣва, Zaubere? Что скажешь, старый?.. Въ душѣ ея зажженъ свѣтильникъ во встрѣчу?.. Во встрѣчу божественному жениху... Мало такихъ!.. Только врядъ ли скоро... Врядъ ли его дождешься... Рано! Рано!

И воронъ, будто желая ему на ухо сообщить свой отвѣтъ, взмахнулъ могучими крыльями и мягко опустился на плечо стараго Германа...

И оба старца, глядя прямо блестящими, пронизательными глазами въ ясные глаза подходившей къ нимъ дѣвушки, встрѣтили ее радушно.

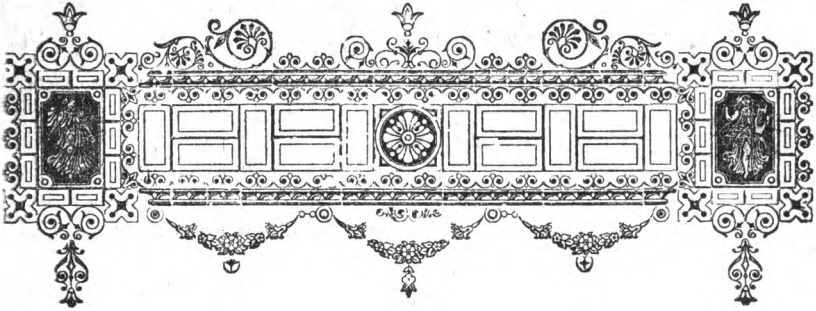
А бабушка, вдовствующая графиня Рейзень-фонъ-Рейзенштернъ кончала между тѣмъ конфиденціальное письмо:

«Да! Планы мои разрушены, а между тѣмъ я старѣюсь и болѣю и дрожу, что должна буду оставить Эмму, это единственное дитя моего старшаго возлюбленнаго сына безъ призора, безъ покровителя въ жизни!.. Вы знаете, дорогая и глубоко

уважаемая герцогиня, что мой покойный сынъ, Генрихъ, женился поздно, когда у младшаго брата его, Франца, былъ уже восьмилѣтній сынъ. Тѣмъ не менѣе Эмма наслѣдница его, своей покойной матери и моя... Она круглая сирота красавица, милая, добрая дѣвушка,—все это я смѣло могу утверждать. А потому, если вы еще не забыли встрѣчу нашу въ Берлинѣ, десять лѣтъ тому назадъ, когда вашъ сынъ былъ юноша, а моя внучка маленькая дѣвочка и вамъ угодно было строить планы насчетъ ихъ брака; если принцъ Эдгаръ Альтенгеймъ-фонъ-Зоннербергенъ все еще свободенъ, — какъ удостоверяетъ это Готскій календарь, — не найдете ли вы возможнымъ и цѣлесообразнымъ познакомиться этихъ молодыхъ людей?.. Я, при настоящихъ немощахъ своихъ, ужъ не могу ѣхать никуда; но вы меня моложе и быть можетъ не откажетесь вспомнить старую дружбу нашихъ матерей и примете дружеское приглашеніе провести у меня нѣсколько недѣль. Сезонъ охоты бываетъ здѣсь очень оживленъ, — а сынъ вашъ вѣроятно наслѣдовалъ охотничью страсть отца своего?.. Передайте ему, что мы будемъ рады видѣть его въ Рейзенштернѣ...»

И точно сезонъ охоты вышелъ въ тѣхъ мѣстахъ очень весель въ этомъ году, по случаю блестящаго сѣзда въ замкѣ Рейзенштерновъ и помолвки графини Эммы съ княземъ Альтенгеймомъ, потомкомъ вождя рыцарей-крестоносцевъ и владѣтельнымъ герцогомъ миниатюрнаго герцогства Зоннербергена

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Съ полной красть.

I.

Прошло болѣе четырехъ лѣтъ послѣ рассказанныхъ происшествій.

Вдовствовавшая графиня Рейзенъ-фонъ Рейзенштернъ скончалась. Древній замокъ ея опустѣлъ.

Онъ достался графу Фердинанду, но они съ женой не жили въ немъ, почти не возвращаясь въ Россію.

Людмила Юрьевна только разъ пріѣзжала въ Петербургъ, по усиленнымъ просьбамъ Леоноры Дарзансъ, своей кузины. Она оставалась не долго; провела лишь сезонъ баловъ, нашла стѣснительной и скучной жизнь «дома» и поспѣшила обратно за границу, посоветовавъ и дядюшкѣ не изводить своей дочки: скорѣй пріѣзжать самому и «Лору перевести въ цивилизованныя страны»... Нечего и говорить, что пятнадцатилѣтняя Лора, Леонора, — а по православному просто Елена Валентиновна Дарзансъ сама только и мечтала о счастливомъ времени, когда она отвяжется отъ учителей и гувернантокъ и подпадетъ окончательно подъ легкую ферулу блестящей кузины Лиды, — такъ заблагоразсудила графиня Рейзенштернъ измѣнить свое неудобоваримое во Франціи и Германіи славянское имя.

Лѣто едва вступало въ свои права.

Окрестности Парижа цвѣли и красовались, подчищенные, подстриженные, выхоленные искусственными садовниками. Елисейскія поля пестрѣли благоуханнымъ ковромъ.

Четвертый часть дня. Весь путь отъ площади Согласія, до каскада въ Булонскомъ лѣсу, помимо цвѣтниковъ дѣйствительныхъ, представляетъ непрерывную вереницу движущихся цвѣтовъ. Праздные, нарядные люди гуляютъ и катаются, верхомъ и въ экипажахъ.

Они составляютъ пестрыя группы на зеленой муравѣ полянъ, отдыхая въ тѣни деревъ, любуются на экипажи, на богатые наряды избранныхъ, на красоту и миловидность дѣтей и женщинъ, на лодки, скользящія вдоль зеркальных прудовъ.

Это движущаяся выставка блесковъ и красокъ, дорогихъ экипажей и лошадей, модныхъ нарядовъ хорошенькихъ женщинъ и щеголей, граціи балованныхъ дѣтей и дорогихъ собачекъ...

«Le tout Paris» — это безшабашное, веселое, блестящее, капризное дитя о многихъ сотняхъ тысячъ головъ все тутъ было въ сборѣ.

Глаза разбѣгались на прелестныхъ парижанокъ — со всѣхъ пяти частей свѣта!

Вотъ двѣ амазонки на тысячныхъ коняхъ, въ сопровожденіи блестящей свиты приближаются къ café de la Cascade. Сотни зрителей поднимаютъ головы и провожаютъ ихъ одобрительными взглядами, освѣдомляются: кто такія?.. Въ особенности одна статная, величавая женщина-красавица, въ темной амазонкѣ самаго изящнаго и строгаго стиля, привлекаетъ вниманіе.

Благообразный, пожилой господинъ, завтракавшій на террасѣ, даже опустилъ чашку, поднесенную было къ губамъ и, не спуская съ нея глазъ, слушаетъ рассказы двухъ собесѣдниковъ. Эти молодые люди истые парижане, тогда какъ онъ провинціалъ, хотя часто посѣщаетъ столицу, по своимъ милліоннымъ дѣламъ. Это богатѣйшій фабрикантъ мыла, духовъ, и косметическихъ издѣлій, Бреммеръ, недавно купившій себѣ дворянство, — баронскій титулъ.

Одинъ изъ юныхъ товарищей его, родной его сынъ Эрнестъ, балованный отцомъ денди, такъ и разливается въ рѣчахъ. Онъ передаетъ отцу всѣ сплетни о красавицѣ-амазонкѣ, обратившей на себя его вниманіе.

— О! Это ужасная женщина! Сирена, опутавшая своими сѣтями многихъ, любовавшихся ею ротозѣевъ. Ненасытная роскошь этой, приобрѣвшеи громкую извѣстность «Superbe comtesse russe», поглотила не одно, вѣками нажитое состояніе.

Всѣ ее знаютъ подѣ этимъ прозвищемъ, — «великолѣбной графини»...

— Вотъ уже три сезона эта русская Мессалина, эта графиня де Рейзенштернъ, блистаетъ, не увядая на горизонтѣ парижскаго beau monde'a, затмѣвая собою «les femmes à la mode» всѣхъ другихъ національностей.

— Она такъ умна и дерзка, такъ ловка и находчива, что всегда побѣдоносно выходитъ изъ передрагъ, которыя не прошли бы даромъ другимъ женщинамъ. Еще недавно маркизъ де-Шатору имѣлъ за нее кровавое дѣло съ мужемъ своей сестры: онъ убилъ зятя на дуэли изъ ревности къ ней... Это былъ громкій скандалъ! Какъ всегда, одинъ мужъ не вѣдаетъ о ея пружесахъ, которыя занимаютъ весь Парижъ, едва ли не всю Европу... Впрочемъ нѣтъ! И у него была дуэль, прошлой зимою, съ однимъ венгерскимъ магнатомъ. Они поцарапались изъ за дерзости, которую m-r de Reisenstern усмотрѣлъ въ обращеніи венгерца съ его женой... Бѣдняга попался, — одинъ замѣченный изъ плеяды, незамѣчаемыхъ мужемъ amis intimes этой, съ виду, недосыгаемой красавицы... Нынѣ на очереди старый герцогъ de Lhomar...

— Allons donc, mon cher! Довольно сплетень, Ernest!.. — остановилъ его отецъ. — Тебя можно принять за старую кукушку-переносчицу!.. Assez de cancans comme ça!.. А кто же эта молоденькая дѣвочка съ нею?

— Какая дѣвочка?.. А ба! впервые вижу.

— А вотъ Шампальякъ намъ скажетъ, — мотнулъ имъ головой, на входившаго молодого человѣка, ихъ третій собесѣдникъ. — Вы не изъ свиты сегодня, Шампальякъ? — обратился онъ къ этому денди чистѣйшаго парижскаго типа.

— Дѣло времени и часа, mon cher! — отвѣчалъ вновь прибывшій, съ той неопредѣленной grimasой, которую соотечественники его мѣтко называли la moue. У — меня здѣсь нынѣ дѣловое свиданіе.

— М-r le vicomte въ дѣлахъ? — добродушно усмѣхнулся старшій Бреммеръ, протягивая ему руку. — Тетушка ваша пришла бы въ восторгъ, еслибы знала...

— А! баронъ! Вотъ и вы?.. Давно-ли здѣсь и надолго-ли.

— Дня два и настолько же недѣль. Тоже кое-какія дѣлишки! — свисходительно улыбаясь, отвѣтилъ миллионеръ, расправляя свои усы и эспаньолку à la Victor Emmanuel.

— Мой отецъ вѣчно занятъ! — замѣтилъ Бреммеръ младшій. — Но я серьезно боюсь, что на сегодня образъ «великолѣбной графини» сдѣлаетъ его разбѣяннымъ et lui fera mon-

quer une belle affaire!.. Онъ въ первый разъ ее видитъ и въ восторгѣ.

— Ага! Не правда-ли?.. Несравненная женщина!.. Юнона, подбитая Минервой—moins la pruderie. Когда славянки принимаются быть красивыми, онѣ берутся за дѣло серьезно!

— Вы съ ней знакомы?

— Sapristi!—разсмѣялся Эрнестъ. —Рекомендую тебѣ, отецъ, одного изъ штата графини Рейзенштернъ Un intime, parbleu!

— Я былъ представленъ однимъ изъ первыхъ, когда графиня появилась. Si vous tenez à l'être, baron,—если вы желаете съ ней познакомиться, я могу оказать вамъ эту услугу.

— Боюсь, что не буду имѣть къ тому случая... Я мало знаю парижское общество.

— Представьте отца этой красавицѣ, Шампальякъ! Это мысль!.. Онъ останется дольше въ Парижѣ, а это мнѣ съруки: его присутствіе всегда сильно увеличиваетъ мой бюджетъ!—болталъ молодой Бреммеръ, закуривая сигару.

Шампальякъ между тѣмъ продолжалъ, обращаясь исключительно къ старику, доказывая, что онъ не можетъ устроить себя отъ обязательнаго посѣщенія еженедѣльныхъ раутовъ министра торговли, а m-me de Reisenstern тамъ бываетъ... Она вообще такъ много выѣзжаетъ, что встрѣтить ее не трудно.

— Вотъ они ѣдутъ въ нашу сторону. Посмотрите, какая красота! Quel port! Quelle belle stature! Что за лебединая шея!.. Что за ростъ!

— Вы говорите объ амазонкѣ или объ ея конѣ?—насмѣшливо спросилъ Эрнестъ.

— Insolent blagueur!—засмѣялся отецъ.

Группа всадниковъ, полюбовавшись живописнымъ каскадомъ, ниспадающимъ со скалы въ quasi натуральный бассейнь, обрамленный деревьями и цвѣтущимъ кустарникомъ, повернула направо и медленно двигалась вверхъ, мимо кафе.

Блестящая свита окружала графиню и ея спутницу. Это была еще совѣтъ молоденькая дѣвушка. Въ ея блестящихъ черныхъ глазахъ, въ бойкихъ рѣчахъ, въ свѣжемъ румянцѣ и веселой улыбкѣ жизнь такъ и кипѣла. Шествіе замыкала графъ Фердинандъ, нѣсколько постарѣвшій и обрюзгшій со времени своей свадьбы. Онъ равнодушно смотрѣлъ на все и всѣхъ, болѣе нежели когда либо стекляннымъ, ословѣлымъ взглядомъ.

Когда вся кавалькада поравнялась съ террасой, молодая дѣвушка затянула поводья своей лошади и, оглянувшись на графа, закричала ему громче, чѣмъ позволяла бы благоспо-

танность и по русски, что заставило многих посѣтителей поднять голову отъ питій и яствъ и посмотреть на все общество еще съ большимъ интересомъ:

— Милый братецъ! Спасите меня отъ смерти: велите подать стаканъ воды.

Графъ Фердинандъ встрепенулся.

— Быть можетъ зельцерской?.. Или съ сиропомъ.

— Ахъ, нѣтъ! Бога ради безъ всякой болтушки. Просто чистой холодной воды.

Рейзенштернъ только что открылъ ротъ отдать приказаніе, какъ отъ одного изъ ближайшихъ столиковъ, поднялся молодой человѣкъ и, наливъ стаканъ воды изъ стоявшаго на подносѣ графина со льдомъ, подаль ей съ поклономъ и улыбкой, при томъ сказавъ на чисто русскомъ языкѣ:

— Кушайте на здоровье! Здѣсь вѣдь трудновато простой воды дожидаться, а намъ ее только что подали.

Хорошенькая дѣвушка окинула говорившаго вопросительно любопытнымъ взглядомъ, сказала: «благодарствуйте!» и откинувъ вуалетку, стала пить, лукаво поглядывая на него изъ за стакана.

Всѣ смотрѣли на нее съ одобрительной улыбкой.

Графъ Рейзенштернъ, нѣсколько неувѣренно, отвѣтилъ на учтивость молодого человѣка молчаливымъ поклономъ; всадники приостановились пока графиня, величаво обернувшись, замѣтила своей спутницѣ по англійски:

— Вотъ какими непрошенными услугами и знакомствами рискуешь подобными, несдержанными выходками, Лора!..

Молодой человѣкъ открыто улыбнулся, глядя прямо въ лицо графини.

— Англійскій языкъ здѣсь рискованнѣе русскаго, ваше сіятельство!.. Вы же особенно ничѣмъ не рискуете,—обратился онъ къ молодой дѣвушкѣ.—Я не охотникъ навязывать своего знакомства, да къ тому же на дняхъ оставляю не только что Парижъ, но и самую Европу.

— И ѣдете?—живо освѣдомилась Леонора Дарзансъ.

— И ѣду... Куда глаза глядятъ, Елена Валентиновна.

— Вы... Вы знаете мое имя?!

— Un compatriote?—любезно улыбаясь, освѣдомился Шампальякъ, подойдя и раскланиваясь съ графиней.

Она повернулась къ нему и привѣтливо отвѣчала на поклонъ и на вопросъ, явно показывая, что предпочитаетъ его разговоръ объясненію съ неизвѣстнымъ.

— Позвольте мнѣ имѣть честь узнать,—началъ было графъ

Фердинандъ, успѣвъ сообразить, что пора ему выѣхать:— съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?.. Я—графъ...

— Рейзенъ фонъ Рейзенштернъ!—перебилъ русскій молодой человѣкъ, принимая стаканъ изъ рукъ Леоноры.—Кто-же этого не знаетъ?

— Однако...

— Однако, это становится забавнымъ!—прервалъ снова графа высокій, очень представительный человѣкъ, съ презрительной полусѣдой бородою, тоже изъ числа всадниковъ.—*Laure, mon enfant, finiras-tu?*

— Сейчасъ, папа!—отвѣчала Леонора и капризно прикрикнула по русски на незнакомаго господина.—Да что же вы играете въ инкогнито?.. Назовитесь!

— Поѣдемъ, Лора!—произнесла не оборачиваясь Людмила Юрьевна.—Пора прекратить эту сцену маскарадной мистификаціи, на потѣху присутствующихъ!

— Молодой человѣкъ желаетъ сохранить свою неизвѣстность и тѣмъ поддерживать въ дамахъ интересъ.—замѣтилъ сановито поглаживая бороду, отецъ Леоноры.

— Нисколько, милый дядошка!—по французски же отвѣчалъ ему незнакомецъ, иронически взглянувъ на него и тотчасъ обернувшись и сдѣлавъ два шага къ дверямъ, открытымъ съ террасы въ залу кафе, сказалъ, возвысивъ голосъ: Долголецкій! Да придешь-ли ты, наконецъ?.. Какъ-то неловко—продолжалъ онъ, снова обратившись къ обществу, составлявшему кавалькаду—самого себя называть родственникамъ, не признающимъ личности... Еще почтутъ за самозванца!

И широкая улыбка сморщила его добродушное, смуглое лицо, открывъ бѣлые зубы, больше чѣмъ принято въ *high life*.

Всѣ были въ высшей степени заинтересованы; графиня озиралась въ нѣсколько тревожномъ любопытствѣ и равнодушно привѣтствовала появленіе длинной, очень благообразной фигуры, ей и всѣмъ въ Парижѣ хорошо знакомаго господина.

Долголецкій сначала прищурился, какъ дѣлаютъ очень близорукіе люди, которымъ лѣнь сдѣлать лишнее движеніе, спросилъ: «что тебѣ надо?..» Потомъ вскинулъ наконецъ *pinces* на свой тонкій, горбатый носъ и, узнавъ соотечественниковъ, въ недоумѣніи оглядывавшихъ его и товарища, съ которыми онъ собирался здѣсь пообѣдать, направился къ нимъ развалистой, медленной поступью, процѣдивъ себѣ подъ носъ:

— А-а!.. Здравствуйте!.. Чѣмъ могу служить?

— Представь меня, голубчикъ, Евгеній Андренчъ!—спросилъ его товарищъ.—Петербургская родня не признаетъ!

Долголецкій поглядѣлъ на него черезъ *pinse-nez*, — поверхъ *pinse-nez*, усмѣхнулся и протянулъ:

— А-а!.. Съ удовольствіемъ. Ты всёхъ знаешь?

— Я-то знаю, да меня знать не хотятъ!

— Да говорите же хоть вы, Евгений Андреечъ! — закричала, невыдержавъ, Леонора.

— Ахъ, нетерпѣливая барышня! — усмѣхнулся не смущаясь Долголецкій. — Извольте!.. Какже это вы двоюроднаго брата не признали?.. Онъ мнѣ рассказывалъ, какъ вы въ деревнѣ въ жмурки, бывало, игравали... Помните!

— Какъ?.. Неужели *cousin Gri-Gri*?! — весело вскричала Леонора, чуть не бросивъ поводій и, къ ужасу графини всплеснувъ руками.

— Къ вашимъ услугамъ! — снова сверкнулъ зубами черно-волосый господинъ. — А вы-то и не узнали!

— Еще бы!.. У васъ тогда небыло бороды!

— Десять-то лѣтъ тому назадъ?.. Я еще тогда немножко брился! — рассмѣялся молодой человѣкъ.

— Такъ чего же ты, братецъ, мямлил такъ долго?.. Гриша Недвиновъ, что-ли? — спросилъ Дарзансъ, протягивая руку добродушно. — Михаила Александровича сынъ?

— Къ услугамъ вашимъ, дядошка! — весело повторилъ молодой человѣкъ. — Вольно-практикующій художникъ Григорій, Михайловъ сынъ, Недвиновъ!.. Прикажете быть знакомымъ, графиня Людмила Юрьевна? — сощкольничалъ онъ.

— О, да! Конечно!.. Мы будемъ очень рады видѣть васъ! — отвѣчала графиня Рейзенштернъ, а сама въ то же время размышляла: Господи! Какъ все это глупо!.. И откуда онъ взялся, этотъ новый родственникъ?

— О, да, конечно, — эхомъ повторилъ графъ Фердинандъ, протягивая руку родственнику жены. — Вотъ адресъ нашъ!

Онъ передалъ ему карточку.

— Да, да! Вотъ нашъ общій адресъ! прибавилъ Дарзансъ. — Приходи, братецъ!.. Мы и не знали, что ты въ Парижѣ!

— Да я и самъ еще не опомнился, что здѣсь.

— Онъ вѣдь все летаетъ, вашъ племянникъ, Валентинъ Львовичъ! замѣтилъ Долголецкій. — Недаромъ мы его въ Москвѣ еще, въ университетѣ, перелетнымъ скворцомъ называли.

— *Eh bien, messieurs, au revoir!*.. поклонилась графиня. — Дядошка! Графъ!.. Ёдемте, наконецъ... Будетъ обращать на себя общее вниманіе даровыми представленіями!

Она двинулась и всѣ за ней.

Но Леонора успѣла согрѣшить не принятымъ въ парижскомъ свѣтѣ *shake hands* омъ съ обоими молодыми людьми,

заявивъ, что сегодня же, непременно сегодня ждетъ къ себѣ cousin Gri-Gri.

— А вы, Евгений Андреевичъ! Хороши, нечего сказать! крикнула она Долголецкому на прощаніе: — прогулка въ musée Clupe за вами до сихъ поръ!.. Ни рара, ни Лида не хотятъ со мной ѣхать, а я не видала!.. Когда же поѣдемъ?

— А вотъ завтра-же, Леонора Валентиновна! — отвѣчалъ Долголецкій. — Завтра нашъ русскій праздникъ: я свободенъ отъ посольства... Мы вотъ и съ нимъ, — указаль онъ на Недвинова, — завтра, въ полдень, у васъ, и ѣдемъ смотрѣть развалины дворца Іуліана отступника!.. Досвиданія.

Кавалькада исчезла за поворотомъ аллеи. Пріатели сѣли къ столу, гдѣ стыло, подъ серебряными колпаками, potage тонкаго обѣда, заказаннаго Долголецкимъ.

— Съ чего ты вздумалъ меня прилетать? спросилъ Недвиновъ. Я врядъ-ли — вамъ товарищъ... Терпѣть не могу все-россійско-нѣмецкихъ-офранцузенныхъ баръ!

— Пустяки, другъ любезный, пойдешь! отвѣчалъ тотъ, разливая супъ. — Во-первыхъ и неучтиво теперь, когда назвался, не пойти. Зачѣмъ грубіянить?.. А потомъ тебѣ артисту, писателю.

— Какой я писатель, помилосердствуй!

— Конечно! Живописецъ и писатель! настаивалъ Долголецкій. — Тебѣ полезно и даже необходимо знакомство и съ этой средой... — Я тебѣ скажу, меньшая твоя кузина премиленъкая будущая роза — сѣнтифолія. Пока еще — вѣтромъ колблема... И на бѣду попала въ такую школу!.. Боюсь, выйдеть изъ нея цвѣтокъ не столь благовидный... Не представляеть-ли она ужъ и теперь камели въ бутонѣ?.. Я не увѣренъ!..

— О! Богъ съ тобой!.. У тебя вѣчныя фантазіи!.. Ты циникъ! Всегда такой былъ.

— Былъ, другъ любезный и буду. Ты не смущайся: я подразумѣваю камелию grand genre, haut style! Самую блестящую, благоговѣніе внушающую, царственную камелию, если хочешь!..

— Подобіе ея старшей кузины, словомъ? засмѣялся Григорій Михайловичъ, доканчивая жиденъкій potage и помышляя, что лѣнныя щи съ гречневой кашей или растегаемъ, куда бы ему больше по вкусу были.

— Нѣтъ! Не совсѣмъ! словно рѣшая вопросъ важности капитальной, отвѣчалъ Евгений Андреевичъ Долголецкій, и едва приступая къ своему potage aux asperges, словно къ какому нибудь таинству, требовавшему особаго вниманія. — Графиня Людмила Юрьевна не можетъ назваться простой камелией!..

— Однако, скандальная хроника утверждает...

— Э-э! другъ любезный. Мало чего хроника! Людская молва всегда беретъ легче то, что подешевле...

Онъ покосился въ сторону, на тотъ столъ, гдѣ Бреммеръ со своей компаніей допивали кофе, послѣ повдныа завтрака и продолжалъ, понизивъ голосъ:

— Всѣ эти виконты Шампальяки мелко плаваютъ для такихъ женщинъ, какъ графиня!.. На нее клеветуцъ по мелочамъ, на мѣдныя деньги; тогда какъ она и сдачи могла бы дать на чистое золото. Эта женщина, другъ милый, соткана изъ матерьяла древнихъ честолюбивъ,—Агрипинъ, пожалуй очаровательницъ Аспазій,—но ужь никакъ не изъ грубаго тѣста чувственныхъ Мессалинъ!

— Ну вотъ!.. Я говорю—циникъ... Нечего сказать: похвалилъ! Соединилъ Агрипину—съ Аспазіей!

— Да я и не думаю хвалить. Я просто держусь правды. Ты сравниваешь Людмилу Юрьевну съ камеліей; я говорю: подымай выше!.. Я скорѣе сравню ее съ блестящей морской анемоной. И холодна, и хороша, и цвѣта мѣняетъ, смотря по обстоятельствамъ! И наконецъ, всѣхъ притягиваетъ и, кого можно,—безпощадно поглощаетъ!

— И многихъ скушала? смѣясь, спросилъ Недвиновъ.

— Скушала и еще скушаетъ,—кого ей нужно, по особымъ разсчетамъ ея, а совсѣмъ не изъ эротическихъ побужденій, какъ предполагаетъ пошлое большинство.

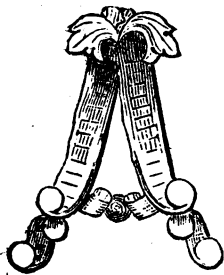
— Какъ же ты не боишься ея близости?

— Я-то?.. Ну, я не лакомый кусокъ и ей совсѣмъ не нуженъ. А она меня занимаетъ!

И Долголецкій обратилъ все свое вниманіе на слѣдующее жушанье.

II.

арзансъ съ дочерью съ ранней весны жили съ Рейзенштернами. Они нашли ихъ еще въ Ниццѣ и вмѣстѣ пріѣхали на сезонъ, въ Парижъ, готовясь послѣ скачекъ покинуть его ради какихъ нибудь водъ или морскаго берега, какъ ежегодно дѣлалъ «весь свѣтъ» — читай: всѣ избранные міра сего, надѣленные сотнями тысячъ излишка, въ ущербъ одѣ-

ленныхъ, лишенныхъ необходимаго... Съ такими Людмила Юрьевна не зналась; мало этого: она не признавала даже возможности такого безобразнаго явленія, какъ недостатокъ средствъ для... жизни?—нѣтъ! Для выполненія какихъ бы то ни было прихотей.

Слѣдствіемъ ея убѣжденія, что деньги нужно тратить, а потому—онѣ должны быть и всегда у нея будутъ, явилось страшное разстройство состоянія, съ которымъ графъ Фердинандъ рѣшительно не зналъ, какъ быть? Онъ давно вышелъ въ отставку, ради свободы дѣйствій требуемыхъ женою и первое время самъ не стѣснялся, считая свои доходы достаточными для покрытія самыхъ широкихъ расходовъ. Но онъ скоро увидѣлъ, что ошибался, что жена его не такъ, какъ онъ понимаетъ роскошь, что она рассчитываетъ жить на свой ладъ, то есть такъ, какъ было бы подстать женѣ одного изъ Ротшильдовъ, а не графинѣ Рейзенъ-фонъ-Рейзенштернъ... Чуть что не весь капиталъ его, а не проценты, которыми онъ рассчитывалъ всю жизнь прожить и дѣтямъ своимъ завѣщать, ухнулъ—въ первые же два года. Тутъ подошло бабушкино наслѣдство... Но это была капля въ морѣ,—кромя прадѣдовскаго замка, котораго продать владѣлецъ его не имѣлъ права. Доходы же съ помѣстья, какія нибудь несчастныя пятьдесятъ, шестьдесятъ тысячъ рублей въ годъ—что это было такое?..

При первомъ словѣ мужа о необходимости сократить расходы, продать отелъ въ Парижѣ и виллу въ Ниццѣ, графиня возразила, что не можетъ жить помѣщански... Тогда онъ предложилъ поѣхать домой, прожить годъ, два, въ Рейзенштернѣ, но экономнѣе, ради будущаго...

— Чтобы имѣть кусокъ хлѣба къ тому времени, какъ у меня зубовъ не будетъ? насмѣшливо прервала она соображенія его. — Благодарю! Нѣтъ, ужъ я предпочитаю просто умереть, когда ѣсть будетъ нечего. А пока есть чѣмъ жить—жить!

— Но жить въ нашемъ прекрасномъ замкѣ не есть голодная смерть! замѣтилъ графъ Фердинандъ, изумившись.

— По моему хуже! срѣзала его жена.—Что смерть?.. Процессъ натуральный... Несравненно легче было бы мнѣ прибѣгнуть, въ крайности, къ ней, чѣмъ живой зарыться въ яму. Нѣтъ, ужъ увольте отъ такой медленной смерти: я найду быстрѣе, когда будетъ нужно!

Графъ Фердинандъ посмотрѣлъ на жену, не зная, шутить она или ссшла съ ума?.. Она въ это время разсматривала новое платье, только что доставленное отъ Ворта. Она была въ немъ ослѣпительно хороша въ ту же ночь на балѣ!.. Графъ

нѣсколько разъ въ теченіи этого бала уставлялъ на нее свои лазоревые, всегда невозмутимые глазки, но въ ту ночь, не одинъ восторгъ, а какой-то нѣмой вопросъ возмущалъ ихъ спокойствіе... Онъ смотрѣлъ, вздыхалъ, уходилъ куда нибудь въ сторону и тамъ крѣпко тянулъ себя за усы, въ тяжкомъ раздумьи...

Съ тѣхъ поръ прошло почти два года. Жена тогда ему сказала, въ заключеніе ихъ дѣловой бесѣды: «если хочешь— поѣзжай одинъ въ свое имѣніе! Я не поѣду, потому что для меня такая жизнь безъ сравненія ужаснѣй смертнаго приговора. А если хочешь послушаться моего совѣта: останься здѣсь и ты! Будемъ жить, пока живется!..»

И онъ остался, не собравшись съ духомъ оставить ее. Да и къ чему бы это служило? Вѣдь расходы оттого только бы удвоились... И вотъ они жили все также; хотя, какъ онъ зналъ, они не получали теперь и четвертой части того, что тратили прежде... Онъ задумывался иногда... Иногда недоумѣвалъ, возмущался, собирався «серьезно переговорить!» Но переговорамъ все что нибудь да мѣшало... Онъ все откладывалъ и объясненіе казалось все тяжелѣй, все невозможнѣй...

Тутъ явился на выручку дядя, Валентинъ Львовичъ. Онъ пріѣхалъ и поселился вмѣстѣ съ ними... Отель былъ помѣстителенъ. Расходы, понятно, пополамъ.

Мѣсяца черезъ два совмѣстнаго хозяйства, какъ только пріѣхали въ Парижъ, графъ Фердинандъ не смѣло замѣтилъ женѣ, что онъ, быть можетъ, теперь найдетъ возможность выплатить долги?..

— Какіе долги? У меня нѣтъ долговъ,—возразила графиня.

— Я... Я думалъ,—нерѣшительно заявилъ графъ,— что ваши туалеты... Вѣдь собственно доходъ нашъ, за прошлый сезонъ, едва покрылъ расходы по дому.

Графиня сдержанно засмѣялась.

— Да, вы правы! отвѣтила она, пристально разсматривая лице свое въ зеркало.—Ваши расходы были по дому... Свои же я уплачивала сама.

— Какъ?.. Чѣмъ?.. пробормоталъ графъ Фердинандъ, открывъ даже ротъ отъ полноты изумленія

— Ну, разумѣется! весело подтвердила Людмила.—Я же получила наслѣдство... отцовское!.. Развѣ вы не знали?.. Вѣдь на состояніи отца и покойной тетки Дарзансъ было запрещеніе, процессъ... Онъ длился годы. Наслѣдники не трогали процентовъ и вотъ, наконецъ, теперь, выиграли и поѣхали... Наслѣдницы, вѣдь, я и Леонора, вы знаете!

— Въ самомъ дѣлѣ?.. И много вы получили?.. То есть, извините меня!.. Вы понимаете, что я не изъ корысти...

Графъ даже сконфузился своей неделикатности.

— O! Allez toujours!—ободрила его снисходительно жена.— Цифра почтенная... Мнѣ суммы этой на долго хватить.

— Ахъ, мой другъ! Не тратьте капитала! — глубоко-мысленно посовѣтовалъ, умудренный опытомъ, мужъ.

— O! Не беспокойтесь!.. Я буду, пока, жить на проценты!— едва не громко разсмѣялась красавица-жена.

Графъ подумалъ немного и прибавилъ:

— Такъ вы думаете, дорогая моя, что намъ можно продолжать жить по прежнему?.. Моихъ доходовъ,—вы ихъ знаете, вмѣстѣ съ процентами на вашъ капиталъ и съ участіемъ въ общихъ расходахъ вашего почтеннаго дядюшки, станетъ на прежній нашъ образъ жизни?

— Безъ сомнѣнія! И съ лихвой!..

— Право?.. И съ тратами на ваши туалеты?

— Ахъ! Боже мой, разумѣется!

— Такъ я васъ поздравляю! — добродушно промолвилъ графъ.

— И я васъ также!— несовладавъ съ душившимъ ее смѣхомъ, отвѣтила графиня.

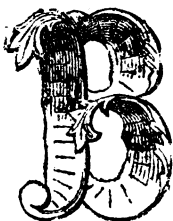
Дядюшка на сколько было нужно и возможно, былъ въ заговоръ противъ мужа. Да онъ имѣлъ и полное право думать, что самъ, одинъ и безо всякой конкуренціи, выручилъ изъ бѣды нѣжно любимую племянницу; а потому истина, во всемъ своемъ отвратительномъ безобразіи, не могла смутить покоя ихъ обоихъ.

Между дядей и племянницей установилась тотчасъ-же солидарность, во многихъ стремленіяхъ, хотя далеко не во всемъ, какъ воображалъ Валентинъ Львовичъ. Благословенная жизнью, женщинами и прежде всего, до послѣдняго часа влюбленной въ него, женой, Дарзансъ не умѣлъ сдерживать своихъ желаній и въ пятьдесятъ лѣтъ еще считалъ себя неотразимымъ. Въ разнузданной, вполнѣ безнравственной жизни этого человѣка было одно единственное чистое, не оскверненное ни лицемѣріемъ, ни эгоизмомъ, чувство. То была глубокая привязанность его къ дочери. Но даже и это святое чувство проявлялось безалаберно, приносило одинъ вредъ и вело къ гибели, безсознательной, но вѣрной. Изъ нихъ троишь одна Людмила могла сознать и сознавала безспорно, куда ведутъ они эту дѣвочку, это беззащитное неразумное дитя. Но какое было ей до этого дѣло? Она и не задумывалась никогда ни надъ участію Леоноры, ни надъ тѣмъ гибельнымъ учас-

чемъ, которое она въ ней принимала, поглажая во всеѣхъ мнѣнахъ на все закрывая глаза, ради личныхъ расчетовъ, удобствъ или корысти. Отецъ и дочь были очень богаты! это былъ главный вопросъ... Изъ за этой побудительной причины Людмила Юрьевна всегда старалась поддержать пріязнь и полное довѣріе кузины; а равно не рѣшалась отвергать и любви Валентина Львовича... Даже въ былыя, неудобныя времена, когда она еще жила въ домѣ дяди и несдержанность его могла ее оскорблять и порою ставить въ очень неловкое положеніе, Людмила Юрьевна благоразумно старалась сдерживать свое негодованіе. Нынѣ же она не видала нужды пренебрегать его преданностію, имѣя полную возможность ею пользоваться, никого не шокируя...

III.

Въ тотъ день, когда графиня Рейзенштернъ и Леопора, или точнѣе—Елена Дарзансъ поманикомились въ Булонскомъ лѣсу со своимъ родственникомъ, Недвиновымъ, дамы еще думали до обѣда сдѣлать нѣсколько визитовъ, понасыть въ два три дома на «пяти часовую чашку чая»— это нововведеніе великосвѣтскихъ салоновъ въ послѣдніе годы; но прогулка ихъ задержала позже, чѣмъ онѣ предполагали. Теперь было только время одѣться къ обѣду, такъ чтобы прямо изъ за стола, показаться въ оперѣ или въ одномъ изъ бульварныхъ театровъ, на одно или два дѣйствія; а оттуда еще поспѣть на раутъ, но называвшійся баломъ только потому, что наступилъ апрѣль, заканчивающій балльный сезонъ.

«La superbe comtesse» какъ называли Людмилу Юрьевну ея мѣстные поклонники, только что сняла амазонку, облеклась

въ кружевной пеньюаръ, опустилась въ мягкую кресло-кушетку, предъ которой былъ сервированъ элегантный чай, на миниатюрномъ столикѣ и отдала приказаніе субреткѣ позвать *mademoiselle Laugel*.

Леонора ждать себя не заставила. Она тоже успѣла переодѣться въ кокетливое «*negligejeune fille*», изъ блага батиста и розовой тафты и повстрѣчалась съ горничной на полпути.

— У тебя чай?.. Ахъ, какъ я рада!.. Ужасно пить хочется всегда послѣ верховой ѣзды.

Она бросилась сначала въ кресло, мягко потянулась, зѣвнула, улыбнулась своимъ мыслямъ и принялась за чай съ апетитомъ дѣвочки, намазывшейся въ игрѣ. Она не «грызла сандвичи и макароны кончиками зубовъ», какъ обыкновенно нишуть хроникеры великосвѣтской жизни; но преисправно кушала и запивала тартинки и сладкіе сухарики русскимъ ярѣшкимъ чаемъ со сливками.

Графиня смотрѣла на нее, пила спокойно свою маленькую чашечку и думала свои, тайныя думы.

Леонора вдругъ громко поставила на фарфоровый подносъ, чуть не бросила и чуть ее не разбила, прелестную чашечку розоваго севра и громко расхохоталась, откинувшись на спинку кресла, чуть не лежа.

Людмила Юрьевна вздрогнула или сдѣлала видъ, что содрогнулась отъ неожиданности и укоризненно сказала по французски:

— *Chère amie!* У тебя невозможные приемы!.. Изъ любви къ самой себѣ оставь эти манеры русскихъ купчихъ. Ты не повѣришь, какъ я боюсь...

— А ты не повѣришь, какъ мнѣ надоѣли твои правоученія на иностранныхъ діалектахъ!— по русски перебила ее Леонора.

— Неужели ты забыла совсѣмъ родной языкъ?

— Ни мало! Но для меня безразлично... Я такъ привыкла здѣсь, что не замѣчаю, на какомъ языкѣ говорю. Но, серьезно, Лора, ты не повѣришь, какъ я дрожу за тебя въ обществѣ!.. Зная твою искренность и живость, я того и жду, что ты расхохочешься или, какъ давеча въ Булонскомъ лѣсу, закричишь весь весъ голосъ.

— Или совершу какое нибудь преступленіе!—насмѣшливо добавила Леонора.

— Дитя мое! Что такое преступленіе?.. Это зависитъ отъ мнѣній, отъ условныхъ взглядовъ!.. Совершить преступленіе, значитъ преступить извѣстные законы,—государственные или общественные. За первые караетъ правительство, а за вторые общество, свѣтъ!.. Увѣряю тебя, что кара послѣднихъ часто

бываешь тяжелой и строже, нежели наказанія за уголовныя преступленія.

— Знаешь, милочка? Ты стала педанткой.

— Можетъ быть! — улыбнулась графиня. — Поживешь въ свѣтѣ, сама увидишь, что для успѣха въ немъ нельзя подѣ часъ обойтись безъ педантизма, а еще менѣе безъ лицемѣрія... Пойми, дитя мое, что въ свѣтѣ все гораздо болѣе держится на томъ, чтобы умѣть казаться, нежели на томъ, чтобы дѣйствительно быть.. Я, видишь ли, съ тобой не лицемѣрю. Другія тебѣ будутъ лгать и хвастаться; а я, ради твоей пользы, указываю тебѣ какъ есть на самомъ дѣлѣ въ жизни.

— Знаю! Знаю, милая. И всему вѣрю! И все буду дѣлать по твоему, потому что вижу, слава Богу, какъ тебѣ хорошо живется. Только нельзя ли понадѣяться немножко на мою сообразительность?.. А то ты ужъ слишкомъ часто читаешь мнѣ проповѣди, а я ихъ ненавижу!.. Слушай лучше: — замѣтила ты какъ сегодня виконтъ Шампальякъ блѣднѣлъ и краснѣлъ, пока я съ Долголецкимъ и съ черномазымъ кузнецомъ бесѣдовала?

— Поневожѣ!.. Я даже пробовала его утѣшить... Бѣдный мальчикъ! Видѣть, что ты любезничаешь съ неизвѣстнымъ и ничего не понимать!

— Да, да!.. И я нарочно сдѣлала видъ, что его не вижу, а не замѣчаю, и нарочно продолжала говорить по русски.

— Вотъ видишь, какая злая.

— А не ты ли всегда говоришь, что надо ихъ заставлять высказывать по нашей дудѣ, а самимъ не обращать на нихъ никакого вниманія!

— Положимъ! — снисходительно улыбнулась старшая сестра.

— Онъ меня еще и прежде ревновалъ къ де Марли. Пускай ихъ дураковъ!.. *Cela pose dans le monde*, когда многіе угаживаютъ за дѣвушкой, не правда-ли?

— Положимъ! — опять повторила графиня. — Но надо быть очень осторожной, особенно дѣвушкѣ... Надо умѣть ловко справиться съ ними, если ты хочешь выйти замужъ, сдѣлать хорошую партію.

— О! Еще бы!.. Я съумѣю. Жаль, что Недвиновъ уѣзжаетъ. Я бы съ нимъ страшно кокетничала на правахъ кузины... Смерть люблю дураковъ злить!

Графиня поморщилась.

— Откуда у тебя такія тривіальныя выраженія, Лора?.. *ça choque l'oreille!*.. Думай о своихъ словахъ и о формѣ ихъ немножко...

— Вотъ еще! Съ тобою то?.. Съ разными твоими дуэрьерами я такая *tirée à quatre épingles*, что чудо!..

— Съ дуэрьерами?.. А съ ихъ сынками — нѣтъ!.. И это напрасно. Повторяю тебѣ: будь осторожна, пока не выйдешь замужъ, а то не сдѣлаешь партіи... Эти господа, способные жениться, смотрятъ очень сурово на дѣвушекъ и требуютъ многого... Ты слишкомъ много себѣ позволяешь съ де Марли...

— Да вѣдь я за него не думаю выходить замужъ.

— Еще бы!.. Онъ и самъ не изъ такихъ, что женятся!.. Такіе-то и позволяютъ себѣ охотно лишнее, даже съ дѣвушками большого свѣта и компрометируютъ тѣхъ въ глазахъ людей положительныхъ, за которыхъ онѣ могли бы выйти замужъ.

— Ахъ! Де Марли такой забавный!.. Онъ меня такъ занимаетъ—какъ никто!.. Представь себѣ Милочка, *pardou!*— Лида... Мнѣ и самой лучше нравится тебя такъ называть... Да! Такъ слышала ты, какъ онъ описываетъ эти ихъ балы?.. Знаешь, «нецензурныя увеселенія» — какъ ихъ называютъ Сержъ Варлинъ, помнишь? Гусаръ, что бывалъ у насъ въ Царскомъ.

— Однако берегись, Лора! Не увлекайся! — благоразумно остановила ея болтовню графиня. — Ты, право, слишкомъ вольно позволяешь молодежи держать себя съ тобою... Я не осуждаю, ты не сердись!.. Посмотри, я замужняя женщина, я люблю веселиться, за мной ухаживаютъ,—но я требую къ себѣ уваженія и никогда, ни одинъ мужчина не посмѣетъ забыться въ моемъ присутствіи!.. Не позволяй никому лишняго въ разговорѣ.

— Вотъ еще, тоска какая!.. Терпѣть не могу лицемѣрія! Чтожъ, лучше, небось...

— Ахъ! Нѣтъ, нѣтъ! Бога ради говори по французски, Лора!.. Я не могу выносить твоихъ словъ *à la femme de chambre*. Да еще горничныхъ самаго дурнаго разбора!—вскричала Людмила Юрьевна, въ неподдѣльномъ ужасѣ затыкая себѣ уши.—Гдѣ провела ты эти годы, безъ меня?.. Что дѣлали твои гувернантки?

— А чортъ ихъ знаетъ!.. Я очень мало объ этомъ заботилась, лишь бы онѣ меня оставляли въ покоѣ. А все такъ лучше я буду слушать и смѣяться рассказамъ Варлина и де Марли, чѣмъ притворяться въ гостинной недотрогой, краснѣть при видѣ амура на вѣрѣ, какъ Ольга Карницкая, а за дверями цѣловаться съ адъютантами своего папаши!

— А я тебѣ скажу, что гораздо скорѣе поцѣлуй за дверями

пройдут безнаказанно въ свѣтъ, чѣмъ нескромное слово въ гостинной!—смѣясь, возразила графиня.

— Ну, хорошо, я буду скрывать... Я знаю сама, что безопаснѣе быть скрытной, да какъ-то не приходится. Забываю.

— Ни о чемъ никогда не забывай, если хочешь во всемъ успѣвать!—докторально поучала меньшую сестру—старшая.

Леонора, между тѣмъ, свернувшись котенкомъ въ глубинѣ кушетки, о чемъ-то привадумалась. Она сидѣла смиренно, неподвижно, устремивъ въ пространство большіе черные глаза, полуоткрывъ губы въ неопредѣленной улыбкѣ, очевидно думая о чемъ-то пріятномъ.

Людмила посмотрѣла на ея черную косу, тяжело свѣсившуюся на плечо, на яркій румянецъ ея худенькаго, почти дѣтскаго еще лица, подумала: «эффектная дѣвочка! Жаль—глупенькая! Ужасно не отесана!.. Да, кажется, и не надежна здоровьемъ... А если что съ нею?.. Кому тогда оставить все старикъ?»... И вставъ, она сказала:

— Однако, пора намъ одѣваться, Лора! Принесли-ли тебѣ все?.. Цвѣты твои, ландыши, доставлены-ль въ порядкѣ?

— Да, да!.. Все тутъ. Но я парюръ на платьѣ надѣну неспе, послѣ обѣда. Живые цвѣты такъ скоро портятся!.. А намъ еще надо въ театръ... Гдѣ мы сегодня?

И Леонора, вставъ, закинула руки, аппетитно потянулась и вѣснула, приготовляясь идти къ себѣ.

— Кажется, въ Орѣга Comique... Отецъ твой хотѣлъ... Что это?

Вопросъ этотъ относился къ вошедшей камеристкѣ.

— Pardon, m-me la comtesse, c'est le valet de pied du duc de Lhomar, qui vient d'apporter ceci pour m-me la comtesse,—подобострастно заявила та, подавая на подносѣ что-то завернутое въ розовую атласную бумагу.

Графиня взглянула небрежно и попробовала было развязать ленточку, перевязывавшую довольно объемистый пакетъ, въ формѣ ящика; но узелъ не поддавался... Леонора, между тѣмъ, подбѣжала къ ней и предлагала свои услуги, любопытствуя скорѣе увидѣть, что могъ прислать ея кузинѣ богатый и знатный старикъ, герцогъ Ломаръ. Ей лично онъ былъ очень антипатиченъ; она находила его уродливымъ и глупымъ, искренно дивясь вкусу Людмилы, называвшей его умнымъ и занимательнымъ собесѣдникомъ. Но, подарки герцога, обыкновенно искусно составленные букеты, корзинки, вазы, даже цѣлыя кресла, ширмы и столики, сплетенные изъ чудеснѣйшихъ цвѣтовъ, какъ-бы сотканные изъ фіалокъ, розъ, незабу-

докъ или гиацинтовъ его богатыхъ оранжерей, — ей чрезвычайно понравились.

На этотъ разъ однако, судя по формѣ, тутъ были вѣдѣты...

Наконецъ, розовая ленточка развязана, бумага спала. Открылся ящикъ — бонбоньерка, изъ розоваго бархата, кружевна и тонкаго шитья бусами и бисеромъ.

— Какая прелесть! — вскричала Леонора: — но что въ ней?

Миниатюрный ключикъ незамѣтно исчезъ въ рукѣ Людмилы Юрьевны.

— Сейчасъ откроемъ... А гдѣ-же ключикъ?

— Да!.. Гдѣ-же ключикъ?.. — повторила Леонора: — вотъ разсѣянный!.. Неужели онъ забылъ вложить ключъ въ замокъ?..

— Нѣтъ, не забылъ! Я теперь понимаю: тамъ конфеты и де-Ломаръ навѣрное привезетъ намъ ключикъ въ ложу, — объяснила графиня.

— Вотъ страшный господинъ! Куда же намъ брать съ собою бонбоньерку?.. Это неудобно! — дивилась Леонора.

— Ну, что-жъ! Оставимъ ее дома... авось герцогъ догадается прислать ключъ завтра... Иди-же, Лора, одѣвайся. Своро семь!.. *Cecile! Faites entrer le coiffeur... Je viens de suite à ma chambre de toilette.*

И спровадивъ, такимъ образомъ, молоденькую родственницу въ ея комнату, а горничную за куаферомъ въ уборную, графиня отошла къ окну и открыла розовую шкатулку.

Въ ней точно были конфеты, но между ними былъ небольшой футляръ, а въ немъ серьги изъ двухъ брилльянтовъ, двухъ солитеровъ, каждый въ пять сотъ луддоровъ, меньшей мѣрѣ. Брилльянты были хороши, но не обрадовали, а рассердили графиню Рейзенштеръ.

— Дуракъ! — чуть не вслухъ атестовала она герцога де-Ломаръ: — скоро-ли я заставлю его понять, что мнѣ деньги нужны, а не побрякушки!

IV.

а объѣдомъ гостей было мало, только habitués, между ними одинъ начинающій, но много общающійся литераторъ и виконтъ де-Шампальякъ, котораго графиня успѣла позвать въ Вулонскомъ лѣсу. Литераторъ и Дарзансъ—предсѣдательствовали, говоря за всѣхъ. Графъ Фердинандъ по обыкновенію принятому въ послѣдніе годы, безмолвствовалъ, лишь изрѣдка отвѣчая на прямые къ нему обращенія. Шампальякъ, подобно ловкому капельмейстеру, задавалъ тонъ, бросалъ мѣткое слово, которое подхватывалось на лету дѣятелемъ прессы, развивалось присутствовавшими, иногда поддерживалось, не то—эмпонировалось авторитетнымъ тономъ русскаго барича и туза, не привычнаго къ противорѣчію. Подъ шумокъ говора, когда онъ доходилъ до своего апогея, виконту удавалось переброситься словами съ хозяйкой дома или Леонорой и эти *à parté* никогда не были необдуманы или безцѣльны...

Хотя утромъ, на вопросы Бреммера и прочей компаніи въ кафе де-ла-Каскадъ, Шампальякъ и отозвался не знаніемъ, когда его спросили о Леонорѣ Дарзансъ, скрытничая по принуду, но онъ, прежде всѣхъ интимныхъ посѣтителей отъ Рейзенштернъ достовѣрно узналъ цифру значительнаго приданнаго «новой маленькой кузины» и даже дѣятельно старался прибрать его къ рукамъ, вмѣстѣ съ его пикантною владѣнницей. Шампальяки были люди *de la vieille roche*, но совершенно разорены. Настоящій представитель старой дворянской фамиліи получилъ образованіе и жилъ, благодаря щедротамъ престарѣлой тетки, мѣщанскаго происхожденія, поцавшей и семью только потому, что была богата. Мужъ ея, покойный дядя Шампальяка, разтрясъ порядкомъ мѣшки съ золотомъ накопленнымъ тестемъ-бакалейщикомъ; но у бездѣтной вдовы Шампальякъ, жившей въ томъ же фабричномъ городѣ, гдѣ были главные заводы Бреммеровъ, все-таки оставалось довольно для содержанія ея племянника, любимца и крестника. Такъ она воображала; на дѣлѣ же, ея присылокъ едва хватало ему на портнаго и сапожника; на жизнь, и жизнь довольно беспорядочную, виконту приходилось добывать самому средства... И онъ добывалъ ихъ, хотя никто не вѣдалъ, какими путями.

Большинство думало, что онъ имѣлъ состояніе независимое; знавшіе семью его и дѣла предполагали, что онъ «въ прессѣ»... Онъ точно состоялъ въ сотрудничествѣ одной изъ «большихъ» парижскихъ газетъ; но доходы, добываемые имъ перомъ, врядъ-ли покрывали счета его перчаточницы... Ничъ! У него были иныя, болѣе широкія, спеціальныя статьи доходовъ, основанныя на чутьѣ, расторопности, на очень рискованной и часто опасной двойной игрѣ въ свѣтѣ и въ коммерческомъ мірѣ. Ихъ колебаніе цѣликомъ лежало на страстяхъ и увлеченіяхъ, и злоупотребленіяхъ человѣческихъ. Приближавшееся время большихъ парижскихъ скачекъ занимало немалое мѣсто въ доходныхъ статьяхъ виконта; но были ресурсы и несравненно хуже...

Теперь онъ серьезно помышлялъ остепениться, упрочивъ разъ на всегда свое положеніе «благоразумной женитьбой». Онъ уже рѣшился передъ тѣмъ, замурившись, предложить руку и свой титулъ престарѣлой дѣвицѣ, продававшей въ пятидесятыхъ годахъ въ лавкѣ de bric-à-brac своего батюшки рѣдкости сомнительнаго достоинства; но съ окончательнымъ торжествомъ республиканскихъ началъ, ея рара такъ разжились выгодными скупками во времена коммуны, что зрѣлая дѣва втерлась въ свѣтѣ и даже играла въ немъ роли, прикрываясь правами артистки, художницы и меценатки. Но съ появленіемъ Леоноры намѣренія его измѣнились и онъ повернулъ спину «антикваршѣ». Шампальякъ на столько цѣнилъ изящество, что предпочелъ бы «la jolie russe» даже еслибы она была не такъ богата, какъ m-lle de Bric-à-brac, какъ онъ прозвалъ свою ех-невѣсту въ интимномъ кругу пріятелей; но судя по свидѣтельству графини Рейзенштернъ, кузина ея была богаче... Что же было думать?.. Виконтъ принялся за дѣло отважно и былъ почти увѣренъ въ успѣхѣ, вполнѣ убѣжденный въ содѣйствіи сильней союзницы. Въ этомъ онъ ошибался; графиня не мѣшала ему, пока его ухаживаніе ни въ чемъ не препятствовало ея личнымъ расчетамъ; но въ нихъ скорее замужество Леоноры отнюдь не входило! Она имѣла причины съ виду поблажать Шампальяку: онъ былъ ей нуженъ и къ тому же она его не боялась, видя, что онъ совсѣмъ не нравится ея вѣтренной кузинѣ. Шампальякъ былъ хитеръ, но не вполнѣ догадливъ. Онъ очень скоро понялъ многія стороны разнообразной жизни, исполненной тайныхъ тревоженій, которую вела «la superbe comtesse», онъ сумѣлъ втереться отчасти въ ея довѣренность и во многомъ способствовалъ успѣху ея сокровенной дѣятельности. Однако даже онъ не былъ въ состояніи вполнѣ ее постигнуть... Въ этомъ отноше-

нѣмъ русскій дипломатъ, офранцузенный долгимъ пребываніемъ при посольствѣ въ Парижѣ, Долголецкій, перешеголяя его проницательностью... Еслибы онъ заблагоразсудилъ подѣлаться своими наблюденіями съ «пройдохой», какъ атестовалъ онъ мысленно Шампальяка, бѣдный виконтъ вѣроятно измѣнилъ бы свою тактику. Но онъ и не подозрѣвалъ истинныхъ отношеній между Дарзансомъ и Людмилой, добродушно убѣжденный въ ея дочернихъ чувствахъ «*envers se bon para d'oncle*»!

— Исполнено-ли ваше порученіе?—спросилъ онъ, между прочимъ графиню, пока мужъ ея, дядя и ихъ гости оживленно предавались разбору «*Salon*» настоящаго года и художественной оцѣнкѣ его картинъ.

— Порученіе?—едва подняла она глаза со своей тарелки.

— Относительно виллы въ Біаррицѣ, на сезонъ.

— Ахъ! Да... Нѣтъ еще. Я незнаю, пока, туда-ли мы поѣдемъ. Дядя предпочитаетъ воды...

— Oh! C'est d'une insipidité!—вскричалъ виконтъ.—Развѣ онъ страдаетъ подагрой?

— Нѣтъ... Отчего вы такъ думаете?—едва улыбнулась графиня.—Старые люди почти всегда рутинеры... Онъ привыкъ къ Эмсу, Висбадену и tutti quanti; а въ Біаррицѣ не бывалъ.. Но я надѣюсь убѣдить его.

— О! Безъ сомнѣнія. M-r de Lhomag взялъ прелестную вижду у самой отмени, я знаю ее... Не уступить-ли онъ ея вамъ?

— Но мнѣ было бы совѣстно просить его...

— Просить?.. Мой Богъ! Да онъ былъ бы въ восторгѣ!.. Если хотите я дамъ ему мысль...

— Какую мысль и кому?—вытѣпалась Леонора.—Я не довѣряю вашимъ благимъ мыслямъ, m-r de Champailles.

— И вы ошибаетесь чрезвычайно, m-lle Darzance!—съ очаровательной улыбкой, возразилъ виконтъ.—Я говорю, что мнѣ доподлинно извѣстно, что герцогъ де Ломаръ съ удовольствіемъ передастъ вамъ взятую имъ въ Біаррицѣ виллу. Онъ взялъ ее на всякій случай, ожидая, что къ нему пріѣдутъ гостить сестра его, съ семьей; а теперь оказывается, что они не могутъ этимъ лѣтомъ пріѣхать.

— Конечно, если вилла окажется не нужной m-r de Lhomag, а намъ удобной,—сказала графиня—я буду благодарна!

— Я ему передамъ сегодня же, на балѣ...

— Ахъ, да! И передайте ему, что онъ очень разсѣянъ. Онъ прислалъ кувинѣ прелестную бонбоньерку и забылъ отъ нея ключикъ!—вскричала Леонора.

— Оказывается, что эти конфеты тебѣ болѣе принадле-

жать, чѣмъ мнѣ, какъ я узнала изъ записки герцога! по-
пыталась перебить Людмила.—И представь себѣ, что въ за-
пискѣ, которую мы съ тобой обронили на коверъ, развязывая
фонбоньерку, оказался и ключъ.

— И вотъ опять m-lle Дарзансъ несправедлива! вскри-
чала Шампальякъ съ чувствомъ.

— Опять?.. Мнѣ это нравится! Къ кому же это я такъ
несправедлива? закокетничала Леонора и разговоръ ея съ со-
сѣдомъ понизился чуть не до шепота, прерываемый серебри-
стыми взрывами ея смѣха, да изрѣдка виѣшательствомъ гра-
фини.

Послѣ обѣда виконтъ нашелъ минуту полного уединенія, что-
бы сказать хозяйкѣ дома.

— Парижъ сегодня обогащенъ временнымъ появленіемъ
въ немъ богатѣйшаго человѣка въ странѣ... Могу-ли я пред-
ставить вамъ его, графиня?.. Онъ видѣлъ васъ въ Булонскомъ
лѣсу и, само собою,—потерялъ голову.

— Разумѣется, можете!—улыбнулась графиня.—Кто это?

— Баронъ де Бремеръ. Un gentilhomme parfait...

Графиня Рейзенштернъ вопросительно подняла брови.

— Бремеръ?..—сомнительно протянула она и улыбу-
лась.—Ахъ, да!.. Се petit jeune homme?.. Юноша, котораго я
съ вами видала на цвѣточной выставкѣ?

— Нѣтъ,—отецъ его. Тройной милліонеръ... Вы будете на-
блюдать балъ у министра торговли, черезъ три дня?

— Думаю... Да! Вѣроятно, буду.

Шампальякъ и другіе гости откланялись. Была половина
десятаго. Графъ Фердинандъ спросилъ жену свою, распола-
гается-ли она ѣхать въ оперу?.. Да, конечно... Гдѣ же дя-
дюшка?..

— Вашъ папа въ курительной комнатѣ, chère enfant,—
обратился Рейзенштернъ къ Леонорѣ.—Вы захотите, быть мо-
жетъ, его предупредить, что мы ѣдемъ въ театр?

— Съ удовольствіемъ, кузень!

И Леонора вышла.

Графъ подошелъ къ женѣ съ очевиднымъ желаніемъ сооб-
щить ей нѣчто à parté; но ему не такъ легко давались случаи
бесѣдовать съ нею интимно. Во первыхъ она, дѣлая видъ, что
ничего не замѣчаетъ, сказала, вставая:

— Мнѣ надо немного оправиться... А вы позвоните и по-
трудитесь приказать подавать карету.

А—во вторыхъ,—вошелъ лакей съ докладомъ.

— M-r le prince d'Altenheim, de Sonnerbergen, attend mon-
sieur le comte dans la bibliothèque.

— Князь Альтенгеймъ?.. Почему же онъ не вошелъ? оставился Рейзенштернъ на поль-дорогѣ къ звонку.

— Онъ прекрасно сдѣлалъ, что не вошелъ прямо, твой родственникъ!—остановила его по русски, ради присутствія лакея-француза Людмила Юрьевна.—Кто прѣзжаетъ въ такіе часы незваннымъ?

— Мой другъ! Но Эдгаръ намъ свой.. И наконецъ онъ быть можетъ прѣхалъ изъ Зоннербергена на двое сутокъ.

— Мнѣ это все равно... Celestin! Faites avancer les voitures, je vous prie,—обратилась она къ лакею.

— Скажите князю, что я иду къ нему сію минуту!—прибавилъ Рейзенштернъ.—Вы позволите мнѣ, мой другъ, остаться дома?

— Какъ вамъ угодно.. Но, думаю, что вашъ кузенъ будетъ доволенъ, если вы, послѣ родственныхъ объятій, привезете его въ оперу... Вы можете ему предложить мѣсто въ нашей ложѣ.

— Я такъ и сдѣлаю, если онъ захочетъ.

И графъ Фердинандъ вышелъ въ одну дверь, а жена его въ другую.

Въ слѣдующемъ салонѣ она встрѣтилась съ дядей, который шелъ вооруженный биноклемъ, направляясь къ передней. Увидавъ ее, онъ быстро оглянулся и, убѣдившись, что они одни, быстрымъ, юношескимъ движеніемъ, совсѣмъ не совмѣстнымъ съ его сановитостью, протянулъ ей руки, словно ожидая, что она бросится въ его объятія...

Но она и не подумала исполнить его желанія. Напротивъ, она отступила, нахмурила сердито брови и сказала:

— Дядюшка!.. Я тысячу разъ васъ просила!

— Людмила, ангель мой ненаглядный!.. Ужъ прости меня!—взмолился старикъ.—Дай хоть ручку... Охъ! какая ты красавица, если бы ты знала!..

— Я это прекрасно знаю.—милостиво улыбнулась она.—А дѣло вотъ въ чемъ: прошу васъ, дядя, удвоить осторожность! Прѣхалъ князь Альтенгеймъ.

— Какой Альтенгеймъ?.. Ахъ! Этотъ вашъ владѣтельный, колбасный принцъ? Мужъ полоумной этой Эмочки-нѣмочки, которыхъ мы въ Венеци тогда встрѣтили?.. Ну, чтожь?.. Онъ какой-то бирюкъ, медвѣдь косматый!

— Медвѣдь-ли,—левъ-ли,—это все равно! Дѣло въ томъ, что я имѣю причины опасаться его наблюдательности, болѣе нежели чьей бы то ни было! И потому серьезно прошу васъ не подавать и виду!.. Иначе мы должны будемъ разстаться съ вами и съ Лорой... А мнѣ это было бы грустно...

— Грустно?! О! Прелесть моя!..

— За Лору,—потому что мы другъ друга любимъ!—коварно добавила графиня, съ милой улыбкой, явно противурѣчившей непріятному для ея собесѣдника смыслу ея словъ.

— Ангель! Счастье мое, бездѣнное!—таялъ старикъ, покрывая поцѣлуями ея обнаженную руку.—Ахъ! я Филя! что же это я забылъ?.. Принесли тебѣ? я приказалъ вчера же... У ювелира, въ Луврѣ, тебѣ понравился уборъ...

— Не надо!.. Не надо мнѣ ничего!.. Только дачу въ Біаррицѣ возьмите. Морскія купанья и мнѣ и Лорѣ полезны, а Фердинандъ скупится!

— Это само собой! Само собой!..

— Но, смотрите-же, уговоръ лучше денегъ: остерегайтесь принца Альтенгейма!

— Я нѣмъ!.. нѣмъ—какъ рыба! Неподвиженъ—какъ мраморная колонна!.. Только почему же ты такъ его боишься?

И въ голосѣ Дарзанса прозвучала хорошо знакомая Людмигѣ подозрительная нотка. Она не постаралась ее разсѣять, а напротивъ усилила подозрительность старика своимъ отвѣтомъ:

— У меня есть на то причины.

— Что ты говоришь?.. Неужели?..—сообразилъ онъ:—этотъ нѣмецкій уродъ?.. Этотъ владѣтель трехъ десятинъ съ половиной картофелю, осмѣлился туда-же!

— Ну, ужъ это извините, дядюшка!—смѣясь, остановила его Людмила:—онъ побогаче насъ съ вами!

— Все равно!.. Супругъ золотушной, плодливой и слезливой нѣмчуры и отецъ полудюжины швабовъ! А?.. туда-же!

— Не увлекайтесь, дядя! Ровно на половину вы прибавили!.. Лора! Иди сюда и уйми прыть твоего отца!

— Чтожь ты не идешь, Лида?—подошла къ нимъ Леонора:—Когда же мы приѣдемъ?.. Къ концу!.. Я жду, жду одѣтая...

Она накинула свое бѣлое *sortie de bal*.

— Поѣдемъ, поѣдемъ!.. Я готова.

И всѣ вмѣстѣ направились къ лѣстницѣ.

— А графъ-то что же?—освѣдомилась Леонора.

Сестра объяснила ей въ чемъ дѣло и вопреки мнѣнію отца, молодая дѣвушка обрадовалась предположенію, что можетъ быть князь Альтенгеймъ привезъ съ собою жену. Бѣлокурая Эмма ей очень понравилась, въ прошломъ году, въ Венеціи.

— Куда ей путешествовать!—презрительно отозвалась Людмила:—она сидитъ въ своемъ замкѣ и выкармливаетъ дѣтей.

V.

а другое утро, несмотря на позднее возвраще-
ніе съ раута, Леонора встала рано, т. е. къ
полудню она, уже одѣтая на прогулку, ожи-
дала въ маленькой гостиной Гри-Гри Недви-
нова и Евгенія Андреевича Долголецкаго. И
оба явились вмѣстѣ, аккуратно. Графиня еще
не выходила. На подмогу Леонорѣ вышелъ графъ, а позже
Валентинъ Львовичъ, но такъ поздно, что его дочь уже соби-
ралась уѣзжать со своими спутниками.

— Куда вы, Богъ съ вами?—вопросилъ Дарзансъ, позо-
доровавшись съ названнымъ родственникомъ, попенявъ ему, что
съ окончанія университетскаго курса, ни разу не подавъ о
себѣ вѣсточекъ, такъ что онъ и не зналъ про избранную имъ
артистическую дорогу...

— А мы ѣдемъ наконецъ посмотрѣть Кюони! — отвѣчала
ему дочка:—ужъ сколько времени я этого ожидала!

Дарзансъ удивился: какъ же такъ? Лора ѣдетъ одна съ
двумя молодыми людьми?.. Г-мъ! Хорошо-ли это?

Но Леонора расхохоталась. Хорошіе молодые люди! Двое-
родный братъ, медвѣдь нелюдимый, котораго даже его при-
ятель рекомендуетъ студентомъ изъ Сморгонской академіи,—
училища косолапыхъ Мишекъ, и вожакъ его, «дядя Жюня»,
который ее, бывало, на рукахъ нашивалъ!

— Да поѣдемте съ нами и вы, рара! — предложила бабо-
ванная дочка.

Но это оказалось невозможнымъ: мѣшало какое-то экстрен-
ное, «дѣловое» свиданіе...

— Ну, вотъ видите! Лиду и просить нечего! Cousin Fer-
dinand говорить, что ему куда-то надо съ его нѣмецкимъ прин-
цемъ ѣхать...

— Chère Laure!—остановилъ ее немного скандализирован-
ный Рейзенштернъ:—зачѣмъ же вы такъ отзываетесь о моемъ

родственниковъ?.. Je suis tout autant allemand que lui. Вѣдь не матери я такой же пруссакъ, какъ и онъ.

— Dutout! Dutout!.. Вашъ отецъ русскій подданный!..

И Леонора принялась ему доказывать, что и онъ русскій. Это былъ ихъ вѣчный споръ.

Долголецкій между тѣмъ уговаривалъ Дарзанса не беспокоиться, увѣряя, что съ нимъ его дочь отпустить—все равно что съ заботливой няней!.. Недвиновъ наблюдалъ, больше отшучиваясь, какъ истый медвѣдь. Наканунѣ неожиданная встрѣча съ двоюродной сестрой, которую онъ зналъ ребенкомъ, а потомъ желаніе срѣзать другую, заносчивую красавицу—кузину, которую онъ совсѣмъ не зналъ, но не любилъ по слухамъ, вывели его временно изъ его обычной нелюдимости, подстрекнувъ на возраженія и даже препирательство. Теперь же онъ осматривался въ обстановкѣ этого богатаго дома и въ не знакомой ему средѣ богатыхъ родственниковъ, и не совсѣмъ былъ увѣренъ, что поступилъ разумно, послушавшись стараго друга своего Долголецкаго и явился къ нимъ.

Эта дѣвочка, «Леля», какъ называли ее всегда въ домѣ отца его, какъ самъ онъ звалъ ее въ то давно промелькнувшее время, которое разъ провела она въ ихъ деревнѣ съ матерью, сестрой его отца,—ему была по прежнему симпатична и даже почему то жалка; но ея отецъ, графиня, насколько онъ успѣлъ вчера съ нею познакомиться и ея «простофиля» супругъ, ему капитально не нравились.

«Я очень радъ, что уѣзжаю и наше знакомство не долго вѣчно. Богъ съ ними, со всѣми этими барами на иностранный фасонъ!—размышлялъ онъ, подъ шумокъ разговоровъ.

Между тѣмъ, вопросъ о поѣздкѣ въ Кюни былъ рѣшенъ положительно. Леонора заявила, что она будетъ «несчастлива» если не увидитъ знаменитой комнаты «de la reine Blanche», гдѣ эта королева имѣла обыкновенье, отъ времени до времени, «появляться», говорили ей, и понынѣ. Ея просьбы и увѣренія Долголецкаго успокоили сомнѣнія Валентина Львовича и своевольная дочка его отправилась, въ сопровожденіи молодыхъ людей.

Дядя Женья, — какъ величала иногда Леонора Дарзансъ Евгенія Андреича, былъ дальній родственникъ отца ея. Сблизился онъ съ ними впрочемъ не по родству, а потому что выйдя изъ университета, поступилъ на «службу въ Петербургъ».

нодъ начальство своего сановитаго дядюшки въ третьемъ или четвертомъ колѣнѣ и часто бывая въ домѣ, полюбилъ жену его и маленькую дочь. Онъ былъ старше своего товарища и когда-то сосѣда по имѣнιάмъ, Недвинова, и несравненно опытнѣе въ мірскихъ дѣлахъ. Наблюдательный, скептической и очень тонкій умъ еще болѣе его старилъ; а всегда сдержанное обращеніе придавало ему видъ холодности и эгоизма, которыхъ въ сущности въ немъ не было. Онъ не скоро сходилъ, но за то былъ постояненъ въ отношеніяхъ своихъ къ людямъ и тѣмъ болѣе въ привязанностяхъ. Хорошо обеспеченный материально, съ прекрасными связями, но совѣтъ не честолюбивый, онъ избралъ дипломатическую службу по желанію отца, стараго заслуженнаго дипломата; однако отнюдь не заботился о своей карьерѣ, а проживалъ за границей въ свое удовольствіе, служа по «маленьку» при нашихъ посольствахъ, хлопоча о томъ, чтобы не засиживаться въ одной и той же столицѣ «до скуки»... Въ теченіи его десятилѣтней службы ему везло: онъ уже «состоялъ» въ Лондонѣ, въ Вѣнѣ и въ Парижѣ... Теперь увѣрялъ, что «довольно Европы» и мѣтилъ «въ Европейскую Азію» на берега Босфора, если не посчастливится еще дальше, за моря, за океаны, къ Янки-Дудлю въ гости... На досугѣ онъ поглощалъ европейскую литературу, любилъ и наслаждался искусствами, музыкой, живописью, сценой и въ особенности той широкой сценой, которую называлъ «ареной житейской». Наблюдатель и цѣнитель, какъ уже сказано, онъ былъ остроумный и тонкій. Мнѣніями своими и замѣчаніями Долголецкій не любилъ дѣлиться со всѣми; мало съ кѣмъ былъ откровененъ, общителенъ—почти ни съ кѣмъ. Не любя кривить душой, онъ чаще отмалчивался, не разъ вызванный обстоятельствами, спрошенный прямо лицами, заинтересованными въ дѣлѣ, онъ правдиво и громко заявлялъ свои убѣжденія. Искренній по природѣ, онъ выработалъ въ себѣ сдержанность по убѣжденію; въ рѣдкіе же порывы искренности, въ минуты увлеченія, онъ былъ краснорѣчивъ и увлекалъ силой слова и убѣжденія.

Людмила Юрьевна его не любила и, въ былыя времена, крѣпко побаивалась. Она скоро поняла, что такой союзникъ, какъ Долголецкій былъ неоцѣненъ и приложила всѣ старанія, чтобы заручиться его дружбой. Но въ Евгениѣ Андреечѣ было много особенностей и самой замѣчательной та особенность, что доживъ до тридцати пяти лѣтъ, онъ никогда не бывалъ влюбленъ и положительно былъ увѣренъ, что природа ему такой способности не дала. Другую рѣзкой его странностью было не желаніе,—онъ увѣрялъ—не умѣніе, прикидываться

другомъ, не чувствуя дружбы... Людмила Недвинова скоро увѣрилась, что этого «долговязого, безцвѣтнаго родственника» не плѣнить ей и не провести никакими чарами и никакими искусствомъ. Позже, Людмила Рейзенштернъ продолжала его побаиваться; вслѣдствіе этого она предпочитала по возможности избѣгать его, но въ крайности дѣйствовала на чистоту, сама называясь на откровенность, чтобы показать, что ему довѣряеть и не боится съ его стороны коварства, такъ сказать обязывая его своей довѣренностью, если не къ союзу, то къ молчанію и скромности.

Она дошла до убѣжденія, что Долголецкій былъ бы ей опасенъ только въ случаѣ, еслибы она затронула кого для ея дорогого; а зря, безъ права и нужды, ничего не сболтуетъ и никому не выдастъ, ни ея и ничьихъ тайнъ. А много тайнъ и много интересныхъ дѣлъ и дѣлишекъ было извѣстно этому сердцецѣдцу и наблюдателю «изъ любознательности»!.. Теперь, когда графиня Рейзенштернъ убѣдилась въ его полномъ равнодушіи къ мужу ея и еще полнѣйшемъ неуваженіи къ ихъ общему родственнику, Дарвансу; когда она въ то же время увѣрилась, что никто лучше Долголецкаго не цѣнитъ ея ума и не отдаетъ справедливости ея способностямъ, искренно забавляясь искусствомъ, съ которымъ она «проводитъ» и «потѣшается маріонетками житейской сцены», она менѣе стала опасаться его и даже полюбила его бесѣду. Собесѣдника болѣе пріятнаго и равнаго ей по силамъ Людмила Юрьевна не находила!

И Долголецкій понялъ искренность ея оцѣнки и не могъ не сознаться, что былъ польщенъ ею. Онъ прекрасно понималъ, что добиваться вліять на нее убѣжденіями и нравственными рѣчами было бы смѣшнымъ и бесполезнымъ донкихотствомъ, да и лишнимъ находилъ это совсѣмъ, рѣшивъ, что человѣчество, въ массѣ, неисправимо глупо и отдѣльные члены его должны гибнуть, какъ мотыльки на огнѣ... Не безразлично ли имъ, въ такомъ случаѣ, на чьей свѣчкѣ обжечь крылья?.. Совершенно все равно! Всѣхъ свѣчей не потушишь и всего человѣчества не исправишь и не научишь.

Разъ установивъ эту истину, Долголецкій съ удовольствіемъ проводилъ иногда свободный часъ въ бесѣдѣ съ людьми, которымъ не довѣрилъ бы и полупки, не то что благополучія или чести близкаго человѣка. Съ графиней Рейзенштернъ онъ дешель даже до большой откровенности въ отношеніи ея самой, мотивируя это уваженіемъ своимъ къ ея уму...

— Вы слишкомъ умны, чтобы не понять моего лицемѣрія, если бы я вздумалъ васъ обманывать!.. И не такъ мелочны.

чтобы обидѣться моимъ личнымъ мнѣніемъ, прямо высказы-
ваемымъ!—заявилъ онъ ей.

И съ тѣхъ поръ не разъ называлъ ее—анемоной.

Въ первый разъ она не поняла его и потребовала объясне-
ній. Онъ объяснилъ, не обинуясь, красу и притягательныя силы
этого живаго растенія, этой безжалостной, холодной и блестя-
щей морскою красавицы; увлекающей въ свои сѣти всѣхъ
мелкихъ созданицъ, которыя, на свою погибель, проходятъ
мимо нея.

— Она также невозмутимо, какъ и вы, глотаетъ мальки
и старухъ, для поддержанія своего блеска и красоты!—за-
смѣялся онъ, спокойно глядя въ ея глаза цвѣта морской волны.—
Даже ваши чудесные глаза доказываютъ ясно, что имъ сродни
холодный блескъ океана.

— Въ самомъ дѣлѣ?...—беззвучно разсмѣявшись, возразила
она.—Спасибо за позолоту пилюли... Вы бы могли сдѣлать
меньше поэтическое сравненіе!

— Напримѣръ?

— Да напримѣръ съ прожорливой щукой, которая карася не
дремать не даетъ!—громче засмѣялась графиня.—Въ одномъ
вы ошиблись: я не безразлична въ своей притягательной силѣ,
какъ ваши глупыя анемоны.

— О! Въ этомъ я не сомнѣваюсь. Онѣ вѣдь не одарены
вашей прожорливостью!

И послѣ этого разговора Людмила Юрьевна и Долгополскій
сдѣлались еще лучшими пріятелями.

VI.

Мужей Клуни, этотъ красивый древній замокъ
среди тѣнистаго сада, былъ не далеко: на
томъ же лѣвомъ берегу Сены, гдѣ въ аристо-
кратическомъ Сень-Жерменскомъ предмѣстьи
находился и отель Рейзенштернъ. Это аббат-
ство въ готическомъ вкусѣ, въ XVI вѣкѣ
подаренное французской королевѣ, вдовѣ Лю-
довика XII, родомъ англичанкѣ, аббатами Маконъ, выстроен-
ное на мѣстѣ дворца Іуліана Отступника,—часть котораго,
огромная развалина, гдѣ хранятся обломки египетскихъ дре-
вностей и понынѣ сохранилась,—благополучно избѣгло погрома.

прусскихъ бомбъ и коммуны. Его безконечные, пространные и низенькіе покои, съ темными балками деревянныхъ потолковъ, съ бѣлыми каменными пещерами вмѣсто каминовъ, съ витыми лѣстницами, внутренними, рѣвными балконами, съ разцѣпченными изразцами печей, и цвѣтными витринами стрѣльчатыхъ оконъ, представляетъ оригинальный уголокъ среди перестроеннаго, обновленнаго по дешавому, мѣщанскому наблону, Парижа.

Не Леоноръ Дарзансъ, конечно, было оцѣнить богатства историческихъ древностей; коллекціи средневѣковой святыни, церковной и домашней утвари, образовъ, посуды, рѣзьбы, статуй и gobelenовъ, хранимыхъ въ этомъ приютѣ древняго, отшедшаго міра. Но и на нее повліяла печать таинственнаго величія, атмосфера «не отъ міра сего», невольна охватывающая каждого, имѣющаго, кромѣ глазъ и ушей животныхъ, хоть малую частицу внутренняго, духовнаго зрѣнія и чутья, присущихъ созданьямъ мыслящимъ.

Ея спутники были именно изъ такихъ, которые понимали суть вещей широко и, сами воспринимая впечатлѣнія полностью, умѣли воздерживаться, чтобъ не утомить ее болѣе поверхностнаго вниманія. Оба здѣсь бывали не разъ и знали хорошо эти безконечныя коллекціи въ стеклянныхъ ящикахъ и по стѣнамъ; они не дали ей устать до равнодушія въ осмотрѣ переполненныхъ залъ, ходовъ и переходовъ, а вели ее безъ должныхъ остановокъ, прямо на верхъ, въ покой легендарной Бѣлой королевы, сестры Генриха VIII, англійскаго, такъ прозванной потому, что она до самой смерти не сымала бѣлыхъ, траурныхъ одеждъ по мужу.

Любопытныхъ въ этотъ день было немного; двѣ три группы провинціаловъ или иностранцевъ, да нѣсколько человекъ особнякомъ, по долгу останавливавшихся въ задумчивыхъ позахъ надъ нѣкоторыми древностями, очевидно привлекавшими ихъ любительское или коммерческое вниманіе. Одна группа изъ трехъ-четырехъ молодыхъ людей обращала на себя общее вниманіе своей веселостью, громкимъ говоромъ, подвижностью движеній. Ихъ вздорныя замѣчанія забавляли Леонору; она невольна улыбалась, хотя Долголецкій и замѣтилъ вскользь, что такихъ дурней, какъ эти «прикащики», не слѣдовало бы впускать въ добропорядочныя мѣста, посѣщаемыя серьезными людьми... Тѣмъ не менѣе ихъ вѣтренная маленькая спутница прислушивалась и смѣялась, что въ группѣ скоро замѣтили и очевидно были довольны. Въ особенности отличался одинъ блондинъ, очень красивый; и маленькій, юркій, острословный,

черномазый человекъ, котораго каждое движеніе было въ высшей степени комично.

Проходя по верхней, внутренней галлерей, съ которой была видна вся зала внизу и куда каждое слово въ ней сказанное долетало явственно, она приостановилась.

Внизу, молодые люди, сгруппированные вокруг коллекцій слесарныхъ инструментовъ тринадцатаго вѣка, переговаривались смѣясь.

— *Dis donc Raoul*—допрашивалъ черномазый блондина, указывая на связку громадныхъ ключей:—это, что-ли, ключи рая?.. *Mrs les curés l'affirment, assurément!.. Pas vrai?*

— Не знаю, что говорить о нихъ архіепископъ парижскій, но увѣренъ, что Беранже сказалъ намъ правду!—возразилъ блондинъ.—Двери рая широко открыты съ тѣхъ поръ, что развеселая Марго украдала отъ нихъ ключи у св. Петра.

— Ага!—согласился черный:—такъ она же ихъ вѣрно и пожертвовала сюда? Должно быть, за ненужностью!

И всѣ хотели.

— Тысяча благодарностей извѣстію Беранже и прелестной Марго,—сказалъ третій:—Въ особенности, если рай населенъ такими-же хорошенькими дѣвушками, какъ сама она была вѣроятно!

— Или какъ давшія, а?.. *Qu'al! Elle t'a donné dans l'oeil?* Приглянулась, небось?..

— Пойдите!.. Охота вамъ останавливаться!—тихо неважно Леонору Долголецкій.

Но она слушала, забавляясь.

— *La jolie brune de tantôt?*—разсмѣялись въ средѣ молодежи:—А гдѣ она?.. Куда они прошли?

— *Parbleu! Ils ne peuvent pas être bien loin!*

— Скорѣе, скорѣе, друзья!.. Мы потеряемъ слѣды и бѣдный Рауль бросится въ Сену!—тѣшился черненькій.

А красивый блондинъ, добродушно улыбаясь, только и возразилъ:

— *Vlagueur, va!*.. Только бы тебѣ зубоскалить.

Вдругъ онъ нечаянно взглянулъ вверхъ. Глаза его встрѣтились со взглядомъ Леоноры, улыбавшейся, перегнувшись черезъ перила и оба вспыхнули...

— Пойдите!—сказала она, отходя отъ периль.

— А что!—молвилъ Евгенийъ Андреичъ:—дождались, барышня, объясненія въ любви?

— Вздоръ какой!—тихо воскликнула Леонора.—Вѣчно вы пустяки выдумываете!

Но Долголецкій не переставалъ посмѣиваться надъ ней и

Недвинову, замѣшкавшемуся въ крытой галлерей надъ особенной диковинкой, рассказалъ, что она «напросилась» на объясненіе въ любви какого-то подмастерья... Леонора, наконецъ, разсердилась и обомимъ ея спутникамъ досталось; хотя Григорій Михайловичъ и протестовалъ, утверждая, что онъ ни въ чемъ не виновенъ и не вѣрить клеветамъ Долголецкаго...

Комната, посѣщаемая привидѣніемъ Бѣлой королевы, которую такъ желала видѣть Леонора Валентиновна, прошла ею почти незамѣченная въ странной тревогѣ, овладѣвшей ею совершенно неожиданно и безпричинно.

Ея вниманіе витало гдѣ-то въ пространствѣ, прислушиваясь къ шагамъ посѣтителей на лѣстницѣ и въ смежныхъ покояхъ. Пока Долголецкій указывалъ ей на альковъ, на клавикорды, на кападлу, превращенную въ анатомическую залу, а потомъ въ типографію, въ кровавое время революцій; на ргіе—Dieu королевы-привидѣнія, — она ожидала появленія группы живыхъ людей, которыхъ голоса, смѣхъ и веселыя рѣчи такъ и слышались ей въ каждомъ движеніи.

Но едва появились они на порогѣ этой маленькой комнаты, она охотно, даже поспѣшно послѣдовала предложенію своихъ спутниковъ ее оставить и прошла, не поднимая глазъ, нахмуривъ тонкія брови, мимо учтиво посторонившихся блондина и брюнета.

Судьба, эта чаще злая, чѣмъ благонамѣренная распорядительница случайностей жизни, захотѣла привести въ садъ, окружающій замокъ Клуни, знакомую Леонорѣ по Ниццѣ, молодую, очень веселую и болтливую даму, которая радостно набросилась на нее съ разспросами, давно ли они въ Парижѣ и разсказами о своихъ послѣднихъ путешествіяхъ, со времени разлуки съ ними. Баронесса Мортигъ, хотя называла себя англичанкой по происхожденію, но живостью и разговорчивостью отнюдь не походила на своихъ сдержанныхъ соотечественницъ, а скорѣе на уроженку юга.

Она пустилась восторгаться окрестностями Парижа, дивилась, что Леонора еще ничего не видала далѣе Булонскаго лѣса; предлагала ѣхать непременно въ St. Denis, въ Версаль, въ Фонтенбло и наконецъ стала уговаривать ее съѣздить въ слѣдующее воскресенье, вмѣстѣ съ нею, въ Севръ и Сень-Клу.

— Мы поѣдемъ въ Сень-Клу водою, на пароходѣ, — я, m-me д'Ормейль, — вы знаете m-me д'Ормейль? Ну, да! Старушку, что со мною путешествуетъ, такая прекрасная особа! И ея родственница, m-me де-Лорси! — болтала баронесса. — Мы всюду вмѣстѣ!.. На прогулкахъ я терпѣть не могу мужскаго общества!.. Они всегда всѣмъ недовольны! Требуютъ разныхъ

удобствъ, стѣненій... Pardon, messieurs! Я говорю вообще и о своемъ мужѣ въ особенности!

Долголецкій и Недвиновъ молча поклонились.

— Après ça il y a des exceptions, bien entendu! — продолжала разливаться, знакомя, улыбаясь молодымъ людямъ.

Она принялась восхищаться берегами Сены и предстоявшей прогулкой, уговаривая Леонору не пропустить случая, приѣхать въ воскресенье утромъ на пристань у Pont-des Arts, гдѣ она встрѣтится съ ними.

— Вы знаете, какъ графиня де-Рейзенштернъ лѣнива! Она не любитъ прогулокъ и такъ поздно встаетъ!.. Съ нею вы ничего никогда не увидите... Советую вамъ, какъ въ Ниццѣ, присоединиться къ моему предприимчивому кружку.

Леонора общала. Она точно совершила съ m-me Мортигъ двѣ или три прогулки по морю и сушѣ весной и предложеніе ей улыбалось.

Она такъ долго заговорила съ этой дамой, незнакомой ей спутникамъ, что они отошли на нѣсколько шаговъ въ сторону и разсматривали русскій большой бронзовый крестъ, поставленный на пьедесталь, среди множества увитыхъ плющомъ древностей, украшающихъ цвѣтникъ и садъ музея Клюни. Надпись гласила, что крестъ этотъ снятъ въ Савастополѣ, съ церкви св. Владиміра...

Наконецъ баронесса спохватилась, что ей надо съѣзжать своимъ спутницъ, замѣшкавшихся въ музей и распростилась.

— До свиданія, въ воскресенье на Pont des Arts! Или на пароходъ «Hirondelle»... Смотрите, не опоздайте, — рожи въ одиннадцать!..

— Постараюсь! — отвѣтила Леонора и оглянулась, лица своихъ провожатыхъ.

Но вмѣсто нихъ, она увидала передъ собою стройнаго красавца блондина, въ группѣ молодыхъ людей, разговорами которыхъ — она только что потѣшалась.

Онъ почтительно поклонился ей, подавая крошечный батистовый платокъ съ огромной монограммой. Она обренила его давеча тамъ, на верху, въ покоѣ «Бѣлой королевы»... Онъ имѣлъ счастье его найти.

— Благодарю васъ! — проговорила Леонора, очень страннымъ тономъ и вся вспыхнула, сама почувствовавъ фальшь своего голоса: фраза, начатая высокомерно, словно растаяла въ ласковой интонаціи послѣдняго слова, при взглядѣ на кроткое, смущенное выраженіе прекрасныхъ глазъ незнакомца.

Въ двухъ шагахъ, за кипой зелени, стояли его товарищи

съ серьезными, на этотъ разъ, чуть ли не сосредоточенными, какъ на молитвѣ, физиономіями. Только черненскій отвернулся въ ту минуту, какъ взгляды молодой дѣвушки скользнухъ въ ихъ сторону... Она мгновенно сообразила, что сдѣлалъ онъ это потому, что испугался, чтобъ улыбка, неудержимо подергивавшая углы его рта, его не выдала. Сообразивъ это, Леонора подумала, что ей надо разсердиться, — поразить «ихъ всѣхъ» высокомернымъ презрѣніемъ!.. Но вмѣсто гнѣва, — она сама изумилась этой неожиданности! — Ей стало такъ смѣшно, что она и не опомнилась, какъ ея задорная, искрящаяся беззаботнымъ весельемъ, улыбка, прорвала ледъ и мгновенно согнала и «съ тѣхъ всѣхъ» ихъ напускную торжественность...

Леонора быстро повернулась и пошла прочь.

Въ группѣ молодежи раздались сдержанные возгласы искренняго восторга.

— Ah! Sacré nom d'un chien! A-t-il de la chance ce grand nigaud de Raoul! — услышала она возгласъ черномазаго.

Ни Долголецкій, ни Недвиновъ ничего не замѣтили, занятые патриотическими преніями. Крестъ съ Севастопольской церкви, поставленный на показъ между статуй Іуліана Отступника и его благочестивой жены, возмущилъ чувства пріятелей.

«Подарокъ музеуму герцога Малахова», — гласила надпись.

— Ну пришло-ли бы въ голову намъ, «варварахъ сквеамъ», выставлять ихъ святыню, кресты да иконы на показъ, какъ они ихъ наставили въ музеѣ и здѣсь? — говоритъ Недвиновъ. — Хвастается безобразіемъ своихъ солдатъ, богоульцевъ-грабителей!

Долголецкій соглашался, что чувства мѣры въ хвастовствѣ во французахъ не развито; много еще воинственной похвальбы осталось въ нихъ отъ франковъ и галловъ. Но онъ не возмущался ни мало ихъ кощунствомъ, какъ пріятель его.

— Ну, какъ-же не кощунство? Выставлять образа, какъ военные трофеи! Да еще съ надписями: награблены-мохъ въ Севастополѣ или Бомарзундѣ! — горячился художникъ. — А если бы въ 14-мъ году нашимъ солдатамъ дать волю, какіе бы у насъ были трофеи!.. Мы ихъ Женевьеву и св. Дени, небось, не тронули!

— Да что-жъ ты хочешь отъ народа, который самъ не признаетъ никакой святыни? Отъ парижанъ-то!.. Помилуй! Не даромъ и городъ основанъ на развалинахъ Лютеціи, столицы отступника... По моему въ этомъ фактѣ, право, есть пророчество.

— Да! только Іуліанъ, въ концѣ концовъ, смирился и за-

«кричалъ: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» А нынѣшніе парижане это забыли... Трофеи! — продолжалъ свое художникъ, — хороши трофеи, чтобъ къ нимъ еще подписи дѣлать!.. Небойсь, — не надишутъ на аркѣ Тюльерійскаго дворца, что-де эта конная группа те перъ не настоящая венеціанская, что была нами украдена съ площади св. Марка, какъ истыми вандалами; а императоръ русскій, взявъ Парижъ, нашего ничего не тронулъ, — а намъ-де, приказалъ возвратить въ Венецію, обратно на ее вѣками освященное мѣсто, настоящую римскую группу...

— Что вы здѣсь такъ горячитесь, cousin Grî-Grî? — подолка Леонора, чрезвычайно оживленная. — Всѣ французы удивляются, что вы руками размахиваете и кипятитесь. Пора домой!

Они уѣхали. По дорогѣ Леонора спросила, не проводятъ-ли они ее въ Сенъ-Клу, въ воскресенье?.. Нѣтъ! Долголецкій долженъ былъ быть на приемѣ, въ посольствѣ; а Недвиновъ будетъ уже на дорогѣ въ Марсель и далѣе... Какъ? Онъ уѣзжаетъ такъ скоро?.. Не познакомились съ кузинной Лидой?..

— О! это меньшая изъ моихъ заботъ! — осклабилъ свои бѣлые зубы художникъ, — Съ вами я свой человекъ, — а ужъ отъ знакомства съ ея сіятельствомъ — увольте!.. Я ей не нуженъ и мнѣ она не симпатична!

— Первый въ мірѣ человекъ, которому Людмила не нравится! — изумилась Леонора.

— Да, ужъ такой оригиналь! Я говорилъ вамъ: воспитанникъ медвѣжьей академіи! — засмѣялся Долголецкій.

Они проводили ее до дому и распрощались.

— Желаю вамъ веселья, и здоровья, и счастья, и всего хорошаго! — пожелалъ Недвиновъ, пожимая ея крошечную руку.

— А вамъ счастливаго пути!.. Кланяйтесь отъ меня сultanу Загвибарскому и великому Моголу и... кого вы тамъ еще увидите, въ вашихъ странствіяхъ? — весело отвѣчала Леонора и подала руку Долголецкому: — съ вами я, надѣюсь, не надолго расстаюсь?

— Вѣроятно до завтра или, Богъ дастъ, до сегодняшняго вечера! — отвѣчалъ Евгений Андреевичъ.

Она поркнула на подъѣздъ.

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ завтра ѣдешь? — спросилъ Долголецкій, когда за нею затворилась массивная дверь.

— Да... Нѣтъ. Не знаю!.. Во всякомъ случаѣ у нихъ болѣе

не буду. Знаешь, мнѣ тяжело смотрѣть на эту дѣвочку... Она не долговѣчна!

— Ну, вотъ еще!.. Здравешенька!

— Нѣтъ. Еще еслибъ добропорядочная жизнь, а не сутюлка такая, какъ онѣ ведутъ. Нѣтъ! Она не жилица: ей легкиихъ не хватитъ—и на два года, увидишь!

И пріятели разошлись, по своимъ дѣламъ.

Долголецкій шелъ тихо, заложивъ руки въ карманы, и думалъ, неопредѣленно улыбаясь:

«Это бы съ руки Людмилѣ Юрьевнѣ!.. Дядюшкѣ некому было-бы оставить своего достоянья, кромѣ возлюбленной племянницы... Но бѣдная, маленькая Лорочка!.. Надо мнѣ быть повнимательнѣе.... Вѣдь отъ той—все станется!»

VII.

На другой день баронесса Мортигъ побывала у графини, а чрезъ два дня, въ сказанное воскресенье, Леонора сдѣлала прѣстную поездку. Загородный ли воздухъ, чудесные виды по берегамъ Сены или хорошая прогулка по одичалому, густому парку въ St Cloud, такъ на нее повдѣяли; но она повеселѣла еще больше и такъ пристрастилась къ загороднымъ прогулкамъ, что то и дѣле недосыпала, ложась на зарѣ и рано вставая, чтобы не пропустить rendez vous съ «баронессой».

Уѣзжая утромъ рано на пароходѣ или на станціи желѣзныхъ дорогъ, молодая дѣвушка возвращалась обыкновенно къ обѣду, въ восторгѣ отъ проведеннаго дня. То она была въ St Denis, осматривала соборы и гробницы королей, то въ Версаль любовалась парками, фонтанами, картинными галереями; а еще чаще весь день проводила въ лѣсахъ и на пароходахъ. Баронесса забирала съ собою провизію или они заходили въ

прекрасный ресторанъ, въ дѣсу, на берегу цвѣтущей Сены... Отецъ дивился буколическимъ вкусамъ своей балованной дочери, но ей не препятствовалъ...

Дивилась имъ и графиня, но такъ какъ эти прогулки не мѣшали Леонорѣ бывать въ обществѣ и съ нею показываться довольно часто въ послѣ полуденныхъ прогулкахъ верхомъ или въ коляскѣ,—она молчала, пожимая плечами и порой обѣщая себя самой — «узнать, добиться истинной причины и дѣла» этихъ безпрестанныхъ экскурсій... Людмила Юрьевна ясно видѣла, что одушевленные рассказы Леоноры, касаясь очень краснорѣчиво неодушевленныхъ вещей,—природы, красивыхъ мѣстъ, историческихъ зданій,—какъ-то обѣгаютъ контингентъ лицъ ее сопровождавшихъ, мало касаются людей... Ей самой хотѣлось бы узнать больше, да все некогда было: своихъ сложныхъ дѣлъ у нея было такъ много! Ей теперь приходилось вести ужъ не двойную, а четверную, запутанную, рискованную, опасную игру!..

На послѣднемъ балѣ, въ отелѣ министерства торговли, ей представили благообразнаго миллионера, барона Бреммера... Съ тѣхъ поръ прошелъ мѣсяць. Баронъ собирался выѣхать черезъ двѣ недѣли: эти двѣ недѣли затянулись на четыре... Эрнестъ посмѣивался въ кулакъ и торжествовалъ, кутя во всё тяжкя, на субсидіи, не въ счетъ содержанія, предоставляемаго ему отцомъ.

Домой, своей сѣге тапан, онъ писалъ, что они съ отцомъ страшно заняты и чтобы его возвращенія не ждали раньше конца большихъ скачекъ.

Онъ приближались быстро, эти скачки, сигналъ развѣянія высшего свѣта по морскимъ купаньямъ, дачамъ и водамъ. Станки приближались и увеличивались тревоженія Шампальяка... Съ русской наслѣдницей дѣло стояло на точкѣ замерзанія, а непрерывные расходы на фешіонебельную жизнь требовали неустанныхъ заботъ объ экстренныхъ доходахъ. Не то чтобы вконтрь бросилъ расчеты на Леонору или, вѣрнѣе, на ея приданое; онъ только ждалъ болѣе удобнаго времени, чѣмъ эта сутолока послѣднихъ дней лѣтняго сезона въ Парижѣ и, по внушенію графини, возлагалъ всё свои надежды на лѣто... Онъ напротивъ былъ теперь спокойнѣй: соперникъ его, де-Марли, ступевался изъ общества m-lle Darzance, занятый вдвойнѣ: лошадыю, которую готовили ему на состязаніе «du grand prix» и вновь появившейся въ Парижѣ, «прекрасной Марикжтой», кафе-шантанной пѣвицей, изъ Андалузіи. Сама же Леонора была очень мила и пріятна съ Шампальякомъ и въ послѣднее время, къ тому же, замѣчательно похорошѣла...

Онъ относилъ это къ правильной жизни, къ ея утреннимъ прогулкамъ, которыхъ ни мало не опасался.

Опасался или правильнѣе подозрительно смотрѣлъ на нихъ Долголецкій; такъ что даже серьезно собирался переговорить съ Валентиномъ Львовичемъ, на счетъ сомнительной пользы раннихъ экскурсій его дочери при томъ образѣ жизни, который она продолжала вести, ложась въ три и четыре часа ночи. Если онъ медлилъ, то потому только, что позднія увеселенія на дняхъ кончались; а Леонора такъ искренно смѣялась, когда онъ съ ней говорилъ объ этомъ, увѣряя его, что никогда она не была такъ здорова, какъ теперь, что Евгенийъ Андреевичъ и самъ усумнился рациональности своихъ опасеній.

— Отчего баронессы Мортигъ никогда не видно? Неужели она такъ и небываетъ нигдѣ въ городѣ, а все только по окрестностямъ путешествуетъ? — спросила какъ-то Людмила Юрьевна свою кузину, недѣли черезъ три, послѣ первой ея прогулки.

Леонора вспыхнула.

— Да... Ты знаешь, что она общество не любитъ, даже избѣгаетъ его! — отвѣчала она: — Да ее почти никогда нѣтъ въ Парижѣ: цѣлыми днями она въ разъѣздахъ, а иногда даже остается ночевать за городомъ... Вотъ и теперь, она ѣдетъ дня на три въ Англенъ и ужасно проситъ меня съ нею ѣхать... Какъ ты думаешь, rara пустить?.. Я бы очень хотѣла!

— Не знаю, Лора... Окажу тебѣ прямо, что дружба твоя съ этой мало извѣстной дамой мнѣ не улыбается... Будь осторожна... Не сомнительно-ли общество, которое окружаетъ тебя въ салонѣ этой оригиналки, любительницы сельскихъ видовъ и прогулокъ?

Леонора протестовала горячо и горячо просила ея предостереженія. Она увѣряла, что это будетъ послѣдняя ея экскурсія, — что на слѣдующей недѣлѣ баронесса уѣзжаетъ въ Швейцарію.

— Англенъ вѣдь всего въ двухъ часахъ по желѣзной дорогѣ — говорила она. — Говорятъ, прелестный городокъ! Воды минеральныя, озеро, чудное мѣстоположеніе и послѣ завтра тамъ большой праздникъ, гуляніе съ фейерверкомъ, съ разными увеселеніями... Ты не любишь такихъ, деревенскихъ удовольствій, — а я обожаю!.. Устрой мнѣ эту поѣздку, Милочка! Папа все сдѣлаетъ, что ты ему скажешь.

— Не знаю, что тебѣ нравится въ этихъ мѣщанскихъ удовольствіяхъ, Лора! Воображаю, какая тамъ будетъ дубляка!.. Влзуники и швей! протестовала графиня.

Однако, подумавъ и сообразивъ кое-какіе свои планы съ

затѣй кувинны, общалась сказать дядѣ, съ тѣмъ однако, чтобъ Леонора непременно вернулась на другой день послѣ Англійскаго праздника, наканунѣ ихъ послѣдняго пріемнаго дня.

— Ты понимаешь, что твое отсутствіе было бы слишкомъ замѣтно и возбудитъ вопросы и толки, совсѣмъ лишніе... Вечеромъ у меня будетъ музыка, пѣвцы, весь свѣтъ!.. Погоди! Сегодня пятница? Ты завтра собираешься?

— Да. Въ воскресенье гулянье, а твой день во вторникъ... Въ понедѣльникъ, не позже вечера, я буду дома.

— Надѣюсь, что баронесса Мортигъ сама за тобой пріѣдетъ?

Леонора опять замѣтно смутилась.

— Не знаю... Она меня просила пріѣхать. Отъ нея, ты знаешь, ближе къ дебаркадеру.

Людмила Юрьевна покачала, улыбаясь, головой; но сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ ея смущенія и яркаго румянца.

Въ тотъ же день она сообщила Дарзансу, что Леонора желаетъ на другой день сдѣлать загородную прогулку съ баронессой и возвратится только въ воскресенье...

— Какъ? — изумился Валентинъ Львовичъ: — не будетъ дома ночевать?.. Куда же онѣ поѣдутъ?

— Въ Англѣнъ... Тамъ будутъ многіе. Я бы сама охотне любилана, но...

— Такъ отчего же? Поѣдете и мы.

— Фердинандъ въ субботу уѣзжаетъ въ Лондонъ съ княземъ Альтенгеймомъ... Они вернутся только во вторникъ! задумчиво проговорила Людмила. — День, даже два, мы будемъ одни... Я впрочемъ готова ѣхать.

Она медленно подняла и остановила на немъ глаза.

— Графъ уѣзжаетъ?.. Я не зналъ встрепенувшись, проаносъ Валентинъ Львовичъ. — Да!.. Эта особа, баронесса Мортигъ... Вы увѣрены, что съ нею можно отнустить Шеру?

— Я бы и не допустила ихъ знакомства, еслибъ не знала, что она женщина вполне порядочная! отвѣчала графиня.

— О, да!.. Я въ тебѣ увѣренъ! восторженно прошепталъ старикъ, остановивъ невольное движеніе и косясь на слѣдующую комнату, гдѣ графъ Фердинандъ наигрывалъ что-то на роялѣ.

Онъ всегда любилъ музыку, теперь же часто и самъ, въ минуты меланхоліи, садился за рояль и мурлыкалъ про себя, хотя какъ слѣдуетъ не умѣлъ ни пѣть, ни играть.

Позвали Леонору и заявили ей, что она можетъ испол-

нить свою затѣю, что заставило ее броситься на шею къ отцу, а потомъ и къ Людмилѣ.

— Ну, право какъ десятилѣтняя пансіонерка! смѣясь, замѣтила графиня.

— Дѣточка! Малая цыпка! говорилъ Дарзансъ, умильно глядя на обнявшихся племянницу и дочь и неизвестно какой больше любуясь.

Въ тотъ же день, пока Леонора у себя одѣвалась куда-то на вечеръ, мечтая о завтрашней поѣздкѣ, камеристка доложила графинѣ, что разсылный лакей, котораго она послала, вернулся съ отвѣтомъ..

— *Faites entrer!* быстро приказала графиня, еще не начинавшая своего туалета, сидя одна и въ глубокомъ раздумьи.

Рослый лакей вытянулся на порогѣ.

— *Eh bien, François?*

— Я нашелъ виконта, *m-me la comtesse*, отвѣчалъ тотъ..

— Ну?

— По приказанію вашему я ждалъ, пока г. виконтъ передастъ мнѣ отвѣтъ. Но такъ какъ мосье де-Шампальякъ куда-то ѣздилъ, я промедлилъ..

— Знаю! Знаю!.. Гдѣ же отвѣтъ?

— Господинъ виконтъ очень спѣшилъ. Онъ, не выходя изъ экипажа, подозвалъ меня... Онъ очень извиняется, что отвѣчалъ на словахъ...

— Да чтожь такое отвѣчалъ онъ, наконецъ?

— Онъ приказалъ вамъ передать, что дама, къ которой вы дали ему порученіе, уже съ недѣлю, какъ выѣхала изъ Парижа въ Швейцарію.

— А!.. Очень хорошо, Франсуа. Вотъ тамъ, на консоли десять фразковъ,—возьмите ихъ себѣ.

— *Bien merci, madame la comtesse!* съ чувствомъ поклонился лакей и вышелъ, размышляя, что такимъ русскимъ барамъ служить пріятно.

«Къ кому же она ѣздитъ?.. Съ кѣмъ гуляетъ и проводитъ цѣлые дни?!.. въ то же время размышляла графиня Рейзенштернъ...

«А теперь проведетъ двое сутокъ... Два дня и — двѣ ночи! докучно досказывала мысль, которую однако графиня сознавать не желала и гнала прочь, сама съ собой лицемѣря.

Она не желала сознавать двусмысленность своихъ поступковъ и серьезную опасность, которой, быть можетъ, подвергалась Леонора, до поры до времени.. Пока ей самой вмѣшательство въ дѣла и поступки вѣтренной дѣвочки будетъ удобно.

«Авось не пропадетъ! Не младенецъ-же... Да и что мнѣ за дѣло?.. Она скрываетъ... я могла бы и не знать ничего!— мелькали разрозненныя мысли въ головѣ ея, какъ второстепенныя, маленькія варіаціи, на главную сложную тему, которая неустанно занимала ея помыслы, касаясь ея лично. Эту главную тему своихъ размышлений, Людмила разсматривала всесторонне, обсуждая тщательно всѣ шансы успѣха и всѣ случайности, которыми она рисковала, приводя въ исполненіе искусно задуманную махинацію. Она уподоблялась мудрому главнокомандующему наканунѣ генеральнаго сраженія.

Въ субботу утромъ уѣхалъ въ Англію князь Альтенгеймъ, по своимъ и отчасти «европейскимъ» дѣламъ, упресивъ и графа Фердинанда сопутствовать ему, ради вящаго преуспѣянія политики общаго имъ фатерланда. Рейзенштерны искони переселились изъ Германіи, но почему-то были болѣе склонны считать отечествомъ своимъ Пруссію, нежели Россію; по многимъ личнымъ симпатіямъ, убѣжденіямъ и даже родственнымъ связямъ Берлинъ былъ имъ несравненно болѣе свой, чѣмъ Петербургъ, а тѣмъ менѣе — Москва!

И такъ родственники уѣхали утромъ, а послѣ завтрака исчала и Леонора Валентиновна, простившись весело съ кухней и съ отцемъ, который особенно нѣжно расцѣловалъ ее пресея веселиться, но не вѣтренничать: не простужаться и возвратиться во время.

Въ этотъ вечеръ двери графини Рейзенштернъ были заперты и во весь день тотъ ни она, ни дядя ея не выѣзжали никуда.

VII.

Ѣмъ болѣе посѣтителей явилось въ воскресенье.

Салонъ графини переполнился. Въ этомъ пестромъ обществѣ русскихъ было всего меньше. Людмила Юрьевна не долубливалась соотечественниковъ. Одинъ Долголецкій бывалъ у нея довольно часто, но въ это воскресенье его долго не было видно.

Графиня была какъ всегда оживлена, прекрасна и хотя чрезвычайно любезна, но вмѣстѣ съ тѣмъ царственно величественна. Валентинъ Львовичъ помогалъ ей принимать гостей,

исправляя роль хозяина дома съ апломбомъ и вѣсѣхъ въ этотъ день поражалъ любезностью и сановитымъ добродушіемъ. Обои пришлось разъ двадцать повторять, что графъ уѣхалъ «черезъ проливъ», дня на два, не болѣе; только чтобы помочь принцу Зоннербергенскому уладить кое какія дѣлишки безъ вышательства «крупныхъ политическихъ силъ»... Дальнѣйшихъ объясненій не давалось, и хотя слушавшіе чаще всего совѣмъ не знади, какія дѣла могутъ быть у полутора-аршиннаго герцоства, съ правительствомъ соединеннаго королевства, но зная, что у принца Альтенгейма есть и тамъ высокія связи, даже родство, всѣ принимали значительный видъ, желая выразить безъ словъ, что прекрасно все постигаютъ и проникнуты благоговѣніемъ къ высокой миссіи графа Рейвенштерна... Графиня очень легко относилась къ этой «миссіи» и вообще къ побѣдѣ мужа; но Дарзансу нравилось напирать на ея значеніе и политическія цѣли, а потому онъ не мало способствовалъ распространенію и утвержденію въ обществѣ такого преувеличеннаго, если не совершенно безосновательнаго мнѣнія, о непосредственномъ участіи его родственника въ «политическомъ равновѣсіи Европы»...

Между множествомъ посѣтителей, освѣдомлявшихся объ отсутствовавшемъ хозяинѣ, нашлось много замѣчавшихъ и отсутствіе Деоноры. Имъ объясняли...

— Шалунью притягиваютъ поля и лѣса! Она то и дѣло утѣкаетъ за городъ съ одними нашими друзьями, — объясняли стаць.

— Что вы хотите! съ своей стороны заявляла графиня, пожимая плечами: — я совѣмъ не одобряю эти частыя эскапады моей балованной маленькой кузины. Ей время забыть эту école buissonnière... Но вѣдь между отцемъ и дочерью трудно мѣшаться!

Шампальякъ вошелъ вмѣстѣ съ Бреммеромъ.

Негоціантъ-милліонеръ нѣсколько измѣнился за этотъ мѣсяць. Не то чтобы онъ постарѣлъ, но похудѣлъ замѣтно; его черносеребристые въ природныхъ мелкихъ завиткахъ кудри будто сползли дальше отъ лба, ближе къ темени. Голову, когда-то чрезвычайно красивую, онъ все такъ-же несъ высоко, всѣхъ окидывая быстрымъ, властолюбивымъ взглядомъ; но самый взглядъ будто утратилъ величавое добродушіе, а какъ-то неспокойно бѣгалъ, словно чего-то тревожно ища, выжидая чего-то.

Безпокойный огонекъ блеснулъ въ его глазахъ, когда они остановились на величавой массивной фигурѣ Дарзанса. Дядюшка, самодовольно поглаживая окладистую, серебряную бо-

роду, смѣялся и что-то рассказывалъ, стоя у камина, въ группѣ мужчинъ, въ приемной смежной съ салономъ, гдѣ хозяйка дома занимала дамъ. Проходя мимо, Бреммеръ сильно дернулъ себя за лѣвый усъ и длинную эспаньютку à la Victor Emmanuel, еще выше векинулъ голову и, нервно пожавъ ему и другимъ знакомымъ руки, прошелъ не останавливаясь далѣе. Шампальякъ минуту промедлилъ, чтобъ сообщить кое-кому новыя свѣдѣнія, о предстоящемъ жокеямъ и лошадамъ состязаніи на полторастотысячный призъ, съ причѣпившимися къ нему многими сотнями тысячъ франковъ закладовъ на пари, искусно набиваемые ловкими дѣльцами по скаковымъ дѣламъ, между которыми самъ онъ былъ первый дока.

Бреммеръ пошелъ прямо къ хозяйкѣ дома, поклонился съ порога гостиной и, сдѣлавъ еще три шага, еще почтительнѣе и глубже склонился предъ нею, выжидая, внутренне волнуясь, какъ двадцатилѣтній юноша.

Въ послѣднее ихъ свиданіе ему было сказано:

— Я отвѣчу на вопросъ вашъ въ тотъ день, когда на правой рукѣ моей вы увидите одно кольцо, съ черной жемчужиной.

На другой же день графинѣ подали пакетъ на ея имя. неизвѣстно кѣмъ оставленный въ передней. Въ немъ оказалась драгоценность тончайшей работы и огромной цѣны: кольцо съ черной жемчужиной необыкновенной величины. Съ того дня, прошло болѣе недѣли... Теперь одно это кольцо украшало выточенную какъ изъ мрамора ручку, съ блестящими, выпуклыми и розовыми какъ лепестки цвѣтка негодками, которую ему выдали протягивали, à l'anglaise.

Кровь бросилась въ голову негоціанта, когда онъ похолодѣвшей, дрожавшей рукой пожималъ, спокойно поданную ему теплую благоуханную руку графини. Она разсѣянно ему улыбнулась, сказала:

— Encore à Paris, wagon? Я думала, что вы ужъ уѣхали... Очень рада васъ видѣть.

И обернулась къ сидѣвшей возлѣ дамъ, продолжая съ неначатый разговоръ.

Бреммеръ отошелъ къ окну, стараясь понять, что именно рассказывалъ ему, тотчасъ же овладѣвшій имъ, господинъ, стараясь смѣяться, когда смѣялись другіе и отвѣчать болѣе или менѣе впопадъ. Но въ головѣ его былъ шумъ, кровь стучала въ виски и каждое біеніе пульса и сердца повторяло ему только два слова: «Наконецъ! Наконецъ!» и «Когда-же? Когда?..»

Онъ стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, не видя ничего, не слыша, не чуя земли подъ ногами, выжидая. Время, казалось ему, повисло безконечно, а между тѣмъ онъ не успѣлъ опомниться. какъ посетители почти всѣ разсѣялись, кромѣ нѣсколькихъ intimes. Шампальякъ занималъ дамъ въ меньшемъ салонѣ, балагурилъ, острилъ.

Когда на смѣну ему заговорилъ вопедній изъ смежной гостиной Дарзансъ, покончившій тамъ свои хозяйскія обязанности, графиня незамѣтно подоввала Шампальяка и тихо сказала ему нѣсколько словъ... Ловкимъ маневромъ, тоже совершенно незамѣтно, виконтъ очутился возлѣ Времмера и педъ шумокъ громкаго разсказа «*du bon papa d'oncle*» — шепнуть ему:

— *Cher baron!* Находятъ, что вы напрасно окаменѣли на одномъ мѣстѣ, со взглядомъ блуждающимъ изподобья и со сложенными на груди руками, на подобіе греческой карятиды!..

— Что такое?—освѣдомился фабрикантъ, силясь понять. Находить?.. Кто находить.

— *La chatelaine... La belle Pénélope, abandonnée de son Ulisse...* Покинутая во временномъ одиночествѣ красавица!— шутилъ виконтъ.

— Ничего не понимаю!

— Ну, милый бароны!.. Куда дѣвалась ваша сообразительность?.. Или вы не знаете, что графъ де-Рейзенштертъ поѣхалъ за Ла-Маншь подписывать мирный договоръ владѣтеля Зоннербергена съ королевой Викторіей, на погибель Венарка?

— Уфхаль!.. Мсье де Рейзенштертъ уфхаль?!—вскричалъ негоціантъ.—Я не зналъ...

И увенькіе глазки его блеснули, невольно остановившись на крестной рукѣ съ черной жемчужиной на безымянномъ пальцѣ, свободно покоившейся на бархатномъ креслѣ.

— Для контенансу вамъ совѣтуютъ перейти къ тому столу, видите тамъ?.. Съ кипсеками и альбомами.

— Вижу. Далѣе!

— Тамъ вы найдете альбомъ Помпейскихъ видовъ, которые желали видѣть... Вѣроятно интересный альбомъ!.. Хотя я не зналъ, что вы антикварій!—посмѣивался Шампальякъ.

— О, да!.. Помпей меня очень интересуеть,—на ходу отвѣчалъ Времмеръ.

Виконтъ подхватилъ его подъ руку.

— То-то вы къ ней устремляетесь на подобіе лавы, истре-

бывшаго ee Везувія!—засмѣялся онъ.—Oh! Que vous êtes jeune! Que vous êtes jeune, cher baron!..

Они остановились у стола, въ другомъ концѣ комнаты; Бреммеръ присѣлъ у него, перебирая книги въ дорогихъ переплеткахъ, но виконтъ скромно отошелъ въ сторону... Не такъ однако далеко, чтобы не подмѣтить движенія барона и волненія, овладѣвшаго имъ съ третьей же страницы иллюстрацій великолѣпнаго изданія, которымъ онъ любовался.

Дѣло въ томъ, что тамъ лежалъ клочекъ бумаги, новидимому обрывокъ стараго письма, который не могъ бы остановить ничего вниманія, но баронъ взглянулъ на него пристально и прочелъ эти строки, представлявшіяся продолженіемъ дружескаго письма: «нашъ садъ прелестенъ! Я часто гуляю и остаюсь въ немъ одна, до глубокой ночи, ничего не боясь потому, что ходъ въ него изъ моего маленькаго салона; а другой для садовника изъ боковой калитки, что выходитъ въ переулокъ... Но садовникъ тамъ бываетъ лишь поутрамъ, а дубликатъ его ключа всегда лежитъ на моёмъ столѣ для иллюстрацій и альбомовъ, въ китайскомъ ящичкѣ съ марками...»

Ничего больше не было на этой оборванной страничкѣ брошеннаго письма, безъ начала и безъ конца.

Съ волненіемъ, давно невѣдомымъ отцу семейства, почтенный негодянтъ покосился воо кругъ себя, на книги и множество бездѣлушекъ украшавшихъ столъ... Китайскій ящичекъ стоялъ у его локтя. Сердце стараго грѣшника еще сильнѣй застучало тревогу!

Сбросить полированную крышку труда не стоило, даже лѣвой рукой, продолжая правой перелистывать книгу. Довольно объемистый ключъ лежалъ поверхъ разноцвѣтныхъ почтовыхъ марокъ...

Милліонеръ такъ углубился въ любованіе развалинами Нонпей, что совершенно не замѣчалъ, что дѣлалось въ салонѣ; онъ искалъ указанія на день и часъ... но ихъ нигдѣ не было.

Становилось поздно для визитовъ, никто болѣе не пріѣзжалъ во многіе, почти всѣ разъѣхались. Послѣднимъ вошелъ Долголецкій; разстроивъ своимъ появленіемъ оживленный кружокъ гостей, заслушавшихся сплетень Шампальяка, онъ тѣмъ самымъ ихъ вспугнулъ, напомнивъ о времени. Онъ поздоровался съ хозяйкой дома, съ дядюшкой и глазами искалъ Леонору. Но не видя ее и не желая мѣшать графинѣ, занятой запоздавшими дамами, онъ подошелъ къ столу, за которымъ Бреммеръ все еще искалъ разрѣшенія своимъ недоумѣніямъ.

— Encore ici, wagon? сказалъ онъ совершенно ненамѣренно.

Но баронъ столько разъ слышалъ этотъ приѣвъ и былъ теперь именно такъ взволнованъ, что вскипятился и отвѣчалъ нетерпѣливо и живѣе, чѣмъ позволяло строгое приличіе:

— Pardieu? Pourquoi pas? Почему мнѣ здѣсь не быть? Развѣ столица мнѣ запрещена?

— Нимало, разумѣется... Почему нѣтъ? миролюбиво согласился Долголецкій, ничѣмъ не выказывая удивленія такой несдержанности барона.—Мнѣ говорили, что вы вчера уѣхали...

— Вчера, сегодня! Кому какое дѣло до меня и моихъ передвиженій?.. Люди, которымъ дѣлать нечего, слишкомъ добры, занимаюсь мною. «Ils feraient tout aussi bien de vaquer à ce qui les regarde...»

— Ого! Онъ нынче какъ съ цѣпи сорвался! подумалъ Долголецкій.—Эте не даромъ!.. Но мнѣ охоты нѣтъ быть козломъ отпущенія въ неудовольствіяхъ этого титулованнаго мылсваара!

И онъ съ особеннымъ удовольствіемъ обернулся къ Юдмилѣ Юрьевнѣ, проводившей свою послѣднюю посѣдательницу.

— Я такъ устала и такъ разстроена! вполголоса сказала она по-русски и тотчасъ же обратилась къ Бреммеру.

— А! я вижу вы цѣнитель хорошихъ изданій, баронъ. Это Пемпея—экземпляръ довольно рѣдкій...

— Это удивительное изданіе! Я рассмотрѣлъ ее съ наслажденіемъ!.. Ахъ! Что я едѣбалъ!.. Прошу у васъ тысячу извиненій!

Китайскій ящичекъ лежалъ на боку и всѣ марки разсыпались по столу.

— О! Не обращайтесь вниманія. Это фантазія моей маленькой кузины.. Ихъ подберутъ, эти марки.

— M-lle Darzance собираетъ ихъ?.. О! Въ этомъ случаѣ я сочту своей обязанностью прислать ей нѣсколько тысячъ марокъ со всего свѣта! сказалъ Бреммеръ, собирая разноцвѣтные квадратики обратно въ китайскій ящикъ и въ то же время размышляя:

— «Она видитъ, что ключа нѣтъ! Она не можетъ этого незамѣтить! Я не ошибся, но когда же? Когда?!»

— А гдѣ m-lle Eléonore? спросилъ Долголецкій. — Опять куда нибудь уѣхала?

— Да! Она поѣхала въ Атъень еще вчера... Я совершенно измучена за нее! въ скобкахъ сообщила графиня Долголецкому по-русски и снова продолжала по французски.—Я

думаю, я даже увѣрена, что дядя самъ поѣдетъ за ней сегодня... Сегодня вечеромъ я совершенно буду одинока, брошена всѣми! подчеркнула она особенно выразительно.

— Вы, брошены?.. Вы—въ одиночествѣ? Развѣ сами вы того хотите, графиня! посмѣивался Долголецкій, наблюдая.

Волненіе барона Бреммера дошло до крайней степени, что именно и забавляло Евгенія Андреича. Негоціантъ не нахедилъ почему-то словъ, но украшеніе á la Victor Emanuel страдало несказанно и кровь окрасила багровыми пятнами виски его и высокій лобъ.

— Не хотите-ли, господа, пройтись въ садъ?.. У меня прелестный уголокъ въ саду... Тѣнистый павильонъ у фонтана... Вы не были тамъ?.. Сегодня такъ жарко! Mon oncle! Visitez! Voulez vous passer au jardin?

Она обернулась къ нимъ, идя къ дверямъ террасы. Бреммеръ напелся предложить ей свою руку и таялъ, и мѣлкъ, и дивился этой чудной, необыкновенной женщинѣ, и трепеталъ предъ ней, какъ пылкій юноша, предъ своей первой страстью.

— Пропаль, бѣдняга! Совсѣмъ пропаль и со всѣми своими заводами, перегонными трубами и мыльными капиталами! мысленно тѣшилъ Долголецкій, давая имъ дорогу, а самъ слѣдуя въ обществѣ сановитаго дядюшки и мелкимъ бѣсомъ сѣменившаго предъ нимъ виконта.

Садъ былъ дѣйствительно тѣнистъ и зелѣнъ, какъ игрушечка. Эти шесть саженой земли стоили «свой вѣсъ золота», какъ справедливо говорилъ о нихъ садовникъ.

Хозяйка дома съ гостемъ шли съ виду спокойно бесѣдуя; но на самомъ дѣлѣ говорила почти одна графиня и говорила точно, спокойно, громко, ни мало не опасаясь быть услышанной. Въ павильонѣ увитомъ, розами, съ бющимъ фонтаномъ, куда они вошли раньше другихъ, она небрежно сказала, опускаясь на диванъ:

— Вотъ мой любимый уголокъ!.. Въ рѣдкія минуты, когда я остаюсь одна, какъ буду сегодня вечеромъ, я здѣсь иногда засиживаюсь по долгу...

— А другимъ?.. Другимъ смертнымъ нѣтъ въ него доступа? заикаясь, промолвилъ баронъ.

— Да!.. Если есть на то моя добрая воля..

Она небрежно кивнула головой на высокую каменную стѣну, закрытую ползучей зеленью, за которой слышался уличный шумъ и, усмѣхнувшись, прибавила:

— Il y a par là un guichet. Вы не замѣтили среди зелени тамъ садовничья калитка?.. Но ключъ съ секретомъ... Ее можетъ отворить только садовникъ или же... другъ, ко-

тому я захочу помочь изнутри... До сихъ поръ такихъ не бывало!

Шампальякъ подошелъ раскланяться. Ему надо было поспѣть еще на скаковое поле, кое что осмѣлить, сообразить...

— *Baron! Partons nous?..* Вы знаете: вѣдь мы враги по скаковому полю! Баронъ—за Литль-Декъ лорда Саймерса; я—за Жаннету, арабскую кобылицу де-Марли. *Oh! Je m'en vas faire un tas d'argent et ce pauvre baron va faire banqueroute!* хохоталъ онъ, хлопая опалѣлаго барона по плечу.

— *Oh! Que non!.. Oh! Que non!..* повторялъ тотъ, моргая и не совсѣмъ разумѣя суть разговора.

— «Дѣлецъ и купецъ онъ быть можетъ перваго сорта! думалъ Долголецкій:—но Донъ Жуанъ неопытный!.. Обереть она его, проведетъ и выведетъ въ одинъ оборотъ руки!..

— А дядюшка почтеннѣйшій! вдругъ вспомнилъ дипломатъ.—Неужели не смекаетъ и ничего не видитъ?!

И онъ съ удвоеннымъ интересомъ поглядѣлъ на Дарванса. Тотъ съ неподдѣльной благостью смотрѣлъ, вокругъ разглаживая бороду и самодовольно мурлыча пѣсенку, какъ сытый котъ, котораго только что накормили сливками...

— И этотъ! И этотъ тоже попалъ, рикошетомъ, въ родъ Кокардо!.. Такимъ же бараньимъ взоромъ смотреть, какъ и блаженной памяти супруги Гаварни!.. Да это прелесть!..

И Долголецкій воззрися на Людмилу Юрьевну, какъ на артистку! На гениальную артистку, увѣренный, что сама она на себя любитъся и наслаждается своей тонкой игрою, своимъ безнуднымъ мастерствомъ!.. И онъ отчасти былъ правъ.

Баронъ наконецъ уразумѣлъ, что что бы не ожидало его здѣсь, въ эгомъ саду, въ этомъ благоуханномъ павильонѣ, чрезъ нѣсколько часовъ, теперь ему надо уѣхать! Надо разстаться съ этой сиреной, опутавшей его на жизнь и смерть, неотразимо увлекавшей его, самъ онъ не зналъ куда: къ блаженству или къ гибели?.. Да ему теперь это было безразлично: сдержаться онъ уже не могъ.

Этотъ пожилой, положительный человекъ, который тридцать лѣтъ былъ разсудительнымъ и добрымъ отцемъ семейства, чувствовалъ, что превратился въ безумца, въ слѣпца, что потерялъ голову, разумъ и волю опутанный чарами этой недосыгаемой,—донынѣ ему казалась она недосыгаемой,—красавицы!

Шампальякъ сѣлъ вмѣстѣ съ Бреммеромъ въ его карету, безцеремонно приказавъ кучеру отвезти его домой и безъ церемоній, едва дверца кареты за ними захлопнулась, устре-

милъ нахально-требовательный взглядъ въ глаза барона и спросилъ.

— Ну-съ, господинъ баронъ. Что я вамъ пророчилъ?.. Ключъ отъ магометова рая, который вы такъ крѣпко сжимаете рукой въ карманѣ, стоитъ или не стоитъ мизерныхъ десяти тысячъ франковъ, которые я просилъ васъ одолжить мнѣ?

— Mon cher! Mon cher vicomte! лепеталъ Бреммеръ, борясь съ сильнымъ желаніемъ обнять и расцѣловать завитого и раздушеннаго денди въ самый мѣдный лобъ его.— Voilà! Voicil..

И съ трудомъ оторвавъ руку отъ прожигавшаго ее ключа, онъ схватился за свой бумажникъ, вырвалъ у него чекъ, дрожащимъ почеркомъ написалъ на немъ: «двадцать тысячъ франковъ подателю», и весь разцвѣтая отъ счастья, отдалъ Шампальяку.

— Вотъ это дѣло! Это благородно!.. Отдамъ—при первой возможности! не смущаясь, совралъ виконтъ, пряча деньги въ карманъ.

А въ отелѣ Рейзенштернъ между тѣмъ шла комедія другаго рода.

Пока Дарзансъ провожалъ гостей, Людмила Юрьевна быстро вернулась къ Долголецкому и вскричала такимъ голосомъ, въ которомъ даже онъ не слышалъ фальши:

— Голубчикъ, Евгенийъ Андреичъ! Я просто въ отчаяніи. Повѣрите-ли, я до того измучилась за эту дѣвочку, за Лору, что насилу дождалась разбѣда всѣхъ этихъ господъ, боясь сплетень...

— Что такое, графиня? Что случилось съ Леонорой Валентиновной? забывъ о Бреммерѣ и всемъ прочемъ, тревожно спросилъ Долголецкій.

— Бога ради, поѣзжайте вы въ Фонтенбло! Эта дама, эта маленькая де-Гринье сейчасъ увѣряла меня тутъ, что встрѣтилась съ ней вчера на станціи, на полъдорогѣ въ Фонтенбло! Что Лора ѣхала въ большомъ обществѣ, гдѣ она никого не знаетъ! Поймите: что же это за общество, въ которомъ де-Гринье никого не знаетъ?!

— Но вы сейчасъ говорили, что она въ Ангьенѣ?

— Да! Она должна была ѣхать въ Ангьенъ къ м-ше Мортитъ и м-ше д'Ормѣиль. Но представьте, что Шампальякъ увѣряетъ, будто баронесса Мортитъ недѣлю тому уѣхала изъ Парижа.

У Долголецкаго вытянулось лицо...

— Ахъ! Боже мой!

— Да!.. Ужь я незнаю говорить-ли дядь?
— Непремѣнно!—рѣшительно сказалъ дипломатъ.
— Я боюсь!.. Онъ умретъ, если что съ Лорой!
Долголецкій сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.
— Было ему лучше беречь бѣднаго ребенка!
— Легко сказать!.. Ужь если я ее ни въ чемъ не подо-
зрѣвала!.. Она хитра, какъ бѣсенокъ!

— Въ хорошей школѣ!—буркнулъ Евгений Андреевичъ.

Но Людмила притворилась, что не слышитъ.

Дарзансъ входилъ въ гостиную. Ему рассказали сразу въ чемъ дѣло и старикъ непритворно поблѣднѣлъ и рас-
терялся. Онъ никакъ не могъ себѣ предетавить, чтобы Лора
его обманывала, чтобы баронесса Мортигъ вдругъ такъ исчезла,
не простившись, ничего не заявивъ о своихъ намѣреніяхъ.

— Да какъ же такъ! Какъ же такъ?..—повторялъ онъ,
ходя неровными шагами туда и сюда, всѣхъ озирая тревожно.
—Какъ мы ее такъ пустили, одну?.. Слѣдовало проводить ее,
удостовериться съ кѣмъ и куда она ѣдетъ!

— Вотъ именно! Но вы этого не сдѣлали, а потому сло-
вами теперь не поможешь, а надо сейчасъ ѣхать на розыски,
Валентинъ Львовичъ. Если прикажете—я къ вашимъ услу-
гамъ!—сказалъ Долголецкій.—Мнѣ, кажется, времени терять
нельзя...

Рѣшено было сначала ѣхать въ Фонтенбло и если тамъ
Леоноры не окажется, въ Ангьенъ. Тамъ, на гуляньи, во время
иллюминаціи, еще возможно было повстрѣчаться, усердно
рыская вдвоемъ; но въ громаднѣхъ паркахъ и лѣсахъ Фон-
тенбло мудрено было надѣяться найти кого бы то ни было
но однимъ разспросамъ и примѣтамъ...

По истинѣ имъ не зачѣмъ было въ Фонтенбло и ѣхать и
искать было тамъ некого, потому что Леонора точно побѣжала
въ Ангьенъ, на гулянье. И графиня Рейзенштернъ это пре-
красно знала! но она боялась, что бессмысленный случай по-
можетъ имъ скорѣй найти Лору, чѣмъ слѣдовало по ея расчетъ-
тамъ и ранѣе съ нею возвратиться. Фонтенбло являлось тутъ
спасительнымъ отводомъ...

Мужчины уѣхали. Графиня и въ этотъ день не выѣзжала
изъ дому, а занималась до самаго вечера разборомъ и приве-
деніемъ въ порядокъ своихъ писемъ, счетовъ и цѣнныхъ до-
кументовъ и бумагъ. Ихъ было у нея достаточно,—и всевоз-
можныхъ странъ; но она тутъ же рѣшила отъ нихъ изба-
виться, оставивъ только англійскія.

Едва стемнѣло, она распустила людей, приказавъ поту-
шить огни, никого не принимать и въ какую бы пору вечера

или ночи не вернулся дядя съ своей дочерью, сказать, что она не здорова, спать и не приказала будить себя до утра.

Горничная приготовила чай въ будуарѣ графини и затѣмъ удалилась, обрадованная раннимъ отпускомъ на всю прекрасную, лѣтнюю ночь. Людмила Юрьевна сама заперла за ней двери на ключъ, прекративъ этимъ всякое сообщеніе своихъ покоевъ съ остальнымъ домомъ и неторопливо, спокойной поступью сошла въ свой благоухавшій, миниатюрный садъ.

IX.

Сонора Дарзансъ могла бы наткнуться на происшествіе гораздо хуже того, что съ нею случилось. Судьба заботилась еще о ней, не давъ ей напасть на дурныхъ людей. Все дѣло было въ томъ лишь, что она, зная прекрасно взгляды кузины своей на общественныя связи, считала необходимымъ скрывать отъ нея знакомство съ людьми не ихъ круга... Далеко не ихъ круга! Но у нихъ и съ ними безпритязательной, вѣтренной дѣвочки было весело,—это было главное! Но и кромѣ веселья, въ послѣдніе дни къ существованію ея примѣшался новый интересъ: не то чтобы любовь, но и не простое кокетство, знакомое ей чуть не съ дѣтства, а нѣчто гораздо болѣе нѣжное и менѣ эгоистичное.

Вотъ какъ было дѣло.

Въ первой же прогулкѣ съ баронессой Мортигъ въ Сень-Клу, Леонора, со свойственной ей живостью отдѣлилась, вѣрнѣе, опередила остальное общество. Ее манила свѣжая даль громадной, тѣнистой, какъ стрѣла прямой аллеи, въ концѣ которой сіяло пространство, ясная, голубая даль; а баронесса медлила въ окрестностяхъ дворца-развалины, уничтоженнаго прусскими бомбами; у сломанной рѣшетки цвѣтника, на кото-

рой еще болталась желѣзная дощечка съ надписью: «Reservé!» Словно краснорѣчивая насмѣшка надъ превратностью величія земнаго... Она подробно разсматривала тамъ, въ нижней части парка, удѣлѣвшія отъ разгрома статуи, фонтаны, и не замѣтила, какъ ея маленькая спутница отошла вправо, взбѣжала на тѣнистый холмъ и тамъ исчезла...

Глазамъ Леоноры открылся безконечный, темный среди яркаго майскаго дня, сводъ вѣковыхъ деревьевъ-великановъ и она побѣжала вдоль чудной аллеи, какъ бабочка къ свѣту, стремясь туда, гдѣ блисталъ открытый, залитый солнцемъ край неба.

Тѣнь, прохлада, уединеніе полное таинственнаго затишья стояли вокругъ нея, въ этомъ съ умысломъ запущенномъ, нелюбимомъ парижанами паркѣ, болѣе всего пострадавшемъ въ осадѣ Парижа; въ этой послѣдней резиденціи «Наполеона м а л е н ь к а г о», свидѣтельница «безумныхъ тратъ и оргій императрицы Евгеніи»,—какъ только что объяснялъ имъ проводникъ-блужникъ. Она предвидѣла тамъ, въ концѣ аллеи, прекрасное зрѣлище; но все же, достигнувъ рѣшетки, остановилась, ослѣпленная, надъ обрывомъ, отдѣлявшимъ ее отъ пространства.

Передъ ней въ дымчатомъ сіяньи лежалъ весь Парижъ, окаймленный поясомъ своихъ холмистыхъ зеленыхъ окрестностей; блистала Сена, извиваясь въ живописныхъ берегахъ; сверкали въ солнечныхъ лучахъ золотые купола и вышки. А ближе, на право, каменная, обоженная, траурная масса дворца или того, что вѣкогда имъ было, насквозь свѣтилось пятью этажами многооконныхъ фасадовъ, безъ дверей, безъ крыши, безъ половъ... Легкія, бронзовые рѣшетки балконовъ, изогнутыя, порванные, висѣли клочьями, какъ обрывки кружева на обгорѣломъ нарядѣ. Изъ зіявшихъ оконъ и трещинъ закопченныхъ стѣнъ взбѣгали вѣтви разросшейся на развалинахъ зелени; а надъ ними безпомощно вздымались черныя трубы, словно руки поднятыя къ небу, призывая его гнѣвъ на свершенное людьми злодѣяніе.

Это черное memento-mori особенно поражало ереди разцвѣта и сіянья майскаго, чуднаго утра; въ виду богатыхъ здавій и веселыхъ окрестностей вѣчно веселой столицы!

Леонора оглянулась, невольно ища съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніемъ. Спутницы ея еще были далеко, но вблизи, на скамьѣ сидѣла пожилая дама въ зеленой вуали, съ клѣтчатыймъ пледомъ на рукѣ, съ биноклемъ черезъ плечо и открытымъ «Путеводителемъ» Бедекера, въ красномъ переплетѣ, передъ самымъ носомъ. Молодая дѣвушка, едва переводя духъ,

опустилась рядомъ съ ней на желѣзную скамью, невольно, съ глубокимъ вздохомъ, промолвить:

— Dieu! Que c'est beau!

— Indeed! сквозь зубы согласилась дама, слегка отодвигаясь, словно испугавшись прикосновенія.

Вдругъ изъ густой кущи зелени возлѣ нихъ раздался сдержанный смѣхъ и молодой, свѣжій баритонъ, какъ нельзя болѣе кстати, пробудилъ эхо безмолвныхъ аллей и печальныхъ развалинъ, аріей Роберта Дьявола:

— «Вотъ развалины тѣ, на нихъ печать проклятья!..»

Изъ за кустовъ выставилась мужская рука, многозначительно указуя дворецъ; а за ними раздались шутки, взрывы смѣха двухъ паръ здоровыхъ легкихъ и сдержанный, молниеносный о молчаніи третій голосъ, котораго шепотъ едва долеталъ до Леоноры, любопытно и весело насторожившей уши.

Вниманіе невидимыхъ, веселыхъ собесѣдниковъ было привлечено какой-то мочалкой, развѣвавшейся на верхушкѣ развалинъ, зацѣпившись за трубу.

— А—са, voyez-vous ce beau drapreau?—спросилъ голосъ, перазившій Леонору сразу, какъ знакомый.

— Ну да.—отвѣтилъ другой. — Это флагъ, достойный послѣдняго обитателя этого замка!.. Кажется—грязная тряпка?

— Mais non, pardieu!—подхватилъ первый.—Какая тряпка?. Это трофей, доставленный покойнымъ императоромъ, изъ подъ Седана! Ему подарилъ ее м-сье де Бисмаркъ на память...

— Tais-toi, blagueur!—продолжалъ второй:—ne vois-tu pas que ce n'est qu'une culotte Prussienne?..

— Chut!.. Voudrez vous bien vous taire, Jules! — возманился третій голосъ тихо.

Но его никто не слушалъ и врядъ ли слышали за смѣхомъ.

— Да, разумѣется!—утверждалъ второй голосъ.—Эте кресте панталоны прусскаго солдата, подхваченные бомбой на просушкѣ. Снарядъ ударилъ о трубу и пригвоздилъ, — il fixa la culotte attrapée... Et voilà!

Англичанка рядомъ съ Леонорой, при первомъ звукѣ слова «culotte», вскочила и, послѣшно подхвативъ свой пледъ, книгу и прочіе доспѣхи пустилась въ бѣгство. Смѣхъ, за драпировкой зелени, разразился еще дружнее... Леонора едва сдерживалась. Она была увѣрена, что это опять та же молодежь, которая забавляла ее въ Кюони. Какъ только собесѣдка ея обижено шевельнулась, мигомъ, чисто парижскій говоръ невидимыхъ актеровъ замѣнился ломаннымъ англійскимъ. Раздались совершенно неприличныя «год-демы» и возгласы:

— Oh! Shocking!.. Dear me, how very shocking.

Англичанка, вся багровая, так припустилась бѣжать, что едва съ ногъ не сбила приближавшуюся баронессу Мортигъ; а за нею быстро пошла къ нимъ на встрѣчу и Леонора, чтобы скрыть отъ «неизвѣстныхъ» смѣхъ, котораго не могла пересилить.

Въ ту же минуту среди молодежи, скрывавшейся за живой изгородью, на уступѣ спуска, произошло волненіе. Они повскакали съ травы, слѣдя за удалявшейся дѣвушкой, въ просвѣты между листвою и одинъ изъ нихъ, именно усмирявшій ихъ всѣхъ бѣлокурый Рауль, сказалъ разобиженнымъ тономъ:

— Là!.. Je te le disais bien!.. Я говорилъ вамъ, что она уйдетъ!.. Что вы ее заставите уйти своими глупостями!

— Вздоръ!.. La petite n'est pas de la trempe anglaise!—утѣшали его товарищи.—Она не изъ британскаго тѣста, не иснугается безобидной болтовни... И вотъ тебѣ доказательство: она возвращается со своимъ обществомъ!

— Pardi!.. Вотъ сюрпризъ! Посмотри-ка, Дюрель, развѣ это не твоя тетушка?.. Не m-me Лорси?

Блондинъ припалъ къ просвѣту.

— Que si!.. Это она!—сказалъ онъ оживленно.—Она мнѣ говорила, что ждетъ родственницу свою, m-me д'Ормейль, съ которой будетъ много ѣздить по окрестностямъ, вмѣстѣ съ важной дамой, une baronne de.. de quelque chose!.. Не помню фамиліи. Это вѣроятно онѣ.

— Наверное!.. Ну не говорю ли я, что онѣ счастливицы, ce gaillard là?—вскричалъ черномазый.

— Chut! Pour l'amour de Dieu!.. Умолкните же, Бога ради!—взмолился Рауль.

Дамы подходили въ сопровожденіи блузника-проводника, неумолчно рассказывавшаго имъ всю подноготную, указывая въ разныя стороны разстилавагося передъ ними безконечнаго горизонта. Леонора, разумѣется, ничего не говорила имъ о случившемся, но самому поверхностному наблюдателю было бы видно, что она прислушивается къ чему-то и чего-то ожидаетъ забавнаго, судя по оживленному лицу ея, по веселому, безпричинному смѣху, который она не въ силахъ была сдерживать. Подъ шумокъ монотонныхъ рассказовъ проводника, гудѣвшаго, какъ шарманка, надъ ушами внимательно слушающихъ его двухъ дамъ, она тихо разговаривала съ третьей, не молодой, но очень живой и разговорчивой парижанкой, дивившейся охотѣ баронессы слушать рассказы блузника, когда она взялась имъ сопутствовать и, конечно, могла бы не хуже его

показать и описать имъ все!.. Леонора тоже дивилась имъ, находя скучными болтовню и самое присутствіе этого чловѣка; а сама все поглядывала вкось, на зеленыя кущи, гдѣ теперь царствовало полное молчаніе.

Вдругъ тамъ зашевелились и чинно, по дорожкѣ на верхнюю площадку вышли трое молодыхъ людей, весьма приличныхъ, даже элегантныхъ.

Затаивъ дыханіе, съ бьющимся сердцемъ и невольной улыбкой, Леонора Дарзансъ смотрѣла и ждала, что теперь будетъ?.. Но того, что произошло, она никакъ не ожидала.

Всѣ подошли прямо къ ея спутницѣ, madame de Lorgy, издали улыбаясь и снявъ шляпы; а подойди, отвѣсили ей низжайшіе поклоны.

— Ah! Durel!— произнесла она совершенно спокойно, даже радостно и тутъ же, не затрудняясь, представила всѣхъ тремъ дамамъ, начавъ, съ знакомыхъ Леонорѣ по Клюни, блондина и брюнета.

— Mesdames! Позвольте мнѣ представить вамъ моего племянника и его пріятелей: Raoul Durel, étudiant en sculpture; m-r Jules Pontès, m-r Revellot,—étudiant en peinture

И баронеса со своей спутницей ничего не видали не уместнаго въ этомъ знакомствѣ; очень любезно поздоровались съ молодыми людьми, что конечно сдѣлала и Леонора Дарзансъ.

Въ этотъ день они завтракали въ прелестномъ кафе, увитомъ рѣзами, на самомъ берегу Сены; потомъ возвращались всѣ вмѣстѣ на парходѣ, гдѣ Понтесъ и Ревилье до того забавляли старшихъ дамъ юмористическими разсказами, что онѣ были въ восторгѣ отъ ихъ знакомства и очень сожалѣли, что завтра не праздникъ и они не могутъ имъ сопутствовать. А пока товарищи великодушно собою жертвовали—«S'imposaient en Holocauste à l'amitié!» Какъ заявилъ черномазый Жюль,—Дюрель бесѣдовалъ въ сторонѣ съ Леонорой, любуясь оживленными берегами.

— Такъ вы знали, что встрѣтитесь со мною въ Севъ-Клу, monsieur Дюрель?—спросила она.

— Могъ ли я забыть ваши слова?.. Вы громко сговаривались съ баронессой въ Клюни... Но я не могъ представить себѣ такого счастья! Я не зналъ, что родственница тетюшки нутешествуетъ именно съ той самой дамой, съ которой вы говорили!—отвѣчалъ Рауль.

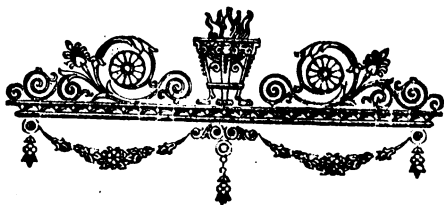
Дня черезъ два ѣздили цѣлый день: въ Севръ, въ Отейль, въ Медонъ. Пунктъ соединенія былъ уже не у баронессы, а у m-me Лорси, гдѣ завтракали и гдѣ m-lle Darzance познакомила со всей семьей,—весьма почтенной семьей,—этой дамы,

стяжавшей большую популярность своими прекрасными акварелями, а равно и кипучими статьями въ пользу женскаго труда и женскихъ правъ.

Она выхлопотала отпускъ своему племяннику и тогда какъ его пріатели рѣдко, только въ праздники, оживляли ихъ прогулки своимъ присутствіемъ, Рауль Дюрель почти всегда сопровождалъ ихъ.

Черезъ недѣлю баронесса и ея спутница уѣхали въ Швейцарію; но знакомство Леоноры съ семьей Лорси и частыя прогулки съ нею не прекратились. Она не передала графинѣ Рейзенштернъ прощальныхъ пожеланій баронессы и ея извиненій въ томъ, что она не могла ее видѣть лично; она даже коварно скрыла порученную ей визитную карточку, съ присяжными буквами въ уголку: Р. Р. С., которую, въ послѣдній день своего пребыванія въ Парижѣ, баронесса Мортигъ, поручила ей отдать кузинѣ, когда сама привезла ее въ отель Рейзенштернъ и не застала дома его хозяйки... Она слишкомъ дорожила своимъ новымъ знакомствомъ и предстоявшими еще прогулками, чтобъ ими рисковать. Красивый будущій скульпторъ сумѣлъ пробудить въ сердцѣ семнадцатилѣтней русской дѣвушки чувства интереса и нѣжной симпатіи, какихъ она никогда, ни къ кому не имѣла.

Она была вполне права, отличая его отъ Шампальяка и другихъ своихъ поклонниковъ: Дюрель не имѣлъ и понятія о положеніи ея и богатствѣ; а ей нравилось поддерживать въ семьѣ Лорси увѣренность въ своемъ демократическомъ происхожденіи и пролетаріатѣ. Всѣ ее считали тамъ не родственницей, а компаньонкой графини Рейзенштернъ, бѣдной сиротой, француженкой по происхожденію... Рауль Дюрель былъ искренній и честный человекъ. Его помыслы и планы въ отношеніи Леоноры Дарвансъ были чисты и просты, какъ и самая любовь его къ этой прелестной дѣвочкѣ, — «*cette douce et charmante enfant*», — какъ называла ее старушка, мать господжи Лорси, искренно ее полюбившая, какъ и вся семья! Леонора внесла свѣтъ и оживленіе въ ихъ трудовую, будничную жизнь.

Х.

акъ ожидала Людмила Юрьевна, дядя ея и Долголецкій напрасно прокатились въ Фонтенбло; тамъ и слѣда Леоноры не оказалось, несмотря на тщательныя справки. Былъ уже поздній вечеръ, когда они рѣшились направить розыски въ Ангьенъ. Тамъ на маленькой станціи все кипѣло народомъ, гуляніе было въ полномъ разгарѣ и несмотря на позднее время экстренные поѣзда все еще продолжали прибывать изъ Парижа. Дорога въ городъ была полна экипажей и пѣшеходовъ, какъ бульваръ во время прогулки; озеро искрилось и сіяло потѣшными огнями въ своей зеленой рамкѣ; хорошенькія виллы по берегамъ его фантастически вспыхивали въ разноцвѣтномъ бенгальскомъ освѣщеніи; вокругъ казино минеральныхъ водъ народу были массы. Онъ весь горѣлъ унизанный цвѣтными фонарями; на платформѣ, въ саду,—нигдѣ не было возлѣ него проходу отъ накрытыхъ столовъ, отъ ужинавшихъ и въ особенности отъ уничтожавшихъ пиво.

Фейерверкъ кончался, когда Дарзансъ и Долголецкій подошли сюда встревоженные, усталые отъ безтолковыхъ, бесплодныхъ поисковъ. Оба приходили къ убѣжденью, что они могли бы оставаться дома,—что найти кого нибудь въ такихъ условіяхъ совершенно не мыслимо...

— Мы здѣсь глаза проемотриваемъ, а Лорочка можетъ быть давно въ Парижѣ и спать спокойно, нагулявшись!—сказалъ старикъ, сойдясь по уговору на указанномъ мѣстѣ со своимъ спутникомъ.

Долголецкій посмотрѣлъ укоризненно.

— Какимъ же образомъ, Валентинъ Львовичъ? возразилъ онъ:—развѣ не слышали вы, что Леонора Валентиновна убѣжала съ тѣмъ, чтобы возвратиться только завтра?

— Завтра?! Я ждалъ ее сегодня утромъ... Впрочемъ... вы правы: я совѣмъ изъ виду выпустилъ это гуляніе! то есть я думалъ, что оно было вчера... Вѣдь она вчера уѣхала! Богъ мой! И съ кѣмъ?.. И гдѣ она теперь?... Двое сутокъ! Двое сутокъ!...

Онъ схватился руками за голову, словно въ первые сообразивъ положеніе.

— Да-съ!... Не хорошо!—рѣзко согласился Евгений Андрее-

ничь. — Остается надѣяться на благо разуміе, — онъ скривилъ губы въ насмѣшливую улыбку: — на благо разуміе самой Леоноры Валентиновны. Надо думать, что она вернется благополучно, безобидно нагулявшись со знакомыми своихъ знакомыхъ... Вѣдь, съ баронессой этой всегда была цѣлая свита?

— Да, съ нею была старушка... Она оригиналка: терпѣть не можетъ мужскаго общества. И славу Богу!

— О, разумѣется!... Если она умѣла пропагандировать свою ненависть и между своими здѣшними знакомками, — тѣмъ лучше! усмѣхнулся дипломатъ. — Не знаете что?... Съ фейерверка сюда направляются по двумъ аллеямъ, станьте вы у одного выхода, а я у другаго. Если не дождемся появленія Леоноры Валентиновны, тогда обойдемъ террасу, садъ у казино... а потомъ останется...

— А потомъ-то что-жь?... отчаянно вскричалъ Дарзансъ. — Остается вернуться восвояси, предоставивъ ее ея судьбѣ?... Вѣдь это ужасно! О, Господи!...

— Да .. «Что за комиссія, создатель», — и такъ далѣе!... Машинально проговорилъ Долголецкій, уставивъ глаза въ землю, размышляя. — Останется и тутъ поступить также, какъ въ Фонтенбло: поѣздить, для очистки совѣсти по отелямъ. Здѣсь ихъ, вѣроятно, не много.

— Ухъ, какъ мнѣ совѣстно предъ вами, дорогой Евгений Андреевичъ и какъ я вамъ благодаренъ! началъ было Дорзансъ.

Но дипломатъ прервалъ его изліянія, рѣшительно предложилъ продолжать поиски.

Они разошлись на указанные пункты, но сколько ни поджидали, нигдѣ не мелькало ожидаемаго оживленнаго личика блестящими глазами и яркимъ румянцемъ, хотя зрители возвращались съ озера непрерывными вереницами.

Отцу на мѣстѣ не стоялось. Онъ сталъ медленно подвигаться впередъ, на встрѣчу публикѣ, безпокойно всѣхъ озирая, рассчитывая что все равно не пропуститъ Леоноры, если только окажется она среди этой толпы. Долголецкій былъ упорнѣй и терпѣливо выжидалъ на своемъ посту, рассчитывая, что ужинать ли или просто выходить съ мѣста празднества, всякому все равно надо пройти здѣсь...

Но вдругъ онъ услышалъ въ группѣ изъ нѣсколькихъ молодыхъ людей и женщинъ разговоръ:

— Mais comment, diable. peut elle être: russe, cette petite? Откуда можетъ она быть русской, нося французскую фамилію? говорилъ одинъ господинъ другому.

— О! On se cosmopolitise facilement de notre tems! отвѣчалъ другой. — Нынче по фамиліямъ національности не узнаешь.

— Она очень хорошенькая!... *Fort gentille cette mademoiselle Darzance.*

Долголецкій так шагнул на перерѣзъ этихъ господъ, что чуть не сбиль съ ногъ двухъ дамъ.

— *Pardon, mesdames!... Pardon, messieurs!* Извините, могу ли я просить васъ указать мнѣ, гдѣ видѣли вы m-l *Darzance*? Отецъ ея здѣсь и просилъ меня разыскать ее.

— *Ah! Bien ouil!... M-me de Lorsy!* Гдѣ же спутница ваша?

— Она сейчасъ здѣсь будетъ. *Ces messieurs*, племянникъ мой и его товарищи предложили Каролинѣ и ей прокатиться по озеру.

Ястребинымъ окомъ оглядѣлъ дипломатъ говорившую. Онъ не нашелъ въ этой пожилой особѣ. очень прилично одѣтой, ничего зазорнаго. Въ свою очередь она его оглядывала подозрительно.

Не теряя времени на объясненія, Долголецкій зашагалъ большими шагами къ пруду.

Въ то же время и Валентинъ Львовичъ, давно уже начавшій понемножку двигаться впередъ, подходилъ къ нему съ мѣста своихъ наблюдений. Обѣ аллеи сводили къ пристани, ярко горѣвшей цвѣтными огнями.

Много лодокъ, полныхъ веселыми пловцами, еще скользило по темной глади пруда. Говоръ, пѣсни и взрывы смѣха, то и дѣло раздавались надъ сонными водами, въ зеленыхъ закоулкахъ по берегамъ его. Это было народное гуляніе, не неприличнаго, не чисто демократическаго характера, какія бываютъ еще лишь въ окрестностяхъ Парижа, да и то не въ самыхъ ближайшихъ, которыми, какъ и городскими увеселеньями, завладѣли массы съ виду гораздо болѣе фешіонебельной, но въ сущности несравненно болѣе зазорной публики!

Дарзансъ и Долголецкій издали узнали другъ друга. Старикъ многозначительно указывалъ Евгению Андревичу на лодки, пестрившія прудъ; тотъ отвѣчалъ ему утвердительно кивками головы; оба прибавили шагу, усердно вглядываясь въ пловцовъ.

Маленькая лодочка, въ эту минуту подплывавшая къ лѣсенкѣ пристани, не могла быть имъ видна, скрытая возвышеніями павильона. Изъ нея то и выходило ожидаемое Долголецкимъ общество. Каролина Лорси, пансіонерка, еще не кончившая курса, первая взбѣжала на лѣсенку и вышла въ районъ свѣта со своимъ братомъ и Ревилью, именно въ ту секунду, какъ съ противоположной стороны входили Дарзансъ со своимъ спутникомъ, объяснившимъ ему полученныя имъ указанія. За Каролиной и Ревилью шли Леонора, Дюрель и живописецъ Жюль Понтесь, котораго веселый голосъ заставилъ издали

Долголецкаго насторожить вниманіе. Тутъ же раздались возраженія и смѣхъ Леоноры; но едва знакомое, оживленное лицо ея мелькнуло въ лучѣ фонаря обнимъ искавшимъ ее, какъ произошло нѣчто совершенно непонятное и неожиданное...

Она выдернула руку у взводившаго ее Рауля Дюрель, сбѣжала со ступенекъ обратно и такъ не осторожно спрыгнула въ крошечную лодку, что не смогла сохранить равновѣсія: лодка сильно покачнулась и она плашмя, головой внизъ исчезла въ пруду...

Отчаянный крикъ ея ближайшихъ спутниковъ, кинувшихся за нею, раннѣ чѣмъ собственное зрѣніе, открыло истину ея отцу... Долголецкій и онъ бросились къ пруду; но старикъ, увидавъ въ чемъ дѣло, обезсилилъ и опустившись на скамью у лѣстнички, закрылъ лицо руками, глухо заставъ. Переполохъ произошелъ ужасный!.. Никто ничего не понималъ.

Чего испугалась Леонора Дарзансъ?... Зачѣмъ «бросилась въ воду»? Кто этотъ—рыдавшій старикъ? Что все это значить?

Ни Долголецкій, никто не успѣлъ еще ни на что рѣшиться, какъ Дюрель уже сбросилъ верхнее платье и исчезъ въ безвзвучно разступившейся водѣ. вслѣдъ за Леонорой... Не прошло и минуты—протянувшейся вѣчностью для ждавшихъ со спертымъ въ груди дыханіемъ,—что будетъ? какъ Рауль вынырнулъ на свѣтъ Божій. Держа высоко на рукахъ бездыханную дѣвушку, онъ, стоя въ водѣ по горло, подавалъ ее стоявшимъ на пристани. Съ берега всѣ руки разомъ протянулись за ней...

Бережно приняли ее, совершенно безчувственную, положили на скамью, вытирали ей лицо, терли руки. Пульсъ ея бился и слабое дыханіе вскорѣ стало ровнѣй и сильнѣй... Она открыла глаза и всѣхъ обведя удивленными взглядами, только тутъ, почувшись отъ обморока, вспомнила, что было, что она надѣялась... Ее и жалко было и смѣшно, когда она вся мокрая, дрожа отъ холода и волненія повторяла:

— Пара! я не хотѣла... Право! Право, я только думала пошутить,—отгѣхать въ лодкѣ... Я такъ удивилась!.. Такъ испугалась, когда вдругъ увидала тебя и вотъ Евгенія Андреевича.

Она и задыхалась, стуча зубами и смѣясь въ одно и то же время и такъ шаловливо жалостно всѣхъ оглядывала, что для большинства трагическая минута перешла въ полнѣйшій комизмъ. Серьезны были только отецъ ея и Долголецкій, безынокойно оглядывавшій всѣхъ, въ напрасномъ розыскѣ плета, чего-нибудь теплаго, чтобы закутать дрожавшую Леонору. Онъ уже пришелъ къ рѣшенію снять съ себя пальто и имъ укутать ее, когда окружавшую ихъ толпу растолкали вновь

прибывшіе на мѣсто происшествія, извѣщенные о немъ Каролиной и братомъ ея, тѣ самыя лица, отъ которыхъ онъ узналъ только что о мѣстѣ нахождения m-lle Darzance.

Къ величайшему изумленію обоихъ русскихъ, пожилая парижанка, m-me Lorsy, съ истинно материнскимъ участіемъ бросилась къ Леонорѣ, съ крикомъ:

— Oh! Leonore!.. Oh! Mon enfant, quelle imprudence!

И тутъ же, не обращая ни на кого вниманія на незнакомыхъ ей господъ, начала дѣятельно распоряжаться.

— Eh! Vite, Raoull!.. Cherchez mon waterproof!.. A bien! Je vois: c'est toi qui l'a reperché!.. Вижу; что ты и самъ не суше ея!—обратилась она къ племяннику.—Ну; такъ вы, Pontès! Revillot!.. Скорѣе сбѣгайте: Вотъ контрамарка! У меня тамъ плащъ и шаль моей сестры! Скорѣе! Скорѣе несите, чтобы маленькая не простудилась!.. А я, пока, ее прикрою...

И госпожа Lorsy рѣшительно стащила съ себя мантилью и кутала въ нее переконфуженную дѣвушку, ненавшую, смѣяться ей или плакать и все распоряжалась:

— Eh bien, messieurs, pas de longueurs, s'il vous plaît! Пусть кто-нибудь скорѣе мнѣ слетаетъ остановить фіакръ! Надо сію минуту домой!.. Въ тепло! Въ постель, cette pauvre petite chatte!.. У нея, вонъ, лихорадка!.. Видите-ли? La polissonne!.. Elle s'est donnée une jolie petite fièvre, lâl!.. Voyez, vous bien ce qu'on gagne en faisant des sottises!

Долголецкій отступилъ, добродушно улыбаясь, но Валентину Львовичу вдругъ показались неумѣстными, чуть-ли не обидными заботы «этой неизвѣстной старушонки» и онъ авторитетно сталъ между ею и Леонорой.

— Je vous remercie bien, madame!—свысока произнесъ онъ.—Позвольте мнѣ самому позаботиться о моей дочери.

— Ah!.. c'est votre père, mon enfant?—изумилась та, но очень добродушно.

— Chère m-me de Lorsy! Извините меня! Папа! Моя добрая знакомая! Приятельница баронессы Мортигъ, m-me de Lorsy... M-r Darzance, mon père!..

И прибавила по русски, чуть не со слезами:

— Папочка! Да не смотри же такимъ бирюкомъ! Это такіе славные, милые люди!..

Тутъ только онъ опомнился, что не имѣетъ ни права, ни повода дѣлать грубости и обратился съ благодарной, объяснительной рѣчью къ госпожѣ Lorsy и съ горячей, хотя все же нѣсколько натянутой благодарностью къ Дюрелю, котораго позволяла Леонора, хотя онъ не изъявилъ ни малѣйшей претензіи или желанія познакомиться. Рауль Дюрель смотрѣлъ издали

изъ подлѣбья на «*ces intrus*», чуть было не стубившихъ, своимъ непрошенымъ появленіемъ любимой имъ дѣвушки и думалъ съ замираніемъ сердца, что все теперь кончено!.. Самъ не зная, почему появленіе Дарзанса и въ особенности Долголецкаго оселило въ немъ убѣжденіе, что отнынѣ Леонора у него отнята.

Принесли шаль и ватерпруфъ. Одѣли въ нихъ Леонору, но тебѣе отъ нихъ ей стать не могло. Отецъ непремѣнно хотѣлъ тотчасъ же везти ее домой, въ Парижъ и она была до того смущена, что не протестовала... Воспротивилась рѣшительно одна *m-me* Лорси, увѣряя, что это было бы ей вѣрной смертью, мокрой ѣхать ночью три-четыре часа! Да этого довольно чтобы положить въ гробъ и посильнѣе человѣка.

— Мы здѣсь въ двухъ шагахъ отъ моей кузины. Черезъ пять минутъ, *si vous me laissez faire*, ваша дочь будетъ въ согрѣтой постели, вынетъ хорошую чашку горячей тизаны и завтра утромъ вы ее увидите бодрой и здоровѣй!.. *Croyez, cher monsieur, que vous n'avez, rien de mieux à faire pour le moment que de nous la confier.*

И Долголецкій вполне согласился съ благоразуміемъ ея доводовъ и, образумивъ старика, настоявъ на томъ, чтобы онъ оставилъ Леонору на попеченіе этихъ добрыхъ людей.

Онъ одинъ возвратился въ Парижъ. Дарзансъ остался въ гостиницѣ, въ Ангвѣнѣ и на другой день прибылъ въ отель Рейзенштернъ, сильно распушивъ по дорогѣ свою дочку за всѣ ею совершенныя беззаконія и за то, что она простудилась.

Въ самомъ дѣлѣ къ ней привязался, съ этого памятнаго купанія, не сильный, но постоянный кашель.

— И всѣ эти невзгоды изъ за твоего демократизма! — смѣялась надъ ней Людмила Юрьевна. — Изъ за твоей страсти къ разнымъ *liaisons dangereuses* и къ дружбѣ съ какими-то подозрительными личностями!

Къ удивленію ея, всегда вспыльчивая, кузина не спорила и не сердилась на такія насмѣшки, а только улыбалась, краснѣла и старалась перемѣнить разговоръ. Впрочемъ, графиня скоро поняла, что это потому, что Лора не желаетъ сердить ее и болѣе обращать ея вниманіе на свое беззаконное знакомство, а напротивъ задабриваетъ, именно потому, что несмотря на запрещеніе отца, продолжаетъ тайкомъ сношенія съ семьей Лорси.

Втихомолку Людмила подсмѣивалась надъ надеждой «этой дѣвчонки» ее обмануть.

«Какое мнѣ дѣло до твоихъ amitiés clandestines и прочихъ глупостей?—размышляла она про себя, — не долго тебѣ радоваться жизнью, бѣдняга! Веселись, какъ знаешь: не уснѣешь ни себя и никого скомпрометировать».

Она прекрасно, ранѣе всѣхъ знала, что въ ея маленькой кузинѣ развивается губительный недугъ; что Долголецкій совершенно правъ, говоря, что ей бы надо на кумысь, на парное молоко и деревенскую жизнь, а не въ ихъ полунощной сутолокѣ изводить себя. Но она отсылала его съ совѣтами къ дядюшкѣ... Онъ отецъ! Ему вѣдать и заботиться; а ей какже вмѣшиваться въ дѣла, противъ воли ихъ и согласія?... Нельзя же было Евгению Андреичу высказать прямо, что онъ думалъ: — что она одна можетъ открыть глаза Дарзансу и заставить его уѣхать и увезти Леонору, — а не лнуть къ ней, въ ея побѣдоносную свиту. Съ нимъ говорить было бесполезно. Долголецкій раза два пробовалъ; оба раза кончалось тѣмъ, что Дарзансъ призывалъ въ помощь себѣ свою дочь, любовался ея румянцемъ, ссылался на увѣренія ея, что она здорова, на ея веселость и оба смѣялись надъ «карканьемъ ворчуна дяди Жени...» Тѣмъ и кончалось дѣло...

Валентинъ Львовичъ, поглощенный своей поядней страстью, не имѣлъ ни для кого, кромѣ Людмилы, ни глазъ ни ушей; а она втихомолку увѣряла его, что Долголецкій ошибается, что все это вздоръ.

XI.

Великій для парижавъ день «du grand prix» прошелъ блистательно. Погода стояла весь день прекрасная, только къ концу скачекъ, откуда ни взялась грозовая туча; прогремѣла за одно съ аплодисментами и наредными кликами въ честь побѣдителя-жокея и быстрый, сильный ливень испортилъ свѣжіе туалеты дамъ не избраннаго круга... Избранныя сидѣли подъ кровомъ павильона, проходили въ экипажи подъ навѣсомъ изъ парусины, а смѣтливые кучера пріѣхавшихъ въ открытыхъ коляскахъ и кабріолетахъ, имѣли съ лихвой время переѣздить ихъ на кареты.

Шампальякъ сіялъ: онъ выигралъ огромную сумму вмѣстѣ съ «Жанетой» де Марли, взявшей первый призъ.

Въ публикѣ говорили, что жокей лорда Саймерса былъ подкупленъ, что державшіе заклады за «Жанету», дали ему сумасшедшія деньги за то, чтобы онъ, въ послѣдній кругъ, придержалъ «Литль-Дѣкъ»... Разумѣется, это были сплетни! Жокей самъ чуть не плакалъ, не получивъ, по обыкновенію стоимости приза, который баринъ-милліонеръ всегда предоставлялъ въ его пользу. Онъ жаловался на какое-то беззаконіе, какой то «trick,—a very bad trick, indeed!» Какую то предательскую штуку, сыгранную жокеемъ де Марли.

Какъ бы то ни было, но финансы Шампальяка поправились и онъ рѣшился воспользоваться благоприятнымъ временемъ своего «en fonds», чтобы посвататься за Леонору. Въ виду этого онъ даже отказался отъ дружеской пирушки счастливаго героя дня, принявъ приглашеніе графини Рейзенштернъ на обѣдъ, а де Марли обѣщавъ пріѣхать позже.

Противъ обыкновенія обѣдъ были не такъ оживленъ, какъ можно было ожидать. На немъ присутствовалъ величественный принцъ Альтенгеймъ; самъ хозяинъ охотно вторилъ въ унисонъ его неподвижности, отличаясь лишь тѣмъ, что былъ меланхоличенъ, тогда какъ владѣтельный кузенъ его смотрѣлъ свирѣпо. Дарзансъ, очевидно, былъ чѣмъ то разстроенъ; онъ тоже больше молчалъ, нещадно дергая свою великолѣпную бороду.. Шампальякъ скоро убѣдился, что ни къ нему, ни къ сіявшей величавой любезностью хозяйкѣ дома, всецѣло поглощенной интересомъ политической бесѣды съ престарѣлымъ герцогомъ де Ломаръ, въ которую она старалась втянуть и Альтенгейма,—нынѣ доступу не будетъ. Онъ старался вознаграждать себя, любезничая съ Леонорой, но и та, на бѣду, была какая-то странная. Не то, чтобы она не охотно слушала и раздѣляла его болтовню, напротивъ, она была чрезвычайно оживлена, румянецъ ея блисталъ, а смѣхъ порой вырывался такъ звонко, что Людмилъ Юрєвнѣ два раза приходилось сдерживать ее укоризненными взглядами. Но Леонора была выѣстъ съ тѣмъ необычайно разсѣяна; отвѣчала невпопадъ, сбѣгалась не кстатѣ и то и дѣло большіе черные глаза ея, особенно ярко сіявшіе въ тотъ вечеръ, туманились задумчивостью, опасеніемъ или заботой,—Шампальякъ не умѣлъ опредѣлить, но понималъ, что не къ нему относится эта тревога и какъ тонкій дипломатъ рѣшился отложить свое объясненіе и уѣхалъ на холостой пиръ своего пріятеля раньше нежели предполагалъ.

По исчезновеніи его, Леонора, несмотря на раннее время, простилась съ отцемъ, сестрой и ея гостями подъ предлогомъ утомленія и ушла къ себѣ. Но спать она не легла, а надѣла

темное платье и дорожную шляпку, проскользнула изъ дому черной лѣстницей и быстро пошла на уголь, гдѣ ее давно поджидалъ фіякръ.

— Ну, чтоже, дорогая возлюбленная! Говорила ты съ отцемъ? — раздался голосъ радостно встрѣтившаго ее юноши.

— Нѣтъ еще, Рауль... Надо имѣть терпѣніе! И знаешь ли что?.. Подождемъ лучше. Послѣ завтра мы ѣдемъ въ Біаррицъ. Тамъ жизнь будетъ спокойнѣе. Тамъ легче будетъ перегово- рить, убѣдить папа!.. Я напишу тебѣ тогда и ты пріѣдешь къ намъ! уговаривала Леонора, пока фіякръ везъ ихъ къ Люк- самбургскому саду.

Но убѣжденія ея плохо дѣйствовали на Дюреля.

— Ты знаешь, любовь моя, что я не свободенъ уѣзжать, когда мнѣ вздумается, — печально отвѣчалъ онъ. — Будущность моя зависитъ отъ моей исполнительности и трудовъ... Я не имѣю ни времени, ни средствъ на поѣздки.

— Зачѣмъ тебѣ трудиться? — вспыхнула балованная дѣ- вушка. — У меня есть средства на двоихъ!.. Ты не долженъ отказываться отъ моего, если любишь меня, какъ и я не отка- залась бы брать твое, еслибы ты былъ богатъ!

Но Рауль Дюрель печально и насмѣшливо покачалъ голо- вой.

— Между мужчиной и женщиной есть разница! — сказалъ онъ. — Я знаю, что многіе живутъ на счетъ своихъ женъ, — но я бы не могъ!.. Мое главное горе въ томъ, что ты богата, Леонора!.. Зачѣмъ не зналъ я раньше! Зачѣмъ скрывала ты социальную разницу нашихъ положеній?.. Я предчувствую много горя!

Леонора начала горячо убѣждать его въ противномъ: отецъ ее такъ любить, что не будетъ препятствовать ихъ счастью. Развѣ быть извѣстнымъ скульпторомъ не хорошее положеніе въ обществѣ?.. Въ нашъ вѣкъ положеніе дадутъ не титулы, а умъ, образованіе, таланты!.. А Рауль будетъ великимъ худож- никомъ!.. Они поѣдутъ въ Италію! Онъ будетъ учиться у пер- выхъ мастеровъ искусства! Онъ прославитъ имя Дюрель и дастъ женѣ своей высокое положеніе во всѣхъ образованныхъ обществахъ.

Тихо шумѣли надъ головами влюбленныхъ старыя деревья Люксамбурга; пестрыя гряды и клумбы благоухали между тем- нѣвшими статуями; а въ маленькомъ пруду, у грота, гдѣ они долго сидѣли обнявшись, таинственно журчала вода и между темнымъ отраженіемъ деревъ мерцали звѣзды, въ сонной глу- шинѣ, и вверху и внизу сіяли просвѣты неба...

Было поздно, когда Рауль замѣтилъ, что Леонора не пере-

отдастъ отрывисто кашлять и испугался, что у нея нѣтъ пледа, что ночь довольно прохладная. Онъ отвезъ ее домой, гдѣ ждала ее на внутренней лѣстницѣ, сонная камеристка.

Взбѣгая по ступенямъ въ кухню, Елена Валентиновна сунула въ руку горничной золотую монету и спросила:

— Сестра меня не спрашивала?

— Нѣтъ, mademoiselle. У madame la comtesse были гости; потѣмъ она прошла прямо къ себѣ, не заходя къ намъ.

— Тѣмъ лучше!.. Скорѣе въ постель, Эрнестина, я страшно устала.

Она дѣйствительно была разбита, но сухой, маленькій, неотвязный кашель не далъ заснуть ей долго.

Камеристка сказала не правду: она не знала, что графиня два раза стучалась въ спальню кухни; но не получая отвѣта, прекрасно поняла въ чемъ дѣло, — какъ понимала многое, но подавая въ томъ никому виду.

Послѣ исчезновенія Леоноры Дарзансъ изъ ея гостиной, графиня Рейзенштернъ играла и пѣла, для удовольствія своихъ intimés. Она рѣдко снисходила на такую любезность, хотя всѣ знали, что она артистка, какихъ не много. Мужъ ея первый, какъ страстный музыкантъ, наслаждался ея голосомъ и игрой. Этотъ сильный и гибкій mezzo-soprano, въ низкихъ нотахъ безъ труда переходившій въ бархатное контральто, такъ былъ знакомъ ему! Столько напоминалъ былаго счастья, никогда не осуществившихся мечтаній. Теперь онъ рѣдко имъ наслаждался, еще рѣже своихъ гостей... Валентинъ Львовичъ, хоть не такой цѣнитель, но знатокъ былъ херошій; а главное — ему шепнули, что «всѣ такъ надобѣли!» Что будутъ пѣть — «для него одного!» И вотъ онъ смотрѣлъ и слушалъ, и любовался, и приходилъ въ восторгъ, не подозревая, что совсѣмъ ужъ сморщенный дѣдъ, даже ему годившійся въ отцы старый грибъ, — Ломаръ слушаетъ, любитъ и восторгается, точно на такихъ же какъ онъ основаніяхъ и правахъ.

Эдгаръ Альтенгеймъ фонъ-Зоннербергенъ пѣніемъ наслаждался мало, — даже почти его не слушалъ; за то крѣпко закусивъ толстую нижнюю губу, подъ прикрывавшей ее густой бородой и усами, и сосредоточенно сдвинувъ широкія, темныя брови, изъ подлобья глазъ не сводилъ съ величавой красавицы-пѣвицы, озлобленно размышляя:

— Вотъ это — женщина! Не чета моей прозрачной куклѣ!.. И на что дураку Фрипу судьба дала такой кладъ.

Поздно вечеромъ, за бутылкой пива въ библиотекѣ, на сонъ грядущій, принцъ Альтенгеймъ открыто выразилъ родственнику свой восторгъ. А когда въ отвѣтъ на похвалы его

красотѣ и необыкновенному уму его жены, графъ Фердинандъ херотко улыбнулся и меланхолически вздохнулъ, владѣтельный кузень безъ церемоніи обозвалъ его «филей», неумѣющимъ цѣнить даровъ судьбы.

— Да будь у меня такая жена—я былъ бы счастливейшимъ смертнымъ!—сказалъ онъ.—Вотъ когда бы я не боялся никакихъ представительствъ и ужъ никакъ не отказался бы отъ предложеній канцлера.

— Не знаю, что можетъ тебѣ и теперь мѣшать выступить на представляющуюся широкую политическую арену! пожалъ плечами Рейзенштернь.—Эмма принадлежитъ къ такому дому, что женщины ниже ея происхожденіемъ нашивали королевскія мантии...

— Къ чорту происхожденіе!—громко вскричалъ Альтенгеймъ.—Она ступить не умѣетъ!.. Мнѣ придется ее оставлять въ замкѣ, если это устроится.

Это заключалось въ принятіи, по сомнительнымъ правамъ наслѣдія, владѣтельный титулъ права и преимущества чуть не королевскаго достоинства, предлагавшіяся герцогу Зоннербергенскому, на негласныхъ условіяхъ полного повиновенія всеобщему заправилѣ германскихъ дѣлъ.

Онъ колебался принять сопряженную съ наслѣдіемъ эти политическую отвѣтственность, безъ полновластныхъ правъ надъ страной... Но послѣднее было немислимо! Власть его должна была быть фиктивной,—только средства, званіе и представительство сана въ европейскомъ конгрессѣ должны были принадлежать ему.

Поѣздка въ Лондонъ никакихъ рѣшительныхъ результатовъ еще не имѣла. Негласный торгъ еще затянулся и неизвѣстно чѣмъ долженъ былъ кончиться...

Въ интимномъ кругу Рейзенштерновъ, въ послѣдніе дни много было говорено объ этомъ. Графиня Людмила укоризненно относилась къ колебаніямъ принца Альтенгейма и удивлялась равнодушію его жены... На ея мѣстѣ она заставила бы, — умолила бы мужа рѣшиться...

— Эмма, напротивъ, — боится моего согласія! — замѣтилъ принцъ Эдгаръ.

— Боится?.. Чего же?

— Моей отвѣтственности въ политикѣ, въ исторіи, — почему я знаю! — пожалъ плечами Альтенгеймъ: — Она вѣдь всегдѣ боится. Быть можетъ почестей, извѣстности... Полевой цвѣтокъ!

— Да! вступился графъ Фердинандъ, — Эмма и хороша и скромна, — какъ дѣловая фіялка!

Людмила презрительно усмѣхнулась.

— Пусть тогда и прячется въ темныхъ дубравахъ!— Но зачѣмъ же отымать блага мірскія у мужа и дѣтей?—возвратила она.

— Благели это?—задумчиво произнесъ Альтенгеймъ.— При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ сложилась моя жизнь...

Графиня взглянула на него такъ, что его слегка бросило въ жаръ и насмѣшливо разсмѣялась, ей обычнымъ, беззвучнымъ смѣхомъ.

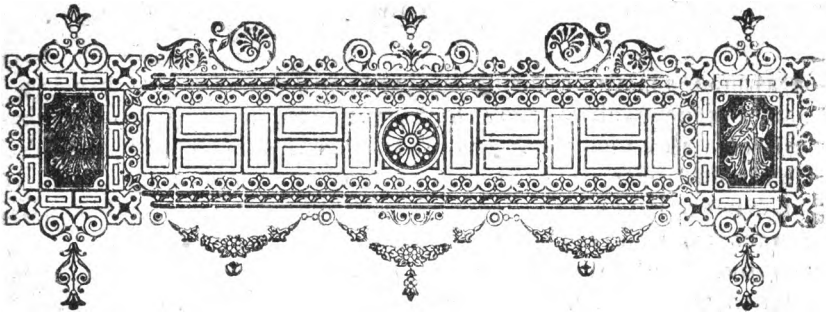
— А вы не признаете мудрой пословицы,—что каждый человекъ кузнецъ своей собственной судьбы?—иронически спросила она.

И понизивъ голосъ такъ, что онъ одинъ ее слышалъ,— прибавила:

— Стыдитесь, принцъ Эдгаръ!.. Женщинѣ-ли васъ учить силѣ воли и рѣшительнымъ дѣйствіямъ?.. Имѣй я права надъ вами,—о! я научила бы васъ не поддаваться обстоятельствамъ, а ими располагать.

И тутъ-то она и отошла къ розню и заплѣла такъ, какъ давно не плѣвала, шепнувъ мимоходомъ двоимъ старикамъ,— что поетъ и блещетъ красотою только для нихъ одинъхъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

За царственной добычей.

I.

Над долиной Зоннербергена пронеслась гроза. Пронеслась она, все вспыснувъ ливнемъ и ушла на востокъ. Туда порывистый вѣтеръ загналъ грозовыя тучи, а синее небо вновь засверкало надъ горами и долиной, съ вьющейся между пестрыми городками и деревушками, увитыми зеленью, рѣчкой, надъ старымъ замкомъ Альтенгеймовъ, на горѣ, покрытой вѣковымъ лѣсомъ.

Синяя тѣнь островерхой горы пересѣкаетъ долину, другой склонъ ея горитъ янтаремъ и пурпуромъ въ лучахъ яркаго заката и внизу, съ обѣихъ сторонъ тѣни, рѣка блеститъ, то серебромъ, то золотомъ, то кровавымъ отсвѣтомъ запада, а цвѣтники, виноградники и сжатые поля, пестрѣютъ всеми цвѣтами осени.

Сверху, съ высокой вымощенной вѣковыми плитами террасы, усаженной дубами-великанами, установленной пушками, столѣтня не видавшими огня, Эмма Альтенгеймъ любитъ феодальными владѣнiями своего мужа и ждетъ его. Бѣже двухъ мѣсяцевъ, его не было дома; онъ ѣздилъ по дѣламъ и даже писалъ такъ рѣдко и мало, что жена его не знаетъ, чѣмъ кончились препирательства его съ сильнѣйшими сего мiра, — принялъ-ли онъ условiя пугавшаго ее величiя?.. Неужели должна она будетъ разстаться съ своимъ такимъ прiономъ, съ старымъ замкомъ въ его лѣсномъ затишьи, съ которыми она такъ мирно жила?..

Онъ телеграфировалъ. Экипажъ ему посланъ на станцю

железной дороги; сегодня онъ долженъ быть, и къ несчастію, кажется не одинъ:—кузень Фердинандъ, и жена его и пожалуй еще кто нибудь... Эмма Альтенгеймъ гостей не любила... Глядя съ горы на чудную панораму, она прислушивалась къ свисткамъ паровозовъ, часто оглашавшимъ долину; приглядывалась къ хвостамъ сизаго дыма, клубившагося вслѣдъ за поѣздами, которые какъ гигантскія змѣи, гремя и пыхтя, извивались то вдоль, то съ берега на берегъ блиставшей рѣчки и думала, думала,—а сердце ея сжималось неопредѣленнымъ страхомъ, предчувствіемъ грядущихъ бѣдъ!..

Сама незная отчего, Эмма всегда боялась своего мужа. Она вышла за него по волѣ бабушки, не любя; но она никогда и не ожидала супружества по любви, а въ мужѣ нашла человѣка, котораго могла уважать и который ни разу не далъ ей повода на него пожаловаться. Однако, въ четыре года своего супружества, она не привыкла къ нему; трепетала предъ его сдвинутыми бровями, терялась отъ взгляда его, словно пансіонерка предъ строгимъ наставникомъ. Причину этому стѣсненію, этой робости предъ свримъ главой и повелителемъ, Эмма сознавала:—она имѣла отъ него тайну, которая должна была умереть съ нею. Она знала, что сердце ея принадлежало не ему, а далекому страннику, и разъ отданное, не могло ужъ измѣнить, хотя бы не было имъ суждено никогда болѣе встрѣтиться!.. Сознаніе своего беззаконія еще увеличивало ея робость.

Принцесса Эмма Альтенгеймъ, герцогиня фонъ-Зоннербертонъ, частіемъ похвастаться не могла, но существованіе ея текло довольно мирно до сихъ поръ... Она не ожидала ничего лучшаго, живя любовью къ дѣтямъ, заботами о нихъ и боялась какихъ бы то ни было переменъ. Дѣтей у нея было трое. Голоса старшихъ мальчиковъ порою долетали до нея изъ цвѣтника, съ другой, —солнечной стороны замка. Трехмѣсячную дѣвочку она сама кормила, хотя докторъ ея строго порицалъ такую неосторожность. Здоровье ея далеко не было крѣпко; она и въ дѣвущахъ не могла имъ похвастаться; нынѣ же частые роды и другія заботы ее не укрѣпили,—она смотрѣла совсѣмъ прозрачною.

Особыхъ бурь въ послѣдніе годы жизни у нея не было; но была многія заботы и печали. Она несла ихъ безропотно, но тѣмъ не менѣе тяжко ложились онѣ на чуткую душу ея, на привязчивое доброе сердце и отражались на здоровьи. Вначалѣ смерть горячо любимой ею бабушки; потомъ долгая болѣзнь и кончина герцогини, матери мужа ея, къ которой она усѣбла искренно привязаться; наконецъ, тѣ, сокровенныя,

постоянные беспокойства объ отсутствовавшемъ, не отъзывавшемся подолгу изъ-за морей и океановъ, гдѣ, казалось Эммѣ, ежечасно подстерегала его опасность и смерть...

Вотъ и теперь давно, болѣе полугода тетка не имѣеть о немъ никакихъ свѣдѣній. Хорошо, если онъ умеръ, — смерть не бѣда! Только бы не другая гибель, не продолжительныя страданія и муки, — не рабство или плѣнъ у какихънибудь дикарей, между которыми онъ вѣчно живеть.

Тетка моряка, великаго странника Отто, жила тутъ же, въ Альтенгеймѣ. Когда, вскорѣ послѣ вдовствовавшей графини Рейвенштернъ, умеръ и старикъ пасторъ ихъ деревни, назначенный на мѣсто его, новый пасторъ сталъ тѣнить и дѣлать неприятности и старику Герману Гейзе и фрау Денверсъ, начальницѣ сельской школы — герцогиня Альтенгеймъ просила позволенія мужа выписать ихъ обоихъ и вотъ три года старый Германъ искаживалъ окрестныя горы и роци за поисками травъ и все вдвоемъ со своимъ неразлучнымъ чернатымъ другомъ, ворономъ Паубереромъ, а фрау Денверсъ нянчилась маленькихъ Альтенгеймовъ и благодарила Бога за свою счастливую судьбу.

Чу!... Герцогиня встреонулась. Ей послышался звукъ колесъ. Она перегнулась съ террасы... Точно уступа за дѣдъ ворота въѣзжала на гору коляска.

Она быстро прошла подъ ворота; изъ за массивныхъ сводовъ ихъ пестрѣль цвѣтннкъ и среди грядъ двое мальчиковъ ея играли въ мячъ, катая его по травѣ.

— Эдгаръ!... Генрихъ! позвала она: — идите встрѣчать папа. Папа прѣѣхалъ!...

Старшій трехлѣтнй, здоровый бутузикъ, весь въ отца, бросился къ ней съ радостнымъ визгомъ. Меньшой, блѣдный блѣкоурый ребенокъ не пснялъ или не обратилъ вниманіе на это извѣстіе. Няня подхватила его на руки и понесла на шодъѣздъ, вслѣдъ за матерью, которая вела въ припрыжку бѣжавшаго первенца.

Принцъ Альтенгеймъ подѣхалъ въ сопровожденіи своего секретаря; но вслѣдъ за нимъ ѣхалъ шарабанъ Зоннербергенскаго головы, въ которомъ сидѣли онъ самъ, мировой судья и еще двое-трое представителей мѣстной администраціи, задумавшихъ, послѣ почетной встрѣчи на станціи, еще проводить своего владѣтельнаго принца до его замка.

Прежде этого не бывало. Такія почести воздавались герцогу въ виду особыхъ обстоятельствъ, о которыхъ молва достигла Зоннербергена ранѣе его прибытія.

Эмма приняла ихъ было за званыхъ гостей и отпѣшила,

отъ неожиданности, узнавъ ихъ. Съ своей стороны и они никакъ не ожидали такой буржуазной встрѣчи на подъѣздѣ, владѣтельной ихъ герцогини mit familie. Не ожидалъ того и герцогъ и подобное мѣщанство, впервые, какъ нарочно случившееся при такихъ не подходящихъ обстоятельствахъ, его неприятно поразило...

И странно! Увидавъ жену свою и дѣтей на крыльцѣ, не только первымъ чувствомъ Эдгара. Альтенгейма была не радость, а смущеніе, но первой мыслью его не было ни жена, ни дѣти, а посторонняя женщина:

«Славу Богу, подумалъ онъ, что она не пріѣхала со мною въѣсть!... Вотъ бы посмѣялась!»...

И очень холодно поздоровавшись съ семьей, онъ быстро вошелъ въ сѣни, промодвивъ въ сторону гостей:

— Милости просимъ, господа. Войдите.

— Надѣюсь, у насъ найдется чѣмъ накормить этихъ господъ за обѣдомъ? прибавилъ онъ, войдя на минуту вслѣдъ за женой во внутреннія комнаты.

Вотъ все, чего, на сей разъ, удостоилась Эмма отъ мужа. Сердце ея сжалось... Онъ впервые такъ обходился съ нею. Однако она съумѣла затаить оскорбленное чувство и отвѣчала спокойно:

— Разумѣется. Надо думать, что буфетчикъ и экономка для этого достаточно хорошо ведутъ наше хозяйство.

За обѣдомъ она была спокойна и обходительна, но ужъ не пыталась выказывать мужу особой ласки. За то онъ первый обратился къ ней, понявъ, что оскорбилъ въ ней чувства жены и матери своей давишной рѣзкостью.

— Я виноватъ передъ тобой—началъ онъ, какъ только они остались вдвоемъ:—я не спросилъ тебя ни о дѣтяхъ, ни о твоёмъ здоровьи... Но видишь-ли, дружокъ мой,—я былъ удивленъ! Ты меня извини, но я обязанъ напомнить тебѣ, что въ нашемъ кругу, въ нашемъ общественномъ положеніи, есть условія, законы приличія, которыми пренебрегать нельзя... Для меня ты—моя милая Эмма! Моя дорогая жена и мать моихъ дѣтей. Но для другихъ ты прежде всего—жена владѣтельнаго князя,—принцесса Альтенгеймъ... Всѣ и ты первая должны уважать твой титулъ, не роняя своего достоинства поступками, очень похвальными для булочницы или швеи, но вульгарными и неприличными для особы твоего сана... Ты, конечно, не предвидѣла, что я не одинъ?... Но надо быть осмотрительной и остерегаться себя компрометировать.

— Хорошо! спокойно сказала Эмма.—Въ другой разъ я не выйду встрѣчать васъ.

Принцъ Альтенгеймъ безпокойно зашагалъ по комнатѣ, разглаживая нервными движеніями, въ обѣ стороны, свою вившуюся густую бороду, темно бронзоваго цвѣта и продолжалъ объяснять ей справедливость своихъ мотивовъ и необходимость подчиняться нѣкоторымъ стѣсненіямъ... Онъ былъ не золъ и не хотѣлъ бы ни за что никого обидѣть, хотя въ минуту пыла быть можетъ былъ способенъ на преступленіе, не только что на грубость.

Это былъ рослый, плечистый, очень красивый человекъ, съ рѣзкими, энергическими чертами, съ большой головой, обросшей волнистыми волосами и бородой темно-бураго цвѣта; съ глубокими сѣрыми глазами, порой умѣвшими загораться блестящемъ сдерживаемыхъ, сильныхъ страстей.

— Многихъ-ли гостей ты ожидаешь, Эдгаръ? И когда они къ тебѣ пріѣдутъ? спросила его жена.

— Почему же ко мнѣ? передернуть нетерпѣливо плечами, замѣтилъ принцъ.— Они къ тебѣ пріѣдутъ болѣе, чѣмъ ко мнѣ: твой двоюродный братъ съ своей женой будутъ черезъ три дня... Остальные гости,—мужчины, два три охотника, которыхъ я пригласилъ на сезонъ, будутъ, вѣроятно, на той недѣлѣ. Ихъ можно помѣстить въ правомъ крылѣ замка, за бильярдной... Своихъ родственниковъ ты, вѣроятно, захочешь имѣть ближе къ себѣ?

— Да. Я уже велѣла приготовить имъ въ бель-этажѣ, весь тоже рядъ комнатъ за голубой и турецкой гостиной. Спальня и кабинетъ матушки, думаю, будутъ годиться для Фердинанда съ женой его; а молодую дѣвушку я устрою въ розовомъ будуарѣ. Вотъ только отцу ея незнаю, гдѣ будетъ удобнѣй...

— О дѣвушкѣ и ея отцѣ не хлопочи, душа моя! прервалъ ее мужъ:— они сюда не пріѣдутъ. У этой бѣдняжки Леопольда Дарзансъ скоротечная чахотка. Развѣ я не писалъ тебѣ?... Вотъ три недѣли, что несчастный отецъ увезъ ее куда-то, въ Ниццу, на Мадейру,—не умѣю сказать тебѣ.

— Да?... Ахъ! Бѣдные люди! изумилась Эмма.— Но какъ же графиня Рейзенштернъ?... Развѣ она не поѣдетъ?...

— Какже?... Она пріѣдетъ сюда съ мужемъ. Я сказалъ тебѣ.

— Да!... Но я думала... Вѣдь эта молодая дѣвушка такая ей близкая... Все равно, что сестра. Какъ рѣшилась она ее оставить въ такой крайности?

— А этого я незнаю! рѣзко отвѣтилъ Альтенгеймъ.— Вѣроятно разсудила, что помочь не можетъ... Съ нею отецъ ея,

зачѣмъ же графинѣ, безъ особой нужды разстраивать себѣ нервы?

Принцесса Эмма удивленно подняла на мужа ясные, какъ лазурь чистаго неба, глаза. Вѣроятно, онъ прочелъ въ нахъ подтвержденіе своей неправоты, которую самъ сознавалъ внутренно, потому что нахмурилъ брови и не отвѣчая на ея прямой взглядъ, сдерживая невольное раздраженіе, прибавилъ:

— Да, наконецъ, какое дѣло намъ до этого?... Мы недостаточно знаемъ ихъ отношенія, чтобы судить!... Пойдемъ лучше къ дѣтямъ! Я совѣмъ не видалъ ихъ... Эдгаръ, кажется, еще выросъ?... Молодецъ мальчуганъ!

И сунруги направились въ помѣщеніе дѣтей.

II.

Черезъ нѣсколько дней замокъ Альтенгеймъ на-
поднялся гостями. Кромѣ Рейзенштерновъ и зна-
ныхъ охотниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и
новый сосѣдь ихъ, только что купившій богатое
феодалное помѣстье возлѣ Зоннербергена, баронъ
фонъ Бреммеръ, съ сыномъ, пріѣхали еще двѣ
родственницы принца Эдгара, вдовствующая баронесса Зей-
марнъ-Лихштейнъ съ своей дочерью, женою австрійскаго са-
новника, генерала Кольвицъ. Хорошенькая генеральша воз-
вращалась съ водъ въ Вѣну и по дорогѣ заѣхала повидать
родственниковъ; а они ее задержали, соблазнивъ перспективой
богатыхъ охотъ, до которыхъ Жанна-Марія фонъ Кольвицъ
была страстная охотница. Добрую, старую мама уговорить
было не трудно; баронесса Лихштейнъ была чопорной, не
слабодушной, — многіе утверждали даже слабоумной, — предста-
вительницей, по женской линіи, славнаго рода Альтенгеймовъ
и вкогда не умѣла перечить ни крутоправному покойному
сунругу, ни дѣтямъ, уродившимся не въ нее, а въ барона.

Помимо гостившихъ въ замкѣ, въ Альтенгеймѣ безпрестанно чаѣжалъ гости; сосѣди — помѣщики или лица, принадлежавшія къ высшей администраціи герцогства. Никогда, за много лѣтъ, не выдвигали стѣны средневѣковаго жилища такого многолюдства и оживленія. Герцогъ казался доволенъ и веселъ. Дѣла его вообще хорошо повернули: выше или даже на нѣкоторыя уступки, въ виду усложненія политики въ случаѣ егорѣшительнаго отказа...

Давно ожидаемый кризисъ надвигался; бездѣтный дя-дюшка-эрцъ-герцогъ, въ наслѣдіи котораго было все дѣло, быстро приближался къ могилѣ. Изъ Берлина писали принцу Эдгару, чтобы по первой телеграммѣ онъ готовъ былъ выѣхать. Онъ уже былъ у престарѣлаго родственника; владѣтель изъяснилъ ему негласное согласіе избрать его наслѣдникомъ, но медлил назначить время официальнаго признанія, по свойственному многимъ старцамъ, отживающимъ вѣкъ свой, страху смерти. Его усиленно подбодряли выше и всѣ со дня на день ожидали, что вопреки интригамъ католической партіи, подставлявшей другихъ претендентовъ, истинно-владѣтельный пурпуръ вернется снова въ родъ принцевъ Альтенгеймъ, герцоговъ Зоннербергена, увы! непризнаемаго за единицу въ конгрессѣ европейскихъ державъ.

Между всѣмъ этимъ наплывомъ заботъ, ожиданій, опасеній и хозяйственныхъ хлопотъ бѣдная хозяйка дома въ Альтенгеймѣ совсѣмъ теряла голову и послѣднее спокойствіе. Какъ ни старалась она быть привѣтливой, любезной и веселой, послѣднее ей никакъ не удавалось. На ея горе еще маленькая Лина, дочка ея, съ чего-то все хворала; не спала по ночамъ, плакала и кричала не переставая. Фрау Денверсъ дѣлала, что могла, ради спокойствія герцогини; но несмотря на полное довѣріе къ ней, госпожа ее не могла сама нрваться къ своему больному дитяти. Она тоже не досыпала почей; страшно уставая днями отъ непривычныхъ приѣмовъ, отъ вѣчнаго стѣсненія и боязни что-нибудь забыть, упустить изъ виду, не угодить мужу. Эмма отдыхала мало и это скоро отразилось, очевидно, на ея здоровьи. Она никогда не жаловалась, но всѣ замѣчали ея усталый, болѣзненный, по временамъ растерянный видъ, что не могло быть пріятно мужу ея. Онъ и жалѣлъ ее и, несмотря на внутреннюю борьбу съ собою, все больше поддавался чувству неудовольствія на нее; какой-то презрительной гадливости, — словно, она была виновата, преднамѣренно оскорбляла его и себя унижала.

Ничто не могло болѣе раздражать принца Эдгара, какъ замѣчанія гостей на счетъ усталого вида его жены. Какъ

«стрымъ пожемъ рѣзали слухъ его, смѣхъ и веселые возгласы кузины Жанны, когда она, указывая на безмолвно пріотившуюся, гдѣ-нибудь въ уголку своей гостиной Эммы, громко говорила:

— Посмотрите! Посмотрите на эту бѣдняжку! Мы ѣдили верхомъ, гуляли, охотились,—а она за всѣхъ насъ устала!... Эмкенъ, милая!.. Да не церемоньтесь вы съ нами! Идите, съ Богомъ, почивать... Мы и безъ васъ досидимъ вечеръ. Мужъ вашъ такой любезный, что будетъ и за хозяина и за хозяйку.

— Я еще удивляюсь на кузину Эмму!—замѣчала графиня Рейзенштернъ, часто, въ такихъ случаяхъ, останавливавшая рѣзкость добродушной баронессы Кольвицъ:—какъ хватается у нея силъ?.. Мы спимъ, какъ сурки, до поздняго утра,—а она всю ночь сидитъ надъ больнымъ ребенкомъ и потомъ еще подымается раньше всѣхъ въ домъ; какъ слѣдуетъ доброй хозяйкѣ, не такой бездѣльницы, какъ мы всѣ!.. Я бы, на мѣстѣ принца Альтенгейма, ради спокойствія ея, разогнала всѣхъ докучныхъ гостей!

— О! Помилуйте!.. Развѣ я сама не рада васъ видѣть?—краснѣя, отвѣчала Эмма.—Сегодня,—вы правы: Лина совсѣмъ не спала, бѣдненькая! Я немного утомилась...

— Понятно!.. Бросьте насъ, дорогая герцогиня! Отдохните!—хоромъ уговаривали ее гости.

— А вотъ мы ихъ обѣихъ спровадимъ,—Эмму и маму!—бойко предлагала сіявшая румянцемъ генеральша.—Мама вѣдь тоже только притворяется, что вяжетъ свое нескончаемое кружево, а сама давно надъ нимъ киваетъ и клюетъ воздухъ. Отправляйтесь! Отправляйтесь бай-бай!.. Нечего прирону насиловать.

И несмотря на протесты скандализированной баронессы Зеймарнъ-Лихштейнъ и на слабыя отѣкванія хозяйки дома, ихъ часто вмѣстѣ направляли въ опочивальни, часа за три-четыре до того времени, какъ расходилось все общество.

— Я нахожу, что вы дурной и безсердечный мужъ!—сказала разъ Людмила Юрьевна принцу, въ присутствіи графа Фердинанда, сходя съ балкона, въ садъ.

— Это почему?—освѣдомился Альтенгеймъ.

— Вы недостаточно цѣните вашу добрую, милую жену!

— Г-мъ!—крякнулъ тотъ, скрививъ ротъ въ довольно кислую улыбку.—Благодарю васъ за нее... если вы искренни...

— Мой другъ, вы воздаете Альтенгейму его же монетой, перебилъ Рейзенштернъ:—онъ то и дѣло пушить меня за то,

что я вамъ не отдаю должнаго... Онъ преклоняется предъ вашими умомъ и достоинствами.

— Я также очень благодарна принцу, — холодно возразила Людмила. — Однако не могу не замѣтить, что онъ, какъ и всѣ вообще мужчины, склоненъ преувеличивать счастье другихъ и пренебрегать своимъ собственнымъ.

— Слова ваши, графиня, чисты, какъ золото... Остается узнать, какой оно пробы! — усмѣхнулся Альтенгеймъ.

— То-есть?.. Если не ошибаюсь это, вторично выраженное, сомнѣніе въ моей правдивости?

— Васъ это оскорбляетъ?

— Ни мало!.. Ложь вещь такая заурадная, что оскорбляться подозрѣніемъ въ ней смѣшно!.. Въ особенности отъ лица человѣка васъ мало знающаго. Мнѣ только обидно немного то, что я сама меньше знаюсь въ людяхъ, чѣмъ думала...

— Я, въ свою очередь, попрошу объясненія.

— О!.. Оно не будетъ сложно. Я считала васъ человекомъ болѣе проникательнымъ и — ошиблась!

— Далѣе?..

— Далѣе — ничего. Въ другой разъ буду еще недозвѣрчивѣе и осмотрительнѣй, чѣмъ обыкновенно, потому что не люблю сознавать свою умственную несостоятельность, — не люблю разочаровываться въ людяхъ!... Я и безъ того въ нихъ рѣдко вижу хорошее...

— Но позволено-ли мнѣ освѣдомиться, въ чемъ я такъ жестоко провинился? — спросилъ Альтенгеймъ.

— Провинились не вы, — а я! — успѣшила возразить графиня. — Я считала васъ знатокомъ людей, сердець, свойствъ и умовъ ихъ...

— А я доказалъ, что ничего въ нихъ не понимаю?

— Незнаю, какъ въ другихъ; но во мнѣ — да! Вы должны меня совсѣмъ не знать, если можете предположить, что я способна солгать.

— Вы такъ безусловно откровенны, что никогда не кривите душой?!..

— О, нѣтъ! Я быть можетъ гораздо искусственнѣе многихъ лжецовъ съумѣю лицемерить. Но я слишкомъ горда, чтобы лгать!.. Если можно, я буду молчать, предоставляя людямъ заключать правду или обманываться, но всякая ложь есть униженіе! А я слишкомъ уважаю себя, чтобы унижаться.

Герцогъ засмѣялся.

— Извините меня! — сказалъ онъ, — но это извороты чисто женскіе и я удивляюсь, что слышу ихъ... отъ васъ.

Они шли, разговаривая, по тѣнистому парку, вдоль аллеи

старых каштановых деревьевъ, вдоль которой растапулось все общество. Впереди ихъ группа молодыхъ людей окружала генеральшу, умѣвшую привлечь мужчинъ, молодыхъ и старыхъ, не только цвѣтущей миловидностью, но и веселымъ остроуміемъ. Хозяинъ дома съ графиней отстали отъ нихъ; но за ними въ нѣсколькихъ саженьяхъ шла Эмма съ старой баронессой и къ нимъ теперь присоединился графъ Фердинандъ, предложивъ послѣдней руку. Они двигались медленно, отставая все болѣе и болѣе, занятые своимъ разговоромъ. Альтенгеймъ и Людмила могли считать себя въ полнѣйшемъ одиночествѣ.

— Почему же?.. На это я и женщина, чтобы умѣть пользоваться женскимъ оружіемъ! — усмѣхнулась графиня.

— Вы не изъ тѣхъ женщинъ, мнѣ кажется, которымъ подобное оружіе можетъ годиться... Вы сумѣете дѣйствовать другимъ, болѣе состоятельнымъ. Или просто пойдете напрямикъ, разрубите гордые узы, которые остановятъ другую, смѣлую и умную женщину.

— Не слишкомъ-ли вы много обо мнѣ думаете, принцъ Эдгаръ?.. Смотрите, не разочаруйтесь... во мнѣ... какъ я въ васъ! — прибавила она другимъ, шутливымъ тономъ и засмѣялась.

— Нѣтъ... Не думаю! — серьезно отвѣчалъ Альтенгеймъ. — Во всякомъ случаѣ вы одна изъ немногихъ, изъ очень немногихъ женщинъ, которыя могутъ считаться въ жизни и за которую можно....

Онъ вдругъ остановился.

— Можно?.. — насмѣшливо повторила графиня. — Продолжайте! Можно что? — Скрестить мечи?..

— Хотя бы и такъ!.. Даже не въ одиночку, а цѣлыми народами. Вы смѣтаете? Я не шучу!.. Я понимаю, что Тренинская война могла быть и не мнѣе.

Она медленно повернула къ нему свое изумленное, прекрасное лицо и смотрѣла ужъ безъ улыбки, выжидая. Она видѣла, что точно онъ не шутить, хотя и говорить въ отсутствіи яснаго сознанія, словно въ забытты, общія мѣста.

Имъ въ самомъ дѣлѣ овладѣло странное, непобѣдимое чувство: — внезапное желаніе — будь, что будетъ, высказать ей все, что было у него на умѣ, не заботясь о формѣ рѣчи.

И онъ заговорилъ рѣшительно, озлобленно, глядя на нее въ упоръ, поблѣднѣвъ и весь холодѣя отъ волненія:

— Вы видите: я говорю сознательно, съ убѣжденіемъ. До знакомства съ вами, всѣ женщины мнѣ были безразличны! Женлся я не по любви и не вѣрилъ, чтобы дѣйствительно

могли быть такія чувства, такія страсти, какія описываютъ романисты. Или чтобы были женщины, способныя ихъ внушать... Но теперь я вѣрю!..— Да! Я вполне вѣрю, что изъ-за женщины, подобной вамъ, возможны и преступленія и даже войны!

Графиня вдругъ остановилась и окинула его взглядомъ, въ которомъ, въ единый мигъ, отразилась бездна ощущеній и мыслей. Въ немъ вспыхнулъ гнѣвный вопросъ, недоумѣніе, глубокая скорбь и вмгъ все потухло. Только на поблѣвшемъ лицѣ осталось выраженіе болѣзненного страданія, подавленного, но остраго горя... И оно въ свою очередь разсѣялось, замѣнившись презрительной улыбкой состраданія.

Всѣ эти чувства отразились, какъ въ зеркалѣ, на выразительномъ лицѣ Людмилы Юрьевны, послушныя воли ея, въ теченіи нѣсколькихъ мгновеній и пронеслись безслѣдно—для нея, оставивъ однако неизгладимое впечатлѣніе въ ея спутникѣ. Подъ взглядомъ ея, онъ сначала вспыхнулъ, опомнившись, подумавъ, что она оскорбилась. Затѣмъ онъ просто испугался страдальческому выраженію ея поблѣднѣвшаго лица и наконецъ ея презрительная усмѣшка обожгла его, какъ огнемъ.

Оба пошли впередъ, не глядя другъ на друга, въ тяжеломъ молчаніи и недоумѣніи.

Словами ихъ недоумѣнія могли выразиться такъ:

— Понялъ-ли онъ то, что я хотѣла заставить его понять?

И:

— Что могло ее такъ сильно огорчить? Изъ-за чего такое страданіе?.. А теперь, — надѣ чѣмъ смѣется она? Къ кому и къ чему относится ея презрительная улыбка?

И въ концѣ концовъ герцогъ бѣсился на себя, чувствуя, что самъ не зная, какъ и зачѣмъ, вдругъ ступилъ и попался, какъ школьникъ.

— Онъ не такъ глупъ, какъ Фердинандъ, но все же голова тевтонская: перемалывать надо старательно ей нищу!— продолжала размышлять Людмила и рѣшила, что въ немъ не надо оставлять впечатлѣній невыясненныхъ.

Она тихо, будто про себя, невесело разсмѣялась и проговорила со вздохомъ:

— Дал.. Вы должны искренно презирать женщинъ, чтобы отвѣчать мнѣ такой горькой насмѣшкой, на укору по поводу вашего невниманія къ женѣ... Я искренно презираю себя за то, что подала вамъ поводъ рассчитывать на мое тщеславіе, на самолюбивое легковѣріе.

— Пререстаньте! — глухо проговорил Альтенгеймъ — вы этого не можете думать... Я прошу васъ простить меня... это была минута... какого-то навожденія!..

— Къ несчастію, женщинъ, себя уважающихъ у васъ, мужчинъ, слишкомъ часто бываютъ такія навожденія... Мы въ нихъ видимъ военныя рекогносцировки мѣстности... On sonde le terrain avant de lancer son coursier! печально усмѣхнулась графиня и продолжала, не слушая протестовъ, увлекаясь:— Печально то, что самые лучшіе, серьезныя и честныя среди васъ считаютъ подобныя попытки шуткой! Пустой забавой, о которой тотчасъ же забываютъ... Забываютъ за одно и женщину, которая внушила минутную прихоть и не подозревая, что она можетъ быть оскорблена, возмущена! Даже... если сама равнодушна, хуже—если то, что для васъ шутка, для нея—вопросъ жизни и смерти!

Она запнулась, вся всколыхнувшись, будто потрясенная усиліемъ, сдѣланнымъ надъ собою, смолкла и круто, повернувшись, пошла назадъ на встрѣчу отставшихъ. Принцъ Эдгаръ закусилъ губы чуть не до крови и скорыми шагами пошелъ не за ней, а въ боковую аллею. Сердце его стучало крѣпко, а въ мысляхъ былъ хаосъ, требовавшій уединенія, чтобы выясниться и улечься.

Какъ это ни странно, но этотъ богатырь и красавецъ былъ чистъ сердцемъ и не знатокъ въ женщинахъ. До тридцати лѣтъ прожилъ онъ подъ крыломъ матери; сильной страсти испытать ему еще не приходилось, а рано женившись, онъ считалъ себя внѣ сердечныхъ бурь и опасностей. Неожиданное чувство, возбужденное въ немъ красавицей женою родственника и пріятеля, застало его въ расписхъ, и росло не по днямъ, а по часамъ, съ такою силой, что самъ онъ его пугался, чувствуя, что твердая почва уходитъ изъ подъ ногъ его.

Весь этотъ день графиня Рейзенштернъ была необыкновенно молчалива, оправдываясь головною болью; а въ слѣдующіе, безъ малѣйшей шаржировки, вела очень тонкую игру. Держась больше общества баронессы или Эммы, къ которымъ примыкалъ и мужъ ея съ нѣсколькими болѣе степенными посѣтителями, она, со стороны, могла казаться очень нѣжной, любящей женой, нисколько въ сущности не измѣняя обычнаго обращенія съ графомъ. Она даже разъ отказалась отъ общей прогулки верхомъ, предпочтя шарабанъ, въ которомъ возсѣдала, блистая серебряными буклями, баронесса, рядомъ съ мэроемъ Зоннербергена и съ бѣлокурою хозяйкой замка, а правиль графъ Фердинандъ.

— Il paraît que le mot d'ordre est de se poser en mat-
gonne? замѣтилъ по этому случаю Эрнестъ Бреммеръ одному
изъ гостей-парижанъ.—Держу пари, что завтра у моего отца
заболитъ нога и онъ тоже усядется въ колесницу благо-
разумія!

III.

омѣтится въ «колесницѣ благоразумія» было бы не лишнимъ почтенному барону-мыловару. Онъ забывалъ его совершенно. Дѣла были имъ заброшены, семейство покинуто. Три мѣсяца не бывалъ онъ дома, опредѣлившись негласно, но для наблюдателя очевидно,—въ свиту «великолѣпной графини», забывъ о женѣ, дѣтяхъ, заводахъ, фабрикахъ и счетныхъ книгахъ и дѣлая безразсудство за безразсудствомъ. Такъ мроводя все лѣто въ Парижѣ и Бيارрицѣ, онъ пропустилъ нѣсколько сроковъ контрактовъ, нѣсколько выгодныхъ заказовъ, долженъ былъ выплатить нѣсколько неустоекъ, которыхъ прежде не знавала фирма Бреммеръ и К, и терялъ даромъ время и довѣріе въ торговомъ мірѣ. Онъ тратилъ бѣшенныя деньги на расходы, которыхъ въ записной книгѣ не отмѣчалъ; цѣлыя каниталы уплывали на достиженіе единой цѣли: милостиваго взгляда графини Рейзенштернъ, появленія на рукѣ ея ему одному понятнаго символа ея благоволенія,—кольца съ черной жемчужной. Все, что могли доставить деньги, которыхъ не считали, какъ бы волшебствомъ, безъ вѣдома кого бы то ни было и часто ее самой, окружало Людмилу Юрьевну золотой сѣтью роскоши и удовольствій. Всѣ эти блага житейскія возникали вокругъ и попути ея такъ естественно, что мало кто могъ заподозрить для кого и откуда они появлялись и

чего въ дѣйствительности стоило ихъ пріобрѣтеніе. Въдъ благодарить за нихъ ей никогда никого не приходилось, кромѣ случая и своей счастливой звѣзды!.. Не только мужъ ея, но большинство окружавшихъ ничего не подозрѣвали, никогда не слыша выражаемыхъ ею желаній!... Людмила искони знала какъ когда, гдѣ и при комъ обмолвиться словомъ. Кто бы могъ, напримѣръ, подумать, что баронъ Бреммеръ нашелъ необходимымъ и выгоднымъ купить, за сумашедшія деньги, развалины замка въ сосѣдствѣ Зоннербергена лишь для того, чтобы имѣть право быть приглашеннымъ гостемъ принца Альтенгейма? Чтобъ имѣть вслѣдъ за тѣмъ возможность дать, въ своемъ помѣстьи, точно такой праздникъ съ турниромъ рыцарей и крестьянъ (по большей части выписныхъ актеровъ и вольтижеровъ), въ средне-вѣковыхъ костюмахъ, о которомъ говорила при немъ графиня Рейзенштернъ?.. Или кому бы въ голову пришло, что вилла обязательно найденная Шампальякомъ въ окрестностяхъ Флоренціи и купленная графиней, желавшей провести тамъ зиму, за сущій безцѣнокъ, была за двѣ недѣли предъ тѣмъ очень дорого куплена неизвѣстнымъ и перепродана за ничто?..

Какъ только Шампальякъ далъ знать о рѣдкомъ случаѣ— графу Рейзенштерну, онъ поѣхалъ самъ взглянуть и купить валившееся съ неба сокровище. Это было всего недѣли за три до общаго разѣзда изъ Біаррица. Валентинъ Львовичъ Дарзансъ уже вывезъ оттуда полумертвую Леонору, Людмила оставалась одна нѣсколько дней и воспользовалась ими для маленькой экскурсіи по берегамъ Испаніи... Ей было необходимо разсѣяться отъ тяжелаго впечатлѣнія болѣзни Лоры. Она выѣхала неожиданно и случилось такъ, что баронъ Бреммеръ оказался въ качествѣ туриста на томъ же пароходѣ.

Графиня позволила ему сопровождать ее въ этомъ одинокомъ, маленькомъ путешествіи, въ качествѣ добраго знакомаго, готоваго облегчить ей всѣ путевыя заботы и, они сдѣлали прелестный туръ по берегамъ Бискайскаго залива и внутрь страны померанцевъ и кастаньетъ, до самаго Мадрида... Но тутъ случилась неприятность. Дни стояли жаркіе, баронъ почему-то былъ въ вѣчномъ волненіи, въ хлопотахъ и, вернувшись разъ въ отель лишился чувствъ... Призванный, въ поѣздахъ, докторъ рѣшилъ, что синьоръ полнокровенъ; что у него былъ солнечный ударъ и что чѣмъ скорѣе онъ уѣдетъ изъ подъ жгучихъ небесъ Испаніи, тѣмъ лучше. Баронъ однако приободрился и хотя жаловался на головныя боли, но онъ ему не помѣшали благополучно проводить графиню обратно въ Біаррицъ.

Путешествію этому, однако, суждено было имѣть непріятные результаты.

Словно бѣсъ вошелъ въ стараго барона!

Десять дней полного безраздѣльнаго счастья не успокоили, а хуже разожгли страсть его къ этой чудной красавицѣ, власти которой онъ отдался на жизнь и смерть. Бреммеръ оказался до того не удобнымъ поклонникомъ, до того опаснымъ даже, что графиня начинала его серьезно бояться и каялась въ своей неосторожности. До нынѣ судьба ее хранила:—все жертвы ея расчетовъ оказывались благоразумны и довольно покладивы. Однимъ изъ худшихъ былъ дядя Дарзансъ; но и того ей удалось вышколить. Съ этимъ же безумнымъ старикомъ не было никакого сладу!... Отдѣлаться отъ него было невозможно. Онъ слѣдовалъ за ней, какъ тѣнь! Ей самой приходилось улаживать обстоятельство, очищать отъ препятствій свободный доступъ до нея, ради того, чтобы не вышло хуже, чтобы этотъ безумецъ не надѣлалъ скандала и не скомпрометировалъ ее... При себѣ она его все же сдерживала то просьбами, то обѣщаніями, то угрозами. Въ ея вліянія онъ могъ рѣшиться на все, надѣлать большихъ глупостей, чѣмъ самый несдержанный мальчишка. Онъ ничего не хотѣлъ брать въ расчетъ; другіе ревновали ее къ временнымъ соперникамъ. а онъ—не принималъ даже во вниманіе правъ законнаго супружества: его била лихорадка каждый разъ, что графъ Фердинандъ слишкомъ долго бесѣдовалъ съ своей женой.

Она приходила въ отчаяніе и часто желала всей душой, чтобы баронъ Бреммеръ сломалъ себѣ шею.

«Вѣдь нѣтъ, чтобы съ отчаянія застрѣлиться или повѣситься, какъ дѣлаютъ порядочные люди! размышляла она. Старый дуракъ!.. Онъ просто невозможенъ.»

И графиня серьезно сердилась на Шампальяка, за то что онъ его представилъ и былъ первымъ виновникомъ ихъ знакомства.

Виконтъ провелъ въ Біаррицѣ цѣлый мѣсяцъ все, преслѣдуемый надеждой жениться на богатой русской наслѣдницѣ и былъ также приглашенъ герцогомъ Зоннербергенскимъ, въ числѣ близкихъ знакомыхъ Рейзенштерновъ, въ Альтенгеймъ, на сезонъ охоты. Его ожидали, не зная, что одержимый маніей взять золотой призъ женитьбой онъ, убѣдившись, что Леонора Дарзансъ въ чахоткѣ, уже нашелъ другое «приданое», за которымъ и устремился изъ Флоренціи, покончивъ тамъ выгодное порученіе барона Бреммера.

Время большихъ охотъ наступило; была половина сентября, но гости, ужъ болѣе двухъ недѣль гостившіе въ замкѣ, до

сихъ норъ не видѣли еще хорошей, заправской охоты на крупнаго звѣря. Къ ней дѣлались большія приготовленія.

Съ своей стороны и Бремеръ не дремалъ и часто уѣзжалъ рано утромъ на желѣзную дорогу; осматривалъ, какъ шли работы въ его замкѣ, отдѣльвавшемся за ново; какъ архитекторы, декораторы и антрепренеръ, взявшіеся устроить «турниръ», подвинули работы въ паркѣ и на озерѣ, гдѣ строился волшебный павильонъ—театръ. Убѣдившись, что все идетъ усиленно, онъ возвращался въ замокъ Альтенгеймъ, весь дрожа отъ нетерпѣнія увидать ту, въ честь которой все это дѣлалось и которая отнюдь не дѣлила его нетерпѣливыхъ чувствъ.

Въ тотъ день, когда произошла неожиданная сцена въ паркѣ между хозяиномъ замка и Людмилой Юрьевной, Бремеръ не выходилъ изъ своей комнаты до вечера, страдая сильной головою болью, возвращавшейся къ нему часто со времени его болѣзни въ Мадридѣ; но въ послѣдующіе дни, при видѣ матримоніальной нѣжности, напавшей на графиню, онъ велъ себя изъ рукъ вонъ глупо.

Несчастный самъ не радъ былъ своему безумію, въ рѣдкія минуты проблесковъ разсудка, когда онъ сознавалъ свое положеніе правильно; но онъ вышелъ изъ подъ собственнаго контроля и ужъ не могъ сдерживать порывовъ страсти и бѣшеной ревности. Ему часто казалось, что онъ сходитъ съ ума!

Казалось это и другимъ. Эрнестъ Бремеръ, прежде подшучивавшій надъ ноздрей страстью отца, теперь каялся и начиналъ серьезно опасаться послѣдствій. По свойственному ему легкомыслію, этотъ истый парижанинъ не долго сохранялъ впечатлѣнія, однако поведеніе отца и озабоченныя письма матери его смущали все сильнѣй.

Разъ утромъ, недоспавши даже ночи отъ безпокойства, вслѣдствіе съ вечера полученныхъ писемъ, Эрнестъ вошелъ въ комнату отца, держа ихъ въ рукахъ. Былъ ранній часъ, но старикъ ужъ сидѣлъ у письменнаго стола, полуодѣтый, слышно занятый письмами. Онъ впрочемъ не писалъ въ ту минуту, какъ мелодой челоуѣкъ къ нему постучался, а сидѣлъ, уставивъ локти на столъ и закрывъ лицо руками.

— Это ты?—изумился старикъ, подымая голову на двукратно повторенный призывъ сына.— Въ чемъ дѣло?

— Я получилъ дурныя извѣстія, батюшка, — отвѣчалъ Эрнестъ, отвернувъ голову, потому что постарѣвшее, исхудавшее, искаженное лицо отца поразило его.

Онъ давно не видалъ его такъ, не одѣтымъ, не приготовленнымъ, въ яркомъ свѣтѣ утра и перемѣна эта впервые поразила его такъ сильно.

— Дурныя извѣстія?.. — безучастно переспросилъ Бреммеръ. — Да, да, да!.. Дурныя извѣстія!.. Дурнаго много, много!

— Быть можетъ и васъ извѣщаютъ объ общемъ разстройствѣ нашихъ дѣлъ, то есть оборотовъ фирмы... Американскій заказъ лопнулъ: присланъ контръ-ордеръ. Процессъ вашъ съ Симсономъ проигранъ... На заводѣ въ Люкѣ просто бунтъ, — остановились работы; да и на другихъ мало чѣмъ лучше: стачки рабочихъ повсемѣстныя. На бѣду Реньо все боленъ. Онъ бы не допустилъ такихъ безпорядковъ, но когда ни васъ, ни старшаго помощника вашего такъ долго нѣтъ на работахъ, не мудрено, что дѣла расшатались.

— Да, да, да!.. Да, да, да!.. Это ужасно! — повторялъ баронъ, отчаянно сжимая свою облысѣвшую голову.

— Я думаю, батюшка, что единственное средство возстановить норядокъ, это — безотлагательно вернуться домой.

Баронъ поднялъ голову и бессмысленно уставилъ на сына глаза:

— Какъ вернуться?.. Куда?.. Кому вернуться? — бормоталъ онъ.

— Вамъ самому. Безъ васъ никто не можетъ справиться... Вамъ необходимо тотчасъ поѣхать въ Люкъ.

— Мнѣ?!.. — вскочилъ съ мѣста старикъ, съ такимъ видомъ, будто бы сынъ предлагалъ ему застрѣлиться. — Мнѣ!! Да ты съ ума сошелъ, Эрнестъ!

Молодой человѣкъ отступилъ отъ него въ недоумѣніи и жалостливо смотрѣлъ на отца, не находя словъ.

Баронъ, въ сильнѣйшемъ волненіи заметался по комнатѣ.

— Ты не думаешь о томъ, что говоришь!.. Мнѣ ѣхать отсюда, когда... когда въ Лилиенвальдѣ идутъ послѣднія работы!.. Когда туда созваны сотни лицъ!.. Когда артисты, музыканты уже всѣ ангажированы и ждутъ лишь телеграммы, чтобы съѣхаться въ мой замокъ и начать репетиціи!.. Могу-ли я теперь уѣхать?..

— Батюшка! Возможно-ли однако ставить параллель между затѣяннѣмъ увеселеніемъ, которое можно просто отложить, и дѣлами первостатейной важности, которыя не терять отлагательства и грозятъ намъ раззореніемъ?..

— Раззореніемъ?.. Oh! Comme tu y vas!.. Раззореніе фирмы Бреммеръ и К^о?.. Я бы хотѣлъ это видѣть!

— А я бы совсѣмъ не хотѣлъ! — серьезно замѣтилъ Эрнестъ. — Раззориться могутъ и Ротшильды, если поведутъ дѣла безумно и лишатся довѣрія на европейскихъ биржахъ... Но дѣло не въ томъ... Главное, по крайней мѣрѣ для меня главное дѣло — сестра мнѣ пишетъ, что состояніе здоровья матушки чрезвы-

чайнѣ ухудшилось вслѣдствіе всѣхъ ея тревогъ и печалей послѣдняго времени...

— О, Боже мой! Вольно-же твоей матери такъ тормозиться. Я признаю: ея письма меня раздражали!.. Я просто не могъ ихъ читать!.. Она такъ все преувеличиваетъ и болѣзнь свою и всевозможныя несчастія..

— Позвольте, батюшка! Мать о болѣзни своей не говорила ни слова, напротивъ: она отрицаетъ ее. Мнѣ пишутъ сестры... Отъ мамы я давно ничего не имѣю. Да кажется она и вамъ, если вѣрить сестрѣ Эсвирѣ, очень давно не писала?

— Какъ? совсѣмъ нѣтъ. Я получилъ недавно...

— Здѣсь, въ Альтенгеймѣ?

— Г-м! Нѣтъ... Положимъ здѣсь я не получалъ, но въ Биаррицѣ... Впрочемъ не все-ли равно?.. Она сама не хочетъ лѣчиться. Сколько разъ я предлагалъ ей ѣхать въ Берлинъ, въ Парижъ... Выписать докторовъ!

— Она не вѣритъ докторамъ, вы знаете. Ей прежде всего нужно спокойствіе... Она поправилась бы, еслибы вы пріѣхали и всѣ эти безпорядки прекратились...

Эрнестъ вздрогнулъ и отступилъ; съ такою силой и безпричинной занальчивостью отецъ его стукнулъ кулакомъ объ столъ.

— Я не уѣду отсюда! Я сказалъ тебѣ, что не могу и не хочу ѣхать! закричалъ онъ.—Поѣзжай самъ, если хочешь.

Онъ весь побагровѣлъ и жилы наплылись на лбу его и вискахъ, какъ веревки.

— Я охотно уѣду—тихо, но голосомъ полнымъ негодованія, отвѣчалъ сынъ.—Я уѣду сегодня же, чтобъ сколько нибудь утѣшить и успокоить бѣдную матушку. Къ несчастью врядъ ли мой пріѣздъ сможетъ существенно поправить дѣла... Это несладкое слово ваше, отецъ?... Вы не поѣдете домой?

Онъ напрасно ждалъ отвѣта. Отецъ его тяжело опустился въ кресло и снова сидѣлъ закрывъ лицо руками. Эрнестъ Бреммеръ посмотрѣлъ на него съ глубокимъ чувствомъ, въ которомъ негодованіе боролось съ жалостью и пошелъ къ дверямъ.

Но на порогѣ онъ остановился колеблясь и вдругъ быстро вернулся къ отцу и ласковымъ движеніемъ обнялъ сзади его за шею.

— Батюшка! въ сильномъ волненіи заговорилъ онъ:—простите меня, но я не могу не высказать вамъ того, что чувствую, чего боюсь. Вы знаете, что я, что всѣ ваши дѣти мы васъ искренно любимъ и всегда уважали, не только какъ отца, но какъ честнаго человѣка!... Батюшка, не губите себя и насъ и нашу бѣдную, больную мать: вернитесь къ ней! Уѣзжайте,—

главное скорѣе уѣзжайте отсюда!.. Въ томъ, что васъ здѣсь удерживаетъ—ваше несчастье, зло и погибель!.. Васъ одурманили злыми чарами!.. Вы были всегда добрымъ отцомъ, благороднымъ человѣкомъ, честнымъ семьяниномъ,—не позорьте своихъ сѣдыхъ волосъ!.. Пересильте себя: уѣдемъ отсюда вмѣстѣ!

Сильнымъ движеніемъ старикъ устранилъ себя изъ сыновнихъ объятій и, не оборачиваясь, указалъ ему на дверь, глухо промолвивъ:

— Уйди!... Уйди!... Ты требуешь моей смерти!.. Оставь меня!

Эрнестъ Бремеръ выпрямился весь блѣдный.—Такъ прощайте!.. Помогите вамъ Богъ! прошепталъ онъ и быстро вышелъ изъ комнаты, не оглядываясь.

Онъ не видалъ, какъ, оставшись одинъ, старикъ безпомощно вслепнулъ руками, отвалился на спинку кресла и горько заплакалъ, совсѣмъ по дѣтски, жалкими дряблыми слезами.

Черезъ полчаса принцу Альтенгейму, занимавшемуся до общаго завтрака въ библиотекѣ, доложили, что баронъ Бремеръ желаетъ засвидѣтельствовать ему свое почтеніе.

— Проси! сказалъ удивленный хозяинъ и удивился еще болѣе, увидавъ передъ собой Эрнеста.

— Какъ? я думалъ, что рѣчь идетъ о вашемъ батюшкѣ! привѣтливо встрѣтилъ онъ гостя. — Куда же это вы?.. Уѣзжаете?.. что это значить!

— Я долженъ простишься съ вами, *mon fils*... Пришелъ поблагодарить васъ за гостепримство. Я получилъ дурныя вѣсти изъ дому: мать моя больна и... вообще дѣла не въ порядкѣ.

— Такъ и вашъ батюшка? невольно высказалъ Альтенгеймъ.—И онъ принужденъ будетъ насъ оставить?

— Ничего не могу сказать о немъ—сдержано отвѣчалъ молодой Бремеръ.—Онъ хорошо бы сдѣлалъ, еслибъ возвратился, но... я не знаю. Боюсь, что онъ и самъ не совсѣмъ здоровъ... Мое глубочайшее почтеніе герцогинѣ.

Неожиданный отъѣздъ молодого барона удивилъ нѣкоторыхъ, но вообще прошелъ почти незамѣченнымъ въ общей суетливой жизни замка. Хозяинъ, разумѣется, не упоминалъ о немъ въ присутствіи отца, а на вопросы людей менѣе деликатныхъ, баронъ только пожималъ плечами и съ явными раздраженіемъ отвѣчалъ:

— *Que voulez vous!* Mon fils est majeur... я не вмѣшиваюсь въ дѣла и поступки моихъ совершеннолѣтнихъ дѣтей.

IV.

лая заря едва покрасила небо, солнце еще не вставало; съ долины и рѣки неслись сизые туманы и застывая по горнымъ высотамъ, кое гдѣ уже серебрили инеемъ нестрые лѣса. Въ долинѣ еще держалась зеленая листва въ рощахъ и садахъ, но выше разнообразіе красокъ было яркое; казалось, будто на лѣсистыя горы накинуть богатый, персидскій коверъ. Пѣтухи звонко горланили въ холодной предутренней мглѣ, а на конюшняхъ и на охотничьемъ дворѣ замка Альтенгейма уже проснулась жизнь и работа, начались дѣятельныя приготовленія къ предстоявшей сегодня большой охотѣ.

Замокъ былъ погруженъ во мракъ и сладкій сонъ. Въ одномъ лишь створчатомъ окнѣ, въ верху крыла, выдававшася въ садъ, виднѣлся слабый огонекъ. То былъ ночникъ, при свѣтѣ котораго Эмма Альтенгеймъ съ полночи ходила по дѣтской, укачивая на рукахъ своего больного ребенка. Маленькая Лина металась, вздрагивая и захлебываясь крикомъ на рукахъ няни и въ колыбели, смолкая лишь на рукахъ матери. И мать, сама полубольная, усталая, измученная бессонницей, находила силы въ великой любви своей и ходила, ходила всю ночь изъ конца въ конецъ комнаты, убаюкивая дитя свое и лишь заботясь о томъ, чтобъ ея болѣзненные крики не были слышны мужу и его гостямъ, не потревожили кого либо, кромѣ нея...

Герцогъ не слышалъ ихъ, стѣны и своды средневѣковаго жилища не легко пропускали звуки, но тѣмъ не менѣе онъ заснулъ только къ утру.

Хозяинъ и посѣтители разстались наканунѣ рано, въ виду предстоявшей охоты, но не всѣмъ удалось скоро заснуть Эдгаръ чуть не до зари просидѣлъ у окна, въ готическомъ выступѣ своей опочивальни, откуда былъ виднѣтъ, въ нѣсколькихъ саженьяхъ, балконъ, тоже выходившій въ прѣтникъ передъ паркомъ, а въ другую сторону, крыло замка, гдѣ номѣщались дѣтскія.

Тамъ свѣтъ ночника по временамъ затемнялся стройной женской тѣнью... Онъ зналъ, что это жена его, кроткая, жо-

блѣдная мать его дѣтей, неустанно бодрствуетъ надъ ними; а ниже, на открытомъ балконѣ образъ другой женщины, бѣлый обликъ красавицы, съ распущенными по плечамъ волосами, неотразимо привлекалъ его взоры... Принцъ Эдгаръ сознавалъ, что между этими двумя образами—бездна!.. Что въ верху, въ той блѣдной, тихой женщинѣ, склонившейся съ сердечной заботой надъ ребенкомъ, надъ ея дочерью,—добро, честь и миръ его домашняго очага. Онъ зналъ также, что внизу, въ той другой, блестящей, увлекательной красавицѣ—женщинѣ,—беззаконіе и зло! Быть можетъ великое горе,—позоръ его имени и гибель души его... Но къ ней лѣзли его помыслы, стремились, вслѣдъ за взорами, сердце!...

Въ другой сторонѣ дома, гдѣ не было видно балкона графини Рейзенштернъ, такой же безумецъ, какъ принцъ и хуже его, точно также бессонно короталъ ночь, думая о ней. Но тотъ ужъ не боролся съ собою, а лишь обдумывалъ, какъ побороть ему обстоятельства, какъ уничтожить между ею и собой всѣ преграды. Въ тотъ день онъ получилъ изъ дому, отъ сына, короткое извѣстіе: «Матери такъ плохо, что каждую минуту должно ждать худшаго. Возвращайтесь скорѣй, если желаете ее застать»...

О возвращеніи онъ и не подумалъ.

«Пустяки! рѣшилъ онъ: преувеличеніе!.. Не умереть... А если?!.. Только бы не теперь, позже... чтобъ еще не дошли, не во время, вѣсти и не помѣшали ея празднику!»!

Ея праздникъ былъ на первомъ планѣ и представлялся событіемъ несравненно большей важности, чѣмъ смерть матери его семейства, женщины безукоризненной и любящей, съ которой онъ прожилъ тридцать лѣтъ!

Баронъ Бреммеръ быстро шелъ по пути номѣшательства.

Шагая въ ту ночь по своей комнатѣ, какъ звѣрь по клѣткѣ, онъ ни о чемъ, даже о любви своей къ Людмилѣ не могъ думать послѣдовательно; ему представлялись не мысли, а какіе то обрывки соображеній и картины одна другой невѣроятнѣе и соблазнительнѣй, которыя являло ему старческое воображеніе, воспаленное послѣдними вспышками страстей, не сдерживаемыхъ болѣе разсудкомъ.

Вдругъ его поразило неожиданное соображеніе.

Вѣдь если жена его помретъ—онъ свободенъ!... Свободенъ, да!... Вдовецъ... но... пойдетъ ли она за него?... Отчего нѣтъ?... Люди старѣе его женились на молодыхъ женщинахъ... Вѣдь у него есть сила... великая, неотразимая сила!...

Погодите? Какая?... Онъ забылъ, какая!... Въ чемъ его вѣрная союзница сила?...

Страдальческое недоумѣнiе отразилось на его осунувшемся лицѣ. Онъ схватился обѣими руками за виски, подошелъ къ окну и приложилъ пылавшій лобъ къ холодному стеклу.

Золото! Деньги!... Миллионы! вдругъ вспомнилъ онъ и торжествующая радость отразилась въ растерянномъ выраженiи его лица широкой улыбкой.

Да, да!... Онъ вѣдь страшно богатъ:—а она любитъ богатство! Роскошь—ея сфера!... Онъ окружить ее сказочной роскошью! Онъ укутаетъ ее банковыми билетами! Усыплеть путь ея золотомъ!

О! счастье!.. О, блаженство! Она будетъ женой его, въ томъ нѣтъ сомнѣнiя.

Смерть его жены представлялась безумцу ужъ дѣломъ свершившимся, фактомъ... О бѣдномъ графѣ Рейзенштернѣ онъ вспомнилъ не сразу. Но зато, когда вспомнилъ, безграничное бѣшенство овладѣло имъ. Онъ бросился, какъ былъ полуодѣтый, на постель, рыдалъ и метался, зарывшись въ подушки, грызя бѣлье, чтобы заглушить потребность кричать, облегчить тяжесть, давившую ему грудь, душившую горло, крикомъ и воплями.

Къ утру онъ затихъ... Въ его омрачавшемся мозгу рѣшились **сображенiя**, планы...

Онъ проспалъ не болѣе двухъ часовъ и проснулся сразу, точно будто что-то его изнутри толкнуло:

«Что такое надо сейчасъ сдѣлать?!.. Да!»

Баронъ Бреммеръ вскочилъ, прямо съ постели подбѣжалъ къ изящному дорожному *porte-manteau*, стоявшему въ углу, отперъ его и съ лихорадочнымъ нетерпѣнiемъ началъ выбрасывать вещи, перерывать все, пока на самомъ днѣ не нашель маленькаго револьвера-бульдога.

Тогда онъ уснокоился, сѣлъ въ кресло и глубоко задумался, осматривая оружіе.

Часа за два до этого, едва первыя ласточки съ громкимъ щебетомъ вылетѣли изъ подъ разныхъ карнизовъ замка и пронизали воздухъ, улетая за кормомъ, горничная вышла изъ боковаго крыльца и побѣжала черезъ паркъ, къ сторожкѣ, что стояла на дальнемъ концѣ его. Тамъ кончалась плоскость, на краю которой возвышался замокъ, а за нимъ стлался паркъ, сбѣгая съ покатаго склона; избушка стояла на самомъ рубежѣ

парка, у обрыва, откуда видъ разстился на многие десятки версть. Горы, доли и лѣса уходили въ даль безконечной панорамой на югъ; темныя сосны, ели и вѣсковыя дубы прикрывали сторожку съ сѣвера; а солнцу она была цѣлые дни открыта, встрѣчая первые лучи его островерхимъ оконцемъ, и позволяя обитателямъ ея провожать закатъ съ своего порога. Тамъ, надъ обрывомъ у входа въ жилище его, часто въ ясные вечера можно было видѣть единственнаго обитателя сторожки, Германа Гейзе, любившаго послѣ дневныхъ странствій свонхъ за цѣлительными растеніями, отдыхать самъ-другъ съ своимъ ворономъ, грѣясь въ прощальныхъ лучахъ солнышка.

Но теперъ онъ еще не сходилъ съ каменнаго крыльца, хотя всталъ уже, позавтракавъ кускомъ хлѣба, размоченнаго въ водѣ и только ждалъ, чтобы спутникъ его пересталъ клевать раскрошенный для него кормъ, чтобы пуститься въ ежедневную далекую прогулку, когда служанка постучалась въ подоконникъ, окликнувъ его.

— Я здѣсь. Войдите! — отозвался Германъ Гейзе и самъ вышелъ на крыльцо, мимоходомъ кликнувъ ворона: *Come, Zauberer!*... Идемъ, поря!

Красная заря облила высокаго, сѣдолосого старца, показавшагося на каменныхъ ступеняхъ и чернаго вѣщуна, тотчасъ послушно взлетѣвшаго ему на плечо.

— Это ты, Гульда?... Зачѣмъ я тебѣ понадобился, милая дѣвушка? ласково спросилъ онъ.

— Не мнѣ, дѣдушка, — отвѣчала служанка, входя въ калитку крохотнаго полисадника. — Меня прислала фрау Денверсъ. Она проситъ, чтобы ты зашелъ взглянуть на дитя, на маленькую принцессу Магдалину.

— А что?... Все болѣеть?

— Хуже чѣмъ прежде!... Изведа совсѣмъ нянюшку, да и саму герцогиню. Вотъ только что сейчасъ ушла изъ дѣтской, бѣдняжка!... А то всю ночь не ложилась, ходила да баюкала дочку.

— Добрая!... Чистая! бормоталъ самъ про себя старецъ. Эмма у него не имѣла другаго названія.

— Добрая госпожа, что говорить! согласилась Гульда. — Такой другой — наищешься!... То-то намъ и жалко ее! Фрау Денверсъ и я рады бы ночь не спать, лишь бы ей отдохнуть, да не упростишь!... И ребенокъ-то словно чувствуетъ свою мать: какъ возьметъ его она, такъ и смолкнетъ!... Но ужъ и извелись онъ обѣ, страхъ!... Что свѣчки восковыя таятъ и мать

си дитятко малое... Вотъ Фрау Денверсъ и велѣла тебѣ, дѣдушка, звать... Не поможешь-ли словомъ или зельемъ какимъ?... Еслибы только хоть ночку одну поспать ребенку и герцогинѣ дать выспаться, все же бы силы набрались.

— Заснуть?... Да!... Сонъ великое благо!... Отдыхъ—усталыхъ, тревожныхъ, жаждущихъ, временнаго покоя,—согласился старый Гейзе.—Хорошо!... Скажи фрау Денверсъ, что я уже побываю. Вотъ, подумаю, поищу. Можетъ что мы и надумаемъ, съ Цаубереромъ вдвоемъ... Къ полудню вернусь, приду въ замокъ, приду!

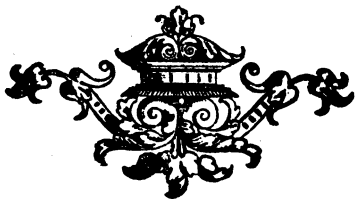
Онъ закивалъ головою и пошелъ къ тропкѣ, сводившей зигзагами по скаламъ и утесамъ въ долину.

— Ахъ! вскрикнула дѣвушка:—чуть было не забыла!... Слушай, дѣдушка, не ходи нынче въ большой боръ, къ Мертвымъ Прудамъ. Барыня велѣла сказать тебѣ, что тамъ сегодня у герцога большая охота. Лошади! Собаки!... Вудуть гнать крупнаго звѣря. Еще подвернешься въ сумятицу, не дай Богъ, что тебѣ приключится... Такъ герцогиня наказывала нянюшкѣ послать тебя увѣдомить, чтобъ ты въ другую сторону нынче пошелъ. А нянюшка-то ужъ отъ себя наказала мебѣ тебя о помощи просить.

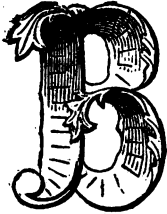
Гейзе снова закивалъ головою въ отвѣтъ и пошелъ дальше, тихо продолжая бормотать:

— Охота!.. Гнать будутъ Божьихъ тварей! Убивать!.. Пролить кровь и отымать то, чего вернуть не могутъ! Жизнь,—великій даръ Творца вселенной! Горькая забава!.. Грѣшное, неразумное дѣло! Не такъ-ли, пріятель?.. Не такъ-ли, Цаубереръ, товарищъ?..

И воронъ кивалъ ему головою, будто съ нимъ соглашаясь и мягко новодя черно-синей шеей разбиралъ клювомъ сѣдые, равѣвавшіеся по вѣтру волоса стараго Гейзе и, казалось, готовился ему пошептать что-то на ухо.

V.

Въ замѣ всѣ поднялись рано; тотчасъ послѣ завтрака былъ назначенъ выѣздъ на охоту господъ, а слуги-охотники съ собаками и съ походной кухней вышли съ зарею. Къ тому времени, какъ встали гости принца Альтенгейма, слуги его ужъ разбили полосатый арабскій навѣсъ на зеленомъ островѣ, подъ стѣнью громадныхъ деревьевъ, защиты которыхъ было бы недостаточно въ случаѣ дождя и готовили завтракъ на пятьдесятъ кувертовъ, пока охотничья команда дѣлала свое дѣло, окруживъ весь лѣсъ облавой, на сорокъ верстъ вокругъ.

Это былъ заповѣдный лиственный лѣсъ принцевъ Альтенгеймъ, разросставшійся на свободѣ, никогда незнавшій топора дровосѣковъ, многовѣковой приютъ мелкой и крупной дичи въ долинѣ Зоннербергена и арена охотъ ея владѣльцевъ въ теченіи столѣтій. Сверху лѣсъ этотъ представлялся громаднымъ зеленымъ пуховикомъ, сброшеннымъ на дно долины, оюасанной рѣчкой и холмами съ одной стороны, высокими скалистыми горами съ другой, а въ серединѣ темныхъ дебрей было продолговатое углубленіе, словно будтобы слядъ, оставленный гигантскимъ звѣремъ, отдыхавшимъ на мягкомъ, пушистомъ лонѣ. Это были, такъ называемые въ народѣ за неподвижность ихъ водъ Мертвые пруды.

Какъ въ большей части красивыхъ мѣстностей Германіи, про этотъ лѣсъ и пруды было сложено множество преданій, ходили суевѣрные рассказы. Самымъ популярнымъ изъ нихъ была легенда объ островѣ пустынника, томъ самомъ, гдѣ должны были въ тотъ день обѣдать охотники.

«Когда-то, — въ тѣ времена, когда язычество еще угнетало христіанство, — въ лѣсу томъ спасался святой отшельникъ, бывшій рыцарь Зигфридъ. Къ нему сходилъ народъ; онъ врачевалъ недуги цѣлебными травами, которыми искони славился Зоннербергенскій лѣсъ, и училъ вѣрѣ Христовой. Но, въ годуу испытанія, когда по всей странѣ свирѣпствовала эпидемія, уснившая сотни людей, язычники обвинили въ распространеніи заразы Зигфрида и возмутили суевѣрный народъ. Рѣшено было утопить его въ тѣхъ самыхъ прудахъ, у

которыхъ онъ жилъ, въ глубинѣ лѣса. Отшельника связали, надѣли на шею ему камень и сбросили съ лодки въ серединѣ воды... Но тутъ, на глазахъ отвсюду сбѣжавшагося народа, свершилось великое чудо! Вода Мертвыхъ прудовъ вдругъ вскипѣла и поглотила убійцъ; а на мѣстѣ ихъ лодки изъ лона тихихъ водъ возникъ вдругъ зеленый, прелестный островъ, на берегу котораго стоялъ Зигфридъ, живой и невредимый, благословляя народъ, замыслившій его погибель».

Съ той поры островъ Зигфрида или пустытника славился своими цѣлебными свойствами и слылъ вѣрнымъ убѣжищемъ-погибающихъ. Это повѣрье такъ сильно было въ народѣ, что даже звѣря, благополучно достигшаго Зигфридова острова, охотники не рѣшались преслѣдовать и убивать... Потому-то именно этотъ самый островъ и избирался пунктомъ соединенія охотниковъ, чтобы заранѣе разогнать всю дичь и отнять у звѣря возможность спастись на немъ.

Когда дамы вошли въ столовую, хозяинъ дома рассказывалъ мужчинамъ эти преданія. Ихъ привѣтливо встрѣтила молодая хозяйка, несмотря на утомительную ночь разливавшая кофе и чай на обычномъ предсѣдательскомъ мѣстѣ. Графиня и генеральша фонъ-Кольвицъ ужъ были въ амазонкахъ, готовые ѣхать и хоромъ пожалѣли, что Эмма не можетъ ихъ сопровождать, даже не пріѣдетъ въ лѣсъ къ обѣду, какъ баронесса Лихштейнъ и нѣсколько пожилыхъ или трусливыхъ дамъ.. не ѣздившихъ верхомъ. Болѣзнь ребенка окончательно лишила принцессу Альтенгеймъ возможности принять участіе въ шумномъ празднествѣ, которымъ мужъ ея поднялъ на ноги всю провинцію.

Завтракъ почти кончался, когда въ столовую поспѣшно вошелъ баронъ Бреммеръ, поклонился, не извиняясь передъ хозяйками, а занявъ свое мѣсто, почти ничего не ѣлъ и не пилъ, кромѣ стакана воды, который проглотилъ залпомъ. Несмотря на суету и общее оживленіе, многіе замѣтили его странное, безпокойное состояніе... Герцогъ шепнулъ Рейзенштерну.

— Посмотрите, Бога ради, что творится съ Бреммеромъ?.. Я за него серьезно боюсь.

— А что?—спросилъ всегда разсѣянный графъ Фердинандъ.—Онъ, кажется, хочетъ вырвать свою эспаньолку?

— Да это бы ничего! Но у него глаза бѣгають, какъ у помѣшаннаго... Недаромъ сынъ его говорилъ уѣзжая, что онъ боленъ!

— Взгляните на барона Бреммеръ!— замѣтила въ тоже время генеральша своимъ собесѣдамъ.—Его можно испугаться!.. Посмотрите, какъ онъ выворачиваетъ бѣлки, глядя на графиню

Рейзенштернъ!.. Точь въ точь провинціальный актеръ въ роли Отелло!

И Жанна-Марія расхохоталась, блистая яркимъ румянцемъ и черными глазами, тутъ-же передавъ свое замѣчаніе Людмилѣ Юрьевнѣ, степенно бесѣдовавшей съ прибывшимъ накануне изъ Берлина дипломатомъ-охотникомъ..

Графиня снисходительно улыбулась. Она вообще относилась свысока къ австрійской генеральшѣ, какъ къ шаловливому ребенку; на это же «нелѣпое» замѣчаніе она только поведла плечомъ, возразивъ, что m-me Кольвицъ плохо знаетъ классическую литературу...

— О! Но я не говорю, чтобъ онъ имѣлъ на то права!— смеялась та:—*mais il en a tout l'air.*

«А вѣдь онъ, дѣйствительно, кажется спятилъ!—подумала Людмила Юрьевна, мелькомъ взглянувъ на Бреммера.—Ужъ хоть бы его свезли въ сумасшедшій домъ наконецъ!.. Чего онъ уставился на меня?»

Чего уставился!.. Еслибъ графиня знала, что видитъ и слышитъ баронъ, глядя на нее своими безумными глазами, она не удивлялась бы его взглядамъ. Ее-то, ее одну, какъ всегда и вездѣ, онъ видѣлъ ясно; но другіе и все окружающее для него не существовало!.. Не яркое осеннее утро въ Германскомъ феодальномъ замкѣ видѣлъ баронъ, — а дѣтнюю ночь на берегахъ Тага, подъ кущами гранатъ, маслинъ и померанцевъ. Не общій говоръ охотниковъ отдавался въ ухахъ его, а слышался одинъ ея тихій голосъ... И этотъ голосъ повторялъ ему снова и снова ея незабвенныя рѣчи.

«Я графа не люблю! Ревновать меня вамъ нѣтъ причины: я никогда никого не любила!—шептала она ему вновь,—какъ въ тѣ блаженныя мгновенья. Я странно создана: ни красота, ни молодость меня никогда не плѣняли!.. Духовныя свойства—сила ума прежде всего,—мнѣ дороги въ людяхъ... Вотъ почему я не люблю своего мужа, а вамъ принадлежала бы, несмотря ни на что, еслибы мы оба были свободны!»

Вотъ къ чему прислушивался старый баронъ-торговецъ, вглядываясь въ лицо красавицы, въ ея перемѣнчивые, какъ море, глаза, въ алыя губы, произносившія всѣ эти лжи...

Но несчастный безумецъ не распознавалъ ихъ фальши, а упивался ихъ значеніемъ, посуломъ блаженства для него, заключавшемся въ нихъ.

— Однако пора въ путь, господа!—объявилъ хозяинъ дома.

Всѣ встали и поднялись шумные сборы.

Черезъ часъ ожили кущи и дубравы стараго лѣса. Звукъ роговъ, топотъ копытъ и лай собакъ подняли въ треметѣ и

страхъ все дикое его населеніе. Заметалось со свистомъ и гоготомъ пернатое царство, по вѣтвямъ и на прудахъ; вострепнулись дикія козы и лани, прынувъ въ самыя темныя дѣбри; насторожились кабаны въ тростникахъ и зайцы пугливо забились въ норы.

Съ каждой минутой охота оживлялась. Все болѣе и болѣе вспугнутыхъ звѣрей подымалось собаками; онѣ все дружнѣе работали, заливаясь лаемъ, носясь какъ стрѣлы за добычей, а страсти людскія все сильнѣе кипѣли, разгорались кровожадными инстинктами и человѣкъ уподоблялся жесточайшему звѣрю, безжалостно вонзая ножъ въ горло безобидной и безпомощной лани, смотрѣвшей на него полными слезъ, молящими глазами...

Ужъ пало много жертвъ на потѣху людскую; ужъ нѣсколько разъ дубравы оглашались побѣдными звуками рога, вѣщавшаго смерть крупнаго звѣря; ужъ «честь копыта» отдана нѣсколькимъ дамамъ, восторженно смотрѣвшимъ на послѣднія судороги животнаго, на блескъ алой крови въ лучахъ солнца, еще прибавлявшей красы яркой окраски осенней листвы и зеленому мху, когда огромный олень, съ вѣтвистыми рогами мелькнулъ на опушкѣ дальней стороны лѣса, остановился на секунду, потянувъ воздухъ вправо и влѣво въ широко раздувавшіяся ноздри и вдругъ рѣшился, прынулъ и понесся черезъ поляну, къ грядѣ выступавшихъ за нею скалъ. Тамъ, за полянкой подъ скалами была трясина поросшая камышемъ, а за ними уступъ за уступомъ все выше вздымались утесы и горныя цѣпи, покрытыя хвоей. Туда, въ темный боръ, раскинутый по вершинамъ вплоть до снѣжныхъ хребтовъ, задумало укрыться бѣдное животное...

На одномъ изъ островерхихъ утесовъ, внѣ выстрѣловъ, но въ виду охотничьей арены стоялъ старый Гейзе, въ ожиданіи своего крылатаго спутника, отлетѣвшаго въ сторону. Цаубереръ въ этотъ день былъ необыкновенно безпокоенъ и непослушенъ; все улетало, носился каркая надъ лѣсомъ и не возвращался на плечо хозяина, какъ тотъ усиленно ни призывалъ его свистомъ.

«Почуялъ кровь, старый вѣщунъ: безпокоится! думалъ Гейзе. Каркай! Каркай смерть бѣднымъ Божьимъ тварямъ! Пришелъ ихъ часъ погибнуть, на потѣху человѣку!»..

Такъ размышлялъ всесвѣтныи странникъ задумчиво, глядя съ вершины утеса то въ яркую высь, гдѣ, распустивъ могучія крылья, плавалъ воронъ; то внизъ на поляну, на тростники, гдѣ тоже засѣли охотники въ ожиданіи появленія кабана, на

пестрый лѣсъ, откуда неслись звуки трубъ и рожковъ, себачье тавканье и весь гомонъ большой охоты.

Олень вынесся на поляну... Мигъ и стройное тѣло его замелькало, блистая вспотѣлыми боками на солнцѣ, вытягиваясь въ струну могучими прыжками, едва касаясь земли. Онъ летѣлъ прямо на засаду, гдѣ графъ Фердинандъ съ нѣсколькими любителями болѣе серьезной охоты притаился въ ожиданіи другаго звѣря... Но чуткая свора гончихъ прослѣдила бѣгъ его по лѣсу и уже неслась вслѣдъ за нимъ. За нею скакали разгоряченные охотники и между ними двѣ амозонки,—ярая охотница Жанна-Марія и графиня Рейзенштернъ, не остававшая отъ нея, рядомъ съ герцогомъ Эдгаромъ и многими всадниками.

Бѣдный звѣрь летѣлъ, закинувъ на спину вѣтвистые рога и ужъ достигалъ вѣрнаго убѣжища,—скалистыхъ уступовъ предгорья, гдѣ укрыться ему было бы легко, какъ неожиданно съ лѣва грянулъ выстрѣлъ... Графъ Рейзенштернъ промахнулся!.. Олень круто бросился въ сторону и полетѣлъ вправо, на перерѣзъ охотникамъ и собакамъ.

Все свернуло за нимъ и понеслось къ тому отдѣльному утесу, гдѣ стоялъ Германъ Гейзе, тревожно слѣдя за бѣгомъ спасавшагося оленя, напутствуя его сердечнымъ участіемъ. Высокая фигура старика отчетливо выдѣлялась на скалѣ и казалась огромной съ поляны, къ которой онъ невольно протянулъ руки, словно призывая загнанное животное подъ свой покровъ.

— Смотрите! Смотрите!—закричала Жанна фонъ-Кольвицъ, оборачиваясь на всемъ скаку:—ужъ не святой-ли это Зигфридъ явился ему на защиту?

Всѣ взглянули по направленію ея хлыста... Величественная фигура старца, съ развѣвавшимися бѣлыми волосами и простертыми руками, казалась вдохновенной и не отъ міра сего.

— Святой Гюберъ! Покровитель охоты! кричалъ одинъ изъ парижанъ, указывая тоже на него.

— Ни тотъ ни другой! улыбаясь, возразилъ Альтенгеймъ— а просто старый чудакъ, бывшій матросъ, а нынѣ нищій, котораго жена моя приютила въ замкѣ.

— Кто бы онъ ни былъ, но его покровительство,—не намъ, а звѣрю,—положительно отымаетъ у насъ добычу! замѣтила графиня.—Посмотрите! Олень скрылся въ той развѣлинѣ.

— Да! И трудно будетъ его оттуда выбить. Онъ не раненъ и пойдетъ вверхъ, безъ слѣда!..

— Живѣе!... Живѣе!... Впередъ!

Стая и охотники мелькнули мимо Альтенгейма и Людмилы. Она придержала лошадь и онъ тоже затынулъ поводья.

— Вы устали, графиня?

— Да... Нѣтъ! Я не устала... Мнѣ кажется, я сейчасъ видѣла графа?... Тамъ! Въ камышахъ.

— Да, да!.. Онъ тамъ не одинъ. Они поджидаютъ кабановъ, которыхъ на нихъ погонить облава сверху, изъ подъ тѣхъ холмовъ... Вамъ угодно видѣть графа Фердинанда?

— О, нѣтъ... Зачѣмъ-же. Я только удивилась, незная, увидавъ его въ сторонѣ и сѣшвеннымъ.

Въ эту минуту, въ нѣсколькихъ саженьяхъ между кустарникомъ показался Рейзенштернъ, издали молча махая платкомъ.

— А вотъ и онъ! сказалъ герцогъ.—И кажется зоветъ насъ?.. Позвольте, я узнаю, въ чемъ дѣло?.. Вамъ не совѣтую ѣхать: тамъ топъ...

— Хорошо! Я подожду здѣсь... Туда, я думаю, намъ тоже не зачѣмъ?.. Олень ушелъ въ горы! Не взбираться же всѣмъ за нимъ! рѣшила Людмила.

И осталась одна, между двумя партіями охотниковъ. Она и устала и не особенно любила спортъ. Бальная зала для нея была болѣе знакомой и болѣе заманчивой ареной, нежели отъѣзжее поле.

Собаки и люди, преслѣдовавшіе оленя, разсѣялись между камнями и кустами, карабкаясь на скалы; ввѣръ пробѣжали по разсѣлинѣ, мимо Гейзе, всей душой пожелавшаго ему добраго пути и скрылся въ ущельи. Герцогъ между тѣмъ пробрался по болоту до своего родственника.

— Представьте себѣ—озабоченнымъ шепотомъ заговорилъ графъ:—бѣдный Бреммеръ, право, кажется помѣшался! Онъ слѣдитъ за мною, какъ тѣнь! И все смѣется. Это удивительно!.. Ничего не говорить, а смотреть издали и все себѣ въ кулакъ пошмѣивается... Не понимаю, что съ нимъ?.. Ужъ и спрашивать, и освѣдомлялся, не боленъ ли онъ,—ничего не добиться!

— Да, онъ мнѣ давно подозрителенъ... Незнаю, какъ бы его сплавить? Надо будетъ обратиться къ доктору, да написать его сыну, въ крайности!.. Очень неприятный человѣкъ!.. Не надоѣло вамъ еще ожидать?

— Еще немного подожду... Приятно было бы уложить клыкастаго пустытника.

— Не забудьте: въ четыре часа привалъ на островѣ Мертвыхъ прудовъ. Обѣдать!

— Не опоздаю...

Онъ вынулъ часы.

— Теперь скоро два. А у васъ дѣло успѣшно?

— Довольно!.. Штуки четыре, кромѣ мелочи. Да вот пятый олень. славный звѣрь, жаль, убѣжалъ, кажестя. Вонъ ваша жена вамъ кланяется, видите?..

— Да! Да!

И графъ Фердинандъ снялъ шляпу и добродушно раскланялся съ женой, махавшей ему издали платкомъ.

Она теперь часто пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы выказать свое доброе супружеское согласіе. Счастьемъ она не хвалилась: это не входило въ ея расчеты; но она хотѣла убѣдить Альтенгейма, что «несмотря ни на что», — она примѣрная жена и добродѣтель ея непоколебима.

Вѣрилъ ли тому принцъ?.. Она надѣялась и надежды ея были не безъ основанія. Альтенгеймъ мало жилъ въ свѣтѣ, въ Парижѣ бывалъ не по долгу, салонныхъ сплетень никогда не слышалъ; а въ присутствіи его Людмила Юрьевна бывала крайне осторожна. Въ послѣднее время онъ сторонился ее, а съ мужемъ ея старался быть какъ можно родственнѣй, пересиливая неприязненное къ нему чувство. Вотъ и теперь: кошки слегка скребли его по сердцу, когда онъ изподлюбя съ принужденной улыбкой смотрѣлъ на размѣнъ привѣтствій между мужемъ и женою; но невольнo-суровое нахмуренье бровей его относилось не къ нимъ, а къ недовольству собою.

— До свиданья, — сказалъ онъ. — Желаю успѣха! — И поѣхалъ обратно къ графинѣ и къ обществу.

Въ это время вдали затыкали ищейки и Рейзенштернъ поспѣшилъ возвратиться на свое мѣсто, въ камыши, не обративъ въ забывчивости вниманія на полный ненависти взглядъ, провожавшій его изъ за ближняго кустарника.

Слѣдя за нимъ непрерывно, баронъ Бреммеръ и теперь незамѣтно сошелъ съ своего мѣста въ гаю и былъ гораздо ближе, чѣмъ предполагалъ графъ. Онъ тоже видѣлъ дружескій поклонъ, которымъ размѣнялись мужъ и жена и вмигъ съ лица его исчезло насмѣшливо — хитрое выраженіе, не оставившее его во весь день и глаза его, налитые кровью, загорѣлись злобой.

Тявканье собакъ приближалось. Въ камышахъ слышалось движеніе, заставившее забиться сильнѣе сердца присяжныхъ охотниковъ... А вдали, съ той стороны, гдѣ исчезъ убѣжавшій олень, старый Германъ все еще ждалъ Цауберера.

Вотъ онъ спустился откуда-то съ вышины; любопытными глазами поглядѣлъ въ камыши на двоихъ чернѣвшихъ въ нихъ людей; тяжело замахалъ крыльями и три раза прокаркалъ; пролетая надъ головами ихъ, потянулъ прямо къ ждавшему его хозяину.

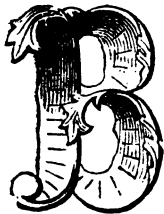
— Ну, ну! Пророкъ!.. Довольно тебѣ пророчить бѣды. Будеть, на сегодня, пролитой крови! встрѣтилъ его старыи Гейзе. Пойдемъ домой!.. Пора пообѣдать и отдохнуть. Да и въ замкъ насъ съ тобой поджидаютъ,

Быль пятый часъ. Ужъ солнце садилось; охотники давно собрались на Мертвыхъ прудахъ, подъ сѣнь полосатаго шатра, гдѣ накрыть былъ обѣденный столъ, освѣщенный бахромой равноцвѣтныхъ фонарей. Ждали только запоздавшихъ, — графа Рейзенштерна, Бреммера и еще двухъ-трехъ охотниковъ, замѣшкавшихся на травлѣ кабановъ. За ними послали гонцевъ, но пришлось сѣсть за столъ ихъ недождавшись, по требованію дамъ, въ особенности баронессы Лихштейнъ, боявшейся ночной росы.

Красивъ былъ видъ охотничьяго бивуака съ береговъ пруда. Островъ съ возвышавшимся на немъ шатромъ и блестящимъ столомъ, окруженнымъ пирующими, представлялся волшебной декорацией, красота которой увеличивалась невѣрнымъ, колебавшимся свѣтомъ костровъ, разложенныхъ по берегамъ. Густые своды деревьевъ, исчезавшихъ въ вышинѣ, зеленыя кущи вокругъ, тихія воды прудовъ, люди и животныя — все принимало фантастическій видъ въ невѣрномъ, то ярко золотистомъ, то багровомъ отблескѣ пламени; все вспыхивало, искрясь рубинами, изумрудомъ, янтаремъ и бирюзой; а сонныя воды пылали столбами зарева и огненныхъ отраженій.

VI.

Въ замкъ Альтенгеймъ эта прекрасная картина не была, разумѣется, видна; но вечернее небо съ багровымъ закатомъ и прозрачно-алой луной, всплывавшей по другую сторону горизонта, надъ замиравшими въ сумеркахъ долами и горами, являло само посебѣ величественное зрѣлище, когда хозяйка замка вышла въ паркъ, проводить старика Гейзе до сторожки.

Они шли, тихо бесѣдуя, то углубляясь въ сумракъ аллеи, то выходя на свѣтъ двухъ зорь, подъ ясный сводъ небесный, гдѣ ужъ загорѣлись рѣдкія звѣзды. Старикъ успокаивалъ молодую женщину касательно болѣзни ребенка ея; только уговаривалъ себя беречь отъ усталости, отъ безпокойства, — вести.

акуратную жизнь, ради своего и ея здоровья. Онъ не видалъ ее въ теченіи нѣсколькихъ дней и замѣчалъ въ ней перемѣну... Это его смущало!.. Онъ никого такъ не любилъ, какъ Эмму Альтенгеймъ.

Она слушала его, потупивъ голову, собираясь заговорить о другомъ: спросить, нѣтъ-ли извѣстій изъ за океановъ? И боролась между желаніемъ, узнать все ли благополучно и благо-разуміемъ, приказывавшимъ молчать, забыть и думать объ этихъ преступныхъ вопросахъ.

Вдругъ Цаубереръ, дремавшій на плечѣ хозяина, беспокойно зашевелился, заводилъ головой и расправилъ крылья, словно собираясь летѣть.

— Что ты, старый?.. Чего тебѣ надо? Не можешь никакъ успокоиться? укоризненно замѣтилъ Гейзе и сталъ объяснять, что воронъ его цѣлый день въ тревогѣ, потому что на охотѣ почуялъ свѣжую кровь... Вотъ и теперь не удержать его!.. Въ другой бы день теперь ужъ онъ спалъ; а нынче, посмотрите!.. Должно быть охотники близко: опять зачуялъ свѣжее мясо!.. Куда?

Воронъ взмахнулъ крылами, сорвался съ плеча старика, взвился выше деревьевъ и поплылъ, оглашая воздухъ карканьемъ.

— Вѣрно, онъ захотѣлъ скорѣе домой, на ночлегъ. Ты найдешь его въ своей хижинѣ, дядя Гейзе! предположила Эмма.

Но Гейзе покачалъ головой. Онъ лучше зналъ своего вѣщуна и беспокойно прослѣдилъ за нимъ. Воронъ не далеко отлетѣлъ,—до перекрестной аллеи, которая изъ боковыхъ воротъ въ паркъ вела во дворъ замка, минуя главный входъ. Тамъ проходили иногда люди изъ сосѣднихъ деревень и фермъ, имѣвшіе дѣла въ конторѣ, съ управляющимъ или экономомъ. Тамъ было приказано пробраться, незамѣтно, въ замок и нѣсколькимъ людямъ, несшимъ что-то или кого-то на носилкахъ...

Увидавъ съ высоты шествіе, которое онъ издали зачуялъ, Цаубереръ спустился на вѣтку дерева и, поводя головой, поджидалъ его, заглядывая черными, пронизательными глазами на четверыхъ молодцовъ, несшихъ что-то тяжелое, прикрытое плащомъ.

Выйдя изъ за поворота и увидавъ идущихъ на встрѣчу имъ, люди остановились въ нерѣшимости...

— Что это такое? Что вы несете? въ недоумѣніи спросила герцогиня Альтенгеймъ.

Довѣренный челоуѣкъ герцога Эдгара попятился въ испугъ, узнавъ свою госпожу, отъ которой всего болѣе приказано ему было скрывать случившееся, до прибытія его самаго. Онъ.

ничего еще не собрался отвѣтить, какъ Эмма подошла къ носилкамъ и такъ же быстро понялась назадъ, увидѣвъ на нихъ человѣка.

— Богъ мой! Кто это? прошептала она, холодѣя и всмѣблявъ.

Германъ Гейзе, чуя бѣду, воскликнулъ, замахавъ на людей руками:

— Идите! Идите!.. Вѣрно раненъ кто нибудь изъ слугъ?

Но герцогиня, собравъ силы, рѣшительно подошла къ оторопѣвшимъ носильщикамъ и приподняла плащъ надъ головой лежавшаго на носилкахъ.

Ее встрѣтили мутные полуоткрытые глаза убитаго графа Фердинанда... Она пошатнулась и безъ чувствъ упала бы на землю, еслибъ старый Гейзе не обхватилъ и не удержалъ ее на своей груди.

— О! Грѣхи! Тяжкіе! Страшные грѣхи!.. шепталъ онъ, въ ужасѣ.

— Что скажете герцогъ, Боже великій! ужасался довѣренный человѣкъ, торопя носильщиковъ скорѣе уходить во флигель управителя, куда они должны были пройти незамѣченными, а на грѣхъ натолкнулись на саму герцогиню.

Она скоро очнулась и привстала на дерновой скамьѣ, куда уложилъ ее Гейзе; но вспомнивъ случившееся, закрыла лицо руками и рыдала, дрожа и не имѣя силъ встать и идти. Въ замокъ между тѣмъ вернулись хозяинъ дома и гости его. Принцъ, въ жестокой тревогѣ, послалъ людей въ паркъ, разыскать жену, съ строгимъ приказаніемъ ничего не говорить ей. Убѣдившись, что графиня заперлась у себя и не желаетъ никого видѣть, Альтенгеймъ самъ пошелъ искать Эмму, дивясь, что она такъ запоздала въ паркѣ и безпокоясь, чтобы кто не напугалъ ее страшною вѣстью. Онъ нашелъ, что заботы его не помогли боясь за нее, онъ не велѣлъ вносить убитаго въ большія ворота замка и сдѣлалъ хуже!.. Онъ тотчасъ это увидалъ по ея безкровному лицу, по тому, что она едва передвигала ноги, опираясь на руку фрау Денверсъ.

Еще издали завидѣвъ мужа, бѣдняжка остановилась и, протянувъ къ нему дрожавшія руки, — спросила:

— Какъ это случилось?.. — Какъ могло это случиться?! — Гдѣ она?.. Гдѣ бѣдная графиня?

Альтенгеймъ не тратилъ времени на разспросы о томъ, какъ она узнала, а поспѣшилъ поддержать и почти на рукахъ внесъ ее на балконъ.

Какъ это случилось?.. — никто не зналъ!.. Рейзенштерна

жизни люди послѣ долгихъ поисковъ. Онъ лежалъ въ камышахъ, ничкомъ упавъ на смертельно раненнаго кабана

— Звѣрь убилъ его?— еле прошептала принцесса Эмма, взнемогавшая отъ страха и горя.

Мужъ ничего не могъ сказать ей вѣрнаго, но покачалъ головой...

Едва-ли!.. онъ подозрѣвалъ драму еще ужаснѣе, преступленіе болѣе сложное.

© его и всеобщихъ подозрѣнійхъ герцогиня узнала послѣ, отъ баронессы и Жанны-Маріи Кольвицъ, которыя поспѣшили на слѣдующій же день оставить Альтенгеймъ, превратившійся изъ оживленнаго сборнаго пункта людей, съѣхавшихся поохотиться и повеселиться въ жилище траура и печали, гдѣ вмѣсто радушныхъ хозяевъ распоряжались слѣдователи, полицейскіе и доктора.

Почти всѣ гости, которыхъ именемъ закона не задержали въ замкѣ, послѣдовали ихъ примѣру. Альтенгеймъ опустѣлъ, а вслѣдъ за гибелью графа Фердинанда Рейзенъ-фонъ-Рейзенштерна, на замокъ посыпались всякія бѣдствія.

Свершившій убійство скоро былъ открытъ и найденъ: несчастнаго Бреммера арестовали въ Лиліенвальдѣ, вновь пріобрѣтенномъ имъ замкѣ, среди приготовленій къ великому, по царски задуманному имъ празднеству. Онъ явился туда прямо съ охоты; два дня не раздѣваясь суетился, не ѣлъ и не спалъ, въ вѣчныхъ горячешныхъ, безтолковыхъ хлопотахъ, изумляя всѣхъ безуміемъ своихъ поступковъ и растерзаннымъ видомъ. Скоро всѣ, до послѣдняго рабочаго убѣдились, что баронъ не въ своемъ разумѣ... Арестовавшіе его тоже сразу увидали, что предъ ними не сознательный преступникъ,— а помѣшанный маніякъ. Это было очевидно ужь по тому одному, что онъ не только не забросилъ револьвера, который такъ и лежалъ у него въ карманѣ, со времени свершеннаго имъ убійства, но даже не потрудился окончателно разрядить его. Три пули, оставшіяся въ немъ, пришили какъ разъ подъ стать и калибръ пуль, вынутыхъ хирургомъ изъ затылка несчастнаго графа Фердинанда... Воспользовавшись минутой, когда графъ, поваливъ звѣря удачнымъ выстрѣломъ, наклонился, чтобы покончить его ножомъ, безумецъ всадилъ ему сзади въ мозжечокъ три пули, одну за другою.

Свершивъ свое дѣло, онъ сунулъ револьверъ въ карманъ, и забывъ обо всемъ, кромѣ главной цѣли,— устроить праздникъ для любимой имъ женщины, а потомъ на ней жениться,— даже не вспомнивъ объ общей охотѣ, объ ожидав-

ней его лошади, пѣшкомъ добрель на другой день въ свое помѣстье, а на третій былъ арестованъ тамъ же.

Но онъ не попалъ ни въ тюрьму, ни на позорную плаху, а посаженъ въ домъ сумасшедшихъ, гдѣ ему суждено было умереть чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ припадкахъ бѣшенства разбивъ себѣ голову о рѣшетку окна.

Во всѣ тѣ тяжкіе дни, пока тянулось слѣдствіе и сверпались всѣ формальности, требуемыя закономъ, Людмила не выходила изъ своей комнаты и ни съ кѣмъ почти не видѣлась. Одна Эмма навѣщала ее, втайнѣ дивясь силѣ ея воли... Если бы посторонняго человѣка спросить:—кто изъ этихъ двухъ женщинъ вдова, потерявшая такъ звѣрски убитаго, любимаго мужа,—каждый не обинуясь указалъ бы на хозяйку замка, а не на ея величавую гостью. Въ графинѣ Рейзенштернѣ, кромѣ величавой молчаливости, перемѣны было мало; тогда какъ Эмма Альтенгеймъ, никогда прежде особенно не любившая своего двоюроднаго брата, теперь положительно лизывала, отъ сознанья участи поразившей «бѣднаго, добраго Фрица» въ ея домѣ. На третій день послѣ этого кроваваго происшествія, принцессу Альтенгеймъ постигло личное горе, которое окончательно уложило ее въ постель. Скончалась ея маленькая Лина...

На ребенка вѣроятно подѣйствовали испугъ, волненіе и горе ея матери, хотя всѣ предосторожности были приняты для ея безопасности; была даже найдена ей кормилица, но дѣвочка не брала груди чужой женщины, кричала и мучилась голодомъ. Тогда Эмма рѣшилась покормить ее, надѣясь, что усердное сцѣживаніе ею молока ужъ успѣло удалить изъ него вредныя частицы. Такъ увѣряли ее Денверсъ и другія пожилыя женщины... Но видно онѣ ошиблись! Правда, дѣвочка вначалѣ успокоилась, спокойно заснула у груди матери; но въ ночь у нея сдѣлались конвульсіи и она умерла.

Это несчастіе окончательно подкосило слабыя силы Эммы Альтенгеймъ. Вслѣдъ за похоронами,—двойными похоронами,—убитаго брата и дочери, она сама слегла въ жестокомъ жару и трое сутокъ бредила убійствами, кровью, страшными призраками, а когда прошло это острое состояніе, въ ней осталась тяжкая меланхолія и сильное разстройство нервной системы.

На великолѣпныя похороны графа Фердинанда Рейзенъ-фонъ-Рейзенштерна и маленькой принцессы сбѣжался весь околдокъ, обыватели всѣхъ окрестныхъ талей, дорфовъ, берговъ и бурговъ, сбѣхалось все мѣстное дворянство.

Герцогъ Зоннербергена отдалъ въ распоряженіе родныхъ и знакомыхъ весь свой замокъ, но самъ извинялъ свое без-

участіе и наружную нелюбезность съ гостями весьма понятнымъ горемъ, которое всё уважали. Всё преклонялись въ особенноти предъ скорбью молодой вдовы, любуясь вмѣстѣ съ тѣмъ ея величественной осанкой и необычайной красотой.

Дѣйствительно, красота графини Рейзенштернъ теперь была еще поразительнѣе, чѣмъ прелесть Людмилы Недвиновой, нать лѣтъ тому назадъ. Она приобрѣла недостававшую ей тогда спокойную увѣренность въ манерахъ и взглядѣ, величавость истинно царственную. Умъ замѣнялъ ей сердце; сознавая всю прелестъ доброты въ женщинѣ и владея артистически всѣми средствами мимики, она умѣла очаровывать даже женщинъ своей кажущейся искренностью и превосходно разыгрываемымъ, при случаѣ, благоволеніемъ. Благотворительность, — ей ничего не стоившая, при средствахъ, которыми она располагала, — давала имени ея широкую популярность и еще болѣе укореняла добрую славу ея «прекраснаго сердца»... Безсердечность, эгоизмъ алчности и честолюбія, часто сознательная жестокость ея, были искусно скрыты; тогда какъ ея благодѣянія и добродѣтели громко прославлялись «общественными силами», которымъ она умѣла льстить. Говорилось, разумѣется, многое и противъ нея. Розказни объ интригахъ и ловкихъ побѣдахъ ея не переставали занимать общество; но гдѣ-жѣ та красивая, богатая женщина высшаго круга, на которую не сплетничаютъ?.. Страсть къ клеветамъ и сплетнямъ, — этотъ неопровержимый общественный порокъ, служилъ ей оплотомъ и защитой, вѣрнымъ оправдательнымъ аргументомъ ея многочисленнымъ поклонникамъ.

Вотъ и въ тяжкую пору потери мужа и перваго траура, графиня явила высокій примѣръ мужественной и безкорыстной дружбы. Во время болѣзни принцессы Альтенгеймъ она такъ нѣжно за нею ухаживала, что приобрѣла ея искреннюю дружбу... Тутъ на долю ея выпало горе: умерла единственная дочь ея дяди, челоувѣка, замѣнившаго ей отца, котораго она любила со всею нѣжностью дочерней преданности.

И тутъ она заявила свое прекрасное сердце.

Когда была получена изъ Ниццы, жестоко опечалившая ее, телеграмма дяди: «Леонора умерла. Везу въ Россію. Не оставь меня!» графиня тотчасъ изъявила непремѣнное желаніе ѣхать къ нему. Собственный трауръ и горе не убавляли ея родственной скорби; она лишь беспокоилась о томъ, какъ оставить «милую, дорогую Эмму», потерѣвшую изъ за ея несчастія?.. Принцесса только что оправлялась отъ болѣзни; слабая, разстроенная, она просила было Людмилу провести съ ней всю зиму своего траура и та охотно согласилась, но теперь

она должна была, хоть временно оставить ее, чтобы утѣшить несчастнаго дядю...

— Бѣдная! — жалѣла ее Эмма Альтенгеймъ. — Мало вамъ своего несчастія, а тутъ еще приходится другихъ утѣшать. Ужъ не знаю, какъ я останусь одна здѣсь, когда мужу придется ѣхать въ Берлинъ!.. Такая тоска!.. Прежде я была спокойнѣй, а теперь всего боюсь.

— У васъ слабые нервы, душа моя!.. Отчего бы вамъ не поѣхать съ мужемъ?

— Въ столицу?.. Ко двору? Избавь меня Богъ. Я бы сошла съ ума въ этой суетѣ. Я свѣта не знаю и боюсь еще больше, чѣмъ одиночества.

— Напрасно. Вамъ скоро придется играть въ немъ слишкомъ видную роль... Вы не имѣете права поблажать своей нелюдимости.

Но принцесса отклоняла этотъ разговоръ. Она втайнѣ молила Бога, чтобы расчеты и планы, возвеличенія мужа ея рушились.

Альтенгеймъ замѣтно встревожился, узнавъ, что Людмила уѣзжаетъ. Онъ непремѣнно самъ хотѣлъ сопровождать ее до Ниццы; но она рѣшительно отклонила это предложеніе.

— Ваша прямая обязанность не оставлять ни на минуту больной жены, пока вы можете располагать своимъ временемъ! — строго замѣтила она ему. — Развѣ вы не видите, что она гораздо болѣе нуждается во вниманіи вашемъ и попеченіяхъ, чѣмъ я?.. Ужъ не говоря о превосходствѣ ея правъ надъ моими! — взволнованнымъ голосомъ прибавила она и быстро отвернула, прикрывъ лице рукою.

Они были одни въ библиотекѣ герцога. Эмма пошла провѣдать дѣтей до обѣда, пока графиня занята была письмами и телеграммами. Теперь она ихъ кончила и стояла у зеркальнаго окна въ садъ, задумчиво глядя въ осенній, ранній сумракъ, когда хозяинъ дома вошелъ и снова заговорилъ о желаніи своемъ ей сопутствовать.

— Но вы все же вернетесь къ намъ, не правда-ли? тихо спросилъ онъ, волнуясь сознаниемъ, что лучше-бы ему не говорить этого, не настаивать.

— Не знаю! также тревожно и продолжая смотрѣть въ окно отвѣтила графиня. — Хотѣла бы не возвращаться... Такъ надо было-бы! Такъ было бы лучше для всѣхъ насъ! съ силой прибавила она, стремительно закрывъ въ лицо руками. — Но... она такъ проситъ меня, а я такъ передъ ней виновата! И... мнѣ такъ жаль ее!

И съ превосходно сыграннымъ порывомъ отчаяннаго без-

силія Людмила Юрьевна бросилась въ кресло, не отымая рукъ отъ лица.

Альтенгеймъ рванулся было къ ней, но вдругъ, опомнившись, остановился, круто повернуль прочь и большими шагами заходилъ по комнатѣ.

Раздался шелестъ платья хозяйки дома. Она вошла и въ недоумѣніи оглянула мужа и гостью.

— Что случилось? спросила она. — Неужели еще что нибудь?..

— Ничего не случилось, mein hertsehen! слабо улыбаясь протянула ей руку графиня и притянувъ къ себѣ, положила голову ей на грудь. — Взгрустнулось о прошломъ!.. Да вотъ жаль мнѣ васъ оставить... — А надо!

— Но вѣдь вы вернетесь къ намъ — не правда-ли?.. Вы общались мнѣ провести у насъ первые мѣсяцы траура?

— Да, но теперь на сердцѣ моемъ еще одинъ трауръ! Еще одна скорбь, которую я должна утѣшить.

— Приѣзжайте съ вашимъ названнымъ отцемъ! наивно предложила Эмма. — Будемъ вмѣстѣ коротать время тяжкихъ испытаній, посланныхъ намъ Богомъ... Не правда ли, Эдгаръ, что мы были бы рады имѣть гостемъ господина Дарванса?

— Я былъ бы очень радъ, безъ сомнѣнія! отозвался герцогъ изъ дальняго конца бібліотеки, гдѣ онъ перебиралъ газеты.

— Благодарю васъ, друзья мои. Но врядъ-ли бѣдный дядюшка скоро выѣдетъ теперь изъ деревни, гдѣ будетъ похоронена кузина Лора. Я провожу его въ Россію, а потомъ возвращусь... если вы не измѣните своего желанія видѣть меня, Эмма!

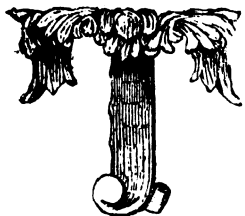
— О! Я буду напоминать вамъ обѣщаніе ваше въ каждомъ письмѣ! Я буду себя чувствовать такой одинокой!.. Особливо, когда Эдгаръ уѣдетъ на сессіи Рейхстага...

— Да! Да!.. съ особенной живостью прервала графиня: — вотъ именно! Я приѣду къ вамъ, когда онъ уѣдетъ!

Принцъ всталъ и порывисто вышелъ изъ комнаты. На другой день графиня Рейзенштернъ уѣхала въ Нанду, на похороны Леоноры Дарвансъ.

VII.

То, что Людмила Юрьевна застала у гроба своей маленькой кузины, ее крайне удивило. Валентинъ Львовичъ былъ непритворно убитъ и совсѣмъ боленъ. Возлѣ старика распоряжалась пожилая дама; а какой-то молодой человѣкъ, безотлучно, какъ сказали графинѣ, находившійся возлѣ больной дѣвушки послѣднія три недѣли, теперь не отходилъ отъ ея гроба. «Mlle Darzanse отдала послѣдній вздохъ на груди своего жениха!.. Дорогая барышня не знала, что умираетъ и умерла въ убѣжденіи, что будетъ женой его. А теперь бѣдный молодой человѣкъ такъ несчастенъ! О!.. Такъ несчастенъ!»..

Всѣ эти новости графиня услышала переодѣваясь въ отель, гдѣ обыкновенно останавливалась, отъ своей камеристки, успѣвшей обо всемъ узнать отъ знакомой прислуги.

Какой молодой человѣкъ? Какой женихъ?.. Людмила Юрьевна недоумѣвала и сильно опасалась за свои дѣла. Дядя ничего не писалъ ей... Сначала она подумала не вздоръ ли, не розказни? Не Долголецкій ли пріѣхалъ изъ Парижа. Но субретка-парижанка утверждала, что «этотъ молодой человѣкъ» — сынъ дамы, пріѣхавшій съ матерью, по вызову «de m-r le général» — такъ прислуга Рейзенштерновъ называла Дарзанса.

Графиня переодѣлась и, вся укутанная въ черный крепъ сѣла въ карету, чтобъ ѣхать въ виллу, гдѣ умерла Леонора и жилъ ея дядя, въ сильномъ смущеніи. Она слышала не разъ отъ Лоры въ Біаррицѣ, что она считаетъ себя обѣщанной невѣстой какого-то Рауля, «спасшаго ей жизнь»; но была убѣждена, что все это «пустяки», болѣзненный бредъ вздорной дѣвчонки» и такъ мало обратила вниманія, что даже забыла фамилію этого Рауля...

И вдругъ окажется, что этотъ, вѣроятно ловкій господинъ, сѣлъ ей на шею?.. Отъ полоумнаго дядюшки, если онъ расчувствовался надъ умиравшей, балованной дочкой, — все станется!.. Славно!.. Пока она тамъ напрасно тратила время, ловкіе мошенники быть можеть и здѣсь у нея все отняли?..

Людмила внутренне бѣсилась до того, что всѣ губы иску-

сала себѣ подѣ своей вдовѣей вуалью, пока доѣхала до виллы на берегу моря.

И было отчего! Смерть мужа далеко не настолько ее поразила, какъ это неожиданное вторженіе какихъ-то проходивцевъ въ область ея интересовъ. Со смертью графа она ничего не теряла, давно обезпечивъ себя его завѣщаніемъ; а наслѣдство дяди ей не было обезпечено. Она ждала именно смерти его единственной дочери, чтобъ на свободѣ все легально устроить. Сумасшествіе и преступленіе Бреммера поразили ее въ первую минуту; но она тотчасъ же сообразила, что и то и другое ей на руку. Баронъ сразу освободилъ ее отъ себя и отъ мужа, который былъ помѣхой ея новымъ замысламъ. Она мечтала часто въ послѣднее время о томъ, что, овдовѣвъ только принцъ Эдгаръ, она сумѣетъ добиться развода съ графомъ Рейзенштерномъ!.. Теперь она свободна!.. вмѣсто двухъ препятствій на пути ея къ пурпуру и горностаю, осталось одно... Къ тому же такое хрупкое! Людмила вѣрила въ свою счастливую звѣзду до того, что Эмма Альтенгеймъ, бракъ ея съ герцогомъ Зоннербергена и будущимъ первокласснымъ владѣтельнымъ лицомъ, самая жизнь ея, не представлялись ей недолимыми препятствіями, въ триумфальномъ шествіи по жизненной аренѣ... Успѣхъ избаловалъ ее.

«Тамъ—не смерть, такъ разводъ! А здѣсь — быть можетъ потеряны мои труды и жертвы въ продолженіи столькихъ лѣтъ. А средства мнѣ нужны!.. Мнѣ необходимы деньги, много денег!» — думала она въ ту минуту, какъ карета ея остановилась у подъѣзда.

Графиня мигомъ измѣнила выраженіе лица и вошла въ маленькій домикъ олицетвореніемъ горькой, но самоотверженной и кроткой печали.

Въ первой комнатѣ никого не было; но слышавъ пріѣздъ ея, къ ней вышла, изъ второй, пожилая женщина, одѣтая въ трауръ.

— Я, вѣроятно, имѣю честь говорить съ графиней Рейзенштернъ? — спокойно спросила она и сама тотчасъ назвала себя: — Каролина де Лорси, *professeur en peinture*, — профессоръ живописи.

Людмила Юрьевна осмотрѣла проницательнымъ окомъ «профессора живописи» въ траурномъ шлейфѣ и нѣсколько холодно отвѣчала:

— *Oui, madame*. Я желала бы видѣть моего дядю и... и поклониться праху моей сестры...

Голосъ ея дрогнулъ созвучно словамъ, какъ хорошо на

строенный инструментъ. Она обводила все вопросительнымъ взглядомъ.

— Почтенный дядюшка вашъ отдыхаетъ... Онъ такъ измученъ, что вы не прикажете его, конечно, будить?.. Мы можемъ, пока, если вамъ угодно побывать въ часовнѣ, поклониться праху нашей бѣдной маленькой Лоры!.. Oh!.. C'est navrant!.. Смерть этого ребенка разбила жизнь не одного ея отца.

И дама непритворно, горько заплакала.

Графиня тоже приложила платокъ къ глазамъ, мысленно повторяя слова m-me Лорси: «нашей маленькой Лоры? Это мнѣ нравится!.. Кто она и что ей здѣсь надо?!» И она горделиво спросила:

— Вы, вѣроятно, сидѣлка une garde malade, бывшая при умершей?

— Pardon madame! — также не безъ гордости отвѣтила, отступивъ на шагъ парижанка.—Я рассчитывала, что вамъ извѣстно кто мы... Мой племянникъ, Рауль Дюрель и я пріѣхали, вызванные несчастнымъ отцемъ вашей кухни, требовавшей нашего присутствія. Бѣдные молодые люди любили другъ друга нѣжно!.. Вся жизнь моего дорогаго Рауля разбита этой горькой утратой.

— А!.. Я не знала!—небрежно отозвалась графиня и смолкла.

Смолкла и ея собесѣдница, недовѣрчиво оглянувъ пріѣзжую, возбуждившую въ ней неприязнь.

Въ это время послышалось движеніе, старческій кашель и раздался голосъ, въ которомъ Людмила Юрьевна съ трудомъ признала, еще недавно звучный и увѣренный голосъ дяди.

— Chère m-me de Lorry! Raoul est-il de retour?

Обѣ женщины поднялись. Одна въ нѣмомъ изумленномъ негодованіи, стояла не вѣря ушамъ своимъ; другая участливо пошла на зовъ, на ходу отвѣчая:

— Нѣтъ, cher monsieur. Мой племянникъ еще не вернулся, но будьте спокойны,—онъ все хорошо устроитъ...

«Что за близость! Что за чувствительныя отношенія!—изъ себя выходила графиня.—Ополоумѣлъ, что-ли, окончательно сумасшедшій старикъ?!»

Она поспѣшно бросилась на встрѣчу, слышавъ шати его.

— Дядюшка!.. Милый! Дорогой! Бѣдный мой дядя!

Она упала на грудь Дарзанса, рыдая съ нимъ въ унисонъ. Но слезы старика были искренни... Онъ до того переѣнился, до того сразу одряхлѣлъ, что Людмила не могла придти въ себя отъ изумленія.

«Надо скорѣй дѣйствовать! Скорѣй все устроить! Не то, пожалуй, отправится и все, — что эти оставить, — уйдетъ»

его родитѣ!» — размышляла она, съ истинно дочернимъ увлеченіемъ лаская старика.

— Ты еще не была въ часовнѣ?.. Не видала гроба?.. То лѣтъ ко гроба, да!.. Ее ужъ не увидишь!.. Закрыли Лорочку!.. Закрыли на вѣки мою дѣвочку!.. О! Сколько я вынесъ, Людмила!.. Богъ покаралъ меня! Богъ покаралъ!

Онъ тяжело опустился на стулъ и рыдалъ, закрывъ лицо руками.

— Courage, cher monsieur! — сама плача, уговаривала его m-me Лорси. — Мы обязаны сносить удары судьбы съ покорностью.

— Вотъ, рекомендую тебѣ, милый другъ мой, добрую душу, которая, какъ мать родная, день и ночь присматривала за Леонорой! — указывая на нее, заговорилъ пофранцузски Дарзансъ и тотчасъ же перешелъ на русскій языкъ. — Ужъ не знаю, чѣмъ и отблагодарить эту прекрасную женщину! Ты знаешь, моя бѣдняжка любила этого молодаго челоуѣка, племянника ея... Тотъ самый, что бросился за нею въ воду въ Англенѣ. Хорошій юноша!.. Конечно, это была бы не блистательная партія, — но могъ-ли я теперь ей отказать въ чемъ либо.

— Понятно! — отозвалась Людмила Юрьевна.

— Ну, вотъ. Она воображала себя его невѣстой!.. Ждала выздоровленія, пыпочка моя! Планы дѣлала, тоже!.. Все таки иллюзіи эти облегчили ея послѣдніе дни!

Онъ опять безпомощно заплакалъ.

— Полноте, дядюшка! Воля Божья! — со вздохомъ молвила Людмила Юрьевна. — А ихъ отблагодарить, — я думаю не трудно... Повидимому, это какіе то пролетаріи, мѣщане-ремесленники. Вы можете вознаградить ихъ за потерянное время и труды цѣннымъ подаркомъ...

— Ужъ я объ этомъ думалъ, да не знаю чтобы такое, по деликатнѣй?.. Ты помоги мнѣ.

— Помилуйте! Чтожъ тутъ задумываться? Положите въ пакетъ двѣ-три тысячи, — вотъ и все!

— Ахъ! Что ты? Что ты, Людмила?.. Бога ради, не обидь ихъ!

Валентинъ Львовичъ безпокойно оглянулся, но m-me Лорси уже не было въ комнатѣ. Она выскользнула, чтобъ не смущать ихъ родственной бесѣды своимъ присутствіемъ.

— Это люди вполне порядочные. Такое предложеніе ихъ оскорбить...

— А вы пробовали?

— Нѣтъ! Но я знаю потому, что просилъ ихъ позволить

мнѣ не вводить ихъ въ расходы по путешествію и жизни здѣсь; а они и того не хотѣли позволить...

— Быть можетъ находя это слишкомъ ничтожнымъ и ожидая большаго!—презрительно замѣтила графиня.

— О, нѣтъ! Нѣтъ, мой ангель, ты ошибаешься... Я тоже думалъ въ началѣ, но потомъ убѣдился въ своей ошибкѣ.

Графиня была другаго мнѣнія, но спорить не стала, во всякомъ случаѣ, почувствовавъ себя облегченной отъ непріятной тревоги. Она подумала, что «хорошо и то, что они еще не успѣли опутать старика».

И спросила:

— Когда же мы выѣдемъ, дядя?

— Если можно, завтра-же, ангель мой. Рауль уладить сегодня послѣднія формальности... Хотя бѣдному мальчику очень хотѣлось, чтобъ я не увозилъ ее, а похоронилъ здѣсь... Славный юноша!

— Не сомнѣваюсь!—нетерпѣливо отозвалась вдова.—Но... дѣло вотъ въ чемъ: если они, эти люди, Рауль этотъ, поѣдутъ съ вами и въ Россію, то я быть можетъ не нужна вамъ?

Она хотѣла сразу покончить вопросъ.

— Какъ не нужна?..—перепугался Дарзансъ.—Куда же?.. Они не поѣдутъ! Людмила, ангель мой... Неужели ты меня оставишь?!

— Я думала, что они съ вами поселятся, что вы теперь обойдетесь безъ меня... Тогда какъ въ Альтенгеймѣ бѣдная принцесса Эмма безъ меня изнываетъ и умоляла меня вернуться скорѣй.

— Принцесса Эмма... Кто это?.. Ахъ да! Жена... Ты такъ сошлась съ женой этого медвѣдя Альтенгейма?.. Она тебя ревновала?

— Полноте, дядюшка!—строго остановила графиня.—Что было—то прошло! Память моего бѣднаго, погибшаго мужа мнѣ нынѣ дорога и свята.

— Да, да, конечно! Прости меня, душа моя!.. Бѣдный графъ Фердинандъ!.. Мнѣ его жаль самому сердечно. И какъ могло случиться это несчастіе?.. Онъ, говорятъ, сошелъ съ ума, этотъ мыловаръ, какъ его?.. Во всѣхъ газетахъ писали... Ужасное дѣло!

— Послѣ объ этомъ. Поѣдемъ поклониться гробу, отслужимъ панихиду, а завтра ѣдемъ домой...

— Домой?.. Ты сказала домой, ко мнѣ?—обрадовался Дарзансъ.—Ты вѣдь теперь не оставишь меня?.. Дорогая моя! Ты одна у меня осталась во всемъ мірѣ!

— Я готова ѣхать съ вами въ деревню, дядюшка. Можетъ

быть проживу нѣсколько времени. Но не общаю навсегда поселиться... У меня есть свои дѣла, о которыхъ теперь никому позаботиться, кромѣ меня самой...

— Какія дѣла?.. Денежныя?.. По имѣнью?.. О, Боже мой! Затѣмъ тебѣ хлопотать о деньгахъ?.. Мое состояніе тебѣ извѣстно? А все мое—твое отнынѣ!

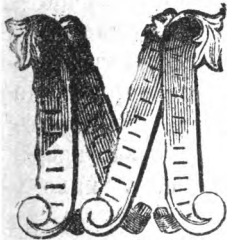
— Благодарю васъ, дядюшка, но не будемъ теперь говорить объ этомъ!.. Успѣемъ. Поѣдемте къ Лорѣ...

Она нѣжно склонилась къ нему, тутъ же рѣшивъ:

«Надо будетъ, какъ только все это кончится, заставить его дать мнѣ вексель, во избѣжаніе хлопотъ по наслѣдству!»

VIII.

ножество знакомыхъ и вся русская колонія на другой день провожали гробъ Елены Валентиновны Дарзансъ изъ русской церкви на поѣздъ желѣзной дороги.

Всѣ сожалѣли о бѣдной молоденькой дѣвущкѣ, такъ быстро унесенной злымъ недугомъ; объ удрученномъ горемъ отцѣ ея, «се venerable et richissime boyard russe» котораго другъ другу указывали кумушки въ толпѣ, наравнѣ съ бѣлокуримъ коношей, — «се pauvre garçon, le fiancé de la petite, — veuf avant son mariage!..» Рауль Дюрель не рисовался, напротивъ, пряталъ горе свое и самъ прятался, какъ могъ отъ любопытныхъ взоровъ; но его розыскивали, имъ восторгались чувствительныя дѣвицы и дамы, всѣ ему симпатизировали и много было толковъ въ Ниццѣ о романѣ красиваго парижанина-скульптора и хорошенькой русской дѣвущки, умершей будтебы оттого, что пыталась утопиться вслѣдствіе первоначальнаго несогласія отца на ея бракъ съ возлюбленнымъ.

Объ этомъ романѣ много толковали, но еще больше раз-

говоровъ было о драмѣ графини Рейзенштернъ, «de la belle comtesse russe». Убійство мужа ея и трагическая судьба преступника, причины преступленія и сумасшествія Бреммера цѣлый мѣсяць коментировались газетами и занимали общества многихъ столицъ и городовъ, гдѣ знали Рейзенштерна, барона мыловара, а тѣмъ болѣе «великолѣпную графиню». А тутъ она сама, своей особой, во всемъ блескѣ своей необычайной красоты и во всемъ величии траурныхъ одеждъ, показывалась на людяхъ, торжественно шествуя, рядомъ съ отцемъ усопшей дѣвушки, за ея катафалкомъ... Было на что поглядѣть и о чемъ долго потомъ разговаривать жителямъ Ниццы!..

И много они разговаривали объ этихъ двухъ, во единъ слившихся драмахъ,—и долге не забывали похоронной процессіи Леоноры Дарзансъ.

Валентинъ Львовичъ уѣхалъ въ деревню вмѣстѣ съ племянницей и, похоронивъ дочь, не хотѣлъ выѣзжать оттуда.

Прожить сѣрую, холодную осень и начало зимы въ деревнѣ, въ обществѣ больного старика и каркающихъ воронъ,—никому не весело! Но прежить такъ молодой красавицѣ, избалованной свѣтомъ, удовольствіями, роскошью, поклоненіями; прожить въ глубокомъ траурѣ, не чувствуя истинной печали, а лишь постоянное раздраженіе, злобу, и скуку—вдвое труднѣй!.. Когда же ко всему тому является необходимость вѣчнаго притворства, вѣчнаго насилія надъ отвращеніемъ, внушаемымъ своимъ единственнымъ товарищемъ по изгнанью; когда этотъ товарищъ назойливый, любимый, отживающій старикъ, да ко всему еще удрученный дѣйствительнымъ, тяжелымъ горемъ,—такая жизнь уже является истязаніемъ! Чѣмъ-то вродѣ нравственной и физической пытки, которую вынести мало у кого хватитъ силъ!..

Графиня Людмила Юрьевна ее вынесла.

Она несла ее со злобой и отчаяніемъ въ душѣ, но съ кротостью въ улыbkѣ и во взорѣ, ровно два мѣсяца,—именно столько времени, сколько понадобилось ей для достиженія своей цѣли,—упрочить все достояніе Валентина Львовича Дарзанса за собою.

Она сдѣлала это очень искусно,—какъ и все, за что бралась. Пользуясь нѣжностью къ ней дяди, боязнью его, что она его оставитъ и отчасти его безпамятствомъ, слѣдствіемъ легкихъ приступовъ паралича, она сумѣла исподволь заставить его подписать нѣсколько векселей на свое имя и кромѣ того передѣлать завѣщаніе, въ которомъ прежде значились другіе родственники его. Она рассчитывала, что векселя по-

могут ей въ случаѣ, если бы эти родственники затѣяли съ ней процессъ. Да и кромѣ того,—кто знаетъ! Параличъ и старость, все это хорошо; но и въ старости, и разбитые параличемъ люди живутъ иной разъ, очень долго!.. Она не можетъ же вѣчно быть при немъ; а разъ она уѣдетъ, кто поручится, что больной, скучающій старикъ не приблизитъ къ себѣ кого-нибудь изъ многочисленнаго родства, а тотъ не заставитъ его вновь передѣлать завѣщанія?.. Даже, по просту, пользуясь его немощью станеть обирать его, раззорять имѣнiе, тратить капиталы. Вотъ тогда и пригодятся векселя! Чтобы воспользоваться ими не надо ждать смерти дяди; она всегда имѣеть право подать ихъ ко взысканiю.

Все такъ предусмотрительно устройвъ, Людмила Юрьевна наконецъ отозвалась рѣшительно на постоянныя просьбы и приглашенья изъ Альтенгейма. Въ послѣднемъ письмѣ Эмма писала ей, что принцъ уѣзжаетъ на всю зиму въ Берлинъ. Что ей все нездоровится и крѣпко скучно по ней... Она кончала письмо вопросомъ: неужели «кузина Лида» не пожалѣеть ее, не пріѣдетъ къ нимъ хоть на рождественскіе праздники?..

Графиня подумала и отвѣчала, что выѣдетъ черезъ недѣлю. Было начало декабря по старому стилю; она рассчитала свой отѣздъ такъ, чтобы пріѣхать къ десятому. дня за два-три до Рождества за границей и объявила дядѣ, что должна оставить его на время, по случаю болѣзни ея друга, принцессы Альтенгеймъ, которая умоляетъ ее пріѣхать. О томъ, что она не предполагала больше вернуться, графиня, понятно, умолчала. Она напротивъ утѣшала старика скорымъ возвращеніемъ, и въ видѣ игрушки, подала ему мысль ѣхать въ Петербургъ, заняться отдѣлкой дома къ ея возвращенію.

— Надоѣли мнѣ чужіе края!.. Если бы не бѣдняжка Эмма, которую мужъ безсовѣстно бросаетъ на всю зиму одну въ замкѣ ихъ, въ этой лѣсной трущобѣ, гдѣ волковъ больше, чѣмъ людей,—я бы ни за что не поѣхала. Но герцогъ Зоннербергенскій все еще гоняется за наслѣдіемъ по крупнѣе его владѣнiй и долженъ жить то въ Берлинѣ, то у эрцъ-герцога, своего умирающаго родственника... терпѣть не могу такихъ грубыхъ, честолюбивыхъ эгоистовъ!

Однако безкорыстіе и состраданіе графини къ чуждымъ ему печалямъ мало утѣшало Валентина Львовича... Охотно бы сопутствовалъ онъ ей, куда бы она ни поѣхала; но она остереглась малѣйшаго намека на то, что и его неоднократно приглашали въ Альтенгеймъ. Пришлось волей-неволей довольствоваться переѣздомъ въ столицу. Первое острое горе по дочери улеглось. Здоровье, сильно разстроившееся было, тоже

немного возстановилось, а суетныя привычки всей жизни брали свое. Валентинъ Львовичъ съ удовольствіемъ помышлялъ о своемъ клубѣ, объ оперѣ и балетѣ. Самая разлука съ Людмилой Юрьевной представлялась менѣе ужасной въ кругу знакомыхъ людей и развлеченій, чѣмъ въ деревенской глуши.

Они выѣхали одновременно и простились нѣжно. Онъ повторялъ двадцать разъ то, что поистинѣ думалъ:

— Стоскуюсь я безъ тебя, ангелъ мой!—Бога ради, не оставайся ты у этихъ нѣмцевъ болѣе мѣсяца!

Она горячо отзывалась:

— Постараюсь и раньше вернуться, милый, дорогой дядюшка!.. Повѣрьте, что и меня ждетъ не меньшая тоска, да жаль бѣдняжку Эмму!.. Берегите себя и ждите меня въ началѣ января.

Они разстались, и съ первымъ стукомъ уносившаго ее поѣзда, Людмила легче вздохнула.

— Слава Богу!—Вотъ надоѣлъ отвратительный старикъ!.. Надѣюсь, что ужъ никогда не придется его больше увидѣть. Пожилъ!.. Пора бы и честь знать.

И тутъ же перешла на дѣловыя размышленія о томъ, что надо будетъ пробыть дня два въ Берлинѣ, кое съ кѣмъ поглядаться, собрать кое-какія свѣдѣнія, прежде чѣмъ скоренить себя временно въ Альтенгеймѣ.

IX.

становившись въ заготовленномъ заранѣ курьеромъ помѣщеніи лучшаго отеля на углу Фридрихъ-Штрассе, Людмила Юрьевна призадумалась. Остаться-ли ей здѣсь инкогнито, т.-е. не побывавъ ни у кого и никому не давъ знать о своемъ пребываніи, или навѣстить многочисленныхъ свойственниковъ и знакомыхъ покойнаго мужа, которымъ она была представлена?.. Въ виду ея траура визиты были бы неприличны! Самое большее, что слѣдовало ей сдѣлать—это извѣстить двухъ трехъ кузинъ покойнаго и побывать у одной или двухъ тетюшекъ.. Но отъ этихъ «ископаемыхъ мумій Швабскаго стиля» развѣ что нибудь узнаешь?.. Ей бы надо было живаго человѣка, бывающаго въ высшихъ общественныхъ

сферахъ, по возможности своего при дворѣ, чтобы допытаться с ути, не всѣмъ извѣстной...

Вотъ, еслибъ кто либо изъ ея «высокопоставленныхъ» поклонниковъ провѣдалъ о временномъ пребываніи ея въ окаменѣдой столицѣ Гогенцолерновъ. Кто либо въ родѣ блестящаго, какъ солнце на закатѣ, стараго князя Ардимилъ! Или еще лучше, принцъ Генрихъ Гейсъ! Этотъ разочарованный красавецъ, крѣпко за ней ухаживавшій въ Висбаденѣ, тому два года...

Да! Такого рода аристократы чистой крови, какъ эти двое, — свои люди не только при Берлинскомъ, но и при всѣхъ европейскихъ дворахъ, были бы ей теперь весьма полезны... Какъ бы только съ ними встрѣтиться?.. Вѣда графини Рейзенштернъ была въ томъ, что строгое соблюденіе траурнаго этикета мѣшало ей бывать въ обществѣ; да къ тому же у нея были особыя причины не желать, чтобы именно теперь на ея особу и ея движенія обращали особое вниманіе... Временное ступеніе входило въ ея расчеты.

Она напрасно придумывала способъ устроить такъ, чтобы и овцы были цѣлы и волки сыты, и ужъ рѣшила было побывать у допотопныхъ тетушекъ мужа, чтобы имѣть право навѣстить одну недопотопную, а очень милую, свѣтскую красавицу, дальнюю родственницу и покойнаго графа и Эммы Альтенгеймъ, хорошо принятую при дворѣ императрицы Августы. Она могла ей сказать, что ѣдетъ навѣстить въ одиночествѣ принцессу Эмму, а разъ заговоривъ о нихъ, вывѣдать все, что нужно было бы ей знать — не будетъ трудно...

Придворная «общая родственница» была словоохотлива, злоязычна слегка и ужъ, разумѣется, узнала всю подноготную о томъ дѣлѣ, которое ее интересовало и о многихъ другихъ... Но вдругъ ей пришла на мысль извѣстная прозорливость графини Огиола...

Въ связи съ будущими событіями, — событіями, которыя быть можетъ случатся и выдвинуть ее больше чѣмъ когда либо на видъ всему свѣту, — не будетъ ли рискованъ и даже опасенъ такой шагъ? Она достаточно близка съ графиней Огиола, чтобы несмотря на вдовій вуаль навѣстить ее проѣздомъ, не возбуждать ея любопытство и сметку — опасно!

Какъ-же быть? На бѣду въ столицѣ Пруссіи у Людмилы Юрьевны не было другихъ близкихъ знакомыхъ.

Но случай былъ искони ея лучшимъ союзникомъ!

Она сидѣла въ глубокомъ раздумьи на другое утро водворенія въ виду сомнительной тѣни липъ *Unter den Linden's* въ гостинной своего appartement, не рѣшивъ еще — выѣхать ли ей

самой или извѣстить когонибудь о своемъ прибытіи, когда ей подали визитную карточку. Она прочла и чуть не вскрикнула отъ удовольствія:

— Просите!

Даже встала и пошла на встрѣчу входившему, съ самой лучшей изъ своихъ улыбокъ, Долголецкому.

— Евгений Андреечъ! Голубчикъ!.. Вотъ не ждала васъ встрѣтить здѣсь!.. какими судьбами?

И она протянула руку, которую Долголецкій, окинувъ ее вопросительно-одобрительнымъ взглядомъ, не усумнился поднести къ губамъ.

Дипломатъ поцѣловалъ эту прекрасную ручку съ подобавшимъ чувствомъ, несмотря на шевельнувшуюся въ немъ мысль, а можетъ статья именно вслѣдствіе своего помышленія:

«О, анемона! Ты еще блестяще стала!.. Къ кому теперь протягиваешь ищупальцы? Къ какой новой добычѣ стремишься?»

— Сейчасъ прочелъ ваше имя въ спискѣ посѣтителей. Какими вы судьбами попали въ эту юдоль торжественной скуки и казарменной выправки, графиня? Развѣ для усугубленія вдовяго траура и для поминокъ въ кругу родственниковъ покойнаго графа Фердинанда?

— О, нѣтъ! я проѣздомъ... отдохну день—другой и далѣе, куда глаза глядятъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Безъ опредѣленныхъ цѣлей?

— Сособенно опредѣленнаго ничего пока нѣтъ въ моихъ планахъ... Вездѣ тоска!

— Ну, что-жъ? Вы теперь вольная пташка!.. Прискучила Европа,—попробуйте развлеченій въ болѣе первобытныхъ странахъ, недожившихъ до—или пережившихъ свою цивилизацію... Не хотите-ли меня попутчикомъ? Буду въ кругосвѣтное на дняхъ.

— Право? Добились исполненія своего давнишняго желанія!.. И что-же: туристомъ? Или съ макиавелевскимъ порученіемъ къ владѣтелямъ Камбоджа или Огненной земли?

— О! Понятно на правительственное иждивеніе!.. Куда-же намъ, мелкой сошкѣ, путешествовать для пользы ума и сердца? Это хорошо вамъ, избранникамъ и баловнямъ судьбы...

«Сказать или не сказать, что буду въ Альтенгеймъ? размышляла графиня.—Ему лучше сказать!.. Въ случаѣ чего онъ не увидитъ прямого умысла въ моемъ молчаніи...»

«Скушала бѣднягу-графа? Сгубила бѣдняжку Леонору, красавица—хищница? Сыта-ли? Ой, нѣтъ!.. Такія какъ ты ненавытны! думалось, въ скобкахъ между болтовней, Долголецкому. Благо поле тебѣ открылось еще шире. Ты будешь до тѣхъ

поръ тннуться и рости, пока не встрѣтишь сильнѣе себя или не утратишь всѣхъ силъ и сама себя не подлочишь!»

— Много печалей и утратъ пережили вы, Людмила Юрьевна, со дня разлуки нашей въ Парижѣ? продолжалъ онъ громко искажать свои тайные помыслы. — Я съ ужасомъ прочелъ объ этомъ страшномъ преишествіи въ Альтенгеймѣ!.. И потомъ смерть Елены Валентиновны!.. Старикъ долженъ быть сраженъ!

— Да. Бѣдный дядя Дарзансъ сильно подался...

— То есть?

— Одряхѣлъ. Онъ теперь смотритъ на двадцать лѣтъ старше... Вѣдь у него параличное состояніе.

— Да? Бѣдняга!

«Такъ и съ нимъ твое дѣло въ шляпѣ? чуть не вырвалась мысль Долголецкаго словами.

— Гдѣ-же теперь Валентинъ Львовичъ?

Графиня рассказала и прибавила:

— Теперь я ѣду къ этой бѣдной Эммѣ Альтенгеймъ...

— Въ Зоннербергенъ? воскликнулъ Долголецкій. — Но вѣдь принца тамъ нѣтъ!

— Я знаю, — спокойно возразила Людмила. — Да и Богъ съ нимъ!.. Я ѣду по неотступнымъ просьбамъ его жены. Тоска мнѣ будетъ смертельная въ этомъ замкѣ, похожемъ на саркофагъ! Съ этой несчастной, больной, вѣчно плачущей принцессой и ея золотушными дѣтьми, но что-же дѣлать? пока я въ траурѣ все равно мнѣ недоступны никакія развлечения, — а между тѣмъ она зоветъ и молить! А я не могу не сознавать себя косвенно виновной въ осенней передрыгѣ у нея въ домѣ!.. Она больше оттого и болѣетъ теперь, что перепугалась смерти графа и огорчилась смертью дочери. Ребенка сама она кормила и вѣроятно испугъ и тревога матери его убила!.. Все это крайне тяжело! И, понимаете, — налагаетъ на меня нѣкоторое обязательство въ отношеніи этой семьи?

Она умолкла, не глядя на него, машинально наvertingъ конецъ своей черной креповой вуали на налечь съ блиставшимъ обручальнымъ кольцомъ, въ то время, какъ мысль давала ей безпокойный вопросъ:

«Повѣрять или не повѣрять, что ѣду спроста?.. Нѣтъ! Не повѣрять!.. А все же и не пойметъ всего!»

— Я понимаю! — словно проникнувъ мысль Людмилы отвѣчалъ на послѣдній вопросъ ея собесѣдникъ и мысленно докончилъ:

«Понимаю, но еще не совсѣмъ... Даромъ ты къ этой нѣмочкѣ не побѣдешь. Его — тамъ нѣтъ!.. Такъ въ чемъ же дѣло?.. Неужели?!»

И дипломатъ самъ внутренно ужаснулся представившагося ему предположенія и посмотрѣлъ украдкой долгимъ, проникающимъ взглядомъ на эту величавую, красивую, спокойную женщину, въ задумчивой позѣ склонившую голову надъ траурной вуалью.

Онъ пересилилъ себя, чтобъ снова начать, повидимому, беззаботную рѣчь.

— Безъ сомнѣнія, такая драма не могла не отразиться на здоровьѣ нервной женщины; но я не понимаю, какъ можете вы налагать на себя обязанность провести тамъ-же, въ Альтенгеймѣ, почти въ полномъ одиночествѣ, да еще среди трескучей зимы, нѣсколько времени опять?.. Это, по моему, эпитемя!

— Да, можетъ быть вы правы.. Чтожь? Съ вами, Долголецкій, вы знаете, я не лицемерю: мужа я не любила и смерть его для меня не представляла бы несчастья, еслибъ не ея глубокой трагизмъ!.. Свершившись такъ, какъ она свершилась, — она поразила меня!.. Не онъ одинъ, — тотъ несчастный старикъ, Бреммеръ, безумецъ!.. И вся семья его, говорятъ... я ихъ не знаю, но... хотя виновной въ его сумасшествіи я признать себя не могу, однако ихъ несчастье меня удручаетъ.. Быть опять въ Альтенгеймѣ, при другихъ обстоятельствахъ, я ни за что бы не рѣшилась! Но отказать Эмиѣ я не могу!.. Я не считаю себя вправѣ... Потерплю!.. Пусть это будетъ мнѣ дѣйствительно эпитеміей, какъ вы говорите.

— Это героизмъ! — безъ малѣйшей ироніи рѣшилъ думать. — Героизмъ тѣмъ болѣе, что свѣтъ, какъ намъ съ вами извѣстно, — золь! А вы, — такая женщина, какъ вы, хочу я сказать, — не можете не возбуждать злоязычія..

— Я это знаю!.. Но что можетъ найти самое злорадное злоязычье въ томъ, что я побываю у больной, одинокой женщины, родственницы покойнаго мужа?

Долголецкій посмотрѣлъ на нее такъ, какъ будто удивился невольной мысли, что она «не такъ сильна», какъ онъ воображалъ.

— Pardon! Вы не такъ меня поняли! — съ оттѣнкомъ ироніи въ голосѣ остановилъ онъ ее: — я говорилъ не о будущихъ предположеніяхъ и клеветахъ вашихъ завистниковъ, а о прошедшихъ и настоящихъ... Еще недавно былъ я въ обществѣ, — въ очень высокомъ обществѣ, куда попалъ рикошетомъ, благодаря своему пребыванію въ посольствѣ. Тамъ судили и ржали о васъ и обо всемъ этомъ печальномъ происшествіи въ Альтенгеймѣ ..

— Какъ?.. До сихъ перъ!.. Три мѣсяца!

— Бываютъ вещи, которыя не сходятъ съ общественнаго оселка и по годамъ!.. Вы забываете, что Берлинъ не Парижъ, гдѣ всякій день новый вопросъ и новая эмоція... Здѣсь гореть застой. Къ тому же громкая ликвидація дѣлъ фирмы Бреммеръ и К^о, почти банкротство этого стараго дома, возобновило шумъ...

— Банкротство?.. Можетъ ли быть!

— Вѣроятно можетъ, если случилось. Я не говорю, что дѣтъ Бреммера—нищія! Но со смертью его неожиданно оказались необъяснимыя затраты: дефицитъ чуть не въ миллионъ марокъ, который компаніоны не желали принимать на себя... Компанія потребовала дѣлежа; со стороны Бреммера не нашлось охотниковъ продолжать отцовское дѣло, — а ликвидируя дѣла, разумѣется, они должны были взять на себя долги покойнаго барона. Понятно, что все это надѣлало большаго шума на биржѣ; въ прессѣ подняли старые толки и вотъ вашъ бѣдный супругъ, его несчастный убійца, а рикошетомъ и вы сами, снова составляете *high attraction* салонныхъ разговоровъ.

— Благодарю за сообщеніе!.. Я думала было побывать кое у кого, но теперь завтра же уѣду.

— Нѣтъ, почему-же? У васъ были и заступники. И даже, представьте: заступницы!.. Бывшая красавица, — впрочемъ еще не всѣ считаютъ въ отставку! — графиня Огіола слегка оправдывала васъ тѣмъ, что женщина не виновата въ томъ, что природа ее сотворяетъ красавицей... А добродушная, милѣйшая эта крикунья, — слонopodobная герцогиня де Saban, — та стояла за васъ горой, въ гораздо менѣе отрицательномъ смыслѣ... Она и мужъ ея герцогъ Сабанскій, этотъ утонченный *grand seigneur* двора Великаго Людовика, ломали за васъ копыя...

— Весьма имъ благодарна!.. Да пошлетъ Господь-Богъ за это имъ хорошій урожай въ Силезіи! насмѣшливо проговорила Людмила Юрьевна. — Только скажите, за что-же и въ чемъ состояли нападки моихъ обвинителей?

— *Point d'enfantillages, chère comtesse!* Не me faites pas mettre les points sur les il сказалъ смѣясь Долголецкій. Кому же лучше васъ извѣстны мотивы сумасшествія бѣднаго барона — мыловара и печальной смерти отъ руки его вашего достойнаго супруга?

— Ah! mais... Чтожъ изъ этого слѣдуетъ?.. Могу ли я быть отвѣтственной въ внезапномъ бѣшенствѣ склоннаго къ водо-боязни лица? разсердилась графиня Рейзенштернъ. — Нѣтъ. въ самомъ дѣлѣ, Евгенийъ Андреевичъ! Надо-же и въ клеветѣ быть разумнымъ. Нельзя же думать, чтобы я поощряла чув-

ства стараго торговца мыломъ, еслибы даже онъ имѣлъ безразсудство полюбить меня!.. Enfin! Ne saurait on pas m'accorder la possibilite' de trouver mieux?

— Oh, madame! пожалъ плечами дипломатъ.— Кто можетъ усумниться въ могуществовѣ вашей красоты и вашихъ средствъ? Мы имѣли въ нихъ доказательства... Но потому-то и говорю я, что свѣтъ золь!.. Золь, и глупъ, и продаженъ! Онъ не умѣетъ отличать людей и часто предполагаетъ корысть и ей подобныя низкія страсти тамъ, гдѣ ихъ быть не можетъ. Баронъ Бремеръ былъ миллионеръ... Этого достаточно для комментарій и нареканій. А тутъ еще это осложненіе: эти исчезающія сотни тысячъ, непоказанныя ни въ какихъ расходныхъ книгахъ... Не могу отъ васъ скрыть, что это обстоятельство для васъ осложнитъ дѣла... Хотя опять повторяю: большинство знающихъ васъ опровергаютъ эти клеветы.

И не глядя на графиню, Долголецкій зорко слѣдилъ за выраженіемъ гнѣвнаго нетерпѣнія, которое она не могла вполне побороть. Волненіе осиливало ее... Она не ожидала такихъ извѣстій.

— Родственники мужа вашего, знавшіе его средства, а тѣмъ болѣе я и всѣ знающіе, что вы наслѣдница громаднаго состоянія Дарзанса—продолжалъ очень спокойно дипломатъ,— можемъ только дивиться злоязычью и презирать клеветниковъ...

— Почему-же вы думаете, что я наслѣдница дяди Дарзанса? прервала Людмила Юрьевна, нервно передернувшись и закусивъ губы, чтобъ сдержать гнѣвный порывъ.— Я этого не знаю!.. У него много родственниковъ кромѣ меня.

— Зная его отцовскія къ вамъ отношенія и глубокую привязанность, трудно предположить, чтобъ это было иначе! скромно возразилъ Долголецкій.

Людмила Юрьевна возраженія не нашла. Она себя не узнавала!.. Она стыдилась и проклинала внутренно свою школьническую ненаходчивость и глупую растерянность, подобной которой давно не испытывала. Долголецкій вообще на нее дурно дѣйствовалъ... Едва ли онъ былъ не единственный человѣкъ, заставлявшій ее смотрѣть на себя съ низу вверхъ и косвенно чувствовать свое превосходство. Его пронизательность, спокойная и увѣренная, ее искони смущала; но въ этотъ разъ непріятныя новости, принесенныя имъ и, не безъ намѣренія, нѣсколько преувеличенныя, были до того неожиданны и до того шли въ разрѣзъ съ ея планами, что она была взята врасплохъ. Въ Россію до нея недоходили слухи объ этомъ несвоевременномъ погромѣ фирмы Бремера и К^о. Она вполне надѣялась, что толки о печальномъ событіи въ

Альтенгеймъ улеглись и затихли и что ей удастся обратить враждебныя отношенія къ ней, по этому кровавому дѣлу, нѣкоторыхъ вліятельныхъ сторонниковъ и родныхъ мужа, въ сожалѣніе и симпатію къ ея искренней вдовой скорби. Не впервые было ей справляться съ недоброжелателями и обращать ихъ въ заступниковъ!.. Но это глупое Бреммеровское раззореніе портило все дѣло! Пропавшія безслѣдно суммы объясняли престижъ, который могъ замѣнить барону привлекательность молодости и красоты и клали на нее тѣнь подозрѣнія такого пошлаго и грубаго, въ которомъ противно оправдываться, да и трудно, — потому именно, что никто не рѣшится ей говорить о немъ...

Положеніе было крайне неловкое! По собственному опредѣленію графини: «постыдное и отвратительное».

«И того не сумѣлъ сдѣлать, глупецъ! Неучъ! Не отѣсанный, не деликатный дуракъ! мысленно аттестовала она бѣднаго, погибшаго безумца и вспыхнула еще гнѣвнѣй, когда Долголецкій, будто комментируя вслухъ ея мысли, добродушно произнесъ:

— Qui se couche avec des chiens—se lève avec des puces. On s'encanaille facilement avec les parisiens d'aujourd'hui!... Вы простите мою грубую откровенность. Вамъ слѣдовало быть разборчивѣе въ составленіи связей и знакомствъ въ нынѣшнемъ демократическомъ обществѣ Парижа, гдѣ кишатъ мѣщане и chevaliers d'industrie, — ловкачи въ родѣ Шампальяка... Этотъ малый не мало вредитъ вамъ намѣренными и не намѣренными клеветами, ради остраго словца.

— Кто же не знаетъ, что такое виконтъ Шампальякъ. Кто можетъ вѣрить ему? Я совершенно равнодушна къ его мнѣнію и рѣчамъ.

— Однако всѣмъ извѣстно, что онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ посѣтителей вашихъ въ Парижѣ... Многіе говорятъ: другомъ дома!

— О! Много чести!—презрительно усмѣхнулась графиня. Она была занята мыслью, которую усиленно переворачивала въ умѣ на всѣ лады, не зная, какъ бы навести Долголецкаго на интересовавшій ее вопросъ. И наконецъ благо-разумно заключила, что его не наведешь и не заставишь говорить о томъ, что нужно, безъ прямого вопроса... Съ нимъ, чѣмъ прямѣе, тѣмъ безопаснѣе! Къ тому же такой вопросъ вполне естественъ и она имѣетъ на него полное право.

— Вотъ въ чемъ дѣло, голубчикъ, Евгений Анатольевичъ: я совѣмъ не хочу попасть не впадать туда, куда ѣду... Эмма, можетъ быть руководствуясь личными чувствами пріязни,

вовѣтъ меня къ себѣ безъ вѣдома своего полупорфироснаго супруга... Не случилось-ли вамъ слышать, какъ принцъ Альтенгеймъ относится къ этимъ толкамъ?.. На его глазахъ произошла вся исторія... Онъ лучше другихъ можетъ судить о томъ, на сколько въ ней моей вины!

Неподражаемо характеренъ былъ взглядъ, которымъ окинул Долголецкій Людмилу Юрьевну, прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ прямой вопросъ.

— О, Боже! Можете-ли вы сомнѣваться въ его глубокомъ негодованіи?.. Онъ возмущенъ!.. Нѣтъ, въ гостеприимномъ радушіи замка Альтенгейма вы не можете имѣть никакихъ сомнѣній... Надо опасаться, напротивъ, чтобы вашъ пріѣздъ не повліялъ на удачу макиавелевскихъ замысловъ здѣшняго воротилы.

— Въ какомъ отношеніи?

— Въ томъ, чтобы принцъ, узнавъ о вашемъ пріѣздѣ въ свои упраздняемыя владѣнія, не позабылъ его политики и своихъ интересовъ и не полетѣлъ въ заплесневѣлый замокъ своихъ предковъ...

— О! Бога ради!.. Нѣтъ опасности. Этотъ медвѣдь такъ же мало мнѣ симпатизируетъ, какъ и я ему...

— Ну! Вотъ это ужъ неловко!—чуть не сорвалось съ языка Евгенія Андреича.

Въ ту же секунду и она подумала тоже:

— Зачѣмъ я это сказала?!.. Это глупо, и пошло, и безцѣльно!.. Его ли провести такими показаніями младенческой хитрости?.. Нѣтъ! Я положительно поглупѣла!

Едва-ли не тоже самое дерзнулъ помыслить и дипломатъ и въ глубинѣ души его шевельнулось чувство близкое къ сожалѣнію... Ея оплошность была ему обидна!.. Онъ, какъ артистъ, привыкъ любоваться ея тонкой игрою, ея безошибочнымъ тактомъ и вдругъ она сегодня оказывается слаба... Дѣлаетъ промахъ на промахъ!..

Вчужѣ обидно за искусство!

— Вы говорили, кажется, принцъ Эдгаръ здѣсь?—спросила она, осиливъ смущеніе и досаду.

— Да... Нѣтъ! Въ настоящее время онъ въ Дрейлинденѣ, въ гостяхъ у принца Фридриха-Карла... Этотъ храбрый вѣтязь, вы знаете, лихой собутыльникъ и любитъ собирать въ своемъ замкѣ добрыхъ товарищей. Альтенгейма онъ чрезвычайно любитъ...

— Какъ собутыльника и знатока въ винѣ?—презрительно замѣтила графиня, на зло самой себѣ, продолжая идти по фальшивой дорогѣ хитростей, сшитыхъ бѣлыми нитками.

— Въ видѣ, въ женщинахъ, статья можетъ! И вѣроятно во многихъ хорошихъ вещахъ...

— Вотъ ужъ это поклепъ!—неожиданно разсердилась раздраженная собственной неловкостью графиня.—Вы прекрасно знаете, что Альтенгеймъ въ Донъ Жуаны негодится и никогда не мѣтилъ. Точно также, какъ и добродушный принцъ Фридрихъ-Карль прусскій... Даже женитьбы обоихъ это доказываютъ.

— Женитьбы такихъ лицъ ровно ничего не значать!... Развѣ они женятся по любви или личному выбору?..

— Принцы крови,—согласна! Но вы черезъ Чуръ возвеличиваете Альтенгейма... Такихъ, какъ онъ—легіоны! Въ ихъ выборѣ политическія соображенія мѣста не имѣютъ!..

— Не скажите!... Вы сами его сейчасъ назвали порфирноснымъ...

— Въ половину!—поправила графиня.

— Накинувъ на одно плечо королевскіе горностаи, не трудно ужъ натянуть ихъ и на другое... Альтенгейму нынѣ представительная супруга, пожалуй, была бы болѣе кстати, чѣмъ ближайшимъ родственникамъ германскаго императора.

— Будто его возвышеніе такъ вѣрно?—равнодушно промолвила Людмила.

— Будто вамъ это не извѣстно?—такъ же равнодушно возразилъ Долголецкій

— Нѣтъ... Я думала, что все это еще проекты... Жаль бѣдной Эммы Альтенгеймъ. Она ужасно боится своего будущаго величія.

— Было выходить замужъ за какого-нибудь курляндскаго барона безъ баронства или эстляндскаго помѣщика безъ помѣстья,—а не за лицо, значущееся въ Готскомъ календарѣ, въ отдѣлѣ второклассныхъ владѣтелей... Умные мальчики, какъ извѣстно, всегда успѣшно переходятъ изъ вторыхъ классовъ—въ высшіе!—понутилъ Долголецкій.

И въ подтвержденіе своихъ показаній подробно изложилъ все, что слышалъ по этому вопросу въ посольствѣ и въ высшемъ обществѣ.

На слѣдующій день, прощаясь съ уѣзжавшей графиней Рейзенштернъ на долго,—«вѣроятно на нѣсколько лѣтъ, если не на всегда»,—Долголецкій пожелалъ ей добраго успѣха въ будущихъ ея преуспѣяніяхъ...

— Какія преуспѣянія?.. Помилуйте!.. Я свое взяла у жизни! Теперь бы только меня добрые люди оставили въ покоѣ... Je n'ai plus de cordes á mon arc! съ презрительной усмѣшкой отвѣчала Людмила Юрьевна.

— Вы?! ахнул Долголецкій.— Хотите пари держать, что я, съ той стороны земнаго шара, буду сообщать вамъ то, что, въ полміромъ вмѣстѣ, прочту о васъ въ газетахъ?

— A Dieu ne plaise! пожалала она плечами.— Разъ попала на столбцы прессы рикошетомъ, да и то она мнѣ такъ пообмѣяла крылья, что врядъ ли смогу я залетѣть достаточно высоко чтобъ обратить снова чье либо вниманіе.

— Посмотримъ!.. Я убѣжденъ, что въ глубинахъ ли океана— царственной анемоной, въ высотахъ ли небесныхъ— безстрастной кометой, вамъ суждено блистать и привлекать всеобщее вниманіе!.. Одно позволю себѣ вамъ посовѣтовать на прощаніе: выбирайте осмотрительно орудія и, по достиженіи цѣли, не презирайте ихъ безъ разбора... Пожалѣйте инья,— чтобъ они или сторонники ихъ, обратившись, не поднялись на васъ самихъ и не одолѣли раньше срока!

X.

Канунъ Рождества отпраздновали въ Альтенгеймѣ торжественно. Несмотря на отсутствіе хозяина, принцесса Эмма соблюла искони заведенный обычай собирать на этотъ вечеръ въ замокъ всѣхъ арендаторовъ, фермеровъ и прочихъ, прямо зависѣвшихъ отъ него обывателей Зоннербергенской долины, съ ихъ женами и дѣтьми и щедро одарила всѣхъ.

Громадная елка была зажжена внизу, въ большой пріемной залѣ, на потѣху своимъ и чужимъ дѣтямъ, нашедшимъ подъ блестящимъ «деревомъ младенца Христа» каждый свою игрушку и свертокъ лакомствъ. Не были забыты ни малые, ни молодые, ни старые люди, ни бѣдняки всего прихода, заранѣе надѣленные теплымъ платьемъ и добрымъ ужиномъ въ этотъ святой вечеръ. Студеный вѣтеръ, облетая въ ту Рождествен-

скую ночь горы и долины, сметая, на лету, искры вняе и снѣжной пыли съ мохватыхъ елей и съ тихой пѣсней зашѣпляя ими блиставшія окошки хижинъ, видалъ въ нихъ много простодушнаго веселья и слышалъ много похвалъ и благодарностей герцогу и герцогинѣ Зоннербергенскимъ... Такъ, по крайней мѣрѣ, достовѣрно утверждалъ старый Германъ Гейзе, когда пришелъ онъ на утро пожелать добраго дня и веселаго правдника въ дѣтскую замка, разумѣется вмѣстѣ съ Цауберромъ, всѣхъ горделиво озиравшимъ съ плеча своего хозяина.

— Почему ты знаешь, что видѣлъ и слышалъ вѣтеръ? дивился маленькій Эдгаръ. — Развѣ онъ тебѣ рассказывалъ?

— Рассказывалъ. Конечно рассказывалъ! подтвердилъ старикъ. — Онъ ужасный болтунъ и пѣвунъ!.. Онъ всѣмъ рассказываетъ все, что видитъ и слышитъ, гуляя по вольному свѣту...

— Отчего-же я не слышалъ?.. Онъ мнѣ никогда ничего не рассказываетъ! пожаловался мальчикъ.

— Ну! Какъ то можетъ статья?.. Развѣ вы никогда не слышали, какія пѣсенки онъ распѣваетъ подъ вашимъ окномъ, когда няня укладываетъ васъ вечеромъ въ постель?..

— Пѣсни?.. Я слышу иногда, что кто-то будто плачетъ и свиститъ, и стучится снѣгомъ или дождикомъ въ стекла... Мама говорила, что это вѣтеръ. Только я не понимаю, что онъ говоритъ!

— Ужъ это не его вина!.. Въ томъ-то и бѣда, что онъ всѣмъ поетъ, — но не всѣ его понимаютъ!.. Надо долго пожить на свѣтѣ, чтобъ понимать, о чемъ вѣтеръ рассказываетъ, что поютъ птицы, о чемъ кукуютъ — горюютъ сѣрыя кукушки, стрекочутъ бѣлобокія сороки-болтушки.

— И ты все это понимаешь, дѣдушка Гейзе?.. Какой ты счастливый!.. Тебя вѣрно воронъ научилъ птичьему языку? — дивился Эдгаръ.

— И воронъ и мои сѣдые волосы... Погоди! Вотъ выростешь, потомъ состарѣешься. Поблѣютъ твои темные локоны — все станешь разумѣть!.. А чего не поймешь, — о томъ догадаешься!

— Но я сейчасъ хочу!.. Я никогда не буду такой, какъ ты, старый и сѣдой.

— Будешь, дитятко!.. Будешь. Все въ свой чередъ придетъ, всему свое время!

Тутъ вошла фрау Денверсъ; дѣтей за горячее молоко съ сухарями усадила, а сама заговорила съ Гейзе на какомъ-то своемъ языкѣ, на которомъ они часто разговаривали между собой. Они смолкали, когда входила мама, но Эдгаръ ничего

не понималъ, — при немъ они могли спокойно разговаривать на родномъ нарѣчїи.

— Къ вамъ опять никакъ гости пожаловали? — спрашивалъ старикъ.

— Да. Гости! — со вздохомъ отвѣчала фрау Денверсъ. — Эта красавица-графиня опять пожаловала. Охъ! Не люблю я ее! Тогда прїѣхала — бѣды съ собой принесла! И теперь боюсь я прїѣзда ея.

— Да... Вы можете быть и правы. Хороша эта русская, но въ глазахъ ея нѣтъ правды!.. Зачѣмъ она возвратилась?.. Что ей нужно отъ нашей бѣлокрылой голубки?

— Сама принцесса звала ее!.. Она ей полюбилась. Бѣдная она! — говорить, все потеряла съ любимымъ мужемъ!.. Не будь у насъ той ужасной охоты, — братецъ Фердинандъ былъ бы живъ.

— Можетъ такъ... Живъ-то былъ бы, но былъ ли бы счастливѣй?.. — задумчиво промолвилъ Германъ Гейзе. — Одному Богу извѣстно! Пути Его неисповѣдимы... Что?.. Ну, чего завозился, забезпокоился, старый? — обратился онъ къ завертѣвшемуся ворону. — Не сидится тебѣ подъ кровомъ?.. Уйти хочешь? Или зачуялъ что, не по себѣ?..

— Птица твоя летѣть хочетъ! Летѣть! — закричалъ Эдгаръ смѣясь. — Держи ее!

— Вольную птицу не удержишь насильно! — отвѣчалъ Гейзе. — Но мой Цаубереръ уменъ, онъ не летаетъ въ жильѣ!.. Надо, чтобъ надъ нимъ было голубое небо, — тогда онъ взлетитъ.

— А можно мнѣ его погладить? — спросилъ мальчикъ.

— Можно, родимый, можно! Онъ не тронетъ... Онъ любить дѣтей!.. Я давно тебѣ говорилъ: осмѣйся! Погладь. Мальчику надо быть смѣлымъ!

Германъ Гейзе посадилъ ворона на столъ, возлѣ ребенка, сказавъ что-то ему по своему и Цаубереръ позволилъ Эдгару гладить свои черно-синія перья, даже сталъ расправлять то одно, то другое крыло, къ великому восторгу дѣтей и словно голубъ жеманно поводилъ головой, блестящими, вѣщими глазами засматривая, то въ смѣющіяся дѣтскія лица, то въ лице своего стараго хозяина. Маленькій Генрихъ боялся тронуть его, вздрагивалъ и пугливо устранился каждый разъ, что Цаубереръ распускалъ могучія крылья, чистя клювомъ ихъ перья; но старшій братъ скоро осмѣлился и оба заливались смѣхомъ каждому движенію птицы.

Гейзе и фрау Денверсъ между тѣмъ продолжали бесѣду о

своихъ дѣлахъ, когда сзади ихъ безшумно отворилась дверь и въ дѣтскую вошла герцогиня.

— Мама! Мама!..—бросился къ ней Эдгаръ.—Посмотри! Я его глажу, играю съ нимъ и ничего не боюсь. Онъ добрый!

— Какъ и его хозяинъ!—улыбаясь, сказала Эмма, горячо отвѣчая на шумныя ласки дѣтей.

— Не говорите ей!—между тѣмъ шепнулъ Гейзе своей собесѣдницѣ.—Не надобно ее тревожить.

Онъ давно почувялъ, что лучше не поминать имени племянника фрау Денверсъ въ разговорахъ съ принцессой Эммой, но та менѣе чуткая, забывала совѣты его и въ желаніи поболтать объ отсутствовавшемъ, не преминула передавать своей госпожѣ все, о чемъ сообщалъ Отто, ей или въ письмахъ къ своему старому пріятелю.

Принцесса поздоровалась съ Германомъ, спросила его, хорошо ли пришлась ему шведская теплая куртка, выписанная ею изъ Стокгольма; сказала Денверсъ, что сегодня можно будетъ, если погода не измѣнится, прокатать дѣтей въ Зонвербергенъ; показать имъ, какъ школьники скользятъ и бѣгаютъ на конькахъ по льду на городскомъ пруду, и ушла при шумныхъ крикахъ радости обоихъ дѣтей.

Сегодня она не могла оставаться долго въ дѣтской, какъ въ другіе дни; у нея были гости, ей надо было успѣть распорядиться многимъ, отвѣтить на нѣсколько писемъ, прежде чѣмъ встанетъ графиня «Лидя» Рейзенштернъ, чтобы въ теченіи дня всецѣло принадлежать ей.

Странное чувство, въ которомъ Эмма сама себя не умѣла дать отчета, влекло ее къ Людмилѣ Юрьевнѣ. Она сама по себѣ ей совсѣмъ не была симпатична. Эмма никакъ не могла опредѣлить ни достоинствъ ея, ни недостатковъ, не могла понять ея характера; часто изумлялась непослѣдовательности ея рѣчей и поступковъ, ея измѣнчивости; порою она чувствовала къ ней жалость, порою даже пугалась чувства страха, овладѣвавшего ею въ присутствіи графини, въ особенности, когда имъ случалось бесѣдовать съ глазу на глазъ и Эмма долго чувствовала на себѣ пристальный взглядъ ея.. Было что-то въ глубинѣ этихъ прекрасныхъ сѣро-стальныхъ глазъ, отличавшихъ то зеленою, то синевою моря, что невольно внушало боязнь Эммѣ Альтенгеймъ!.. Но когда выраженіе ихъ смягчалось, въ особенности, когда они покрывались тѣнью темныхъ, длинныхъ рѣсницъ и чарующій голосъ красавицы кувини тихо напѣвалъ Эммѣ не то, что высказывалъ предательскій взоръ, совсѣмъ не то, чѣмъ было переполнено жесткое, предательское сердце,—тогда чистосердечная, безхитростная мо-

ходя женщина слушала и заслушивалась и готова была упрекать себя въ безуміи, въ несправедливости, въ жестоко-сердціи.

Графиня Рейзенштернъ такъ хорошо говорила, такъ интересно рассказывала!.. Она умѣла понимать всѣ лучшія чувства, всѣ сердечныя движенія Эммы и прекрасно могла разыгрывать во всѣхъ тонахъ, всякаго рода музыку, оставаясь чужда производимому на слушателей впечатлѣнію и втайнѣ потѣшаясь ихъ волненіемъ и легковѣріемъ.

Когда два дня тому назадъ вдовствующая кузина, ея же самой приглашенная, пріѣхала въ замокъ, у хозяйки его безпричинно сжалось и забилось сердце, будто свершилось что либо тревожное. Чувство боязни и безпричиннаго безпокойства овладѣвшее его скоро прошло и замѣнилось чистосердечнымъ удовольствіемъ, когда Людмила, совсѣмъ не сходно съ тѣмъ понятіемъ, которое составила о характерѣ ея и образѣ мысли Эмма, приняла дѣятельное участіе въ заботахъ ея по поводу казуна наступающаго праздника; сама помогала украшать елку и навезла такое множество предестныхъ вещицъ и игрушекъ дѣтямъ изъ Берлина, какого они никогда и не видывали.

Какъ на грѣхъ, захлопотавшійся въ придворной суетѣ герцогъ совсѣмъ забылъ порученія жены и ничего не выслалъ къ елкѣ дѣтямъ... Подарки графини пришли какъ нельзя болѣе кстати; къ тому же она положительно умилила герцогиню упросивъ ее, въ особую себѣ услугу, согласиться на невинную хитрость: выдать половину привезенныхъ ею вещей, лучшія изъ игрушекъ, за подарки принца Эдгара...

— Такъ будетъ пріятнѣй самымъ дѣтямъ, не правдали? Они меня почти совсѣмъ не знаютъ, а отсутствіе подарковъ отъ папа непременно будетъ замѣчено ими, въ особенности Эдгаромъ!.. Мы сдѣлаемъ, такъ и быть, услугу вашему вѣтренному мужу, — поправимъ его забывчивость! И дѣти будутъ рады, и онъ намъ благодаренъ! мило шутила Людмила Юрьевна. и сумѣла не только убѣдить Эмму, но даже успокоить совѣстливость ея тѣмъ, что она ей самой дѣлаетъ двойное удовольствіе, позволивъ порадовать дѣтей и ее, принцессу Эмму, заговоромъ этимъ вывести изъ затрудненія.

Еслибы кто нибудъ сказалъ герцогинѣ Альтенгеймъ, что ея прекрасная кузина отнюдь не раздѣляетъ ея радости, при возгласахъ Эдгара, кричавшаго, «что папа прислалъ ему точно такую лошадку, какую онъ желалъ имѣть» она назвала бы его клеветникомъ. Своимъ «невиннымъ» заговоромъ Людмила Юрьевна обезпечила себѣ довѣріе и пріязнь своей скромной,

хоть громко титулованной, родственницы. Въ прошлое посѣщеніе ея замка Альтенгеймъ, онъ былъ такъ переполненъ гостями; оно окончилось потомъ такой трагической тревогой, что обѣ женщины почти не имѣли случая сблизиться, узнать другъ друга съ глазу на глазъ, въ бесѣдахъ по дунѣ.

Эмма знала лишь-то, что графиня понесла страшное несчастіе, что кузень Фердинандъ любилъ жену, какъ и она, повидимому, его любила и что она всегда бывала, во всѣхъ случаяхъ, ея союзницей противъ гостей и противъ принца, и всегда горой стояла за нее. Теперь было совсѣмъ другое. Какъ только прошла праздничная суета въ замкѣ, тишь и спокойствіе въ немъ водворились полные и молодыя женщины имѣли вдоволь времени предаваться задушевнымъ бесѣдамъ.

Съ одной стороны было полное простодушіе и искренность съ другой высочайшее искусство, исполнѣ замѣнявшее и то и другое. Эмма была покорена превосходствомъ своей русской кузины; околдованая рѣчами, ея пѣніемъ и музыкой, очарована ея безпритязательностью и доброй пріязнью. Людмила тоже была удовлетворена... сознаниемъ, что герцогиня совершенно не удовлетворяетъ требованій своего сана; что она «сна на мѣсть» и что такую... «посредственность—даже принцъ Эдгаръ любить не можетъ!..»

«Если-бъ не дѣти—онъ бы сейчасъ съ нею развелся! рѣшила она: благо есть и предлогъ,—романическая страсть къ какому-то странствующему нищему!»

Да! Людмила Юрьевна скоро провѣдала единственную, сокровенную тайну ранней юности Эммы. Помощью ея она не сомнѣвалась въ возможности поселить раздоръ между супругами; но зная рыцарски-благородный (по ней собственно тупой и упрямый) характеръ Альтенгейма, она рѣшительно сомнѣвалась, чтобы неудовольствіе на жену побудило его отречься отъ нея,—отъ матери своихъ дѣтей,—своихъ сыновей и законныхъ наследниковъ.. Да!.. Эти сыновья были истинной ей помѣхой! Не будь ихъ,—ей ничего не стоило бы устранить эту глухоную, ничтожную женщину... Кто знаетъ? Еще она же, быть можетъ, была бы ей благодарна и очень счастлива, выйдя замужъ за своего неизвѣстнаго странника, — трубадура или переходяго портнаго, кто бы онъ ни былъ!

Такъ рѣшила графиня Рейзенштернъ къ концу недѣльнаго пребыванія въ Альтенгеймѣ и вѣроятно была права... Эдгаръ и Генрихъ точно были препятствія, неодолимые на пути ея и глядя на дѣтей, часто игравшихъ на коврѣ у ногъ матери, она не разъ задумывалась на тему, какъ неодолимы и вмѣстѣ.. какъ хрупки эти двѣ головки!.. Дѣти такъ легко болѣютъ..

При малѣйшей простудѣ, не говоря уже оболѣзняхъ эпидемическихъ, при которыхъ умираютъ въ семьяхъ не то что двое, а четверо и болѣе дѣтей,—все возможно!..

«Разумѣется, я этого не желаю,—но все можетъ быть! А если бываетъ съ другими, почему не предположить, что можетъ статься и съ ними?»

Такъ смягчила мысль свою Людмила Юрьевна, когда она впервые въ ней возникла. Впослѣдствіи, помѣрѣ того, какъ подобная «возможность» стала чаще и чаще ей представляться, она перестала съ собой лицемерить и внутренно созналась, что напротивъ—она очень этого желаетъ и даже находить, что это было бы весьма кстати.

«Это разрѣшило бы многое! стала она размышлять опредѣленнѣе. Кому он и нужны? Матери? Этой лимфатической мечтательницѣ, начиненной туманными бреднями! Да вѣдь она сама-же увѣряетъ, что о жизни здѣсь заботиться не стоитъ. что она имѣетъ смыслъ лишь какъ искусъ; а за нею-то и лежитъ самая суть,—конечный и единый смыслъ брэннаго чловѣческаго естества... Такъ чего-же ей печалиться? Чѣмъ скорѣе кончается томительный искусъ,—тѣмъ лучше!.. Они достигли бы блаженнаго убѣжища, куда такъ стремятся умильные помыслы ихъ мама, а намъ развязали бы руки... Всякому свое! За суетное преуспѣваніе въ сей юдоли грѣха, охотно предоставляю имъ вѣчное блаженство!.. Я кстати, въ царствіе небесное никогда не мѣтила, да думаю, что и Эдгаръ не столь глупъ!»

Такъ игриво ужъ начала очень скоро размышлять Людмила Юрьевна, задумчиво глядя на маленькихъ Альтенгеймовъ, ничѣмъ однако наружно не проявляя своей опредѣленной охоты улыбнуться собственнымъ помысламъ.

Разъ ее спросила, въ такую минуту, принцесса Эмма о чемъ она думаетъ?

— О! Я смотрю на дѣтей вашихъ и думаю, во сколько разъ была бы я счастливѣе и менѣе одинока, еслибъ у меня были дѣти! безъ запинки отвѣчала графиня.—Вы очень счастливы, Эмма!.. Если не въ мужѣ,—то въ дѣтяхъ! вздохнула она.

Эмма устремила на нее кроткіе голубые глаза, полные сочувствія и соболѣзнованія.

— Вы любили бѣднаго Фердинанда, не правда-ли? Вы были съ нимъ счастливы? спросила она.

— Да, я была любима мужемъ и его любила!.. Я въ бракѣ была счастливѣе васъ... Судите-же по этому, какъ бы я

любила своихъ дѣтей! съ особеннымъ ударнымъ произнесла она.

Герцогиня Альтенгеймъ жестоко вспыхнула. Въ комнатѣ присутствовала вторая няня, молодая дѣвушка...

— Но вѣдь и я очень счастлива! смущенно воскликнула она.—Я тоже люблю мужа и надѣюсь, что онъ меня любить...

— Да, о! Да!.. Я знаю, что теперь вы къ нему привязались, но вы же сами мнѣ говорили, что выходили за мужъ не любя... Что вы разъ въ жизни только истинно любили, когда еще не знали принца. Я же никогда никого не любила, кромѣ Фердинанда! Что съ вами? Ah! Bon Dieu!.. pardon, mon amie! вдругъ перешла она съ нѣмецкаго на французскій языкъ, представившись страшно смущенной присутствіемъ няньки, на которую оглянулась особенно эффектно.—Простите меня, Бога ради! Я совсѣмъ ее не замѣтила!

— Да не въ ней и дѣло, дорогая графиня! пофранцузскиже возразила Эмма.—Мнѣ очень жаль, что мои необдуманныя рѣчи дали вамъ поводъ думать, что я жалуясь на судьбу, чѣмъ съ Эдгаромъ не счастливы... Увѣрю васъ, что я всѣмъ сердцемъ ему предана!

— Тѣмъ лучше!... Я вѣрю вамъ вполне. Ваша первая страсть безъ сомнѣнія была дѣтскимъ бредомъ, надъ которымъ принцъ Эдгаръ разумѣется лишь посмѣялся..

— Нѣтъ, онъ просто ничего о ней не знаетъ,—спокойно сказала Эмма.

— Какъ?! Ничего не знаетъ? Вотъ это напрасно, дорогой другъ мой! укоризненно вскричала графиня тономъ удивленія и испуга.—Возможно-ли подвергать себя случайностямъ? Ужъ не говоря о томъ, какъ тяжело жить, тая лицемѣріе въ душѣ!..

И Людмила Юрьевна распространилась краснорѣчиво объ опасностяхъ раскрытія мужемъ проступка, въ которомъ жена ему не призналась; о двойной тяжести скрытаго, не раскаяннаго прегрѣшенія; объ усугубленіи грѣха вѣчной ложью и притворствомъ... Она нашла возможнымъ въ заключеніе воскликнуть:

— Я бы такъ не могла!.. Вѣдь это тотъ-же обманъ и измѣна, если вы это скрываете отъ мужа!

Она совѣтовала Эммѣ «покаяться» заднимъ числомъ, увѣряя что это все-же лучше, чѣмъ вѣкъ лицемѣрить... Ей вполне удалась ея задача: вселить сомнѣніе и тревогу въ пугливую, чистую совѣсть Эммы и,—на всякій случай,—пустить между прислугой замка слухъ, что герцогъ и герцогиня Зоннербергскіе не совсѣмъ счастливы, что принцесса Эмма любитъ не мужа, а кого-то другаго.

XI.

ногіе мистики утверждаютъ, что сила дурной воли, какъ и сила дурнаго глаза, навлекаютъ неотразимо бѣды и недуги на человѣческой родъ. Если это точно бываетъ, то вѣроятно сила неблагожеланія пріѣзжей русской навлекла на Зоннербергенъ лютую напасть. Къ удовольствію ея въ мѣстечкѣ и его окрестностяхъ открылся жестокой дифтеритъ. Дѣти стали заболѣвать десятками и мало кто выздоравливалъ.

Герцогиня и Денверсъ ввели строгій надзоръ и бдительно соблюдали карантинъ надъ всѣми, кто приближался къ замку, въ особенности къ дѣтской. Далѣе парка дѣтей гулять и кататься не пускали. Но дворня въ Альтенгеймѣ была многочисленна, трудно было прекратить сношенія съ бургомъ и сосѣдними деревнями... У одной изъ женщинъ, жены втораго садовника заболѣла пятилѣтняя дочь; затѣмъ схватила груднаго ребенка и въ два дня его унесла жестокая болѣзнь... Всю семью тотчасъ-же отдалили на хуторъ, но начало было сдѣлано и трехъ дней не прошло со смерти перваго ребенка въ предѣлахъ замка, какъ занемогли двое другихъ.

Принцесса Эмиа была въ отчаяніи!.. Она отдала приказаніе, чтобъ никто изъ дворовыхъ людей, кромѣ собственно приняхъ состоявшихъ не входилъ въ помѣщеніе дѣтей. По десяти разъ на днѣ она внимательно осматривала сыновей, щупала имъ головы и спрашивала, не болитъ ли у нихъ что,—не больно ли имъ глотать, когда они кушаютъ?

Фрау Денверсъ находила это лишнимъ.

— Не накликайте бѣды, сударыня! говорила она.—Чего спрашивать?.. Не утаитя ежели, не дай Богъ, что!.. А зачѣмъ на мысль наводить.

— Денверсъ права! поддерживала ее графиня Рейзенштернъ.—Вы только мнительность въ дѣтяхъ развиваете.

Бойкій Эдгаръ разъ пошалилъ: объявилъ, что его что-то въ горлѣ царапаетъ... Мать поблѣднѣла, какъ полотно. У нея ноги и руки дрожали отъ испуга, когда она подошла къ нему... Но по тщательномъ осмотрѣ оказалось, что нѣтъ ни налета, ни даже малѣйшей опухоли или красноты. Да мальчикъ и самъ началъ смѣяться, прыгать вокругъ матери и кричать

что онъ «нарочно», обмануть ее, что ничего его не «царапаетъ», а онъ «такъ—себѣ пошутить»...

— А я бы тебя за такія шутки высѣкла до крови! не воздержалась отъ пересоленнаго возгласа, разочарованная Людмила Юрьевна и нехорошій взглядъ, при этомъ брошенный ею на пятилѣтнаго мальчика, поразилъ мать и няню, худо скрытымъ недоброжелательствомъ.

— А я бы тебя побилъ! вскричалъ безцеремонно Эдгаръ, сказавъ кулачки и ставъ предъ гостей въ воинственную позу.

— Ахъ, Эдгаръ! Какъ стыдно быть такимъ грубіаномъ! остановила его мать.

— А зачѣмъ она злая?.. Хочетъ меня бить!.. Я самъ вѣтъхъ побью! Я никого не боюсь! настаивалъ Эдгаръ, сверкая глазенками.

— Неукротимый! улыбулась, пожавъ плечами, графиня. — Настоящій средневѣковой баронъ,—феодалъ и деспотъ.

— Просто, негодный маленькій шалунъ, котораго надо поставить въ уголъ! напрасно стараюсь придать голосу строгость, сказала смущенная этой сценой Эмма. — Иди въ свою комнату! обратилась она къ ребенку. — Няня! Уведите этого не хорошаго буйна... Мама не хочетъ видѣть такого грубіана и обманщика.

И Эдгаръ былъ уведень въ дѣтскую, но уходя, продолжалъ метать непріязненные взгляды на прекрасную гостью своей матери.

— Я вамъ удивляюсь, милая Эмма! замѣтила Людмила, когда Денверсъ и дѣти оставили комнату. — Вы, такая убѣжденная фаталистка, — столько тревожитесь все и дѣтямъ приживаете трусость и мнительность!... Зачѣмъ внушать имъ боязнь и самую мысль объ опасности?

— Быть можетъ вы и правы, Лида!.. Я точно преувеличиваю заботы, но если бы вы знали, какой ужасъ наводитъ на меня одинъ помысль объ опасности моихъ мальчиковъ!... Великій Боже! Еслибы что либо съ ними случилось, — я бы не могла пережить ихъ!

— И это меня изумляетъ! Я больше довѣряла силѣ вашихъ убѣжденій... Вы непослѣдовательны! холодно отозвалась графиня. — Разъ вы вѣруете въ промысль Божій, вы должны вѣрить и въ то, что ни единый волосъ не упадетъ съ головы человѣка безъ воли Его.

— Я вѣрю въ это! тихо возразила Эмма. — Но мое правило все же самой заботиться... обо всемъ. А ужъ что касается дѣтей моихъ, то не имѣй я даже этого правила, я не могла

бы равнодушно смотрѣть въ глаза опасности и бездѣйствовать. Это сильнѣй меня!

— Значитъ, вы напрасно воображаете себя фаталисткой, закованной въ броню философіи.

— Не философіи собственно, — а вѣры въ промысль Провидѣнія!

— О! Для насъ, скептиковъ и профановъ въ такого рода отвлеченныхъ премудростяхъ, — это одно и то же! усмѣхнулась Людмила.

— Я не знала, что вы невѣрующая!..

— То есть, видите-ли, — невѣріе понятіе относительное и очень растяжимое. Я не атеистка! поправилась графиня, спохватившись, что проговорила, забывъ, собственно по обстоятельствамъ, ради своей богобоязненной хозяйки, надѣтую личину. — Не атеистка, — но и не такая строгая пуританка, какъ вы... Во всякомъ случаѣ, еслибъ я была столь же убѣждена, какъ вы, въ непреложности божественныхъ предначертаній, я бы спокойнѣй отдавалась жизненному теченію.

— Однако, мы нигдѣ не видимъ запрета заботиться о дорогихъ намъ существахъ. Мудрость житейская во всѣхъ народностяхъ создала такія поговорки, какъ ваше русское «на Бога надѣйся — а самъ не плошай!» Какъ французское: «*fais ce que dois, — advienne que pourra*»!

— О, разумѣется!.. Самосохраненіе вложено въ природу человѣка. Но истинный философъ... Pardon! Истинный христіанинъ, — къ ударамъ судьбы, мнѣ кажется долженъ быть равнодушенъ... Равнодушнѣ васъ, *meine Liebcheu!* очаровательно улыбнулась Людмила. — Я васъ считала положительно неувязимой!

— Напрасно!.. Я очень слаба и несостоятельна... Надѣюсь, что Богъ проститъ мнѣ мою слабость.

— Богъ все проститъ, моя милая!.. Вѣдь, Онъ превыше всякаго прегрѣшенія? неопредѣленно молвила графиня, внутренно потѣшаясь.

— Милость Его превыше грѣха! поправила Эмма.

— Ну, да!.. На этомъ же основаны папскія индульгенціи, не такъ-ли?.. Это очень удобная вещь, эти продажныя льготы впередъ, на всякій случай... Католикамъ грѣшить удобнѣе...

— О! Нѣтъ! перебила ее съ ужасомъ принцесса Альтенгеймъ. — Это заблужденіе и страшное злоупотребленіе папства!

— Безъ сомнѣнія! согласилась ея собесѣдница. — Я пошутила!

И она перемѣнила разговоръ, видя, что ея невнимательность въ отношеніи Эммы, — невнимательность, основанная на глу-

бокѡмъ презрѣннѣ къ ея способностямъ и силѣ соображеній,—положительно вовлекаетъ ее въ опасную непослѣдовательность и неосторожность рѣчи.

Въ тотъ же день бѣдная герцогиня была сильно напугана и огорчена извѣстїемъ, что Мари, помощница фрау Денверсъ получила записку изъ дому, что маленькій братъ ея и сестра заболѣли дифтеритомъ; что она разливается, плачетъ и просить позволенія ихъ навѣстить. Ферма, которую арендовалъ отецъ Мари, была верстахъ въ двухъ; но Денверсъ, разумѣется, ее отказалась пустить и пришла доложить госпожѣ своей. Герцогиня тотчасъ же объявила дѣвушкѣ, что она можетъ ѣхать, но что не должна болѣе возвращаться въ замокъ... По крайней мѣрѣ шесть недѣль до полной дезинфекціи и безопасности отъ заразы. На это Мари боялась согласиться въ виду завѣдомой строгости отца... Хотя принцесса Эмма увѣряла ее, что она подождетъ ее, не лишитъ ее мѣста,—но Мари передавали въ этомъ самомъ письмѣ приказаніе отца не прїѣзжать безъ позволенія, а лучше всего сидѣть смирно, чтобъ и самой не заразиться и потому она боялась его гнѣва.

Однако бѣдняжка проплакала всю ночь и на утро была такая страшная, что сердце Эммы сжалось при взглядѣ на нее.

— Послушайте, милая моя, успокойтесь!—сказала она ей.— Мы сейчасъ напишемъ, узнаемъ, что у васъ дома дѣлается, и если сестрѣ и брату вашему не лучше, то я отправлю, ежели хотите, васъ домой и сама напишу отцу вашему, что временно васъ посылаю въ помощь вашей матери. И даже жалованья вашего у васъ не вычтутъ за время, проведенное дома... Успокойтесь теперь и пойдите въ паркъ, прогуляйтесь на чистомъ воздухѣ. Богъ съ вами, дитя мое!..

Мари бросилась цѣловать руки своей доброй госпожи. Потомъ накинула плащъ и капоръ и пошла въ паркъ.

На лѣстницѣ она повстрѣчалась съ графиней и почти-тельно отступила, давая ей дорогу.

— Бѣдняжка!—сказала ей Людмила Юрьевна.— Вамъ надо хорошенько погулять... Вы вѣрно наплакали себѣ мигрень?.. Хотите я прокачу васъ? Я иду одѣваться, чтобъ прокатиться. Если вы будете ждать меня у угловыхъ воротъ парка, я захвачу васъ.

— Благодарю васъ, сударыня! Очень благодарю!—пролепетала Мари, незная чему приписать такую милость важной дамы, до сихъ поръ никогда не обращавшей къ ней рѣчи.

Проѣзжая черезъ четверть часа мимо парка, въ легкихъ

одиночныхъ санкахъ, въ которыхъ она ежедневно каталась. права сама, ради модіона, графиня Рейзенштернъ увидѣла Мари на означенномъ мѣстѣ и точно захватила ее съ собою.

Лихо понеслись легонкія сани, спустившись съ горы, по накатанной дорогѣ. Вдоль замерзшей рѣки, мимо лѣса, выѣхали къ полянѣ, на которой были разбросаны высокіе домики, разлинеянные по стропиламъ стѣнъ, крашенныхъ въ сѣрый, красный и желтый цвѣта, черными линиями, будто сѣткой. Это были хозяйскіе и обывательскіе дома одной изъ большихъ фермъ, принадлежавшихъ Альтенгейму. Тутъ поѣхали тише.

Вдругъ слухъ графини былъ пораженъ тихимъ всхлипываніемъ ея спутницы. Она удивленно оглянулась и спросила:

— Что такое, Мари?..—Что съ вами?..—Вы нездоровы?

— Нѣтъ, о!—нѣтъ... Я только смотрю туда!—сквозь слезы отвѣчала Мари, ткнувъ пальцемъ въ одинъ изъ домовъ.

— Туда?..—чрезвычайно удивилась графиня Рейзенштернъ. Что же вы тамъ видите такого печальнаго?

— Какъ же!.. Вѣдь тамъ живутъ они, мои родные... Мать.. братаецъ и сестра... которые, можетъ быть, ужъ умерли! оковчательно расплакалась нѣмочка.

— Ахъ! Вотъ что!.. А я и не знала... Бѣдняжка! Такъ это ваша ферма?.. Мнѣ очень жаль васъ, Мари! И будь я вашей госпожой, я бы охотно пустила васъ повидаться съ вами, потому что не вѣрю этой глупости, заразѣ!.. Какая тамъ зараза?.. Кому Богъ судилъ—тотъ и безъ заразы заболѣетъ; а другой не заразится и отъ больныхъ...

И говоря это, она все болѣе задерживала бѣгъ рысака.

— Ну, знаете, мнѣ васъ такъ жаль, что я готова спустить васъ на минуту... Я увѣрена, что ничего не будетъ дурнаго... Вы проѣздитесь потомъ со мной по чистому воздуху. Пустиаки!.. Ужъ Богъ съ вами! сбѣгайте взглянуть на своихъ.

И она осадила лошадь у входа въ располосованный, красно-стѣнный домикъ, съ высокой кровлей.

Глаза Мари засіяли, но она уже почувствовала угрызеніе совѣсти и безпокойно прощентала:

— Но какже герцогиня? Она будетъ бояться!.. Она вѣрится заразѣ!

— О, глупенькая голова! Зачѣмъ же ей знать объ этомъ?.. Мы, разумѣется, будемъ молчать, чтобы даромъ не безпокоить эту добрую герцогиню. Ну! Скорѣе-же! Хотите посмотрѣть на своихъ, такъ идите и мигомъ возвращайтесь. Черезъ десять минутъ я заѣду.

Дѣвушка выпрыгнула изъ саней и побѣжала, а графиня дернула возжи и помчалась впередъ. Но она вернулась за своей спутницей не черезъ десять минутъ, а чуть ли не черезъ добрый часъ.

Къ несчастью, отца Мари не было дома; потерявшая голову мать ничего не могла сообразить отъ горя и думать забыла объ заразѣ и объ опасности другихъ... Мари вдоволь на обвинялась съ братомъ и съ умиравшей сестренкой, сидя на ея кровати и вышла въ такомъ видѣ, что графиня испугалась. Она строго приказала ей молчать, пригрозивъ чуть-ли не заключеніемъ въ тюрьму, въ случаѣ открытія ея проступка и въ одинъ мигъ домчала въ замокъ.

— Если вы не въ состояніи будете скрыть своихъ слезъ, то можно будетъ сказать, что мы встрѣтили кого нибудь, кто вамъ передалъ о томъ, что сестрѣ вашей хуже. Идите прямо въ дѣтскую, а я пройду къ герцогинѣ и такъ ей именно и скажу! Я буду просить, чтобъ она васъ отпустила скорѣе домой, только смотрите, не выдайте нашей тайны!

Такъ напоследокъ научила она измученную, перепуганную, совершенно растерявшуюся дѣвушку.

Мари сбросила плащъ и капоръ въ своей комнатѣ и, даже не умывшись, прямо вошла въ дѣтскую.

— *Lieber Gott!*—вскричала фрау Денверсъ.—Гдѣ вы были, Мари?.. Гдѣ такъ разжарились?

— Я много ходила,—отвѣчала Мари.—А потомъ графиня встрѣтила меня въ паркѣ и быстро прокатила на саняхъ,—сказала дѣвушка.

— Что такое?!. Васъ катала графиня Рейзенштернъ?..

— Да, она встрѣтила меня. . Она меня... немножко прокатала!.. Позвольте мнѣ переодѣть Генриха...

— Вотъ еще фантазіи!.. Удивительныя замашки у этихъ русскихъ баръ! То они на людей и не смотрятъ, словно зрачки замарать боятся о насъ грѣшныхъ, а то съ собою рядомъ саждаютъ и на прогулки катаютъ!—ворчала нянюшка, передавая меньшаго мальчика своей помощницѣ.

Графиня между тѣмъ прошла прямо къ хозяйкѣ замка какъ была, сбросивъ только шубу въ передней.

— Я къ вамъ на минуту, дорогая Эмма!—сказала она ей.— Отпустите вы пожалуйста скорѣе домой эту несчастную дурочку Мари: она вамъ все равно ужъ не слуга! Я даже боюсь не больна-ли она, до того плачетъ. Сейчасъ я ее подобрала въ паркѣ, катаюсь и вздумалось мнѣ развлечь ее, прокатить. А съ нею чуть истерика въ саняхъ не сдѣлалась!.. Кажется, ей сказалъ кто-то, что дома у нея хуже.

— Да, да! Я вот ужъ пишу отцу ея и если тамъ не лучше, то завтра ее отошлю, въ подмогу матери.

Но отсылать Мари, въ помощь матери, не пришлось. Она сама на слѣдующее утро проснулась съ горловой и головной болью, съ страшно воспаленнымъ лицомъ. Наскоро призванный врачъ призналъ у нея дифтеритное воспаленіе.

Ее закутали въ шубы и одѣяла, усадили въ карету и бережно отвезли домой, на ферму, гдѣ въ это утро уже хоронили ея младшую сестру и гдѣ сама она едва не умерла, проболѣвъ жестоко нѣсколько недѣль.

Дѣло, однако, было сдѣлано: дня черезъ два заболѣлъ Генрихъ Альтенгеймъ; за нимъ, хотя братьевъ и отдѣлили тотчасъ-же,—Эдгаръ. Домашній докторъ успокоивалъ герцогиню, увѣряя, что болѣзнь въ самой легкой степени; что горячительные компрессы на горло и солициловые спринцованья, дня въ три удалятъ всякую опасность; что это даже собственно не дифтеритъ, а только воспалительное состояніе, перебравшее всѣхъ дѣтей въ околodкѣ. Но мать успокоиться не могла. Она посылала принцу телеграмму за телеграммой, умоляя его пріѣхать и привезти доктора изъ Берлина, специалиста по горловымъ болѣзнямъ. Она дни и ночи проводила надъ своими мальчиками, переходя отъ одного къ другому, постоянно вдыхая зараженную атмосферу ихъ окружавшую, не принимая никакихъ предосторожностей. Она берегла только другихъ, а не себя: то и дѣло отсылала отдыхать няню, упрасивала Людмилу уѣхать на время, почти ее не видя и не подходя къ ней, со времени болѣзни дѣтей.

Уѣхать графиня не думала, говоря, что ни за что не оставитъ дорогую кузину въ такое трудное время; но въ дѣтскія, однако не входила и всякое утро и вечеръ мылась сильно-ароматическими уксусами, по нѣсколько разъ въ день полоща горло предохранительными полосканьями. А все то платье, которое было на ней надѣто въ день злополучной прогулки съ Мари, графиня тогда же, выйдя изъ кабинета Эммы, собственноручно передала ауто-да-фе въ каминѣ своей спальни.

Докторъ оказывался не совсѣмъ правъ: Эдгаръ, дѣйствительно, не былъ опасенъ, но Генриху становилось хуже. Онъ такъ былъ малъ и капризенъ, что справиться съ нимъ было трудно! Его невозможно было уговорить, какъ старшаго брата, перевозить по нѣсколькоку разъ въ сутки прижиганія и спринцовки, причинявшія жестокою боль... Увы! Въ болѣзненности этой, необходимой при дифтеритѣ, операціи, скоро убѣдилась сама принцесса, заразившись отъ сыновей своихъ. Она крѣ-

жила, и не отходила отъ меньшаго сына, хотя жестоко сама страдала, находя новыя силы и бодрость лишь въ сознаниі, что дорогой Эдгаръ ея, любимецъ отца, ея первенецъ—въ опасности!

Телеграммы и письма не сразу дошли до принца Альтенгейма. Онъ убѣждалъ куда-то, непрерывно мѣняя мѣста; посланія жены летѣли ему въ догонку и настигли только черезъ нѣсколько дней. Онъ тотчасъ бросилъ все,—дѣла и развлечения и на шестой день болѣзни сыновей прибылъ съ докторомъ въ замокъ.

Сильныя волненія и горе ждали его тамъ.

Не имѣя въ послѣднихъ письмахъ жены извѣстій о графинѣ Рейзенштернъ, онъ былъ убѣжденъ, что она уѣхала. Каково же было его изумленіе, когда она первая встрѣтила его на порогѣ въ замокъ его предковъ... Встрѣтила въ темномъ, повидимому, небрежномъ туалетѣ, de circonstances: съ небрежно распушенными волосами, о которыхъ будто бы некогда было думать, блѣдная, разстроенная, даже похудѣвшая, какъ ему показалось, но все же чудно-прекрасная!

— О! Эдгаръ!—вскричала она, схвативъ его за руку, откинувъ въ припадкѣ горя и душевнаго соболѣзнованія о немъ, всякія стѣсненія:—О, милый Эдгаръ! Ради Бога, соберите все ваше мужество!.. Богъ посѣтилъ васъ страшнымъ горемъ.

Принцъ поблѣднѣлъ, отступивъ.

— Эдгаръ?!—отчаянно воскликнулъ онъ, глядя вопросительно въ сверкашіе ему зеленые глаза.

— Ага! Вотъ кто на первомъ планѣ!—сообразила Людмила.

— Эдгаръ? О, нѣтъ! Богъ милостивъ,—ему лучше! Онъ почти здоровъ, но бѣдный, маленькій Генрихъ, очень плохъ!.. Плохъ!.. И Эмма сильно больна.

Альтенгеймъ взялся растерянно за голову.

— Ничего! Ничего!.. Мужайтесь!—ободрялъ его пріѣзжій эскулапъ.—Пойдемте къ нимъ скорѣе... Наука имѣетъ много средствъ. Не отчаявайтесь!

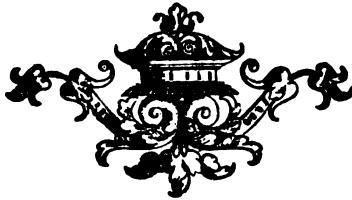
Они направились въ верхній этажъ. Людмила Юрьевна прошла въ свои комнаты, чтобы нѣсколько оправиться и кое что обдумать. Но прежде всего она бросилась въ кресло и крѣпко закусивъ губы, а брови сведя въ одну черную линію надъ сверкавшими глазами, подумала:

— Да! Въ немъ все дѣло и вся сила!.. Этотъ мальчишка—ему дороже всѣхъ, это очевидно!.. И, какъ нарочно,—онъ невредимъ!

Она вскочила, порывистымъ, нервнымъ движеніемъ отмет-

нула богатыя волны волосъ на спину, по старой привычкѣ своей и чуть не вслухъ произнесла:

— Ну! Теперь настало время. Помѣряемся съ судьбой и посмотримъ, кто сильнѣе: обстоятельства, или моя твердая воля?!

ХП.

ерлинскій докторъ не помогъ маленькому Генриху: онъ скончался въ слѣдующую ночь, на груди матери, а со смертью его, послѣднія силы оставили принцессу Эмму: она безъ памяти слегла въ постель и нѣсколько дней сама была между жизнью и смертью.

Въ эти тяжелые дни семейнаго горя Альтенгеймъ былъ преданъ полному одиночеству. Людмила Юрьевна, задавшись соображеніемъ, что «qui ne risque rien—n'a rien», взяла храбрость въ обѣ руки и рѣшительно проводила цѣлые дни возлѣ жены его и сына. Благо доктора оба заявили, что опасности, въ смыслѣ заразы, нѣтъ болѣе ни малѣйшей. У Эдгара было очень легкое воспаленіе и совершенно прошло; принцесса Эмма страдала сильнѣе, но и у нея прошло дифтеритное состояніе, а осталось лишь сильное изнеможеніе, при общемъ серьезномъ разстройствѣ нервной системы.

Какъ умершаго отъ прилипчивой эпидеміи, маленькаго Альтенгейма схоронили въ самый день смерти, когда еще мать его была на ногахъ. Она слегла послѣ того, какъ гробикъ вынесли изъ дѣтской, а ее свели въ ея спальню, не позволивъ идти на похоры... Людмила вызвалась побыть возлѣ больной, еще бывшей въ памяти, пока принцъ и почти всѣ домашніе ушли на погребеніе. Послѣдніе дни, сама заразив-

пись дифтеритомъ, Эмма не видалась болѣе со старшимъ сыномъ, боясь ему передать болѣзнь; ей было бы отрадно обнять его теперь! Но несмотря на уговоры Людмилы и даже увѣренія доктора, что рецидива въ болѣзни Эдгара бояться нечего, она ни за что не захотѣла доставить себѣ этого утѣшенія.

Она просила кузину Лиду пойти къ нему, подтвердить тихонько нянѣ, чтобы вѣсть о смерти брата не дошла до мальчика и, разузнавъ, что онъ дѣлаетъ, какъ спалъ въ ту ночь, не скучаетъ-ли по Генрихѣ и по ней,—разсказать ей все подробно.

Графиня пошла охотно, хотя знала, что ребенокъ ее терпѣть не можетъ, сердится и плачетъ, когда видитъ ее и тотчасъ начинается прогонять ее и кричать, чтобы эта «злая, чужая дама» ушла прочь!.. Такія сцены нѣсколько разъ повторялись. Потому, въ присутствіи принца, она бы ни за что не рѣшилась навѣстить своего маленькаго врага, но теперь опасаться было нечего и заботливо уложивъ въ постель «бѣдную, милую Эмму», Людмила Юрьевна отправилась на другой конецъ дома, навѣстить ея отнынѣ единственнаго сына.

— Здоровенный чурбанъ! Нѣмецкое, дубоватое отродье!— нѣжно подумала она о немъ, когда веселый дѣтскій смѣхъ его послышался изъ третьей комнаты.

Она вошла въ комнату, предшествовавшую дѣтской и увидела старшую няню, горько плакавшую, подгорюнившись подъ «жбанкомъ», изъ котораго видны были церковь и кладбище, гдѣ хоронили теперь Генриха. Въ рукѣ нянюшки было открытое письмо и печатный обрывокъ, повидимому вырѣзка изъ газеты...

Это обстоятельство поразило графиню, какъ постороннее смерти маленькаго Альтенгейма, къ которой она отнесла было слезы старухи.

— Liebe frau Denvers,—ласково обратилась она къ ней,— скажите, прошу васъ, что маленькій Эдгаръ? Бѣдная мамма его просила меня узнать о немъ и напомнить вамъ, что онъ не долженъ знать о несчастіи,—о смерти бѣднаго, крошки-брата.

— О! да! Я знаю—отвѣтила Денверсъ, поспѣшно отирая слезы.—Я нарочно ушла, чтобы дорогой мальчикъ не спрашивалъ, о чемъ я плачу... И сюда я не впускаю его, чтобы онъ въ окно не увидалъ похоронъ. Онъ тамъ съ Лизбеттой играетъ... Слышите, какъ милое дитя смѣется... Господь храни его и помилуй!.. Одинъ остался, на радость и утѣху отца съ матерью!

И няня пуце залилась слезами.

— Да, да!.. Это хорошо, что онъ весель... А чей же это голосъ, тамъ?..—прислушавшись, спросила графиня.

— Ахъ, это нашъ лѣсничій!.. Старикъ Германъ Гейзе. Онъ часто навѣщаетъ насъ... Дѣти его любятъ... Ахъ! Что я?.. Нѣтъ ужъ всѣхъ нашихъ дѣтокъ!

— Что за глупѣйшая старуха!—подумала графиня Рейзенштернъ, гадливо наблюдая за слезами, стекавшими по щекамъ и западавшими въ углы носа и губъ фрау Денверсъ.— Если бы я, когда-нибудь, имѣла несчастье имѣть дѣтей, ни за что не брала бы въ няньки чувствительныхъ старухъ!

— Что дѣлать, милая фрау Денверсъ!—со вздохомъ сказала она.— Не плачьте!.. У вашихъ добрыхъ господъ еще будутъ другія, прелестныя дѣтки, которыхъ Богъ дастъ вамъ вынянчить... Во всемъ воля Божья! Мы, христіане, должны покоряться... Не такъ-ли?..

— Такъ, сударыня!.. Вотъ я это и сейчасъ говорила старому Гейзе... Онъ принесъ мнѣ письмо... У меня вѣдь я еще, кромѣ общаго нашего несчастія, свое есть горе!.. Одинъ у меня оставался родичъ на всемъ свѣтѣ, племянникъ Отто Рейманъ прозывался... Уѣхалъ за моря, тому ужъ вотъ, шесть лѣтъ скоро; писалъ иногда, но вотъ, съ прошлой весны увѣдомилъ, что ѣдетъ въ Новую Каледонію, откуда-то изъ Южной Америки, забыла я названіе мѣста—и смолкъ! Ъду, писалъ, съ товарищами на промыселъ прибыльный, на корабль; зовутъ корабль этотъ «Бурнымъ»... Мы еще посмѣялись тогда, съ Гейзе,—онъ его знаетъ, да и барыня знаетъ Отто: онъ два года учителемъ жилъ въ Рейзенштернѣ, у покойной бабушки ихней и вашего супруга... Только вы не сказывайте имъ этого теперь... Онѣ разстроены! И пуце огорчатся...

— Нѣтъ! Нѣтъ!.. Зачѣмъ ей говорить!—поспѣшно успокоила няню графиня, съ жаднымъ интересомъ слушавшая болтовню старухи:—такъ что же случилось съ вашимъ племянникомъ?

— Плохое что случилось вѣроятно! Мы вотъ, какъ я сказываю, посмѣялись въ ту пору: на Бурномъ въ море ушелъ! Дай Богъ, чтобы не бурный переѣздъ ему удался!.. А оно такъ и вышло, что самый этотъ «Бурный» не одоброваль!... Не было отъ него, отъ Отто моего писемъ мѣсяцевъ десять, просила я Гейзе написать своимъ туда, въ Америку, значить, не знаютъ-ли чего?.. А они, знакомые Германа Гейзе, пишутъ вотъ, что Бурный вѣрно погибъ, что и слуху нѣтъ о немъ никакого... Вотъ и печатное объявленіе прислали, изъ тамош-

нихъ газетъ... Не угодно-ли прочесть?.. Охъ-охъ-охъ!.. Тяжко на свѣтѣ жить! Тяжко своихъ кровныхъ терять!..

Денверсъ подала графинѣ клочекъ печатной бумаги, который та внимательно прочла и горячо сочувствуя огорченію «бѣдной фрау Денверсъ», еще долго продолжала разспрашивать ее... пока не убѣдилась окончательно, что этотъ, погибшій племянникъ и есть именно тотъ самый «ницій пережойй, трубадуръ кузины Эммы».

Тогда она встала, потѣшаясь внутренно и презрительно дивясь постыдному выбору принцессы Альтегеймъ и хотѣла уйти, сильная пріобрѣтенными ею, такъ кстати, свѣдѣніями, когда отворилась дверь дѣтской и на порогѣ показался высокій, сѣдой и худой, какъ аскетъ старикъ. Людмила узнала видѣннаго ею не разъ мелькомъ Германа Гейзе и остановилась... Теперь ей интересно было посмотрѣть на него.

— Здравствуйте!—кивнула она ему головой.

Гейзе молча наклонилъ голову. Нависшія брови его сдвинулись. Онъ безпокойно, вопросительнымъ взоромъ поглядѣлъ на Денверсъ и ея неожиданную собесѣдницу.

— Графиня пришла узнать о маленькомъ Эдгарѣ—объяснила нянька.

— Да!—подтвердила Людмила Юрьевна, всматриваясь въ характерное лицо «старого Гейзе», какъ звали все его въ замкѣ.—И узнала о новой горести фрау Денверсъ!

Сѣдые брови поднялись... На Людмилу сверкнулъ взглядъ, отъ котораго, почему-то ёкнуло ея сердце. Ей показалось, что изъ за этихъ пронизательныхъ блеснувшихъ не по стариннски глазъ, въ нее сматривается кто-то другой. Кто-то свѣдущій и власть имѣющій, предъ которымъ ей, впервые, пришлось опустить взоръ...

Она, однако, заставила себя договорить:

— Мнѣ очень жаль ее!.. Неужели вы думаете, что племянникъ ея погибъ?

Не сводя съ лица ея взгляда, Германъ Гейзе торжественно промолвилъ:

— Кто можетъ быть увѣренъ въ чемъ либо, въ сей обманчивой жизни?.. Часто помышляющихъ о гибели ближнихъ своихъ,—ждетъ близко собственная гибель!.. Часто торжествующихъ временную побѣду ждетъ униженіе, и скорбь, и мука худшая во сто кратъ самой лютой смерти.

— О, дѣдушка Гейзе! Да вы говорите, какъ прорицатель!—заставила себя сказать графиня, со злобой чувствуя, что блѣднѣетъ.—Ужъ вы не колдунъ-ли?

— Не знаю! — покачавъ отрицательно головой, отвѣтилъ

старецъ:—чарь не творю и ни противъ кого не злоумышляю!.. Скорблю о злыхъ и порочныхъ, — но никого не обличаю! Да обличить ихъ собственная ихъ совѣсть ранѣе, чѣмъ обождо-острый мечъ, имъ послужившій, на нихъ самихъ-же подыметя!..

И медленно отвернувшись, Германъ Гейзе вновь исчезъ за дверью дѣтской, гдѣ маленькій принцъ Альтенгеймъ забавлялся съ Паубереромъ.

Смущенная, противъ воли, озлобленная «на свою глупость», Людмила Юрьевна пошла къ Эммѣ. Она въ короткихъ словахъ ей рассказала о сынѣ и сѣла задумчивая и молчаливая къ окну. И чѣмъ долѣе она молчала, тѣмъ сильнѣе безпричинная тревога и злоба ея овладѣвали. Что хотѣлъ этимъ сказать этотъ дерзкій старикъ?.. Какъ смѣлъ онъ!.. И... откуда онъ знаетъ?! Последній вопросъ всего болѣе раздражалъ графиню.

Она пыталась себя успокоить увѣреніями въ томъ, что это пустяки! Что выжившій изъ ума старикъ болталъ безцѣльно, что брело на языкъ; но увѣренія не успокоивали ни мало, мысль упорно возвращалась на тему: какъ въ онъ узналъ? И что именно онъ знаетъ? А досада и злость такъ и кипали на-сердцѣ.

Въ домѣ послышалось движеніе, у подъѣзда стукъ колесъ, въ корридорѣ шаги... То вернулся принцъ Эдгаръ съ похоронъ своего сына.

Быстрая метаморфоза произошла въ осанкѣ и въ выраженіи лица графини Рейзенштернъ. Озабоченная подошла она къ кровати и нѣжно склонилась надъ изголовьемъ принцессы Эммы.

— Вы не спите, милочка?..—Я думала, вы задремали?

Эмма повернула голову и посмотрѣла на нее большими, утомленными, печальными глазами.

— Нѣтъ... Я не спала. Я все думала—гдѣ онъ?.. Какъ ему теперь... тамъ?..

— Кому это?

— Моему маленькому!.. Моему Генриху. Онъ ужъ ушелъ!.. Ему уже... открыто...

Взглядъ и сознаніе ея начинали туманиться.

— А я думала вы спрашиваете меня объ Отто!—явственно сказала графиня, слыша, что дверь отворилась и что герцогъ Альтенгеймъ входитъ въ комнату и можетъ, долженъ слышать послѣдующее.

При звукъ этого имени, никогда ея не произносямаго, Эмма вздрогнула, какъ отъ электрической искры и устремила

испуганный, вопросительный взгляд въ улыбавшееся, нѣжно-склонившееся надъ ней лицо.

— Не безпокойтесь о бѣдной Денверсъ: она преувеличиваетъ вѣроятность гибели!.. Хотя племянникъ ея и не писалъ десять мѣсяцевъ, и ушелъ въ море, то-есть въ Океанъ, въ Каледонію она говоритъ, на Бурномъ, который погибъ, но быть можетъ кто либо и спасся..

— Я... Я не знаю... Что такое? Что вы говорите?..—едва выговорила Эмма, поднявъ безпомощно руки къ головѣ.

Альтенгеймъ и докторъ уже стояли за спиной Людмилы Юрьевны..

Она продолжала самымъ нѣжнымъ голосомъ:

— Милая моя!—Вы спрашиваете меня, отчего такъ плачетъ фрау Денверсъ? Не заболѣлъ-ли хуже Эдгаръ? Я и говорю вамъ:—успокойтесь! Эдгаръ здоровъ и веселъ; а няня его плачетъ потому, что получила извѣстіе о своемъ племянникѣ, изъ Америки... Ей пишутъ, что Отто Рейманъ утонулъ...

Болѣзненный, отчаянный стонъ вырвался изъ груди измученной больной. Она приподнялась, схватившись за голову, но руки ея безсильно отпали и сама она упала назадъ, на подушки, широко открывъ глаза, блуждавшіе безъ смысла и сознанія, но съ выраженіемъ въ нихъ тяжелаго страданія.

Вотъ съ этой-то минуты и впала Эмма Альтенгеймъ въ жестокую нервную горячку, грозившую и ее уложить рядомъ съ ея умершимъ сыномъ...

Такой оборотъ дѣла былъ съ руки графинѣ Рейзенштернъ. Такая комбинація при самыхъ смѣлыхъ расчетахъ ея на «случай», никогда не входила ей на умъ. А между тѣмъ, какъ просто и естественно разыгрывалось все!.. Такъ, разумѣется, было несравненно лучше. Теперь пусть тотъ «чурбанъ» тамъ, въ дѣтской процвѣтаетъ!.. Какое ей дѣло до его жизни или смерти?.. Пока онъ безвреденъ... Пусть возрастаетъ подъ крылышкомъ слезливой фрау Денверсъ или другой чужны..

Таковы были размышленія графини Рейзенштернъ въ то время, когда она, повидимому, забывъ о существованіи принца, его владѣній настоящихъ и грядущихъ и всей славы чуть-ли не царственной короны ожидавшей его, дни и ночи неустанно проводила надъ метавшейся въ жару и бреду женой его,—надъ своей «бѣдной, милой, дорогой кузиной Эммой»!

ХІІІ.

олѣ недѣли ховяинъ дома почти не видѣлъ своей гостыи, встрѣчаясь съ нею исключительно въ жениной спальнѣ, гдѣ томилась больная, да въ столовой, всегда въ присутствіи докторовъ и прислуги. Она и къ етолу не всегда выходила, завтракая и вечеромъ кушая чай у себя, на верху; сходила только къ обѣду, да и то обѣдала на скоро, всегда озабоченная и молчаливая, вступая въ обстоятельные переговоры лишь съ докторами. Берлинскій докторъ, продлившій пребываніе свое въ замкѣ ради опаснаго положенія герцогини, не могъ нахвалиться неусыпнымъ уходомъ за нею *dieser charmantegräfin* и положительно заявлялъ Альтенгейму, что ея заботамъ и попеченью гораздо болѣе нежели ихъ искусству, онъ будетъ обязанъ выздоровленіемъ жены.

— Родная мать или сестра не могли бы преданнѣе ухаживать за больною!—говорилъ онъ.—Я рѣдко видѣлъ такую дружескую преданность.

— Да, жена моя и графиня Рейзенштернъ чрезвычайно дружны—подтверждалъ принцъ.

— Почтенная и прекрасная дама!—рѣшилъ эскулапъ. И часто говаривалъ Людмилѣ Юрьевнѣ, что изъ нея вышла бы неоцѣненная сестра милосердія...

— Не думаю!.. Я люблю своихъ друзей, но не вообще человечество. Вы слишкомъ добры, *herr doctor!*—скромно возражала графиня.

Мрачная забота не сходила съ лица принца Эдгара. Онъ похудѣлъ и самъ казался больнымъ или близкимъ къ опасной болѣзни. Не надо было быть особенно проникательнымъ, что бы видѣть, что не одна печаль по сынѣ или беспокойство за здоровье жены гнетуть этого ражаго молодца, этого красавца—атлета. Ему случалось мрачно насуплять брови и раздражительно отзываться на самыя успокоительныя и радостныя извѣстія о состояніи принцессы Эммы; ему случалось ихъ совсѣмъ не слышать, а о маленькомъ Генрихѣ онъ казалось и думать забыть. Кто зналъ частную жизнь Эдгара Альтенгейма, тому вѣдомо было, что меньшей сынъ его, хрупкій, болѣзненный ребенокъ, весь въ мать, никогда ему не былъ

особенно дорогъ. Да онъ меньшихъ дѣтей своихъ мало и знаетъ, въ послѣднее время почти всегда отсутствуя.

Нѣтъ!.. Другіе могли не замѣчать этого, но Людмила Юрьевна прекрасно видѣла, что не ихъ смерть и даже не страхъ утраты жены своей Гнететь и смущаетъ герцога Зоннербергенскаго, лишая его сна и покоя. Въ тревожномъ его состояніи играли не малую роль и честолюбіе его и самолюбіе — впервые оскорбленное внезапнымъ подозрѣніемъ; но болѣе всего сознание вновь пробудившагося чувства, — за- таеннаго, подавленнаго, усерно изгоняемаго имъ изъ сердца, — но несмотря на усилія и разлуку — не изгнаннаго!..

Людмила видѣла ясно, что принцъ Эдгаръ ищетъ съ ней встрѣчь и вмѣстѣ боится ихъ, что разлука только усилила и развила давно зародившуюся въ немъ любовь къ ней. Тѣмъ рѣшительнѣе она избѣгала его, искусно устраивая лишь мгновенныя встрѣчи, чтобъ мимолетнымъ взглядомъ, словомъ, прикосновеніемъ разжигать его страсти, въ то же время возбуждая догадку, сознание возможности и въ ней сочувствія, но не давая ему времени высказаться.

За то жена его, съ первыхъ часовъ тяжелой болѣзни, высказала всѣмъ всѣ свои чувства и тайны.

Два—три первыхъ дня до послѣдовавшаго полного изне- моженія, — когда больная лежала ужъ недвижимо, только прерывистымъ дыханіемъ и тяжкими стопами выдавая присутствіе жизни въ своемъ исхудавшемъ до прозрачности тѣлѣ, — она страшно металась, вскрикивала и громко бредила. Ее мучили видѣнія прошлаго и призраки загробной жизни. То она прощалась съ кѣмъ то отъѣзжавшимъ; прося прощенія въ томъ, что не смѣетъ удерживать его, не смѣетъ идти противъ неодолимыхъ препятствій, стоящихъ между ними, — то отчая- валась, что не удержала его! Видѣла его утопающимъ среди бурнаго моря; слышала отчаянный вопль и мольбу о помощи, стремилась спасти и немогл.. То ей мерещилась умершая ба- бушка, съ ея ребенкомъ на рукахъ... Она отымала у нея Генриха, протягивавшаго къ ней руки и не могла отнять!.. То бѣдняжкѣ казалось, что она свершила какое-то страшное преступленіе и наказана за него смертью дѣтей; ей чудился мужъ ея гнѣвный, суровый... Онъ упрекалъ ее жестоко, не слушая ея оправданій, гналъ ее отъ себя, отъ ея маленькаго Эдгара, кудато въ бездну, въ клочокъ вавшее подъ ногами ея море, откуда утопленникъ мертвый Отто тоже протягивалъ къ ней окоченѣвшія руки, маня и призывая ее въ свои объятія...

Это былъ мучительный бредъ, который она сама рассказывала въ отрывистыхъ, горячешныхъ возгласахъ, въ жадобахъ

и просьбахъ о пощадѣ. Имя Отто Реймана, ея дѣтской, единственной, чистой любви, то и дѣло срывалось съ устъ ея, въ тяжелыхъ стонахъ, потрясавшихъ жалостью сердца всѣхъ, у кого они бились въ груди.

Принцъ Эдгаръ былъ пораженъ, изумленъ, уничтоженъ!

Что значило это неслыханное имя?.. Кто этотъ невѣдомый Отто?.. Боже праведный! Неужели она, Эмма, этотъ кроткій ангель, это воплощеніе чистоты и непорочнаго спокойствія, всю жизнь его обманывала?.. Втайнѣ насмѣялась надъ его довѣріемъ, надъ честью его?! А онъ—то!.. Онъ, въ сущности никогда ее не любившій; онъ,—мужчина, не обязанный, какъ она хранить, честь имени и семейное спокойствіе,—онъ вотъ болѣе полугода борется съ собою! Страдаетъ, подавляя одолевшую его, единственную, первую страсть къ женщинѣ, во сто кратъ лучше, прекраснѣе и достойнѣе вѣроломной жены его,—только по принципу?.. Единственно ради чувства долга, щадя и жалѣя ее!.. Неужели онъ въ ней ошибается?.. Неужели она недостойна даже сожалѣнія?!

— Что это значить, графиня? въ первый же вечеръ, въ день погребенія сына и окончательной болѣзни жены, спросилъ онъ, едва улучивъ минуту, догнавъ ее, когда она шла по корридору въ свою комнату.

Она повернулась къ нему и стала, глядя на него съ отчаяніемъ, съ глубокою скорбью во взорѣ.

— Что?..

— Это имя! Кто онъ?..

— Какъ знать мнѣ это?!

— Богъ милосердный! Да вы же, когда мы съ докторомъ вошли, говорили ей о какомъ то утопленникѣ... Вы—назвали какого-то Отто, которымъ эта несчастная теперь бредить! Кто онъ?..

Графиня Рейзенштернъ окинула его, съ ногъ до головы, взглядомъ, достойнымъ искусства Рафели и вдругъ, отчаянно заломивъ надъ головой свои руки, прошептала голосомъ, полнымъ трагизма:

— Не спрашивайте меня!.. Не спрашивайте! Я ничего не понимаю!.. Спросите Денверсъ... Вы слышали? Она первая назвала мнѣ этого человѣка. Могла-ли я думать?!

И закрывъ дивно-прекрасное лицо, дивно-прекрасными руками графиня, чуть-ли не шатаясь, ушла къ себѣ, оставивъ Альтенгейма въ совершенномъ недоумѣніи, съ крѣпко забывшимся сердцемъ, взволнованнымъ не одной тревогой за жену, ея болѣзнь и ея необъяснимый бредъ...

Впрочемъ, онъ скоро опомнился и прямо пошелъ въ дѣтскую.

Няня укладывала маленькаго Эдгара спать, уговаривая его быть умницей. Мальчикъ капризничалъ и шалилъ. Увидавъ отца, онъ бросился къ нему, крича, что онъ хочетъ видѣть мамма и Генриха, чтобъ его пустили къ нимъ.

— И Генрихъ, и мамма очень больны, мой бѣдный мальчикъ!— печально отвѣтилъ ему отецъ и прямо обратился къ Денверсъ:

— Скажите, пожалуйста, кто это такой, знакомый принцессы, утонулъ?.. Зачѣмъ ей сказали объ этомъ? Она и безъ того такъ больна и встревожена, а ее напугали!.. Это глупо и неосторожно!

— Кто?.. Что такое?.. Я и не была у принцессы и ничего не знаю!—перенугалась старуха.

— Я не знаю, кто сказалъ ей, но она встревожилась и теперь бредить смертью какого-то Отто...

— Отто?! Милостивый Боже! Но откуда могла она провѣдать?.. Она его знала, точно, въ замкѣ Рейзенштернъ, моего бѣднаго мальчика Отто!

И Денверсъ расплакалась въ два ручья.

— Прекрасно! Но кто же онъ?—рѣзко прикрикнулъ герцогъ.

— Онъ?..—оторопѣла нянька.—Онъ мой племянникъ... Сынъ моей сестры, Отто Рейманъ!.. Поѣхалъ тогда въ Америку, въ Австралію... Теперь, вотъ, нишуть: погибъ! Погибъ со всѣмъ кораблемъ, неизвѣстно когда и гдѣ.

Принцъ Эдгаръ не сталъ слушать жалобныхъ разсказовъ фрау Денверсъ. Быстро отвернувшись, онъ вышелъ скорыми шагами изъ дѣтской, заперся въ своихъ комнатахъ и до полночи ходилъ, лучше сказать метался въ одиночествѣ, растерянно повторяя:

«Этого еще не доставало!.. Какой-то мужикъ! Родственникъ Денверсъ!.. Посрамленіе!»

Насилу совладалъ съ собою принцъ Альтенгеймъ. Онъ былъ честный человѣкъ. Онъ старался быть хорошимъ семьяниномъ и добрымъ мужемъ своей не любимой имъ, но достойной любви и уваженія, доброй и честной жены. Онъ и теперь сожалѣлъ искренно о ней и желалъ бы всей душою облегчить ея страданія... Но равновѣсіе чувствъ его и убѣжденій въ ея праву на преданность его и предпочтеніе другимъ были нарушены... Онъ не считалъ себя, какъ прежде, навѣки связаннымъ,—онъ не находилъ уже въ себѣ достаточно рѣшимости

и силъ бороться съ одолѣвавшей его страстью къ другой женщинѣ.

А когда злой недугъ полегчалъ и здоровье и силы стали понемногу возвращаться къ измученной тѣлесно и душевно Эмиѣ Альтенгеймъ, мужъ ея былъ отъ нея оторванъ и въ тревогѣ, съ отчаяніемъ въ сердцѣ помышлялъ: на что она ему?.. Какъ теперь поступить ему съ нею?.. Какъ переустроить жизнь и поправить неисправимую ошибку союза съ женщиной недостойной довѣрія, не любимой имъ и къ тому же стоящей на столько ниже его по чувствамъ, стремленіямъ и понятіямъ, что ей не сдумѣть никогда достойно поддержать его имени, его сана, въ особенности того высокаго положенія, которое ждетъ его нынѣ?..

И тутъ невольныя сравненія съ умомъ, величавой красотою и обаяніемъ Людмилы Рейзенштернъ заставляли герцога отчаянно падать духомъ.

Она бы поняла его состояніе, еслибы онъ даже умѣлъ его скрывать; но онъ не умѣлъ и не пытался лицемѣрить. При первомъ случаѣ, при первомъ ихъ свиданіи наединѣ, онъ высказалъ графинѣ прямо свое отчаяніе, безвыходность своего положенія.

— Мы никогда другъ друга не любили,—но нынѣ, когда я узналъ, что жена моя любила, быть можетъ и теперь любить другаго... и кого?!. Я чувствую, что между ею и мною—бездна!—горько высказался принцъ, стараясь не смотрѣть въ лице Людмилы.

Лице это мгновенно поблѣднѣло... Она чувствовала, что несмотря на усилія его, на его борьбу съ собою, минута наступила! Что онъ выскажетъ все, — если она ему это позволить...

Но позволить она ему еще не хотѣла! Время еще не совсѣмъ приспѣло для того.

Она сказала взволнованнымъ, полнымъ сочувствія голосомъ:

— Дорогой другъ мой, не преувеличивайте ала! Бѣдная Эмма могла, въ ранней молодости, сдѣлать дурной выборъ, увлечься недостойнымъ; но ставъ женой вашей, она съ умѣла бы всегда нести свое положеніе съ достоинствомъ, еслибы... еслибы даже этотъ человѣкъ не умеръ... Теперь-же чего-жъ вамъ бояться?

— О! Я ровно ничего не боюсь! раздраженно возразилъ принцъ. Не боюсь—за себя! Но за участь дѣтей своихъ, за преусупянiе своего рода, вѣрннана женщинѣ, которая не чувствуетъ своихъ обязанностей и не можетъ стоять на высотѣ

своего положенія, — боюсь!.. Боюсь до того, что не знаю радоваться ли мнѣ, смѣю-ли я радоваться ея выздоровленію.

— О! Боже мой! Какъ можете вы говорить такъ, Эдгаръ?.. Это жестоко!.. Лучше разведитесь съ женой вашей! — въ негодованіи воскликнула Людмила.

— Развестись? Затѣять скандалъ на всю Европу и лишиться самому, лишитъ своихъ дѣтей весь родъ Альтенгеймовъ славной будущности, которая теперь въ моихъ рукахъ? Я бы развелся, — еслибъ былъ частнымъ человѣкомъ! Но въ настоящихъ обстоятельствахъ — это невысказано!

Еще сильнѣе поблѣднѣла графиня Рейзенштернъ... Приговоръ Эммы Альтенгеймъ былъ въ этихъ роковыхъ словахъ ея мужа...

«А я-то! Я-то рассчитывала!.. Безумная! Онъ вполне правъ!.. Разводъ его погубилъ-бы и мнѣ ни къ чему не послужить!»

— Вы правы! сказала она — Даже ради собственнаго счастья вы не должны жертвовать вашей родовой славой!

— Вы понимаете это, я знаю! восторженно прервалъ принцъ Эдгаръ.

— Кто-же, себя уважающій не пойметъ, этого? возразила Людмила. — Вы обязаны смириться, другъ мой!.. Постараться объяснить бѣдной Эммѣ ея обязанности...

— Она никогда не пойметъ ихъ!.. Пожертвовать личнымъ счастьемъ, ради будущности Эдгара и нашихъ потомковъ, я могу и обязуюсь. Но предпринимать невозможную задачу, — вразумлять неразумную, до двадцати пяти лѣтъ прожившую безъ разума и твердыхъ правилъ женщину, — невысказано!.. нѣтъ! Я возьмусь самъ воспитывать своего сына. Я съ нимъ уѣду, куда призываютъ насъ обязанности, — а она пусть остается здѣсь! Пусть, по болѣзни, проживаетъ въ Альтенгеймѣ... Въ томъ ничего не будетъ зазорнаго, — ни для нея, ни для свѣта. А... а съ собою я справлюсь!

Восторженная улыбка освѣтила лицо Людмилы.

Движеніемъ полнымъ правды, полнымъ увлекательнаго, не сдержаннаго порыва, она протянула ему руку, воскликнувъ:

— Я узнаю васъ, принцъ Эдгаръ!.. Я васъ глубоко уважаю!

И вырвавъ у него руку, къ которой онъ припалъ губами, она поспѣшно вышла изъ комнаты... не такъ скоро однако, чтобы онъ не могъ увидѣть въ открытую ею дверь, движеніе полное отчаянной скорби, съ которымъ она поникла головою на грудь, а потомъ отбросила ее на затылокъ, раскачиваясь какъ бы въ припадкѣ сильнѣйшей физической боли.

Сдержавъ невольный порывъ, герцогъ бросился въ кресла и тоже, но не притворно, поникъ головою на руки.

Людмила Юрьевна между тѣмъ ушла къ себѣ и впала въ глубокое, озабоченное раздумье. Настала рѣшительная часть! Она понимала, что теперь или никогда надо сдѣлать рѣшительный шагъ, — взять съ бою все или сразу отъ всего отказаться. Въ этотъ день берлинскій докторъ откланялся. Пациентка его на столько оправилась, что онъ спокойно могъ предоставить ея дальнѣйшее выздоровленіе «нѣжными заботамъ любви и дружбы,» — какъ онъ изысканно выразился съ легкими поклонами супругу и «прекрасной кузинѣ» больной. Передъ отъѣздомъ онъ составилъ подробную инструкцію, какъ продолжать уходъ и леченіе, до окончательнаго укрѣпленія нервной системы и силъ принцессы Альтенгеймъ. Въ средствахъ имъ прописанныхъ были и капли и втиранія, дѣйствующія болѣе или менѣе усыпительно, успокоительно, а подчасъ и разрушительно на человѣческой организмъ. Вліяніе и сила ихъ вполне зависѣли отъ дозы и способа ихъ употребленія...

Домашнему доктору Альтенгеймъ оставалось мало дѣла. Опъ добросовѣстно являлся еще нѣсколько дней по отъѣздѣ великаго собрата, но могъ лишь радоваться быстрому возвращенію здоровья герцогини.

Когда Эмма встала и хотя еще очень слабая, но могла войти въ обычную колею жизни, графиня Рейзенштернъ начала все настойчивѣй и настойчивѣй поговаривать объ отъѣздѣ... Ее усиленно призывалъ дядя. Бѣдный старикъ былъ снова боленъ... Ей необходимо было къ нему возвратиться. Эмма упрашивала ее остаться еще нѣкоторое время. На дняхъ принцъ Эдгаръ долженъ былъ снова ѣхать въ Берлинъ; она опять останется одна — одинешенька... Теперь одиночество ей вдвое тяжелѣй! Еслибъ милая Лида осталась съ ними до весны, когда и ей съ маленькимъ Эдгаромъ можно будетъ оставить постылый замокъ; когда положеніе герцога на столько опредѣлится, что имъ, быть можетъ возможно будетъ не разлучаться, — тогда пусть ѣдетъ къ дядѣ...

Ужъ вѣрно онъ не такъ боленъ, чтобъ необходимо было спѣшить?

Графиня знала, что Дарзансъ именно боленъ такъ, что надо спѣшить; но зачѣмъ ей было рассказывать объ этомъ? Ей очень бы хотѣлось вернуться прямо къ его похоронамъ; она съ недѣлю ужъ знала, что у него былъ снова ударъ, что онъ лежитъ недвижимъ въ ожиданіи смерти и ждала каждый день извѣстія, что все кончено, чтобъ разыграть отчаяніе и уѣхать въ самую пору... Эммѣ и принцу она говорила, что дядя болѣетъ обычными старикамъ, сильно пожившимъ, недугами. А больше хандрить и скучаетъ по ней.

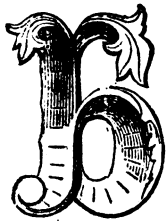
Въ полномъ невѣдѣніи о своемъ бредѣ, о происшедшей перемѣнѣ въ чувствахъ къ ней мужа и о жестокомъ его намереніи заключить ее въ Альтенгеймѣ, какъ въ монастырѣ, герцогиня казалась спокойной въ своей кроткой покорности судьбѣ. Она, правда, съ удивленіемъ замѣчала небывалую сдержанность и холодность въ обращеніи съ ней мужа; но не избалованная его любовью, относила его молчаливость и угрюмый видъ къ печали по умершемъ сынѣ и къ тревожному ожиданію все ближе наступающихъ перемѣнъ въ ихъ положеніи и судьбѣ. Она знала, что по первой телеграммѣ принцъ обязанъ все бросить, забыть свои личные дѣла и печали и ѣхать къ умиравшему родственнику, въ ихъ будущую резиденцію, — столицу ихъ будущихъ владѣній. Она ужъ свыклась съ мыслью объ этомъ и покорилась, какъ всегда, безропотно необходимости.

Повинуясь рѣшенію медиковъ, предупредившихъ его съ томъ, что всякое волненіе или огорченіе могутъ быть смертельны женѣ его, герцогъ молчалъ, выжидая событій.

Они себя ждать не заставили.

XIV.

ыло яркое февральское утро. По горамъ еще лежали нетронутые снѣга, но дороги ужъ были испорчены, санный путь прекратился; по всей долинѣ Зоннербергена слышался усиленный шумъ воды, въ лѣсахъ усиленная возня и щебетъ птицъ, а въ Альтенгеймскомъ паркѣ ужъ очищали дорожки и садовники дружно работали. Въ большой, свѣтлой столовой замка кончился завтракъ. Хозяинъ попрѣсилъ у гостя и жены позволенія закурить сигару за чашкой кофе; бесѣда шла о томъ, можно ли выйти сегодня Эммѣ на балконъ подышать свѣжимъ воздухомъ...

Графинѣ подали телеграмму.

Она распечатала ее довольно равнодушно, по прочтѣ, слабѣ

вскрикнула, привстала было и, вновь упавъ на стулъ, залилась слезами.

Принцъ Эдгаръ тревожно всталъ. Жена его задрожала и вся побѣлѣла, отъ испуга.

— Простите меня! Простите, я васъ напугала! проговорила Людмила Юрьевна, стараясь совладать съ собою.— Я должна сейчасъ ѣхать... Мой бѣдный дядя!

— Что случилось? Онъ заболѣлъ сильноѣ? спросилъ герцогъ.

Людмила скорбно покачала головой и едва выговорила, подавая ему телеграмму:

— Онъ умеръ! А меня съ нимъ не было!.. О! я никогда не прощу себѣ этого!

Черезъ минуту она встала, собравшись съ силами и сказала.

— Друзья мои! Я должна васъ оставить, проститься съ вами на нѣкоторое время. Я сегодня же должна выѣхать... Пойду къ себѣ, собраться.

И она медленно вышла, но за дверью прибавила шагу и, мимоходомъ, зашла въ спальню Эммы.

— Бѣдная Лидя!.. Какъ скучно мнѣ будетъ безъ нея! сказала Эмма, отирая глаза.

— Да! Графиня Рейзенштернъ женщина какихъ мало—скажаль, вставая принцъ Эдгаръ.— Когда она плачетъ—ее можно пожалѣть, потому что ея слезы не дешевы!

И онъ вышелъ изъ столовой, не глядя на жену.

Часа черезъ два онъ вошелъ на верхъ въ будуаръ герцогини. Тамъ не было никого, но изъ спальни ея слышались голоса.

— Могу я войти? спросилъ онъ.

Ему отворила жена.

— О, да, мой другъ! Мы здѣсь съ Лидой... Она ужъ со всѣмъ собралась и такая добрая,—все мнѣ рассказываетъ, какъ ей говорилъ докторъ. Учить меня, чтобъ я безъ нея не перемѣшала лекарствъ, какъ и что принимать нужно, въ случаѣ припадка...

— Еще бы васъ не учить, когда вы, какъ маленькій ребенокъ о себѣ не умѣете позаботиться! слабо улыбаясь, отозвалась Людмила.— Вотъ, послушайте, принцъ Эдгаръ: я и вамъ скажу... Вотъ это—втиранье; это лавро-вишневья капли, довольно сильныя,—съ морфіемъ, ими не надо злоупотреблять... А вотъ это хлораль: его можно, въ случаѣ безсонницы, дать выпить пѣлую рюмку...

— Позвольте! перебилъ ее довольно холодно герцогъ.— По-

трудитесь рассказать это горничной Эммы или старухѣ Денверсъ... Я не могу быть исполнителемъ вашихъ приказаній, графиня, потому что самъ долженъ ѣхать тотчасъ, вмѣстѣ съ вами...

— Какъ?.. Почему?.. съ трудомъ выговорила принцесса, испуганно глядя на мужа.

Людмила ничего не сказала, только мелькомъ взбросила на него глаза и тотчасъ опустила рѣсницы.

— Давеча утромъ я не прочелъ внимательно своихъ писемъ—объяснялъ герцогу.—Теперь перечелъ ихъ и вижу, что мнѣ необходимо ѣхать.. Я провожу васъ до Берлина, графиня.

— Я очень рада за себя,—спокойно отвѣчала Людмила,—но мнѣ жаль бѣдненькую Эмму!.. Какже она останется со всѣмъ одна?.. Неужели вы не боитесь?

— О! Мнѣ не привыкать! вздохнула Эмма.

— Когда вы были здоровы,—да! Но теперь я, въ качествѣ вашей *garde malade*, положительно этому противлюсь. Я прошу васъ, принцъ Эдгаръ, остаться хоть на два-три дня!.. Я бы не удерживала васъ, если бы сама могла остаться: но вы понимаете, что я должна поспѣть къ похоронамъ бѣднаго дяди, своего второго отца, любившаго меня, какъ родную дочь! Я—должна ѣхать сейчасъ! Вы же можете подождать!.. Если бы была необходимость—вамъ бы телеграфировали,—вы это знаете. Значитъ необходимости въ немедленномъ присутствіи вашемъ пока еще нѣтъ?.. Зачѣмъ же спѣшить?.. погодите:—я нарочно побываю въ Берлинѣ у нашихъ общихъ родственниковъ и родственницъ,—неужели не найдется доброй души, которая взялась бы временно замѣнить насъ съ вами, возлѣ милой нашей Эммы?.. Молчите! Молчите, Эмма!.. Вѣдь не церемонныхъ же гостей я пришлю вамъ!

— Не церемонныхъ и никакихъ гостей я не хочу!—тихо, но твердо заявила принцесса.—Поѣзжайте въ Россію и пусть Эдгаръ ѣдетъ по своимъ дѣламъ...

Но голосъ ея утонулъ въ потокѣ горячихъ убѣжденій графини, ихъ не прервавъ.

Нахмуренный и чуть не до крови закусивъ губы, стоялъ безмолвно, слушая ее, герцогъ Альтенгеймъ.

— Извольте!—закончила графиня свою страстную рѣчь.—Если вы не хотите общества—я не пришлю никого, кромѣ хорошей, опытной сидѣлки, которая, въ случаѣ чего,—меня замѣнитъ! Я попрошу нашего милаго, стараго доктора, ее прислать вамъ!.. Она пріѣдетъ не позже двухъ дней и тогда,

cher cousin Edgar, отправляйтесь съ Богомъ, куда хотите!.. Тогда мы можемъ быть спокойны за нее!

И обнявъ Эмму нѣжно, она поцѣловала ея блѣдную щеку, съ видомъ любящей старшей сестры, покровительствующей сестрѣ меньшей, больной и горячо любимой.

Альтенгеймъ внутренно вспыхнулъ при видѣ этой ласки. Доброта графини Рейзенштернъ показалась ему жестокимъ упрекомъ и урокомъ ему, забывшему было жалость...

— Хорошо!—сказалъ онъ, смущенно улыбаясь и пожавъ слегка плечами... Я останусь, если вы находите, что Эмма еще нуждается въ присмотрѣ, какъ больная... я этого не думаю!

— Кузина Лида, право, слишкомъ добра!.. я совершенно здорова!—протестовала Эмма.

— И прекрасно! Я очень рада!.. Но все же васъ одну еще нельзя оставить. Merci, cousin Edgar, за ваше послушаніе... Я увѣрена, что докторъ нашъ меня похвалитъ... А теперь—до свиданія, дорогіе мои! Богъ да благословитъ васъ, милая Эмма!.. Не забудьте, что обѣщались навѣстить меня во Флоренціи, какъ только я возвращусь изъ Россіи.

— Вы позволите по крайней мѣрѣ проводить васъ до станціи?—спросилъ Альтенгеймъ.

— О, да!.. Я даже васъ попрошу проводить меня черезъ паркъ. Она посмотрѣла на часы.

— Время есть еще. Вещи мои отосланы съ людьми, а я признаюсь, рассчитывала на вашу любезность, cher cousin: мнѣ необходимо пройти! У меня такъ болитъ голова!.. Черезъ паркъ сойти не далеко...

И они пошли, она опираясь на руку его, печальная, но совершенно спокойная; онъ—едва скрывая трепетное волненіе, въ которомъ было и горе близкой разлуки и счастье чувствовать прикосновеніе ея, близость страстно любимой имъ женщины.

Принцесса Эмма, блѣдная, до прозрачности исхудавшая, стояла у большаго окна готической залы, смотрѣла имъ вслѣдъ, печально улыбаясь и дружески кивая головой, въ отвѣтъ на обороты головы графини. Вотъ они остановились на послѣднемъ поворотѣ въ аллею... Принцъ не подымалъ глазъ на окно,—одна спутница его кланялась, махала ей платкомъ и посылала поцѣлуи...

Вотъ онъ сказалъ ей что-то, она улыбнулась такъ ласково и грустно, въ послѣдній разъ кивнула головой и оба скрылись за прозрачными, едва оттаявшими деревьями... Мелькнули раза два и совершенно исчезли.

— Какіе оба они красавцы!—подумала Эмма, вздохнула и отошла отъ окна.

— Только за что Эдгаръ все сердится?.. Непонимаю!

— И такъ вы не позволили мнѣ васъ проводить, графиня?—рѣзко спрашивалъ въ эту самую минуту свою молчаливую спутницу принцъ Эдгаръ.

Она отвѣчала ему цѣлымъ потокомъ упрековъ за безчеловѣчное его обращеніе съ женой. Она говорила съ убѣжденіемъ, съ страстью, съ силой,—какъ власть имѣющая судить и укорять.

Онъ молчалъ, глядя на нее, мало слыша слова ея, но много чувствуя и любясь ея красотой, забывалъ все, кромѣ близости ея и все жарче, все безумнѣй разгоравшейся въ немъ страсти. Онъ не замѣтилъ долго-ль шли они, гдѣ проходили; но опомнился, заслышавъ паровой свистокъ... Тогда онъ сталъ какъ вкопанный, задержавъ и ее и осмотрѣлся.

Они ужь стояли у выхода изъ парка, подъ горой. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ, за оградой, виднѣлась станція желѣзной дороги. Со всѣхъ сторонъ окружали ихъ безлиственные деревья великаны, непроникаемая путаница вѣтвей и ясная тишь; а надъ головами сіяло небо, съ проблесками ранжевой зари и опаловыми облачками, таявшими на закатѣ.

Принцъ Эдгаръ осмотрѣлъ однимъ взглядомъ все это и остановилъ его на красавицѣ, шедшей съ нимъ рядомъ, опиравшейся на руку его.

Мигъ, одинъ взглядъ въ его загорѣвшіеся глаза—и Людмила отступила, по видимому въ ужасѣ, въ жестокомъ смущеніи... Но онъ захватилъ обѣ руки ея своими сильными руками. Онъ, не спуская съ нея властнаго взгляда, медленно притягивалъ ее къ себѣ и она приближалась, будто повинувшись неотразимому влеченію, силѣ, противъ которой она была бессильна! Вся блѣдная отъ невѣдомаго волненія, закрывъ безпомощно глаза, она склонялась къ нему, пока не упала на богатырскую грудь принца Эдгара Альтенгейма, пока могучіи объятія его не запахнулись на ней, въ страстномъ, безумномъ порывѣ любви...

Ихъ видѣлъ только одинъ человекъ: старый Гейзе, незамѣченный ими стоялъ не вдалькѣ на пригоркѣ.

Секунда и Людмила съ силой вырвалась, и оттолкнувъ отъ себя Эдгара, шатаясь какъ опьянѣлая, дрожащими губами произнесла:

— Стыдитесь!.. Какъ смѣли вы?... Ну, да! Я васъ люблю! Люблю, но тѣмъ хуже для насъ обоихъ!

И не дождавшись отвѣта, не оглядываясь, она чуть не сбѣгомъ побѣжала изъ парка на дорогу къ станціи. Принцъ Альтенгеймъ едва догналъ ее, едва сохранилъ присутствіе

духа, чтобъ довести ее до вагона и прилично проститься на людяхъ. Едва она сѣла, дали третій сигналъ.

Въ купе графиня Рейзенштернъ упала въ изнеможеніи на подушки. Она дѣйствительно задыхалась отъ волненія, отъ быстрой ходьбы и боязни опоздать.

Когда равномерное движеніе по рельсамъ привело ее въ себя, она встала, опустила стекло и съ наслажденіемъ вдохнувъ въ себя холодный воздухъ, задумалась о томъ, какъ искусно она «все это» разыграла, до послѣдняго рѣшительнаго момента. Прощальный поцѣлуй ея и объятія сослужавшей вѣрную службу, надолго останутся въ памяти принца за помощью ея взаимной любви...

Лишь бы все «остальное» случилось по ея предначертаніямъ!.. Такъ, какъ она давно задумала по плану, который сегодня наконецъ привела въ исполненіе... И кажется безошибочно?..

А что-то еще ждетъ ее тамъ, въ Петербургѣ?! Не будетъ-ли неприятностей съ Дарзансами? Не затѣять-ли племянники Валентина Львовича тяжбы изъ за наслѣдства?.. Тѣмъ хуже для нихъ: заплатятъ судебныя издержки!.. А у нея все въ порядкѣ.

Людмила Юрьевна сняла съ сѣтки свой дорожный несесеръ, ее никогда не покидавшій, вынула ключикъ, который она носила какъ крестъ или вмѣсто креста, на шейной золотой цѣпочкѣ, но потомъ раздумала его открывать, до прихода оберъ кондуктора. Когда онъ пройдетъ, она запрется и на досугѣ займется расчетами.

А пока, она прислонилась къ бархатной подушкѣ своего спального купе и снова задумалась о томъ, какъ это будетъ въ Альтенгеймѣ?..

Въ это время герцогъ Зоннербергенскій, сильно возбужденный и опечаленный, шелъ быстрыми шагами домой. На сердцѣ его была великая тягость, — въ мысляхъ хаосъ!.. Онъ чувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ своему дому. Онъ ненавидѣлъ жену, но еще сильнѣе ненавидѣлъ и презиралъ самого себя. Онъ шелъ, какъ опьянѣлый, забываясь, чуть небѣжалъ, потому что сильное волненіе требовало исхода хотя бы въ моціонѣ и физическомъ утомленіи; но едва вспоминалъ, куда и къ чему онъ возвращался, онъ замедлялъ шаги и даже останавливался совсѣмъ хмурый и гнѣвный.

Почти дойдя до входа въ замокъ, онъ круто повернулъ назадъ и пошелъ прочь по другой аллеѣ, самъ не зная зачѣмъ и куда. Онъ снялъ шляпу съ густыхъ, непокорныхъ волосъ, вившихся какъ львиная грива, лица вѣтра, который могъ бы

прокладить его пылавшую голову. Но въ ясномъ воздухѣ еще не погушлага дня стояла тишь. Зимній вечеръ красовался въ однообразныхъ, но яркихъ краскахъ; на зенитѣ мигали двѣ три брильянтоваы звѣздочки, серебряный рожокъ молодого мѣсяца спускался на западѣ, еще горѣвшемъ отблескомъ закатившагося солнца.

Принцъ Альтенгеймъ шелъ ни на что не глядя, пока не дошелъ до края обрыва. Тутъ онъ поднялъ опущенную голову. Передъ нимъ была каменная сторожка, а на порогѣ ея понуро сидѣлъ старый Гейзе. Воронъ Цаубереръ расхаживалъ у ногъ его, словно читая то, что въ задумчивости чертилъ тросточкой по песку, его хозяйинъ... Онъ всталъ, увидавъ приближавшагося герцога, а воронъ взмахнулъ крыльями, тяжело взлетѣлъ и, покругившись надъ головами ихъ, съ громкимъ жарканьемъ полетѣлъ къ замку.

— Что это воронъ твой на меня наклоняетъ бѣду?— замѣтилъ принцъ Эдгаръ, ласково отвѣчая на поклонъ его.

Германъ Гейзе покачалъ головой, печально улыбаясь и отвѣчалъ.

— Нѣтъ, ваша свѣтлость! Мой Цаубереръ провидитъ бѣды, но не можетъ накликать ихъ на того, кто самъ на себя не призываетъ ихъ.

«Что за библейская фигура у этого страннаго человѣка!» подумалъ принцъ.

— А что, старина! Не дашь-ли ты мнѣ стаканъ воды? У меня что-то въ горлѣ пересохло! попросилъ онъ.

И въ ожиданіи Гейзе ушедшаго въ сторожку за водою, онъ снова поникъ головой...

Въ глаза ему метнулись буквы... Строки явственно начертанныя на сбромъ пескѣ, разсыпанномъ у каменнаго крылечка.

Принцъ невольно прочелъ:

«Мервостны беззаконія блудницъ и нечестивыхъ предъ лицемъ Бога—Савасоа!»

Станнымъ взглядомъ пристально посмотрѣлъ принцъ Эдгаръ въ строгое лице старика, принимая изъ рукъ его кружку воды, но не сказалъ ни слова. Напился и, кивнувъ головой, скорыми шагами пошелъ къ замку, надъ которымъ все еще леталъ, каркая, черный воронъ.

Въ эту ночь Эмма Альтенгеймъ чувствовала сильное лихорадочное состояніе и никакъ немогла заснуть. Странное обращеніе мужа ее очень тревожило!.. Она всегда предъ нимъ робѣла, теперь же терялась окончательно. Да и помимо этой тревоги, во мракѣ ночи всѣ ея утраты и печали возставали съ особенной силой въ наболѣвшей душѣ, а воображеніе воплощало ихъ мучительные образы, терзавшіе ее невыносимо!

Она измучилась въ ожиданіи не приходившаго сна и вдругъ вспомнила:

«Да вѣдь стоитъ принять хлораль!.. Боже мой! Ну не безумная-ли? Такъ измучаться и забыть, что средство подъ рукою!»

Эмма зажгла свѣчу, раздвинула цѣлую баттарею стеклянокъ и банокъ на своемъ ночномъ столикѣ и взяла ту, въ которой была ей знакомая, прозрачная, какъ вода жидкость съ надписью: х л о р а л ь.

«Какъ его мало осталось! подумала она. Надо завтра послать за нимъ въ аптеку...»

Она вылила все, что было въ пузырькѣ въ рюмку и залпомъ выпила ее.

Почти тотчасъ по ней пробѣжала пріятная теплота; словно горячая струя крови поднялась къ мозгу, отуманивъ ея сознаніе. Эмма упала на подушки и ея послѣдними помыслами были:

«Ахъ! Еслибы забыться! Заснуть!.. Спать такъ хорошо, когда нѣтъ сновъ... Еслибы не маленькій Эдгаръ, я бы хотѣла заснуть на вѣки... Прости меня Боже и помилуй!»

И Эмма Альтенгеймъ заснула.

На третій день, въ самое утро похоронъ Валентина Львовича Дарзанса, графиня Людмила Юрьевна прибыла въ Петербургъ. Она еще не успѣла поклониться гробу дяди, какъ ей подали ожидавшую ее телеграмму:

«Жена моя скоростижно скончалась въ ночь отъ нервного удара.
Эдгаръ Альтенгеймъ.»

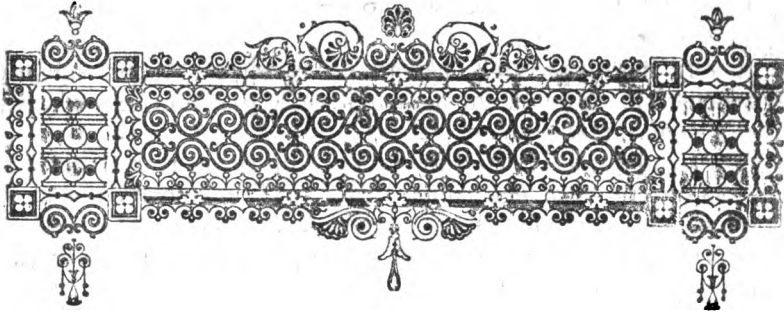
Вѣроятно, сердце графини Рейзенштернъ забилося нѣсколько сильнѣй; быть можетъ и блѣдность, покрывшая щеки ея, была болѣе вызвана этимъ извѣстіемъ, нежели видомъ катафалка, на которомъ лежали бранные останки ея воспитателя и друга, но волненія своего она не выдала больше ничѣмъ.

Отстоявъ торжественную панихиду, она между ней и выносомъ тѣла нашла свободную минуту для отвѣтной телеграммы:

«Скорблю душевно. Мужайтесь, другъ мой!.. Жду подробностей.
Графиня Рейзенштернъ.»

Послѣ похоронъ она еще написала герцогу письмо, которое обдумывала всесторонне и въ тотъ-же день ни съ кѣмъ, кромѣ дѣльцевъ, повѣренныхъ покойнаго Дарзанса не повидавшись, уѣхала въ деревню, въ ту самую деревню, гдѣ была похоронена Елена. Тамъ она на время поселилась одна; или почти одна, если не считать за общество дипломированной учительницы нѣмки, нарочно выписанной изъ Берлина, для практики и изученія нѣмецкаго языка, которому графиня предалась усердно.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Разбита волнами.

I.

Никогда, до этого, захолустное село Поляново, гдѣ проводила весну въ траурѣ и полномъ уединеніи его новая владѣлица графиня Людмила Юрьевна, не видывало такого множества писемъ изъ заграницы, какъ теперь. Ихъ получала камеристка парижанка, довѣренный слуга Эльзасецъ, учительница изъ Берлина и, разумѣется, всего болѣе сама графиня. Впрочемъ, ея корреспонденція разнообразіемъ не отличалась и всѣ почти письма, получаемыя ею, носили одну и ту же подпись. Ея препровожденіе времени отличалось еще большимъ однообразіемъ: занятія, разговоры съ фрейленъ Зоммеръ, безконечныя чтенія нѣмецкихъ классиковъ, поэтовъ и романистовъ современныхъ и отшедшихъ; потомъ прогулки ради гимнастики и моціона, не дальше своего огромнаго, запущеннаго сада; прогулки, состоявшія изъ двухъ-трехъ верстъ, ежедневно обѣгаемыхъ вокругъ одной и той же старой аллеи или изъ поѣздки верхомъ по уединеннымъ окрестностямъ,—вотъ и все!.. Никакихъ знакомствъ. Сосѣди тщательно избѣгались. Двое трое изъ нихъ, покусившіеся на посѣщеніе, не были приняты и должны были «не солоно хлебавши повернуть оглобли»—по выраженію одного изъ нихъ, бывшаго садовника и стараго знакомаго Недвиновыхъ и Дарзанса.

Это былъ желчный, самолюбивый старикъ, раздраженный послѣдними неудачами своей жизни. Онъ ей не могъ простить неучтивости и графиня была совершенно убѣждена, что никто

какъ онъ постарался ей, вскорѣ послѣ того, устроить крупную непріятность, которая не осталась безъ результатовъ на дальнѣйшія событія жизни ея.

Въ одно утро ей подали письмо, безъ почтовой марки... Предвидя что либо необыкновенное, какую нибудь новую со-сѣдскую выходку, она не безъ волненія распечатала конвертъ и не ошиблась. Тамъ оказались вырѣзки изъ нѣмецкихъ и французскихъ газетъ прошлаго мѣсяца и довольно объемистая, по нимъ составленная статья одной изъ русскихъ большихъ газетъ, на тему «Альтенгеймовскихъ драмъ»... Въ нихъ обращали особое вниманіе на странное совпаденіе драматическихъ событій въ замкѣ съ ея пребываніемъ въ гостяхъ у его владѣтелей. Въ русской газетѣ ее называли чуть не прямо по имени и кромѣ подробностей о смертяхъ мужа ея, Бреммера, двоихъ дѣтей и жены герцога Зоннербергенскаго, еще злорадно указывали на преждевременную кончину Елены Дарзансъ и на смерть отца ея, обездолившаго всѣхъ кровныхъ наслѣдниковъ своихъ, въ пользу ея одной, — дальней родственницы своей по женѣ, не имѣвшей на его наслѣдство никакихъ законныхъ правъ...

«Впрочемъ, — заканчивала газета свои недвусмысленные намеки, — законны или незаконны средства, которыми эта русская космополитка умѣетъ держать въ рукахъ нужныхъ ей людей, — средства эти всеильны!.. Извѣстно, что и бракъ ея съ графомъ Р* не обошелся безъ кровопролитной трагедіи; но тѣмъ не менѣе она взяла и мужа, какъ наслѣдіе дяди, съ бою... Встрѣча съ этой новой Лурлеей положительно не безоснасна!..»

Гнѣвный румянецъ вспыхнулъ на лицѣ Людмилы и долго не сходилъ съ него. Она быстро ходила по комнатѣ, погруженная въ лихорадочныя размышленія и много разъ на ходу перечитывала газетныя вырѣзки. Тяжеловатая разсужденія и соболѣзнованія нѣмцевъ еще не столько бѣсили ее, какъ игриво-ироническая передача фактовъ французами... Она дивилась, какъ сама ранѣе не замѣтила и не прочла ничего? Быть можетъ можно было-бы впору остановить репортерскую пруть... Газеты ея получались всякія; но она почти ихъ не читала, вся поглощенная личными интересами.

«Вотъ что навлекаетъ мелочная исключительность интересовъ! — подумала она. — Впередъ урокъ: не закупориваться въ свою раковину, какъ улиткѣ!..»

И вдругъ предъ нею промелькнуло нежданно негадано, знакомое, насмѣшливое лицо. Она нахмурила брови, но въ то

же время закусила губы, сдерживая невольную улыбку, появление которой ее саму почему-то возмутило.

«Вѣдь вотъ! Долголецкій выигралъ пари: прочелъ навѣрное все это!» — вспомнилось ей.

Съ трудомъ привела она свои чувства и мысли въ порядокъ, долгой и быстрой прогулкой; но оставалась весь день озабоченной новыми соображеніями, возбужденными этимъ происшествіемъ.

До этого дня на всѣ мольбы принца Эдгара не лишать его своего присутствія такъ долго, оставить, невозможное по дальности разстоянія, убѣжище въ Россіи, а поселиться инкогнито въ какомъ нибудь уединенномъ городкѣ его отечества, гдѣ бы ему было возможно иногда отводить душу хоть въ мимолетныхъ свиданіяхъ съ ней, — она отвѣчала «нѣтъ!» Она рѣшила, что никто «тамъ» ее не увидитъ и не услышитъ о ней «до времени»... Ей казалось необходимымъ дать истечь году ихъ общаго траура и тогда разыграть, на людяхъ, комедію ихъ неожиданной встрѣчи, вnezапной любви и наконецъ свадьбы, — логическому послѣдствію задуманной комедіи. Но главной задачей ея было — у д о с т о в ѣ р и т ь с я! Дождаться результата всѣхъ этихъ «затянувшихся махинацій» въ пользу герцога Зоннербергенскаго, а ужъ тогда бить навѣрняка. Ее пугало одно помышленіе о возможности, выйдя за принца, ошибиться въ расчетѣ, стать лишь — и на вѣки остаться только герцогиней захолустнаго Зоннербергена!.. О! Игра ея тогда положительно не окупилась бы свѣчей. Потому-то, увѣренная въ силу страсти, внушенной ею Альтенгейму, Людмила сдерживала его порывы и не боялась ждать и отъ него требую терпѣнія, подѣ предлогомъ всемогущихъ законовъ приличія.

Но въ виду новыхъ осложненій приходилось задуматься...

Если говорятъ въ прессѣ, — тѣмъ болѣе должны говорить тамъ, — въ обществахъ... Если принцу то и дѣло жужжать въ уши, осуждая ее, взводя на нее подозрѣнія, быть можетъ прямыя обвиненія, — не опасно-ли выжидать, слишкомъ сильно натягивая струны?

Графиня, въ этотъ день, тотчасъ послѣ обѣда отпустила Зоммеръ, заперлась въ своемъ кабинетѣ и перечитала многочисленныя, хотя не длинныя и краснорѣчіемъ не блиставшія, письма Альтенгейма; въ особенности сильно задумалась она надъ однимъ изъ послѣднихъ. Въ немъ ужъ были не намеки, а прямыя указанія на вражду къ ней лицъ, которыхъ она менѣе всего желала бы имѣть врагами.

«Что сдѣлали вы, чѣмъ оскорбили нашу (онъ подразумѣ-

валъ покойнаго графа Фердинанда) всесильную тетушку, княгиню Мейнеръ-фонъ-Лейнике?.. За что она васъ ненавидитъ?.. Неужели вы могли позволить себѣ замѣтить, что она нѣсколько... сутуловата? Она чувствуетъ глубокую и безпощадную ненависть къ тѣмъ, кто не видитъ въ ней стройности пальмы; но зная васъ, не могу предположить, чтобъ вы когда либо съ ней говорили о горбатыхъ?..»

Такъ въ видѣ шутки выразилъ свое недоумѣніе принцъ Эдгаръ; но Людмила Юрьевна понимала, что при его свойствахъ нужна была не пустельговая сплетня, чтобъ обратить его вниманіе и заставить его съ ней подѣлиться своимъ неудовольствіемъ... Она знала, что покойная Эмма была любимицей горбатой Лейнике; что эта могущественная при дворѣ «*fee Carabosse*», какъ прозвали втихомолку княгиню ея многочисленные племянники и внуки, лично присутствовала на ея похоронахъ и даже взяла подъ свое высокое покровительство маленькаго Эдгара. Она предложила принцу, въ виду его одиночества и временно неустроеннаго положенія, взять къ себѣ сына его, и Альтенгеймъ, трепетавшій за ребенка, котораго ему приходилось теперь довѣрять исключительно призору нянекъ, съ благодарностью согласился на предложеніе родственницы. Княгиня Мейнеръ-фонъ-Лейнике увезла съ собою Эдгара и его няню Денверсъ, довѣренную слугу покойной принцессы Эммы, въ Берлинъ. Альтенгеймъ безпрестанно бывалъ у нихъ. Зная огромное вліяніе на окружавшихъ ее старей княгини, ея дружбу съ сильнѣйшими изъ ея общества, графиня Рейзенштернъ положила въ сердцѣ своемъ наиболѣе озабочиться о ея добромъ расположеніи, не падить средствъ и стараній заручиться ея хорошимъ мнѣніемъ, по возможности дружбой... И вдругъ такое печальное сообщеніе!..

Людмила Юрьевна еще сидѣла въ грустномъ раздумьи, перебирая письма, рѣшаясь и не рѣшаясь на безповоротный шагъ, который ей совѣтовало благоразуміе наперекоръ личной склонности; когда къ ней въ дверь раздались два удара; вымущированной по иностранному прислуги и камеристка подала ей новыя письма и журналы, только что привезенные съ почты.

Прежде всего, конечно, былъ открытъ конвертъ съ знакомой, широкой нѣмецкой надписью, переведенной уже въ Россіи краснымъ карандашемъ почтоваго чиновника.

То, что графиня въ немъ прочла, заставило ее побагровѣть отъ гнѣва. Такой бѣды никогда ей на умъ не впадало!.. Въ Берлинъ пріѣхали и водворились на жительство овдовѣвшая генеральша Прейстингъ и ея сестра «кузина Ада»... Всѣ пе-

рипетіи драмы, разыгравшейся при ея бракѣ съ Рейзенштерномъ теперь были извѣстны всѣмъ тамошнимъ сильнымъ міра...

Это было послѣднимъ побудительнымъ толчкомъ ея рѣшимости. Очевидно, ей было необходимо не только повидаться, но окончательно отрѣзать герцогу пути отступленія.

Графиня, не задумываясь долѣе, написала Альтенгейму письмо, котораго смыслъ былъ слѣдующій: «сама пріѣхать не могу, оправдываться не хочу; вотъ все, что могу для васъ сдѣлать: повидаетесь на нейтральной почвѣ. Когда вы меня извѣстите, что можете незамѣтно оставить Берлинъ на нѣсколько дней,—я буду ждать васъ въ Варшавѣ».

Мѣра эта оказалась разсудительной и своевременной, какъ почти всѣ дѣйствія Людмилы Юрьевны.

Въ столицѣ Германской имперіи не все шло утѣшительно для влюбленнаго владѣтеля Зоннербергена, только и мечтавшего не успѣть сносить сапогъ, въ которыхъ шель за гробомъ своей жены, до желаннаго вступленія во второй бракъ, а фонды избранной имъ, втайнѣ отъ всѣхъ, невѣсты, надали шибко.

При столькихъ не ожидаемыхъ, такъ враждебно сложившихся обстоятельствахъ, мудро было ей разсчитывать, какъ она прежде надѣялась, всѣхъ очаровать и самихъ враговъ своихъ обратить въ друзей. Надо было лишь о томъ заботиться, чтобы не потерять довѣрія и любви самаго нужнаго изъ друзей. Его-то, разумѣется, легче было удержать въ сѣтяхъ, благодаря его искренней страсти и высшему искусству, развитому многосторонней практикой, которымъ безспорно обладала графиня.

Альтенгеймъ совсѣмъ было упалъ духомъ. Письмо ея его ободрило и обрадовало несказанно. Въ немъ и сомнѣнія не было, что всѣ про нея росказни и слухи—вздоръ! Если не прямыя клеветы, которыя ей опровергнуть будетъ не трудно. Онъ видѣлъ несомнѣнныя утраты и горькія печали въ ея жизни; преступленій онъ видѣть не могъ. Къ счастью его или несчастью ровно черезъ недѣлю по полученіи имъ письма съ призывомъ на свиданіе, у него были въ виду нѣсколько свободныхъ дней. Онъ думалъ посвятить ихъ дружескимъ посѣщеніямъ; теперь его телеграмма извѣстила графиню Рейзенштернъ о днѣ прибытія его въ указанный ею городъ и онъ сталъ какъ ребенокъ нетерпѣливо, радостно ждать желаннаго срока.

Кузины покойнаго графа Фердинанда, проживавшія въ Россіи только потому, что генералъ Прейстингъ былъ на службѣ «въ этой варварской странѣ», какъ только бывший губерна-

торь города X. отошелъ къ предкамъ, неосторожно обкушавшись блиновъ на масляной недѣлѣ, тотчасъ же обратно перѣѣхали въ Vaterland, гдѣ могли съ большимъ удовольствіемъ проживать нажитое въ Россіи. Онѣ попали въ многочисленный родственный кругъ именно въ то время, какъ высшее общество Берлина сильно волновалось семейными несчастіями ихъ общаго родственника, принца Альтенгейма. Съ него было весьма натурально-перейти «на бѣднаго Фердинанда» и его жену.

На ней открывалось широкое поле интереснымъ сообщеніямъ и предположеніямъ высказываемымъ шепотомъ, съ тѣмъ, чтобъ весьма скоро стать общимъ достояніемъ, провозглашаемымъ чуть ли не съ колоколенъ.

Княгиня Мейнеръ-фонъ-Лейнике сообщила кузинамъ Эммы Альтенгеймъ уже имъ извѣстные отчасти толки, о несчастномъ злѣиіи графини Рейзенштернъ, «этой русской, втершейся въ ихъ родство», на событія въ замкѣ принца Эдгара; на толки прислуги о ея «злыхъ чарахъ» на семью; о ненависти къ ней маленькаго Эдгара и отчасти его старой няни, которая убѣждена, что госпожа ея скончалась «не спроста»...

При этомъ извѣстїи Амалїя фонъ Прейстингъ и ея сестра пришли въ неподдѣльный ужасъ, воздѣли глаза и руки къ небу и воскликнули:

— Какъ! Опять ядъ?.. Но въ жизни этой ужасной особы то и дѣло являются отравленія, убійства, всякія катастрофы!.. О, Боже!.. Какъ вѣрить, что всѣ эти несчастія—только случайности?..

Разумѣется, княгиня Лейнике пожелала, какъ и всѣ бывшіе въ салонѣ ея, узнать смыслъ этого восклицанія и прїѣзжія съ особымъ удовольствіемъ успѣшили передать всѣ подробности смерти Любочки Сайницкой, страшнаго переполоха на станціи желѣзной дороги и самоубійства князя Гирзаева.

Бывшая губернаторша рассказывала степенно, тономъ особы сильно шокированной, но спокойной. Кузина Ада безпрестанно прерывала сестру свою, жестикулируя, горячась, захлебываясь, взвизгивая фистулою и все больше напирая на драматическіе эффекты, на кровавыя подробности смерти «бѣднякаго ювоши, такого красавца! Такъ страстно полюбившаго эту холодную кокетку»!..

Всѣ ахали и ужасались, когда въ гостинную вошелъ принцъ Альтенгеймъ. Родственный кругъ сначала смолкъ, но только на секунду. Хозяйка дома нервно передернула плечами,—привычка эта осталась у нея съ дѣтства, когда на строгія замѣчанія гувернантокъ бѣдняжка сидѣла выпря-

миться, скрыть свой нароставшій горбъ, — посмотрѣла, закинувъ совсѣмъ голову на затылокъ на своего богатыря — племянника и сказала:

— Вотъ, милый Эдгаръ, вы недовольны и оспариваете мое дурное мнѣніе объ этой русской пріятельницѣ вашей покойной жены. А кузины ея и бѣднаго, погибшаго графа Рейзенштерна, точно также считаютъ ее опасной, коварной и безсердечной особой.

И принцъ долженъ былъ, кусая губы и непрерывно мѣняясь въ лицѣ, выслушать неизвѣстные ему, невѣроятные рассказы изъ прошлой жизни околдовавшей его женщины. Онъ едва владѣлъ собою! Едва сдерживалъ порывы, желанье закричать этимъ «клеветницамъ», что онѣ лгутъ! Чтобы онѣ замолчали!.. Бѣдняга старался ихъ не слушать, думать о другомъ; онъ боялся взглянуть на «злую горбунью» и на двѣ «высохшія жерди»; особенно на слащавую старую дѣву, по обычаю своему преслѣдовавшую его, — «атлета и красавца» — до приторности умилынымъ взоромъ, до того онѣ были ему противны! До того ему страстно хотѣлось зачесть свою могучую длань и пришибить ихъ или, по крайней мѣрѣ, наложить ее на рты ихъ, чтобы умолкли ихъ нечестивыя рѣчи.

Но бѣдному пришлось выпить до дна чашу: кузина Ада не пощадила его, не избавила ни отъ единой кровавой подробности, во все время своихъ визгливыхъ рѣчей, втайнѣ восторгаясь тѣмъ, что «такой сильный, могучій кавалеръ имѣетъ такое чувствительное сердце», что не можетъ безъ волненія слышать ея рассказовъ...

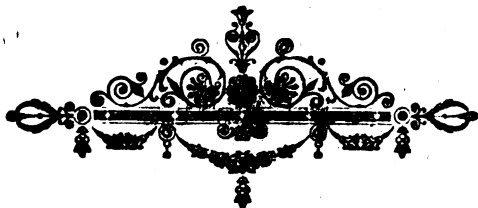
Сестра ея была дальновиднѣе. Она въ этотъ разъ почти не говорила, но пристально наблюдала за перемѣнами лица и очевиднымъ волненіемъ герцога и въ свое время, по секрету, сообщила замѣчанія свои княгинѣ Лейнике, сестрѣ и нѣкоторымъ другимъ.

— Ахъ! Мой Богъ! вздыхала генеральша Прейстингъ. — Неужели эта фатальная особа успѣла бросить чары на принца Альтенгейма?.. Неужели она имѣетъ дерзость мѣтить въ герцогини?.. *Cette parvenue!*

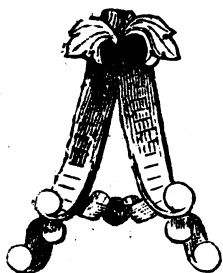
— *Du lieber Gott!* вторила ей съ подѣльнымъ ужасомъ фрейлейнъ Ада: — довольно изъ за нея несчастій въ нашей фамиліи.

— Вы слишкомъ унижаете достоинство принца Эдгара! горделиво останавливало этихъ дальнихъ свойственниковъ по браку герцога, его кровное родство: — *poblesse oblige!* Его ждетъ чуть-ли не престоль!.. Онъ не безумецъ, чтобы задумать раздѣлить его съ русской мѣщанкой сомнительной репутаціи.

Въ то же почти время въ другомъ полушаріи, о возможности брака герцога Зоннербергенскаго и овдовѣвшей «великолѣпной графинѣ», говорилось совсѣмъ въ другомъ тонѣ...

II.

вое друзей, живописецъ Недвиновъ и Евгений Андреевичъ Долголецкій, успѣвшій обратиться дипломатическую, дальнюю командировку просто на-просто въ кругосвѣтное путешествіе, съѣхались по уговору въ Капштадтъ, съ тѣмъ чтобъ вмѣстѣ побывать не только на Столовой горѣ, но изъ Африки проѣхаться въ Индію и Китай. Друзья не видались почти цѣлый годъ. Долголецкій успѣлъ послѣ европейскихъ странствованій прожить мѣсяцъ въ Нью-Йоркѣ, проѣхаться даже въ Южную Америку; а Григорій Михайловичъ все катался по сѣверо-восточнымъ берегамъ Африки; долго пробылъ въ Каирѣ и въ Алжирѣ; за Суэзомъ, гдѣ то близъ Адена, едва не потерпѣлъ крушенія, болѣлъ, а потомъ чуть не поселился на мысѣ Доброй-Надежды, гдѣ ему такъ понравилось, что пріятель извлекъ его съ трудомъ.

Недвиновъ находилъ, что онъ еще не успѣлъ снять эскизовъ со всѣхъ чудесъ Капскаго берега; Долголецкій-же грозилъ ему, что его задушатъ, въ его странствіяхъ, орангутанги; что онъ самъ почернѣлъ какъ негръ и скоро превратится въ чернокожаго или въ обезьяну, отъ долгаго общенія съ ними.

Долголецкій передалъ всевозможныя извѣстія своему, другу, совершенно отставшему отъ европейскихъ событій, политическихъ и общественныхъ; разумѣется, прежде всего рѣчь зашла объ общихъ знакомыхъ и когда всѣ подробности о смерти Елены-Леоноры, отца ея, о страшныхъ драмахъ Альтенгейма,

были переданы Недвинову, онъ долго молчалъ, подперевъ голову обѣими руками, задумчиво глядя въ южныя созвѣздія, горѣвшія словно разноцвѣтные огни въ темномъ глубокомъ небѣ, отражаясь мириадами искръ и лучей въ такомъ же темномъ и глубокомъ океанѣ.

Евгеній Андреевичъ всталъ, покончивъ разсказъ и взволнованный воспоминаніями, ходилъ по террасѣ отеля, не видя чудесъ африканской природы, ни цвѣтущей земли, ни сіявшаго неба.

— А все дѣло въ томъ, что она родилась женщиной! молвилъ онъ.— Некуда ей ни избытка ума, ни избытка силъ дѣвать...

— Кто? прервалъ презрительно художникъ:— твоя мудреная графиня?.. Полно, пожалуйста!.. Одинъ ты съ твоей страстью всюду доискиваться причинъ, какой-то подкладки, можешь собственной фантазіей,— которую мнишь анализомъ,— видѣть въ ней что-то необычайное!.. Просто развратная, честолюбивая, жадная и хитрая баба!

— Стой! Честолюбивая, жадная къ деньгамъ и почестямъ,— даже преступная, если хочешь знать мое искреннее мнѣніе,— да! Но развратная—нѣтъ!.. То, что ты, вмѣстѣ съ недалекими представителями *du commun*,— прости меня!— принимаешь за низкую страсть, есть ничто иное какъ сила воли и послѣдовательность. Она безсознательная, можетъ быть, но истинная послѣдовательница Лойолы. Милый другъ! Для этой женщины—интрига, развратъ, какъ и самая красота ея,— суть лишь средства и болѣе ничего!

— Да, да! Помню твою теорію о плетоядномъ растеніи, объ анемонѣ,— снова прервалъ пріятеля Недвиновъ.— Какая тамъ анемона?.. Это какой-то отвратительный полипъ, съ кровожадными щупальцами, никого нещадающими.

— Да,— согласился Долголецкій.— Чувствительностью, жалостью, способностью любить, вообще сердцемъ щедрая природа снабдить ее забыла... Но опять: она-ли въ томъ повинна?.. Вѣдь не вина же рожденныхъ слѣпыми или безногими въ томъ, что они не могутъ видѣть или ходить!

— Ты безобразничаешь словами, Евгеній Андреевичъ:— это абсурдъ!.. Твой феноменъ не идиотка, не правда-ли? Умѣетъ отличить черное отъ блага?.. На словахъ, я думаю, поди какъ разглагольствуетъ о добродѣтели и чести. Умъ могъ бы ей замѣнить сердце...

— А, ба! Ты мнѣ напоминаешь одного доктора, который увѣрялъ, что составныя части человѣка, до того просты и легко добываемы, что если бы только въ мозгу засѣдалъ

принципъ жизни и могъ бы онъ замѣнить функціи сердца, то ничего не было бы легче, какъ сотворить человѣка!

— Твой докторъ паясничаль, а я говорю дѣло. Очень часто умные люди, больше чѣмъ добрые, творять добра по разсудку.

— Да, вотъ видишь-ли, дай Людмилѣ Юрьевнѣ судьба тѣ блага, которыхъ она добивается: мощь и власть, неограниченныя средства достигнуть извѣстности и славы, — врядъ-ли она оставила бы потомству дурную память о себѣ! — возразилъ дипломатъ. — Не думаю, чтобы она оказалась тираномъ своихъ подвластныхъ,, какимъ-нибудь Нерономъ; навѣрное знаю, что не была бы она куртизанкой! А весьма склоненъ думать, что въ исторіи ея отечества школьникамъ пришлось бы заучивать лишнее имя великой женщины!

— Великой преступницы и интригантки? вѣрю! — засмѣялся Недвиновъ.

— А вотъ, погодимъ... *Qui vivit vegeta!*.. Если я ошибаюсь и кузина твоя достигнетъ хотя бы подобья царственной власти, узнаемъ, кто правъ.

— А ты рѣшительно думаешь, что она на нее мѣтитъ?

— А всеконечно!.. Ребенку малому цѣль ея ясна.

— Значитъ ты рѣшительно убѣжденъ, что все зло — даже самое вдовство Альтенгейма, — дѣло ея рукъ?

Долголецкій тихо засмѣялся, пожавъ плечами.

— И послѣ этого ты ей желаешь успѣха?

— Желаю. Почему же нѣтъ?.. Именно потому желаю, что, какъ сказала тебѣ, достиженіе цѣли можетъ только привести ее къ добру...

— Никогда! Эта женщина ненасытима!.. Она, какъ сказочная Ж и г а н т е я, это ужасное тоже полу-растеніе, полу-животное, чѣмъ щедрѣе будетъ насыщена, тѣмъ болѣе готова поглощать! Она заесетъ и руку ея питающаго, и его самого!

— Быть можетъ ты и правъ! — задумчиво согласился его собесѣдникъ. — Во всякомъ случаѣ — интересный и рѣдкій экземпляръ человѣчества, твоя кузина!

— Да, слава Богу!.. Рѣдкое исключеніе!

Помолчали.

Долголецкій подошелъ къ купѣ тропическихъ растеній, украшавшей уголъ террасы и обмахивался однимъ изъ громадныхъ листьевъ, какъ вѣеромъ.

— Я бы очень желалъ ошибиться! — черезъ минуту вскричалъ онъ.

— Въ чемъ? — встрепенулся живописецъ, уже успѣвшій забыться въ созерцаніи, любуясь фосфорическимъ блескомъ неба и волнъ, подъ рокоть океана.

— Въ томъ, что врядь-ли ей достигнуть даже того суррогата королевскаго престола, который она намѣтила.

— А ты думаешь, что Альтенгеймъ опомнится и не женится?.. Я буду радъ...

— Никогда!—негодующимъ голосомъ, прервалъ его дипломатъ.—Куда этому германскому медвѣдю распутать сѣти, затянутыя такими бархатно-стальными ручками?... Ни-ни!.. Если она захочетъ, онъ женится,—хотя бы у всѣхъ его свѣтлѣйшихъ бабушекъ и тетушекъ подѣлались колики отъ злости. Но вопросъ въ томъ: захочетъ-ли она?

— Это что еще?.. Отправивъ, изъ за него, двадцать чело-вѣкъ на тотъ свѣтъ,—не захочетъ?—изумился Недвиновъ.

— Да говорятъ же тебѣ, что она ни его и никого не хочетъ! А добивается только силы, и власти, и широкой дѣятельности, и великой извѣстности,—если возможно!

— Ну?

— Ну, вѣдь еще коронованный или—какъ онъ тамъ? полу-коронованный, что-ли, дѣдушка, еще здравствуетъ?.. Можетъ комбинація прусской партіи неудаться? Легко статься можетъ, что именно слухи о его женитьбѣ на простой смертной, да еще на русской, Господи помилуй! Такіе слухи испортятъ все дѣло, если не удастся до поры ихъ скрыть... А вѣдь она, какъ ни умна,—не о семи головахъ: всюду ее не хватить!... А въ случаѣ, если кандидатура на престолѣ ухнетъ,—ухнетъ и невѣста у принца Альтенгейма!.. Помяни мое слово: въ тотъ же день Людмила Юрьевна исчезнетъ и мы съ тобой можемъ повстрѣчать ее въ Бирманіи. Потому Зоннербергское герцогство для нея не лакомая приманка!

— Фу! Какъ все это гадко!

— Да ужъ гадко или хорошо,—а со стороны ей Богу, презанятно!—рѣшилъ Долголецкій.—Если бы да побольше въ свѣтѣ такихъ женщинъ,—намъ холостякамъ-наблюдателямъ, веселѣй жилось бы.

— Единственное, что мнѣ трудно простить ей,—черезъ минуту молчанія, добавилъ Долголецкій:—это гибель маленькой Леоноры!

— Слава Богу! Нашлось хоть что-нибудь, чего и ты ей не прощаешь.

— Да вѣдь и то, если судить по справедливости, собственно не ея преступленіе... Дѣвочка была чахоточная, въ мать; а тутъ еще вздумала въ воду прыгать!

— Фу, ты, Господи! Нѣтъ, ты въ отношеніи этой скверной женщины—безнадеженъ!—рѣшилъ художникъ.

Черезъ два дня они уже неслись на всѣхъ парахъ по

Индійскому океану. Оглядывая безбрежное сіянье, лазурь и золото, которыхъ однообразіе нарушалось лишь то дальнимъ парусомъ, то перелетной стаей рыбъ, они мечтали о Бомбейскихъ погодахъ, о дивахъ Цейлона съ сажеными зубомъ Будды въ его капищѣ, съ двѣнадцати-саженными кущами пальмъ, скрывающихъ подъ перистой листвою блестящія тучи калибри, а подъ тѣнью своей вереницы слоновъ, змѣй, факировъ и прочихъ диковинокъ.

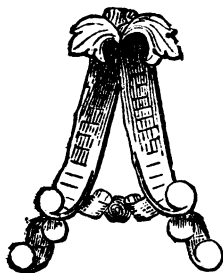
Они на время забыли не только Людмилу Юрьевну съ ея неустанной дѣятельностью, но даже всю Европу...

А между тѣмъ въ одномъ изъ уголковъ ея, въ этотъ именно день совершалось событіе, которое остановило бы вниманіе ихъ, если бы могли они его провидѣть.

Очень рано утромъ, когда вся Варшава, кромѣ кухарокъ и мастеровыхъ, еще мирно почивала, къ лютеранской церкви подъѣхала наемная карета и ждавшій ее съ четырехъ часовъ утра пасторъ, встрѣтилъ находившихся въ ней мужчину и даму и тотчасъ обвинчалъ ихъ... Лицо дамы скрывалось подъ густой вуалью; ея статный спутникъ былъ скромно одѣтъ частнымъ человѣкомъ. Тѣмъ не менѣе, пасторъ, поглядывая на него, имѣлъ смутное подозрѣніе, что совершаетъ бракъ не совсѣмъ обыкновенный... Послѣ вѣнца и отъѣзда молодыхъ, пасторъ ахнулъ, когда кистеръ указалъ ему на ихъ подписи въ регистравой книгѣ. Долго они всматривались и удивленно перешептывались; наконецъ рѣшили, что имъ нѣтъ никакого дѣла разбирать имена и званія брачующихся, совершеннолѣтнихъ людей, которые къ тому же очень щедро платятъ за услуги и за молчаніе.

III.

сказывать своего

о глубокой осени прожила графиня Рейзенштернъ въ Поляновѣ. Въ теченіи лѣта она еще два раза уѣзжала куда-то, но отсутствовала не болѣе недѣли и въ эти поѣздки не брала съ собой никого, ни даже камеристки, которая была чрезвычайно озадачена такою странностью, даже слегка обижена, но высказывать своего недоумѣнія никому не дерзала.

Въ сентябрѣ, графиня отпустила фрейленъ Зоммеръ, находя, что достаточно усовершенствовалась въ разговорномъ языкѣ берлинцевъ; а вмѣстѣ съ ней отправила за границу людей и поклажу, прямо въ свою Флорентинскую виллу, дареную ей еще покойнымъ мужемъ, съ легкой руки Бреммера и виконта Шампальяка.

Она отдала своему Эльзасцу и своей парижанкѣ самыя подробныя и обстоятельныя приказанія насчетъ приготовленій въ виллѣ Mille Fleurs; но несмотря на то, что ей самой еще не довелось видѣть очаровательную собственность, носившую это названіе, она не поспѣшила съ ними вмѣстѣ. Ей было необходимо, говорила она, прежде побывать въ Парижѣ, для обновленія своего туалета послѣ траура и нѣкоторыхъ закупокъ...

Тутъ ужъ Сесиль не выдержала и залилась слезами, узнавъ, что ее и въ Парижѣ не берутъ, послѣ полугодоваго заточенія «dans cette horrible tannière de mojsiks et de loups!». Добрая госпожа поспѣшила утѣшить ее общаніемъ скорѣй вернуться туда съ нею вмѣстѣ, а пока отерла слезы ея хорошенькимъ подаркомъ.

— Вы понимаете, моя милая, что мнѣ важно пріѣхать въ мою новую виллу, какъ домой,—урезонила графиня огорченную камеристку:—а кто же лучше васъ знаетъ мои привычки и можетъ лучше приготовить мое помѣщеніе?

Долголецкій былъ правъ: графиня очень любила отирать слезы ей преданныхъ людей и къ печалямъ низшихъ себя не всегда бывала равнодушна... Ихъ неудовольствіе въ ея расчеты не входило; въ особенности неудовольствіе много-знавшей парижанки. Но несмотря на ея знакомство съ ея дѣлами прошлаго времени, Людмила Юрьевна съ настоящими своими дѣланіями даже и ее не хотѣла знакомить.

Она затѣяла весьма рѣшительный шагъ, о которомъ никто не долженъ былъ знать ранѣе времени, ни даже ближайшій ей человѣкъ.

Людмила знала, что принцъ Эдгаръ выѣхалъ изъ Берлина, повинувшись высокому приглашенію,—вѣрнѣе приказанію, на двѣ недѣли въ одинъ изъ окрестныхъ замковъ; она рѣшилась воспользоваться этимъ временемъ, чтобы самой все узнать и опредѣлить свое положеніе.

Въ сѣренькое октябрьское утро, въ одной изъ добропорядочныхъ, но далеко не фешіонебельныхъ улицъ Берлина, въ небольшой комнатѣ стараго, толстостѣннаго дома, среди самой шаблонной обстановки небогатыхъ людей, быющихъ на аристократизмъ, сидѣли другъ противъ друга, вдова генеральша

фонъ Прейстингъ и ея сестра, весьма нынѣ походившая на прокопченую, завяленную селедку.

Онѣ сидѣли молча, прямо, одна бряцаая спицами, другая вывертывая крючкомъ микроскопическія нитяныя петельки и усердно скрывали, за судорожнымъ сжатіемъ рта и напряженьемъ щекъ, немилосердно душившіе ихъ зѣвки. Обѣ считали такое проявленіе одолѣвавшей ихъ скуки верхомъ неучтивости и обѣ старательно притворялись, что очень заняты работой и очень интересуются рѣдкими замѣчаніями своими о состояніи погоды и о томъ, что скоро поддень, пора пить кофе, которое надо самимъ приглядѣть, потому что Мина имѣетъ дурную привычку то недоварить его, то переварить.

Противъ ожиданій сестры въ vaterland'ѣ очень скучали. Въ русскомъ губернскомъ городѣ онѣ привыкли къ дѣятельности, къ обществу, къ первенствованію и къ власти въ немъ почти не ограниченнымъ. Въ своемъ отечествѣ онѣ утонули въ массѣ небогатыхъ дворянокъ безъ всякаго значенія, всѣми забытыхъ, никому не нужныхъ. Въ началѣ ихъ выручало возобновленіе знакомствъ и родственныхъ, связей; а болѣе всего выручало ихъ общественный ковекъ тѣхъ дней: вопросъ о «несчастіяхъ въ Альтентеймѣ,» — ихъ родство «съ бѣдной пренцессой» и близкое знакомство съ той «коварной, русской интриганткой,» которой всѣ чрезвычайно интересовались. Но когда вопросъ этотъ былъ исчерпанъ, интересъ ихъ показаній истощенъ, — болтовней кухни Ады многіе стали тяготиться... Она все болтала одно и тоже, повторяясь, какъ по попугай! Да и фрау-Генералеонъ оказалась прескучной педанткой... Двери княгини Мейнеръ фонъ Лейвике, а за нею и другихъ родственницъ аристократокъ стали туже предъ ними открываться, а такъ какъ онѣ именно къ такимъ избраннымъ салонамъ и тяготѣли, презирая мелочь, то и пришлось ступешаться и заскучать, до вывиха челюстей отъ сдерживаемой зѣботы.

Чтобъ задержать ее и сколько нибудь развлечься, изнывавшая Аделина Францовна ужъ было встала, готовясь навѣдаться въ кухню, какъ вдругъ прислала къ мѣсту, уставивъ изумленно-испуганные желтые глазки на сестру и брови поднявъ вопросительнымъ знакомъ... Генеральша тоже опустила вязаніе и насторожилась, прислушиваясь.

Весь этотъ переполохъ надѣлалъ задрезжавшій звонокъ. Въ крохотной передней раздались голоса... Черезъ минуту въ

дверяхъ показалась блѣбрысая, безбровая, краснолицая горничная.. и возвѣстила прїѣздъ какой-то дамы изъ Россіи, желавшей видѣть «ихъ превосходительства.»

— Изъ Россіи? Кто-же такая? Какъ фамилья ея, Ганна?

— Фамиля? Я не знаю. Онъ, лакей, ея не назваъ... Очень красивый лакей! Весь въ галунахъ! съ очевиднымъ восторгомъ расписывала горничная.—Я сказала что ваше превосходительство дома...

— Но вы должны были узнать фамилю!.. Сколько разъ я васъ учила какъ докладывать о гостяхъ, Ганна...

— Тс-съ! остановила сестру свою старая дѣва, приложивъ палецъ ко рту и глазами поводя на дверь передней, гдѣ уже слышалось движеніе.

Ее въ высшей степени обрадовало и заинтересовало это посѣщеніе. Она сгарала любопытствомъ, но онѣ такъ были далеки отъ истины, что когда вошла ихъ красивая, прївѣтно улыбающаяся имъ, величественная въ своемъ строгомъ, полутраурномъ нарядѣ, посѣтительница, обѣ сестры вглядывались въ недоумѣніи, не узнавая графини Рейзенштернъ.

— Неужели я такъ измѣнилась, что вы меня не узнаете? спросила она, протягивая имъ руки.

— Ахъ!.. lieber Gott! ахнула Ада, покраснѣвъ какъ буракъ.

— Извините!.. Я точно васъ не узнала! церемонно поднялась генеральша, тоже сильно переконфуженная.—Вы такъ измѣнились...

— Вы такъ похорѣли! вставила искренно Аделина Францовна.

— Что родственницы Фердинанда ужъ не хотятъ и признать меня? Онъ огорчился бы такою встрѣчей!

Она неожиданно, не выпуская руки генеральши, склонилась къ «кузинѣ Адѣ» и горячо прильнула къ ней, обнявъ ее крѣпко за талью.

Сестры переглянулись въ смятеніи. На глазахъ старой дѣвицы уже проступали слезы... Онѣ окончателъно полились, когда Людмила вдругъ безсильно опустилась на ближайшее кресло и горячо заплакала.

Амалия Францовна Прейстингъ смотрѣла недоумѣвая и думала: хитрить она или... неужели я ошибалась?»

Аделина Францовна сразу сдалась.

«Ахъ! Бѣдная! Бѣдная!.. Мой Богъ, какъ мы противъ нея виноваты! размышляла она, сочувственно сжимая руку «кузины» и вытирая другой рукой глаза и покраснѣвшій носикъ.

Графиня сдѣлала усиліе и оправилась.

— Простите меня, мои дорогія! Я не совладала съ собой...

Вы мнѣ такъ напомнили все прошлое и... его, Фердинанда! Моего безвременно погибшаго дорогаго Фердинанда! И эту бѣдняжку Эмму!.. Кроткую, добрую!.. Я такъ сердечно къ ней привязалась!.. О!.. Этотъ ужасный годъ!.. Что я вынесла— знаетъ лишь Богъ Всевышній!

Она была въ высшей степени патетична и трогательна. Сестры были окончательно растроганы, но кузина Ада и сквозь слезы удивлялась и наивно выразила свое изумленіе:

— Какъ прелестно вы стали говорить по нѣмецки! сказала она, улыбаясь умильно на свою гостью.

— Въ пять-то лѣтъ!—возразила небрежно та.—Какъ могла я не выучиться?.. Я съ Фердинандомъ иначе не говорила.

Завязался интимный разговоръ, изъ котораго выяснилось, что здоровье Людмилы Юрьевны распаталось «отъ всѣхъ потрясеній послѣднихъ лѣтъ», равно какъ и отъ климата Россіи, отъ котораго она отвыкла; что у нея разстроены немного легкія—объ этомъ свидѣтельствовали частые приступы легкаго кашля, прерывавшіе ея рѣчи,—для чего доктора приказали ей поселиться на время въ Италіи, куда она и ѣдетъ, въ свою виллу, подаренную ей мужемъ,—«послѣдній подарокъ Фердинанда»!.. Онъ самъ ѣздилъ во Флоренцію, купилъ ее для нея «сюрпризомъ» и они думали вмѣстѣ прожить въ ней прошлую зиму,—ту ужасную зиму,—которую она провела въ траурѣ, надъ несчастной, болѣвшей Эммой Альтенгеймъ и ея бѣдными дѣтьми... О, какая то была зима!.. Если Богъ пошлетъ ей сто лѣтъ жизни,—ей не забыть ея ужасовъ!..

Выяснились также всѣ тогдашніе и прежніе Альтенгеймовскіе ужасы, освѣтившись нѣсколько инымъ свѣтомъ, немного сомнительнымъ только для старшей сестры, но вѣроятнымъ, даже вполне достовѣрнымъ для кузины Ады. Какъ искренно казалась бѣдняжка въ своихъ необдуманыхъ рѣчахъ, враждебныхъ «этой дорогой, бѣдной, оклеветанной красавицѣ, кузинѣ Людмилѣ Рейзенштернъ!» Раскаяніе свое она честно подтверждала громкимъ покаяніемъ, не затрудняясь впослѣдствіи обвинять себя, а ее горячо оправдывать.

Людмила Юрьевна заявила, что очень желала бы видѣть маленькаго Эдгара; что лишь для него—и для свиданія съ ними, любимыми кузинами Фердинанда, она и заѣхала въ Берлинъ...

— Скажите, герцогъ здѣсь?... Кажется, сынъ его живетъ у княгини Лейнике?...—Онъ раза два писалъ мнѣ о немъ и о себѣ... Мы большіе друзья съ принцемъ Эдгаромъ, хотя ему отъ меня много досталось при жизни Эммы за его равноду-

пле къ ней. Онъ не умѣлъ ее цѣнить!—разсказывала графиня.

— Да, маленькій Эдгаръ на попеченіи княгини Мейнеръ-фонъ-Лейнике... Онѣ не знаютъ, можно-ли ей будетъ видѣться съ нимъ,—княгиня особа очень своеобразная... А герцога Альтенгейма въ настоящую минуту точно нѣтъ въ городѣ—уклончиво отвѣчали сестры.

— Но я знакома нѣсколько съ княгиней!—замѣтила Людмила Юрьевна.—Я побываю...

Сестры переглянулись.

— Вы кажется не одобряете мое намѣреніе!—спросила графиня.—Я знаю, княгиня никогда меня не любила, но въ этомъ безъ сомнѣнія играетъ роль моя національность, а не я сама!—снисходительно улыбаясь, объяснила она.—Впрочемъ я могу, не беспокоя ея сѣятельство, вызвать Денверсъ и попросить взглянуть на моего маленькаго племянника, въ его дѣтской, если княгиня не заблагоразсудитъ принять меня.

— Конечно!—уронила генеральша.

Желтые глазки фрейленъ Ады безпокойно забѣгали, замигавъ воспаленными вѣками.

— Въ чемъ дѣло, милыя кузины?.. Скажите мнѣ прямо... Я вижу, что вы смущены моимъ намѣреніемъ... Неужели есть что-либо предосудительное въ моемъ желаніи видѣть ребенка, котораго мои попеченія спасли отъ смерти? Котораго мать я такъ любила!

— О нѣтъ! Ни мало!—воскликнула генеральша.

— Такъ въ чемъ же дѣло, ради Бога?

Бывшая губернаторша молчала, усердно занятая рукодѣльемъ, съ котораго не подымала глазъ.

— Видите-ли, дорогая моя—смущенно молвила сестра ей—захочетъ-ли ребенокъ самъ васъ видѣть?.. Намъ казалось... Онъ такъ выражался...

— А-а!.. Понимаю! съ улыбкой прервала ее графиня.—Эдгаръ выражалъ свою не любовь ко мнѣ?.. О, бѣдный маленький дурачекъ! До сихъ поръ не забылъ моихъ притѣсненій и на меня жалуется?.. Еще бы!.. Кто же поилъ его горькими лекарствами?.. Кто прижигалъ бѣдняжкѣ горлышко?.. Мама лежала больная; у няни руки тряслись! Кому же было продолжать всѣ эти ужасныя вещи, кромѣ злой, чужой тети?.. Ну, я думаю, что хорошенькая лошадка на рессорахъ или гусарскій мундиръ съ настоящей саблей, загладили бы мои грѣхи и вернули мнѣ расположеніе моего маленькаго друга—врага!.. Не правда-ли?..

— Очень вѣроятно!.. Попробуйте.

— Жаль, что нѣтъ здѣсь принца Эдгара... Примиреніе наше могло бы заключиться на нейтральной почвѣ. Я теперь вижу, что мнѣ лучше бы оставить въ покоѣ свѣтлѣйшую горбуню. Она навѣрно говорила обо мнѣ ужасы!

— Почему вы такъ думаете?—передернувшись отъ непочтительнаго выраженія графини, спросила генеральша Прейстингъ.

— Вижу по васъ, дорогія кузины... Да къ тому же, зная раздражительный нравъ ея сіятельства и ненависть ко всему прямому человѣчеству, я легко могла дополнить пробѣлы въ юмористическихъ письмахъ своей единственной здѣшной корреспонденціи и выводить свои заключенія...

— А вы здѣсь имѣете друзей, съ которыми въ перепискѣ?—полюбопытствовала фрейленъ Ада.

— Да... Мнѣ нѣсколько разъ писала моя прелестная графиня Огіола. Что за остроумная женщина!

— Вы въ перепискѣ съ графиней Гертрудой?

— Да. Отъ нея я узнала о вашемъ переселеніи въ Берлинъ.

— Такъ вы дружны?.. То-то она за васъ такъ горячо заступается...

Генеральша метнула многозначительный взглядъ на болтливую сестру и поспѣшила ее перебить:

— А я думала, что васъ о немъ извѣстила ваша почтенная матушка... Скажите, какъ здоровье многоуважаемой госпожи Сайвицкой?..

— Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, она здорова, благодарю васъ!.. Такъ милая Гертруда часто имѣла случай за меня ратовать?—вернулась она къ меньшей сестрѣ.—Скажите, Аделина, гдѣ и по какому поводу вы слышали ея заступничество?

— О! Много разъ!.. Она чуть не поссорилась съ княземъ Ардимиль... Вы знаете, этотъ польскій магнатъ, придворный... Ах!

— Ахъ! извини душа моя!.. Я кажется наступила тебѣ нечаянно на ногу? Прости меня. Я хотѣла позвонить, чтобы скорѣе подавали кофе,—быстро заговорила генеральша.—Позвони ты, тебѣ ближе... Вы не откажетесь выкупать съ нами чашку кофе, графиня, не правда-ли? Я очень рада, что ваша почтенная матушка здорова... Но мнѣ помнится, что вотчимъ вашъ былъ очень плохъ послѣдніе дни нашего пребыванія въ Х. Каковъ онъ нынѣ?

— Все такъ-же, кажется. Онъ вѣдь вѣчно боленъ...

— А ваша бабушка? Его престарѣлая мать? Помните? Ее всѣ тамъ называли, — бабушкой...

— Кромѣ меня! холодно замѣтила Людмила Юрьевна. »Наде- позвать Аду съ собой прокатиться!» мысленно порѣшила, она.

— Адхень! будь добра, душа моя: пригляди за Миной и ее приготовленіями, — попросила генеральша свою смущенную сестру. — Извините, графиня! Мы вѣдь люди бѣдные, сами хозяй- ничаемъ. Такъ всѣ ваши здоровы? Очень рада. Прошу васъ передать имъ мой искренній привѣтъ, когда будете писать матушкѣ...

IV.

Графиня Рейзенштернъ, внутренне потѣшаясь «неумѣлой неловкостью старой, глупой нѣмки «сама перемѣнила разговоръ, рѣшивъ, что незачѣмъ подводить подъ выговоры Аделину Францовну, а надо устроить свиданіе съ ней на единѣ, чтобы все выпытать безъ помѣхи. Устроить это было не трудно. Въ трое, четверо сутокъ, проведенныхъ ею въ Берлинѣ, она цѣлые дни бывала въ ихъ обществѣ, катая ихъ по Тиръ-гартену, угощая тонкими обѣдами, приглашая въ оперу, въ свою ложу, она съумѣла выпытать все, что хотѣла знать отъ нихъ обѣихъ. Не тольно изъ рукъ вонъ простоватая кузина Ада, но и несравненно болѣе осторожная и предусмотрительная Амалія Францовна, разумѣется, не могла бороться съ нею и неумѣла вѣчно быть на сторожѣ. Легкомысленная же и болтливая Адхень, хотя сестра ее безустанно шпиговала предупрежденіями, выговорами и наставленіями, какъ только очутилась разъ, по случаю флюса вздувшего щеку экъс- губернаторши, вдвоемъ въ коляскѣ съ графиней, подъ тѣнью чудныхъ деревьевъ королевскаго сада, такъ и высыпала все.

что слышала объ Альтенгеймъ и объ ней въ берлинскихъ салонахъ, залахъ и даже дѣвичьихъ...

Людмила Юрьевна узнала тутъ, что едва-ли не самый большой вредъ принесли ей послѣднія. Толки прислуги въ Альтенгеймскомъ замкѣ, рассказы Денверсъ о ненависти къ графинѣ Мари, бывшей второй няни, въ ужасѣ раскаянія повѣ давшей ей свое преступленіе, — поѣздку въ зараженный домъ родителя, на которую подбила ее «эта злая, хитрая женщина,» — отчаянные намеки, вырывавшіеся у стараго Гейзе, надъ громомъ его «чистой, непорочной голубицы,» — все перешло отъ людей княгини въ переднія и дѣвичьи ея знакомыхъ, оттуда ихъ господамъ. Намеки и догадки были близки къ правдѣ... Они должны были дойти до герцога!

Мысль объ этой возможности переполняла сердце Людмилы Юрьевны гнѣвомъ и опасеніями; но то что смѣли говорить во вредъ ей люди большаго свѣта, люди, которые при случаѣ всѣ за нею ухаживали и добивались ея милостей, — окончательно приводило ее въ ярость!.. Еслибъ она могла уничтожать грозой своего презрительнаго гнѣва людей, которыхъ ненавидѣла, — она скорѣе избрала бы жертвъ между Ардемиломъ, княгиней Лейнике и имъ подобными, нежели между соумышленниками стараго Германа, фрау Денверсъ или Мари, — хотя послѣднимъ извѣстны были факты для нея дѣйствительно опасные, а первые по большей части лишь пустословили и зубоскалили, ради краснаго словца... Но эти «словца» жалили самолюбіе и клеймили имя ея тѣнью смѣшнаго. Насмѣшка ей была страшнѣе прямаго обвиненія. Обвиненіе она могла отразить, — оправдаться и даже выиграть во мнѣніи многихъ отъ ореола жертвы злобы людской. А жало и клеймо мѣткой насмѣшки — было несмысламо!

— Такъ старыи этотъ адонисъ разсорился — говорите вы, душа моя, съ графиней Гертрудой изъ за меня? Напрасно милая, добрая женщина тратитъ порохъ на эту выцвѣтшую тряпицу! Слова такихъ, какъ онъ, стоять-ли гнѣва или даже вниманія?

Этимъ вопросомъ, среди рѣчей о другомъ, графиня Рейзенштернъ сразу озадачила кухню Аду, успѣвшую позабыть сорвавшіяся у нея съ языка слова о князѣ Ардимидѣ, еще за два дня до этой прогулки. Ей напомнили ихъ теперь, въ тиши аллеи изумруднаго Тиргартена.

— О, да! сконфужено подтвердила старая дѣва. — Но... видишь-ли, стоять-ли вспоминать его слова?

— Его слова, — пожалуй, нѣтъ! Но я хочу знать то, что сказала ему графиня Огіола. Я люблю знать все, чѣмъ обязана своими друзьями, потому что ненавижу неблагодарность...

Прошу васъ разсказать мнѣ, какъ именно и что говорилось моими врагами и друзьями.

И какъ ни отвиливала старая дѣвица, въ угоду сестрѣ своей, ей пришлось разсказать, какъ было дѣло.

Какъ только съ легкаго язычка генеральши Прейстингъ (объ этомъ фактѣ, какъ и вообще о ихъ личномъ участіи въ пересудахъ общества, Аделина Францовна умолчала)—въ высшемъ свѣтѣ заговорили о возможности женитьбы принца Эдгара на вдовѣ графа Рейзенштерна, всѣ поголовно возстали и возмутились такимъ чудовищнымъ предположеніемъ. Не находила въ предположеніи томъ ничего невозможнаго одна отцвѣтавшая красавица, балованное дитя столичной аристократіи, графиня Гертруда Огіола; да и та вступалась за свою приятельницу болѣе по духу противорѣчія, чтобъ спорить и обращать на себя вниманіе, а не по особому благоволенію. Къ ея мнѣнію присоединились нѣкоторые ея почитатели и раза два, три, ихъ споры и препирательства по этому поводу занимали интимныя собранія самаго избраннаго общества. Разумѣется, не самый предметъ споровъ, а остроуміе, съ которымъ велись они, были главной причиной интереса возбужденнаго ими; точно также не нападки собственно на личность графини Рейзенъ-фонъ Рейзенштернъ, а колкія возраженія извѣстнаго своимъ остроуміемъ князя Ардимилъ, офранцуженнаго полугнѣмца, полу-поляка, раздражали противъ него графиню Гертруду. Но она, а за ней и множество ея друзей, утверждали, что изъ за дружбы къ графинѣ Рейзенштернъ она не побоялась разсориться съ своимъ вѣчнымъ поклонникомъ, человѣкомъ, авторитетъ котораго признанъ всесильнымъ... И всѣ прославляли ея великодушіе.

Тѣмъ не менѣе отзывы противниковъ ея повторялись съ одобрительнымъ смѣхомъ въ ущербъ Людмилѣ Юрьевнѣ.

Довольно неприятно ужъ было узнать, что въ свѣтѣ трактуютъ о возможности любви къ ней герцога, о ихъ бракѣ; но вдвое горше еще было услышать, какъ на это смотрять въ высшемъ свѣтѣ!.. Людмила Юрьевна, разумѣется, ожидала, что ихъ союза не одобрятъ; но никакъ не представляла возможности подобной фразы о себѣ:

— «Никогда принцъ Альтенгеймъ не женится на вдовѣ Рейзенштерна! Онъ знаетъ также, какъ и всѣ, что она изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ в сѣ очень любятъ, но на которыхъ никто не женится!..»

Она десять разъ заставила повторить себѣ эту ядовитую фразу князя Ардимила:

— Какъ онъ сказалъ это, кузина Ада?.. «C'est une femme

que l'on aime, mais qu'on n'épouse pas?..» Хорошо!.. Это прекрасно сказано! Я не забуду лестнаго мнѣнія вашего нѣмецко-польскаго царедворца!—нѣсколько разъ повторяла она, чувствуя странное наслажденіе въ такомъ растравленіи совнаниа собственнаго униженія и, въ приливѣ злобной ненависти, которую оно возбуждало.

Зато другая фраза, пересказанная ей фрейленъ Аделиной въ ту же прогулку; отзывъ человѣка несравненнаго по могуществу и по значенію политическому, со всѣми князьями Ардимиль—въ свѣтѣ, заставила графиню похолодѣть и поблѣднѣть.

— «Не думаю, чтобы я могъ до такой степени ошибиться въ принцѣ Альтенгеймѣ! — будто бы изрекло это всесильное лицо.—Если онъ способенъ влюбляться, какъ школьникъ, въ авантюрьерку и съ собою совладать не умѣетъ,—онъ намъ не годится!»

— Онъ сказалъ это? — переспросила Людмила Юрьевна, скрывая подъ равнодушнымъ тономъ и улыбкой, какія кошки заскребли у нея на сердцѣ.—Но какъ могли бы это узнать?.. Ёго слова не говорятся на вѣтеръ. . Ихъ легче сочинить, чѣмъ повторить!.. Кто вамъ сказалъ это?

— О! Не мнѣ!—вскричала съ благоговѣйнымъ паэосомъ Аделина Францовна. — Но это вѣрно!.. Прошлымъ великимъ постомъ мы поѣхали, на вербной, кажется, недѣлѣ, къ княгини Лейнике. Вы знаете, что въ посту при дворѣ каждый четвергъ бываютъ большіе симфоническіе концерты. Ну, вотъ княгиня наканунѣ была на концертѣ и тамъ объ этомъ всё говорили!.. Самые къ нимъ близкіе люди! Старая графиня Дербоншеръ сама рассказывала княгинѣ!..

— Великимъ постомъ?—воскликнула графиня въ изумленіи.—Но вѣдь тогда только что умерла его жена, принцесса Эмма!.. Можетъ ли быть, чтобъ такіе безсмысленные толки уже ходили о насъ?

— О, да!—увѣренно подтвердила старая дѣвица.—Объ этомъ заговорили, какъ только княгиня Мейнеръ-фонъ-Лейнике и другая тетка его, старая баронесса фонъ-Лихштейнъ вернулись съ похоронъ бѣдной Эммы. Когда мы пріѣхали сюда, толки объ васъ уже были въ полномъ разгарѣ!..

Не весело приадузалась Людмила Юрьевна.

Въ веселомъ приадузаніи ея смутно возобновлялись подробности одного свѣтлага весенняго дня въ незнакомомъ гордѣ; раннее утро, брачная церемонія въ пустомъ, ей чуждомъ храмѣ, потомъ быстрый переѣздъ вдвоемъ по улыбавшейся, зацвѣтавшей къ новой жизни мѣстности въ уединенный загородный домъ

и три-четыре дня, проведенные съ глазу на глазъ съ нимъ, съ человѣкомъ не любимымъ его, но ее любящимъ страстно... Дни странныхъ ощущеній и безотчетнаго хаоса въ чувствахъ и мысляхъ, пролетѣвшіе какъ сонъ и оставившіе въ ней впечатлѣніе кошмара, усталость притворства, неувѣренность, даже страхъ за будущее.

Нынѣ страхъ этотъ воплощался опредѣленно... Ну, что какъ она поспѣшила и ошибется въ расчетѣ?!

Надо дѣйствовать!

Дѣйствовать рѣшительно. Играть на все!.. Не останется ли ей здѣсь, у самаго источника ожидаемыхъ въ будущемъ преуспѣяній?..

Это соображеніе впервые ей представилось и планы одиго смѣлѣе другаго зародились въ ея головѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь есть въ ней много, помимо красоты! Не разъ испытала она силу своего обаянія на людяхъ положительныхъ, неспособныхъ увлечься одною внѣшностью... Онъ тоже человѣкъ!—И какой человѣкъ! Кто можетъ лучше оцѣнить ея умъ, ея способности?.. О! Пусть только пойметъ, какую пособницу приобрѣлъ бы онъ въ ней, еслибъ захотѣлъ подать ей руку. Національность?.. Вѣра?.. Да развѣ тажія эфемериды считаются препятствіями для избранниковъ?.. ими пользуются иногда, ихъ тоже превращаютъ въ щиты или орудія, смотря по нуждѣ; но нынче и въ толпѣ мало простаковъ, способныхъ драться съ мельницами изъ за мыльныхъ пузырей...

«Нѣтъ! Я увѣрена, что мы сойдемся!—рѣшила графиня:—только бы познакомиться... Могу-ль я не сойтись съ умнымъ человѣкомъ и можетъ-ли умный человѣкъ не оцѣнить меня?!.»

— Вотъ дворецъ нашего князя! — прервала кузина Ада размышленія своей смолкшей и не слушавшей ея болтовни, спутницы.

Онѣ давно выѣхали изъ подъ зеленаго навѣса деревьевъ и ѣхали широкими красивыми улицами обновленнаго города.

— Князя Мейнеръ-фонъ-Лейнике? — разсѣянно спросила Людмила Юрьевна.

Фрейленъ Ада засмѣялась чуть не презрительно.

— Что вы!—сказала она.—Неужели не знаете, кто здѣсь живетъ?

И она назвала всѣмъ извѣстное имя.

— Да!—опомнилась графиня.—Я знаю... Я думала о другомъ. Скажите, онъ въ Берлинѣ?

— Нѣтъ. Еще не возвращался и говорятъ не скоро вернется. Боленъ!

— Чтожъ, лечится? Гдѣ нибудь на водахъ?.. Я давно не читала газетъ, за дорогу.

— Это и видно!..—улыбнулась кузина. — Онъ у себя, въ своемъ имѣніи и пробудеть до глубокой зимы, чтобъ отдохнуть отъ дѣлъ и государственныхъ заботъ.

«Ну, туда къ нему не добраться!—мысленно рѣшила Людмила Юрьевна.—Надо выждать возможной встрѣчи!»

На слѣдующее утро она выѣхала въ Парижъ, такъ и не повидавшись ни съ маленькимъ Эдгаромъ, ни съ своей пріятельницей Гертрудой, которой еще въ Берлинѣ не было.

Вообще всемъ ея предназначеніямъ и стратегическимъ соображеніямъ не суждено было на сей разъ осуществиться. Медлительныя, до нынѣ, событія вдругъ быстро зачередовались, словно невидимая рука подогнала маятникъ и колеса, ихъ приводившія въ движеніе.

Давно ожидаемый, заинтересованными въ жизни и смерти престарѣлаго владѣтеля, рѣшительный часъ для него пробылъ; параличъ обратилъ хилое тѣло его въ неподвижную массу. Останки жизни и сознанія еле теплились въ сердцѣ и мозгу...

Герцогъ Зоннербергенскій не пробылъ въ гостяхъ у своего царственнаго хозяина и десяти дней, какъ получилъ приказаніе немедленно ѣхать къ умирающему родственнику и быть готовымъ принять его наслѣдіе. Графиня Людмила Юрьевна, ожидавшая увидѣть его самого черезъ нѣсколько дней въ Парижѣ, дождалась лишь телеграммы: «Эрцъ-герцогъ при смерти. Обязанъ быть приемъ». А велѣдъ за тѣмъ болѣе обстоятельное письмо, написанное ужъ въ вагонѣ, которымъ принцъ Эдгаръ умолялъ ее немедленно уѣхать въ Италію и тамъ ждать событій, не двигаясь и ничего не предпринимая, безъ его извѣщенія.

«Чтожъ дѣлать? Попробуемъ, для начала безпрекословно покориться повелителю!»—рѣшила Людмила.

Такъ приходилось волей иль неволей.

Нагрязнувшія событія захватили ее врасплохъ, не давъ времени не только разыграть придуманныхъ комедій, но даже замыслить что либо новое, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ.

V.

ылъ октябрь въ концѣ. Всюду холодный, дождливый, хмурый и скучный переходный мѣсяцъ, когда быстро блѣднѣютъ и исчезаютъ всѣ пестрыя осеннія красы, а яркія зимнія картины еще скрыты за сизыми туманами, за однообразной сѣтью холодныхъ дождей. Таковъ онъ вездѣ, кромѣ крайняго юга. Счастливые жители Италіи не знаютъ такихъ скучныхъ переходовъ года, отъ которыхъ страдаютъ бѣдные сѣверяне... Этотъ октябрьскій день, въ который дрожали петербуржцы, кутаясь въ пледы отъ пронзительнаго вѣтра, укрываясь подъ зонтиками, равшимися изъ рукъ въ невѣдомые полеты, а москвичи обновляли шубы по первой порожѣ,—въ *la bella Fiorenza* (?) былъ встрѣченъ ихъ соотечественниками совсѣмъ по лѣтнему. Тихій, чуть-чуть сѣренкій, онъ пропускалъ сквозь флеръ перистыхъ, перелетныхъ облачковъ именно на столько солнечныхъ лучей, чтобы они не слишкомъ пригрѣвали, но достаточно ярко освѣщали улицы, магазины, старыя палатки и новѣйшія хорошенькія виллы, пестрѣвшія роскошными цвѣтами и сочной зеленью всѣ окрестности редины Данта, чтобъ веселить зрѣніе всего живаго...

Не потому ли сегодня замѣтно такое оживленіе именно въ русской колоніи флорентинцевъ, что ужъ имъ то особенно пріятенъ такой день въ началѣ ихъ зимы?.. Сегодня русскія дамы выѣхали часомъ раньше обычнаго времени и заматались, положительно за м е т а л и с ь, отыскивая другъ друга, для передачи сенсаціонныхъ извѣстій, принесенныхъ утренней почтой.

Въ магазинахъ, на улицахъ при встрѣчахъ, останавливались экипажи, подбѣгали другъ къ другу знакомыя, у подъѣздовъ тѣхъ кто жили открытѣе, то и дѣло скрещались кареты и ландо; всюду сталкивались люди избраннаго круга, преимущественно жепщины и всюду раздавались однѣ и тѣ же фразы:

— Слышали?.. Читали?.. А? Каково?.. Вотъ и разгадка ея необычайному поведенію, уединенной жизни и скромности!.. Не желала смѣшиваться съ простыми смертными!

— Нѣтъ! Какова смѣлость?.. Что затѣяла то?.. Чуть не въ жоролевы вдумала себя произвести. И сорвалось! Понятно. Бѣдный Альтенгеймъ.

Въ гостиной вдовствующей княгини Вронцевой собрался цѣлый раутъ по этому поводу и судили и рядили нещадно.

Были тамъ ея родственницы и близкія знакомыя, также какъ и она весь вѣкъ вольно практикующія за границей, русскія только по фамильямъ, а иныя и ихъ утратившія въ союзахъ съ иностранцами. Была тамъ помѣщица-грандесса Дольчи, четвертымъ бракомъ вѣнчаная въ 50 тѣтъ съ испанскимъ грандомъ, Пензенская землевладѣлица; была маркиза д'Ардици, парижанка по правамъ, итальянка по супружеству, — котораго узъ, впрочемъ, не признавала — русская южанка по рождению; была сестра грандессы, старая дѣва, романически-желчнаго темперамента, бывшая красавица-идеалистка, не нашедшая по вкусу идеала, утверждавшая, что со времени Лермонтова, Огарева и Растопчиной въ Россіи не было поэтовъ; была добрѣйшая старушка-вдова, извѣстная вѣчной тоскою по родинѣ и русскими саженными кулебяками, которыми она утѣшала себя и угощала по праздникамъ всю русскую колонію. Представителями мужскаго элемента были вначалѣ только братъ послѣдней, брюзгливый, желчный, больной бывший сановникъ, о которомъ княгиня Вронцева говорила, что онъ болѣлъ *d'une febris—ambitionis rentree*; и вѣчно отрочевствующій сынъ хозяйки дома, Zoulou или Glou-glou или что-то подобное по кличкѣ, замѣнившей ему славное дворянское имя его предковъ. Были и еще многія представительницы касты праздношатающихся русскихъ западнищъ, — а позже, когда наступило настоящее время визитовъ, явились и настоящія «иностранцы», — по отношенію къ Россіи. Туземцы-итальянцы, французы, англичане и даже отчасти тедески, — нелюбимые княгиней Вронцевой по завѣтамъ предковъ, — всѣ бывали въ ея гостиныхъ; и всѣ въ этотъ сѣренскій октябрьскій денекъ, забывъ другіе интересы, трактовали европейскій скандалъ: отрѣшеніе отъ наслѣдія умершимъ владѣтелемъ своего родственника, принца Эдгара Альтенгейма, герцога Зоннербергенскаго, кандидата одобреннаго въ Берлинѣ, изъ за его женитбы на графинѣ Людмилѣ Юрьевнѣ Рейзенъ-фонъ-Рейзенштернъ.

— Оттого, что она русская! въ негодованіи заявляли нѣкоторые русскіе патриоты, въ родѣ вдовы, готовившей кулебяки на берегахъ Арво.

— Оттого, что она ужасная женщина! Помилуйте!.. Кто называетъ графиню Рейзенштернъ, тотъ называетъ Лукрецію

Борджю! утверждала маркиза Ардицци и ей подобные блюстители нравовъ.

— Но бѣдный принцъ Альтенгеймъ! Сколько ему невзгодъ и несчастій!.. Онъ не сходить съ оселка въ послѣдніе годы. Il est toujours sur le tapis, со своими несчастіями и своей неудавшейся кандидатурой! замѣчали благосклонные.

— Un si bel homme! Un grai preu chevalier Такой истинный потомокъ Барбароссы! восхищалась дѣвствующая сестра грандессы съ береговъ Суры.

— A-t-il fait ses preuves? L'avez vous vu à l'oeuvre, toute belle?.. насмѣшливо обратилась къ ней княгиня Вронцева, повернувшись своимъ излюбленнымъ величественнымъ оборотомъ одной головы и черезъ плечо саркастически улыбаясь на нее, съ высоты своего саженаго роста.—Развѣ онъ и за васъ скрепчалъ мечи?

— Je ne suis pas personnelle!.. Развѣ надо отдавать людямъ должное только за личныя услуги? возразила поклонница поэзіи Евдокии Растопчиной.

— Сестра моя физиономистка! вступилась грандесса Дольчи — Она разъ въ парижской оперѣ цѣлый вечеръ не спускала бинокля съ герцога Зоннербергскаго и съ тѣхъ поръ рѣшила, что онъ долженъ быть рыцарь безъ страха и упрека.

— О, saga mia! иронически отозвалась величественная кузина: не беритесь не за свое дѣло. Предавайтесь съ сестрою... d'olse far niente, но не дѣлайтесь послѣдовательницами Лафатера! засмѣялась Вронцева, играя новой фамиліей грандессы.

— Я знаю довольно близко принца Альтенгейма, — отозвалась маркиза.—C'est une nullité parfaite!

— Un bel athlète d'une nullité parfaite? вставилъ Loulou, однимъ изъ пріятнѣйшихъ занятій котораго состоялъ подборъ «беззаконныхъ» приемъ.

— Какъ бы то нибыло, этого честнаго нѣмца жаль. Онъ сдѣлался теперь посмѣшищемъ прессы. Читали вы сегодняшній Giles Blas? Въ немъ наша сосѣдка названа en toutes lettres.

— А вотъ погодите: разойдутся еще иллюстрированныя, смѣхотворныя изданія!.. Вотъ гдѣ потрепать предприимчивую графиню...

— Да кто такая она сама по себѣ?. Est-elle bien née?

— Какое! Дочь гувернантки...

— Vous êtes trop bonne! Простой русской няньки дѣтей Юрія Недвинова. Помните этого отжившаго довеласа?.. Il était fort bien du reste, Georges Nedvinoff..

— Какъ?.. Дитя любви?

— Tout comme.

— Оттого-то она такая красавица! вставилъ Дулу.

— Tu divagues, bébé! остановила прыть его мать.— Это неправда! Недвиновъ былъ женатъ на ея матери. Она та самая хорошенькая дѣвочка, племянница Héléne Darzance, съ которой, помнишь Adèle, мы жили... сколько тому?.. Десять, двѣнадцать лѣтъ?—въ Висбаденѣ, въ то лѣто, когда за тобой ухаживалъ ton № 3.

— Ахъ! Не говори! Не говори!.. J'ai ce temps en horreur!— прервала грандесса Дольчи, имѣвшая слабость ненавидѣть своихъ покойныхъ и отставныхъ супруговъ.

— Графиня Людмила Юрьевна умнѣйшая, прелестнѣйшая и самая способная женщина, рождавшаяся на свѣтъ!—возвысиль неожиданно голосъ просматривавшій до сихъ поръ газеты сановникъ, который болѣлъ «разлитіемъ честолюбія».— Ужъ не знаю, чего этимъ колбасникамъ нужно?.. Да они въ своей Швабіи десять лѣтъ съ фонаремъ искать будутъ, такъ не отыщутъ себѣ герцогини, которая бы ея стоптанной туфли стоила!

И онъ съ размаху прибавилъ еще нѣсколько не гостинныхъ словъ въ ущербъ «швабамъ».

— Comme vous y allez, mon cher!—добродушно оглядѣла его съ головы до ногъ княгиня.—Я ничего не имѣла бы противъ воцаренія дочери русской нянюшки на престоликѣ, подвластномъ рара Bismark'у, cela sierait fort bien! Но... есть русскія и русскія!.. Видите-ли, противъ нашей belle recluse de la villa Milli-Floga, въ послѣдніе дни возникаютъ такіа серьезныя обвиненія...

— Гдѣ встрѣчали вы, ваше сіятельство, женщину-красавицу, женщину—изъ ряду вонъ по всѣмъ статьямъ, на которую не ополчались бы ябедники и клеветы?—рѣзко оборвалъ ея рѣчь сановникъ.—Не по своимъ-ли доброжелателямъ вы изволите заключать, что бываютъ такіа?

— Борисъ Степановичъ! Зачѣмъ переводить на личности?—укорила его добродушная сестра.

— Ничего, ma bonne!—улыбнулась хозяйка.—Мы давно съ вашимъ братцемъ знакомы... А что онъ ни говори, меня хоть въ убійствахъ-то ужъ никто не обвинялъ!

— Потому что счастливая звѣзда ваша васъ не приводила къ изголовью умиравшихъ родственницъ и предоставила супругу вашему спокойно доживать свой вѣкъ вдали отъ радостей семейной жизни!—созлобствовалъ сановникъ.—Графинѣ Рейзенштернъ не посчастливилось. Но я все-таки говорю, что не пѣнить ее могутъ только дураки и очень сожалѣю ее одну во всей этой передрагѣ, заваренной ея врагами...

— И совсѣмъ не ея личными врагами!—прервали его нѣсколько голосовъ.—Все это дѣло фанатиковъ-протестантовъ. Обрадовались предлогу:—греческая-де схизма хуже католичества!.. Вы читали предсмертное письмо стараго герцога, которымъ онъ устраняетъ Альтенгейма?.. Ну, вотъ, теперь и пусть радуются:—обуяетъ ихъ католическая партія!.. Лойолато восторжествуетъ въ ихъ герцогствѣ!.. Ужъ не выпустятъ іезуиты вакантнаго владѣнія.

— Фанатизмъ—самъ по себѣ! А всѣ не вооружились бы такъ единодушно противъ русской герцогини, еслибъ не ея скабрзное прошлое!—рѣшила маркиза Ардици.—Ужъ не говоря о ея поступкахъ съ дядей и съ его бѣдной дочерью, о ея прегрѣшеніяхъ противъ мужа; но даже въ смерти принцессы Альтенгеймъ ея участіе едва-ли не очевидно.

— Для людей, которые на вещи смотрятъ сквозь очки недоброжелательства ко всѣмъ вообще, и ненависти къ графинѣ Рейзенштернъ въ особенности!—отрѣзалъ сановникъ.

— Я ее почти не видала! За что мнѣ ее ненавидѣть?—презрительно возразила маркиза.

— Бываетъ! пожалуй плечами ея не конфузливый оппонентъ.—Быть можетъ вамъ ея наружность неприятна?

Поблѣкая маркиза, нежелавшая сознать своей поблѣклости и дѣйствительно нетерпѣвшая хорошенькихъ женщинъ, вспыхнула, потомъ поблѣднѣла. Цвѣтъ лица ея наружно измѣниться не могъ, подъ обильно покрывавшимъ его слоємъ косметиковъ, но гнѣвъ ея былъ все же очевиденъ и хозяйка дома любезно поспѣшила ей на выручку.

— Борисъ Степанычъ такой цѣнителъ изящнаго, что при немъ красавицу, подобную графинѣ Рейзенштернъ, опасно затрогивать—сказала она примирительно.—Но рискуя попасть въ завистницы, я все же скажу, что такой быстрый, тайный бракъ съ герцогомъ бросаетъ на нее не хорошее подозрѣніе...

— Согласенъ! Подозрѣніе—въ непостоянствѣ, въ равнодушіи къ покойному графу Рейзенштерну,—въ преступной любви къ принцу,—въ честолюбивыхъ замыслахъ,—въ чемъ угодно! Но никакъ не въ уголовныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ обвиняютъ ее зложелатели, а съ ихъ ядовитыхъ язычковъ—и вотъ такіе борзописцы!—настанвалъ защитникъ Людмилы Юрьевны и презрительно оттолкнулъ отъ себя французскія и нѣмецкія газеты.

— Bravo! Bravo, Борисъ Степанычъ!.. Уважаю въ васъ защитника женщины!.. C'est demodé—mais c'est galant!—похвалила его сестра грандессы.

VI.

В эту минуту въ салонѣ княгини, съ особымъ шикомъ санфасонства, ввалился большой и очень безобразный человекъ, тоже русскій аристократъ, съ иностранными нравами, пошибомъ, выговоромъ и даже до своей французской фамилии. Чисто русскіе въ домѣ его были только деньги, которыя онъ проживалъ, не считая ни ихъ, ни своихъ многочисленныхъ дѣтей, подроставшихъ по волѣ Божіей, на попеченіяхъ плохо оплачиваемыхъ иностранцевъ, съ весьма сомнительными педагогическими правами. Сунруга графа «Сансуси», какъ его прозвали свои люди за безпечный нравъ и веселость, тоже была очень любезная особа и мало успѣвала видѣться съ дѣтьми, отдавая все свое время обществу.

Едва онъ вошелъ, тотчасъ же обвелъ вопросительнымъ взглядомъ гостиную, ища жены и громко заговорилъ.

— Eh bien?.. Et Didine?.. Ее еще нѣтъ?.. Aha!.. C'est elle qui va nous en raconter de belles!.. Погодите! Дидина поѣхала къ ея свѣтлости... Да, да!.. Къ нашей «свѣтлѣйшей стшельницѣ»... Ну, къ развѣнчаной или невѣнчаной эрцгерцогинѣ!.. Къ принцессѣ Альтенгеймъ... Чего вы на меня воззрились?

— Къ принцессѣ Альтенгеймъ?.. Ахъ, да!.. Да вѣдь это правда! Она ужъ не графиня, — а принцесса и герцогиня Зоннербергенская! — впервые сообразили дамы, не безъ чувства безпричинной досады и скрытой подъ презрительными улыбками зависти, переглянувшись.

— Voilà — подтвердилъ графъ Санъ-Суси. — А вы и не смекнули? Мы съ Didine давно знали.

— Да и мы знали!.. Ужъ сколько времени газеты объ этомъ говорятъ! — хоромъ заговорили дамы. — Нельзя было не догадаться и прежде, но теперь ее прямо называютъ... Но какъ-то странно... Привыкли, что въ виллѣ Миль-Флеръ живетъ графиня Рейзенштернъ и вдругъ она же — принцесса Альтенгеймъ, герцогиня Зоннербергенъ!

— Это вамъ странно? — съизлиествовалъ больной сановникъ, съ легкимъ поклономъ въ сторону грандессы четырехмужницы.

— Вы говорите, что Надежда Мануиловна отправилась къ ней?—спросила княгиня Вронцева.— Она не приметъ... Она вѣдь никого не принимаетъ.

— A d'autres, m-me la princesse!.. Жена была у нея на дняхъ, а сегодня у нихъ уговоръ ѣхать вмѣстѣ въ Боболи. Людмила Юрьевна... Нѣтъ! Не такъ. Ея свѣтлость принцесса Альтенгеймъ, герцогиня Зоннербергская, разжалованная кандидатка въ эрцъ-герцогини и прочее, и прочее, никогда не бывала въ саду дворца Питти, не желая смѣшиваться avec le commun des mortels по воскресеньямъ и четвергамъ, когда Боболи отдается толпѣ. Дидина достала особое разрѣшеніе и сегодня онѣ должны ѣхать осматривать памятникъ Юлія II и статую Океана...

— Ахъ! И мы!.. Нельзя-ли и намъ?..—закричали со всѣхъ сторонъ дамы.

— Да увѣряю васъ, что ничего не будетъ!—утверждала хозяйка.— Она не поѣдетъ!.. Вѣдь она не знала, когда сговаривалась съ графиней, что все это разыграется въ эти дни!... До скульптуры-ли ей теперь?.. Да вотъ и сама графиня... Я говорила вамъ!

Въ комнату влетѣла особа, такая сухощавая и вертлявая, что въ полусумракѣ ее можно было скорѣе принять за молодую дѣвушку, а не за мать многочисленной семьи.

Всѣ ее обступили съ разспросами и криками, достойными приемной дѣвичьяго пансіона въ праздничный день. Но Дидина была достойной женой графа Sans-Soucis: ее хватало на всѣхъ и на все. Смыслъ ея рѣчей, которыхъ полностью, по сбивчивости ихъ и обидю, привести невозможно, былъ таковъ: она видала герцогиню и герцогиня совершенно спокойна и мила, какъ нельзя болѣе. Она не можетъ сегодня ѣхать на прогулку, потому что ежеминутно ждетъ мужа. Принцъ телеграфировалъ, что будетъ сегодня, но забылъ назначить часъ или поѣздъ... Не разстроена-ли она? Не сердится-ли?.. О, нѣтъ?... Ни мало.

Только немного опечалена... «За бѣднаго Эдгара!»—говоритъ она. Она прекрасно знаетъ, что ему это оскорбительно; что онъ обиженъ и огорченъ, тоже болѣе за нее, чѣмъ за самого себя; но въ сущности—великое благо, что эта чаша миновала ихъ! Принцъ Альтенгеймъ не честолюбивъ и согласился принять обузу представителя цѣлой страны безъ истинной власти, которую ему, да и никому не дадутъ вполнѣ,—только по чувству долга... Онъ не хотѣлъ дать восторжествовать католикамъ, вотъ и все!.. Что касается до нея, она боялась этого наслѣдства! Этого призрачнаго королевства со своей

отвѣтственностью, вѣчными стѣсненіями его показной стороны, вѣчными интригами и недоброжелательствомъ, безъ истиннаго величія власти и могущества,— безъ правъ и безъ завѣтовъ, облегчающихъ трудныя обязательства, во истину царственныхъ родовъ...

— Я ненавижу чванства!—нѣсколько разъ въ то утро повторила принцесса Альтенгеймъ болтливой женѣ «беззаботнаго» графа.— Ненавижу фальшивое честолюбіе людей, домогающихся того, на что они не имѣютъ права!.. Много разъ я говорила принцу Эдгару, что эта измышленная для него кандидатура меня приводитъ въ отчаяніе!.. Я предупреждала его, что его женитьба на мнѣ можетъ лишить его наслѣдія и сана; но онъ отвѣчалъ, что въ отчаяніе отъ того не придетъ,— а ужъ я тѣмъ болѣе!..

— Почему они обвинялись тайно?... Да, да! Она ее спросила объ этомъ прямо... И знаютъ-ли онѣ, что отвѣчала ей принцесса Альтенгеймъ?.. Она, въ свою очередь ее прямо спросила:

— Любили вы когда-нибудь?... Просиль-ли васъ любимыи вами человекъ настойчиво, неустанно,—дать ему счастье, котораго онъ жаждалъ, которое въ вашихъ рукахъ. и—легко-ли вы находили силы бороться съ нимъ?..

— Вотъ что она мнѣ сказала! *Et qu'elle était belle, grand Dieu, en disant cela!*. Ея улыбка! Ея глаза, на меня устремленные!.. *Mais elle était fascivante!*. Это такая красота! Я понимаю мужчинъ: я бы сама въ нее, кажется, влюбилась!—восторгалась пріѣзжая.

— *Cette bonne petite Didine!*—снисходительно замѣтила хозяйка.

Всѣ снова приступили съ разспросами къ восторженной маленькой женщинѣ, не совсѣмъ довѣряя ей завѣdomому добродушію и способности увлекаться. Она продолжала увѣрять всѣхъ въ искреннемъ довольствѣ Людмилы Юрьевны, что она «избавилась отъ этой европейской обузы», которая бы испортила ей всю жизнь... Куда же она, русская, православная, поидилась бы въ нѣмецкія владѣтельные особы?..

— И какъ она говорить о ихъ «горностаяхъ» изъ заячьего мѣха! О ихъ торжественныхъ приемахъ съ гороховыми колбасами,—*grands galas à la bière!*—*C'est à pouffer de rire!* Я чуть не умерла отъ смѣху!—разсказывала Дидина.

— *Bien heureux les croyants!*—насмѣшливо пожала плечами маркиза Ардици.

— Да, трудно вѣрить, чтобъ она была такъ равнодушна?—замѣтила грандесса.—Все же корона и громадныя владѣнія...

— Хоть лыкомъ шито — а королевство! — усмѣхнулся сановникъ. — Есть ей чего жалѣть! Она такъ богата, что можетъ себѣ любое швабское владѣніе купить.

— А честолюбіе!.. Неужели вы его забыли? — мягко спросила княгиня Вронцева.

— О! Я вѣрю, что бываютъ женщины, стоящія выше обще-человѣческихъ слабостей! — съ легкимъ поклономъ отвѣтилъ неисправимый сановникъ.

— Однако ее должны оскорблять и огорчать ужасы, взводимые на нее печатно? — сказала увидшая идеалистка, указывая на одну изъ газетъ. — Посмотрите! Здѣсь чуть-ли не прямо обвиняютъ ее въ отравленіи первой жены Альтенгейма!

— Какая нелѣпость! Когда ее даже не было тамъ, когда та скоропостижно скончалась!

— Ну, да вѣдь газетные корреспонденты люди не церемонные! — прервала сановника графъ «Сансуси». — Кто-жъ имъ вѣрить?.. Сенсаціи — ихъ хлѣбъ!.. Нѣтъ ихъ — они ихъ выдумаютъ. Вотъ и пробуютъ нельзя-ли бѣдную графиню, то-бишь, — герцогиню одѣть преступницею и взвести на эшафотъ.

— Никогда я не повѣрю этимъ клеветамъ! — горячо вскричала жена его и къ ней присоединилось большинство дамъ.

Молчали только хозяйка дома и русская маркиза, скептически улыбавшаяся.

Рѣшено было тѣмъ не менѣе всѣмъ побывать у Людмилы Юрьевны, сдѣлать ей нѣчто вродѣ оваціи въ доказательство полного недовѣрія къ газетнымъ клеветамъ и соболѣзнованію къ ея непріятному положенію. Главную роль въ этой необычайной добротѣ общества, — которое должно было чувствовать себя обиженнымъ, холоднымъ отношеніемъ къ нему вновь пріѣзжей, не сдѣлавшей ни шагу для сближенія съ многочисленными соотечественницами, пребывавшими во Флоренціи, — разумѣется, играло любопытство. Всѣмъ хотѣлось видѣть новую герцогиню и судить своими глазами, о степени ея поражения и вѣроятія ея виновности.

Эти желанія далеко не были вполне удовлетворены.

Людмилу Юрьевну всѣ, по крайней мѣрѣ многіе, видѣли, когда она каталась, рядомъ съ мужемъ, въ открытой коляскѣ. Она очень привѣтливо кланялась знакомымъ, казалась очень спокойной, даже веселой; но случилось такъ, что ее никто почти не засталъ дома, во всѣ слѣдующіе дни... При встрѣчѣхъ она объясняла это тѣмъ, что почти не зная Флоренціи, они цѣлые дни катаются, пропадаая въ музеяхъ, въ картинныхъ галлерейхъ, соборахъ и въ окрестностяхъ чуднаго города, въ которомъ имъ нельзя долго пробыть. Потому, дня черезъ

четыре княгиня Вронцева и многія другія русскія обывательницы Флоренціи, вернувшись съ какого-то гулянья или праздника, привлечшаго весь городъ, нашли у себя на столахъ визитныя карточки герцогини съ присяжными буквами «Р. Р. С.» на углахъ, а на слѣдующее утро вилла Mille-Fleurs оказалась пустою и на глухо заколоченной...

Освѣдомлявшіеся узнали, что свѣтлѣйшіе герцогъ и герцогиня Зоннербергенскіе выѣхали въ Ливорно, откуда намѣрены были предпринять дальнее морское путешествіе.

Тѣмъ пока и окончились тревоженія русскіихъ флорентинокъ о своей предприимчивой соотечественницѣ.

VII.

положеніе, въ которомъ очутилась неожиданно Людмила, было не только «непріятно», по опредѣленію флорентинокъ съ Волги и Невы,—оно въ первое время показалось ей безвыходнымъ. Обстоятельства, нагрянувшія на нее сразу, ее ошеломили до того, что даже она растерялась и остановилась въ недоумѣніи предъ устроенной ею себѣ самою будущностью.

И вотъ она выставлена на осужденіе, едва-ли не на посмѣяніе всему міру, безъ власти и возможности оправдать себя въ будущемъ. Она связана вновь съ человѣкомъ, котораго считаетъ несравненно ниже себя, къ которому чувствуетъ едва-ли не такое-же снисходительное презрѣніе, какъ и къ первому своему мужу и который взамѣнъ ея притворства мало чѣмъ больше можетъ дать ей, чѣмъ безобидный графъ Фердинандъ... Она ждала великаго воздаянія въ награду за готовность поддерживать въ принцѣ Эдгарѣ увѣренность въ своей любви, а теперь что-жъ она имѣетъ?.. Состояніе ея нѣсколько увеличилось... Даже значительно, потому что герцогъ самъ по

себѣ не бѣднѣе, быть можетъ богаче ея;—но на что ей богатство, когда она связана съ человѣкомъ, который ничего дальше Зоннербергена, ничего больше громкаго титула, словомъ, ничего существеннаго ей дать не можетъ?.. Да еще, пожалуй, потребуетъ, чтобъ она дѣлила съ нимъ прелести уединенной жизни въ Альтенгеймъ?.. И во всякомъ случаѣ, навѣрное будетъ несравненно взыскательнѣе, непокладливѣе и во всѣхъ отношеніяхъ неудобнѣе Рейзенштерна. Богатства большаго ей не нужно! Денегъ у нея довольно, не ихъ искала она въ завоеванномъ ею союзѣ съ принцемъ Эдгаромъ; а то чего она добивалась—онъ потерялъ на вѣки.

Первыя минуты сознанія неудачи были ужасны!

Телеграммы Альтенгейма за день до общаго оглашенія возвѣстили ей случившееся. Она провела мучительную ночь, но имѣла время приготовиться къ возможно болѣе приличной встрѣчѣ удара, въ подобающемъ ей достоинству спокойствіи и равнодушіи. Дней за пять до окончательнаго рѣшенія умершаго герцога, Людмила Юрьевна была увѣдомлена мужемъ объ «интригѣ, измышленой его врагами». Умиравшему герцогу внушили требовать отъ него слова въ томъ, что онъ женится на внучатной племянницѣ его, немолодой, но весьма добродѣтельной принцессѣ. Ему бракъ этотъ былъ поставленъ условіемъ окончательнаго утвержденія въ наслѣдствѣ. Жена тотчасъ ему отвѣтила заранѣе условленной шифрованной телеграммой: «Соглашайтесь. Дайте слово. Потомъ увидимъ... Для вашего блага я готова на разводъ...»

Она дѣйствительно была на все готова, лишь бы онъ достигъ того положенія, котораго она добивалась. Только бы онъ былъ признанъ, а старый герцогъ въ гробу,—она сдумаетъ повернуть все по своему!.. Но, въ отвѣтъ на это оригинальное предложеніе, Людмила Юрьевна получила отъ мужа увѣдомленіе, что онъ официально заявилъ о ихъ союзѣ; а двое сутокъ спустя она уже знала, что всѣ ея расчеты и планы рушились.

«Прежде всего надо сохранить приличія!» рѣшила она. Вслѣдствіе такого рѣшенія и была принята графиня Дидина, какъ застрѣльщица...

Устроивъ почетное отступленіе, герцогиня, вновь окрепшая новыми титуломъ и фамиліей, приняла новое рѣшеніе: ухажать съ мужемъ какъ можно дальше и на долѣе, чтобъ дать улечься и успокоиться общественнымъ толкамъ.

Безъ сомнѣнія, это было самое дѣйствительное средство, чтобъ вывести ихъ изъ многихъ затрудненій и непріятныхъ случайностей первыхъ столкновеній съ обществомъ; но все же

это былъ только паліативъ, на первое время, существенно не улучшавшій неловкости положенія, а ее лично нимадо не удовлетворявшій.

Самолюбіе и честолюбивыя надежды ея, прибытія къ самой землѣ этимъ неожиданнымъ ударомъ, замолкли на время. Она не находила силъ сразу воспрянуть и поддалась пассивно теченію, ошеломленная... Они отправились въ продолжительное плаваніе, къ мало посѣщаемымъ берегамъ юго-западной Европы, на острова и въ Португалію. Герцогиня охотно бы свернула изъ Гибралтара влѣво; охотно оставила бы на долго цивилизованныя страны; да герцогъ рѣшительно возсталъ противъ ея желанія: онъ скучалъ за сыномъ.

Когда онъ заговаривалъ съ ней о возвращеніи, объ Эдгарѣ, о нетерпѣніи его скорѣе взять сына домой, освободить изъ подъ вреднаго вліянія княгини Лейнике, Людмила молчала: даже на прямые вопросы она старалась не отвѣчать, дѣлая видъ, что не слышитъ. Она окружала себя двойной броней холодности и печали женщины, оскорбленной въ самыхъ лучшихъ чувствахъ своихъ,—въ любви къ мужу и въ женскомъ достоинствѣ,—а въ сущности терзалась злобой, съ трудомъ осиливаемымъ бѣшенствомъ, побуждавшимъ ее на самыя рѣзкія рѣчи, на самыя крайніе поступки.

«Что мнѣ за дѣло до его плановъ теперь?... Что мнѣ за дѣло до его мальчишки?!». возмущалась она внутренно.

И со дня на день становилась несдержаннѣе и раздражительнѣй. Она надѣялась, что онъ наконецъ уразумѣетъ въ чемъ дѣло; перестанетъ говорить о своихъ распоряженіяхъ и планахъ, какъ о чемъ-то для нихъ обязательно общемъ и догадается спросить ее о ея личныхъ намѣреніяхъ... Но онъ не догадывался. Онъ былъ слѣпъ, какъ искренно влюбленный; ему и на умъ не впадало дѣлать жену отвѣтственной въ его политическомъ фіаско, тѣмъ менѣе могъ онъ догадаться о ея обвиненіяхъ и истинномъ смыслѣ ея чувствъ.

Тревоги послѣдняго времени отозвались замѣтно на принцѣ Альтенгеймѣ. Онъ и похудѣлъ и еще болѣе сосредоточился и даже постарѣлъ. Преждевременно посѣдѣвшія нити кое гдѣ серебрились въ его каштановой, густой гривѣ; сѣрые глаза рѣдко блестѣли теперь, вспыхивая развѣ порой, когда встречались съ спокойнымъ, иногда суровымъ, часто насмѣшливымъ взглядомъ жены его. Принцъ Эдгаръ еще не догадывался о чувствахъ и помыслахъ Людмилы; онъ еще совсѣмъ не зналъ ее, но его уже часто поражало въ ней, въ особенности въ выраженіи глазъ ея, нѣчто странное, чего онъ не видѣлъ

прежде, что заставляло его богатырское сердце сжиматься невѣдомымъ ему, болѣзненнымъ чувствомъ.

Вначалѣ путешествія они прямо изъ Ливорно проплыли къ берегамъ Испаніи, съ намѣреніемъ миновать знакомые перты Южной Франціи. Но цвѣтущія Барселона, Валенція и Гренада пролетѣли какъ во снѣ, не замѣченныя ими; они все еще были подъ гнетомъ злаго кошмара, на яву разыгравшагося надъ ними...

Когда, наконецъ, осиливъ дѣйствительность, принцъ Эдгаръ пришелъ въ себя и рѣшительно заговорилъ о томъ, что пора «домой», къ сыну, въ Альтенгеймъ, жена его посмотрѣла на него такимъ взглядомъ, какимъ люди здравомыслящіе глядятъ на впервые изболѣвшее себя помѣшательство...

Это было въ Севильи. Въ отелѣ, гдѣ они остановились, была большая партія туристовъ, англичанъ и американцевъ съ своими дамами, путешествовавшая цѣлымъ таборомъ. Они явились съ Африканскихъ береговъ, намѣреваясь добросовѣстно изучить Пиренейскій полуостровъ, прежде чѣмъ пробѣхать черезъ Гибралтаръ. Въ тотъ же день, впервые послѣ погрома своихъ надеждъ, герцогиня вмѣшалась въ общество, снизошла до знакомства «со встрѣчными»; а на другой день объявила мужу, что ѣдетъ съ ними вмѣстѣ далѣе въ Андалузю, потому въ Лиссабонъ, а быть можетъ и въ Мадридъ, — куда вздумается.

— Но, мой другъ, мы такимъ образомъ и черезъ мѣсяць еще не будемъ дома! замѣтилъ герцогъ.

— О! Я не знаю, что называете вы домомъ? равнодушно отвѣтила Людмила. — Я космополитка и нахожу, что домъ мой долженъ быть тамъ, гдѣ мнѣ хорошо.

— Но... скоро три мѣсяца, какъ я не видѣлъ сына! возразилъ принцъ Эдгаръ. — Я не могу долѣе оставлять его въ чужихъ людяхъ.

— Да? слегка изумилась герцогиня. — Ну, чтожъ! Хотя у меня дѣтей нѣтъ, но я понимаю родительскія чувства и не держу васъ... Побѣжайте. Повидайтесь съ сыномъ; устройте его, какъ знаете и тогда возвращайтесь... если желаете!.. Въ вашемъ фатерландѣ, полагаю, теперь уже ничто не можетъ васъ задержатъ!.. Вы отъ дѣлъ устранены! легонько засмѣялась она, обмахиваясь опахаломъ.

Принцъ Эдгаръ побагровѣлъ и закусилъ губы до крови. Они хотя стояли въ сторонѣ, но находились въ общей залѣ отеля, въ виду дверей широко стккрытыхъ на веранду, гдѣ собралось все общество.

— Вамъ то же жарко, мой другъ? невозмутимо спросила его жена. — Вотъ видите: я просила васъ не пить такъ много

хересу. Онъ очень хорошъ здѣсь, у самаго источника,—но
асимать не благоприятенъ употребленію крѣпкихъ напитковъ.
Вы можете себѣ повредить!.. Выйдемъ на воздухъ.

И герцогиня, подавляя презрительный смѣхъ, вышла на
веранду, гдѣ ее тотчасъ окружили.

Съ нѣкотораго времени ею все сильнѣе овладѣвало стран-
ное, сложное, чувство въ отношеніи къ мужу. То не была
опредѣленная ненависть, ни собственно презрѣніе, — снисходи-
тельное презрѣніе, преобладавшее въ ея чувствахъ къ покой-
ному графу Фердинанду. То было и то и другое вмѣстѣ, под-
битое однако третьимъ чувствомъ, весьма похожимъ на страхъ,—
котораго ей никогда и ни къ кому еще испытывать не прихо-
дилось...

До сихъ поръ герцогъ былъ съ нею тихъ и кротокъ; но
она чувствовала, что то была не пассивная кротость агнца, а
«сознательная покорность человѣка, сознающаго свою силу.
Покорность льва,—который съ минуты на минуту могъ въ немъ
проснуться и заглушить всѣ человѣческія чувства...»

А все же она себя не сдерживала и находила особое насла-
жденіе дѣйствовать ему наперекоръ. «Дразнить и вспугивать
эъ немъ звѣря!» Отъ наблюдательности ея не ускользнули
гнѣвные огоньки, вспыхивавшіе въ глазахъ мужа ея раза два,
когда она слишкомъ рѣшительно говорила о будущемъ, ни-
сколько не принимая въ соображеніе его желаній и намѣреній,
словно забывая о его существованіи. Вначалѣ герцогъ смотрѣлъ
недоумѣло, не совсѣмъ усваивая странный смыслъ ея рѣчей.
Но въ послѣднее время должно быть уразумѣлъ его и съ каж-
дымъ разомъ ему трудно было сдерживать гнѣвный порывъ,
заставлять себя молчать, откладывая объясненіе, казавшееся
ему все необходимѣе, до минуты уединенія.

Но когда она наступала, — онъ снова его откладывалъ.

Этимъ рыцаремъ, до нынѣ не знавшимъ «ни страха ни
упрека,» тоже овладѣвало чувство сродное малодушному страху.

Онъ, еще страстно влюбленный въ жену свою, положительно
трусилъ передъ возможностью осуществленія своихъ опасеній...

Поѣхалъ внутрь Испаніи и въ Португалію. Но послѣ десяти-
дневнаго пребыванія въ Лиссабонѣ, герцогъ громогласно зая-
вилъ, что имъ пора въ обратный путь и, на людяхъ, освѣ-
домился: какъ предпочитаетъ герцогиня совершить его, — моремъ
или сухимъ путемъ?

— Моремъ! О, конечно моремъ! закричали со всѣхъ сто-
ронъ новые знакомые ихъ по путешествію.

И тутъ же нѣсколько изъ нихъ объявили, что имъ нѣтъ
охоты теперь, среди зимы, подыматься сѣвернѣе; что и сами

они съ удовольствіемъ проѣдутся по Средиземному морю, на югъ, въ Сицилію и Мальту.

— А тамъ, въ Февралѣ, можно прокатиться по Адриатикѣ, въ Триестъ, въ Венецію, — предложила мистрисъ Келлингъ, богатая вдова — американка, чрезвычайно подружившаяся съ принцессой Альтенгеймъ.

— Вы правы! согласилась Людмила. — Я давно не бывала въ Венеціи; а Сицилии и совѣмъ не знаю. Поѣдѣте моремъ.

— Двигаемтесь къ подножью Этны! рѣшило большинство.

— Да будетъ по вашему желанію! еще разъ уступилъ герцогъ Зоннербергенскій.

— Но я надѣюсь, что къ веснѣ мы будемъ дома и проведемъ все лѣто въ Альтенгеймѣ? прибавилъ онъ, когда они остались съ женой однѣ.

— Надѣйтесь, другъ мой. Надежды — услада никому не воспрещенная! хотя въ большинствѣ случаевъ онѣ оказываются коварны и обманчивы, — какъ вамъ конечно извѣстно изъ древней пословицы римлянъ! отвѣчала герцогиня, готовясь выйти изъ комнаты, не взглянувъ даже на мужа.

Но его голосъ остановилъ ее.

Не то, что-бы онъ былъ особенно громокъ или грозенъ, но въ немъ она почувствовала силу, съ которой шутить было нельзя.

Людмила Юрьевна остановилась и медленно, съ намѣреніемъ сдерживая живое любопытство, обернулась.

Принцъ Эдгаръ стоялъ у стола, опершись на него одной рукой, опустивъ глаза и голову, пасмурный.

— Погодите, Лида — сказалъ онъ: — не уходите!..

— Что вамъ угодно? — медленно произнесла она, съ досадой чувствуя, что сердце ея замерло и вдругъ учащеннѣе забилось.

Онъ не сразу отвѣтилъ. Онъ не двигался, глубоко задумавшись и наконецъ произнесъ будто въ отвѣтъ не ей, а на собственные размышленія.

— Да!.. Ужъ лучше сразу... Намъ давно слѣдуетъ объяснить.

— Я готова. Въ чемъ дѣло?

Герцогиня опустилась въ кресло съ видомъ утомленія.

— Если вы имѣете въ виду долгое объясненіе, не лучше ли намъ сѣсть? — прибавила она.

Принцъ Эдгаръ машинально взялся за спинку стула и приблизилъ его къ себѣ. Онъ казался очень спокоенъ, но стулъ затрещалъ подъ желѣзной рукой его.

Онъ сѣлъ.

— Вотъ уже нѣсколько времени я собирался поговорить съ вами Лида—заговорилъ онъ, все еще на нее не глядя.— Недоразумѣній и недомолвокъ, вы знаете, между мужемъ и женой не должно быть. Лучше голая правда, какъ бы она ни была безотраднa, чѣмъ прикрытая лицемѣриемъ фальшь... Вы согласны?

— Вполнѣ. Что-жь дальше?—отозвалась Людмила, притворно зѣвая.

— Именно. Что-жь будетъ дальше, если мы, полгода спустя послѣ свадьбы, ужъ другъ друга не понимаемъ?..

— Что до меня, то я васъ превосходно понимаю!—полуулыбнулась Людмила.

Но улыбка сошла съ лица ея, едва глубокий взглядъ его упалъ на нее и остановился серьезный, вопросительный. Ей стоило большаго усилія не опустить передъ нимъ глазъ.

— А я васъ—нѣтъ!—спокойно сказалъ онъ.—А потому и рѣшился васъ попросить объяснить мнѣ странности въ вашихъ рѣчахъ... да! покажѣте только въ рѣчахъ, которыя меня съ нѣкотораго времени поражаютъ...

Онъ замолчалъ. Затрудняясь-ли дальнѣйшей рѣчью или отвлеченный наплывомъ чувствъ и мыслей отъ главной цѣли возбужденнаго имъ объясненія, только онъ умолкъ и голову свѣсилъ безпомощно.

Людмила подождала, взглянула разъ и другой... Подумала:—Господи! До чего трудно этой бронзовой головѣ переваривать мысли!—И сказала:

— И такъ?.. Какія же поразительныя рѣчи должна я вамъ объяснить, Эдгаръ?

Дѣйствительно-ли она особенно мягко произнесла слова эти или только ему показалось, что въ нихъ прозвучала прежняя, давно не слышанная нѣжность интонаціи, но герцогъ даже вздрогнулъ и поднятый имъ на жену взглядъ свѣтился ужъ совсѣмъ иначе.

— О, милая Лида! Зачѣмъ вы ставите меня въ такое тяжкое недоумѣніе?—вскричалъ онъ.—Мнѣ такъ хотѣлось бы, чтобы между нами не существовало недоразумѣній! Чтобы мысли наши, и желанія, и воля—всегда совпадали.

— Я тоже другаго не желаю...

— Тѣмъ лучше!.. Однако мнѣ казалось... Зачѣмъ же вы не хотите понять, что я разрываюсь между обязанностью отца къ осиротѣлому сыну и любовью къ вамъ?.. Почему не хотите помочь мнѣ въ исполненіи долга, въ заботахъ о ребенкѣ, которому вы, ставъ женой моей, обязались замѣнить умершую мать?

Все существо Людмилы возмутилось. Она едва сдержалась. Ей хотѣлось закричать этому «тупоголовому атлету»:— потому, что я не признаю такихъ обязательствъ! Потому, что цѣтъ мнѣ дѣла до вашего сына! Потому, что я ненавижу вашъ Альтенгеймъ и всю вашу нѣметчину, и не могу вамъ простить вашего гнуснаго обмана!..

Ей такъ хотѣлось ему отвѣтить. Но отвѣчала она иначе.

— Что заставляеть васъ такъ думать?..

— Ваше не желаніе возвратиться туда, куда меня призываетъ долгъ.

— Вы такъ думаете потому, что я медлю и откладываю возвращеніе въ Германію?.. Но войдите же въ мое положеніе, Эдгаръ. Вы тамъ найдете родину, свой домъ, друзей, къ вамъ истинно-расположенныхъ. Я—только чуждыя мнѣ мѣста, полныя, какъ бы то ни было,—тяжкихъ воспоминаній! Только чуждыхъ, враждебныхъ мнѣ людей.. Да! не отрицайте достоинства!.. Чѣмъ болѣе преданы вамъ люди въ Зоннербергенъ и Альтенгеймъ, тѣмъ сильнѣй и естественнѣй должны меня ненавидѣть!.. Это ясно какъ день!.. Я не скрываю, что не хотѣла бы никогда туда возвратиться! Что не люблю и боюсь Альтенгейма и не могу, не смотря на всю любовь мою къ вамъ, тамъ поселиться. Вы хотѣли истины:—вотъ она!.. Я высказала вамъ то, что надѣялась, вы, изъ любви ко мнѣ, сами поймете, Эдгаръ!.. Но вы не поняли.. Мнѣ грустно это! Надѣюсь по крайней мѣрѣ, что теперь вамъ станетъ ясно мое желаніе продлить путешествіе?.. Бхать—въ Корсику, въ Мадридъ, въ Сицилію, въ Алжиръ,—куда попало! Хоть на край свѣта, лишь бы подольше отсутствовать! Подольше чувствовать себя не окруженной врагами и недоброжелателями! Подольше свободно жить и дышать, и видѣть васъ не чувствуя на себѣ непріязненныхъ, укоризненныхъ взглядовъ вашихъ друзей, моихъ—враговъ!

Она встала и, трагически выпрямившись, закрыла лице платкомъ, какъ бы сдерживая рыданье. Она такъ привыкла всю жизнь рисоваться и лгать языкомъ и поступками, что разыграть эту сцену ей ничего не стоило... Она и сама не успѣла ни сообразить ее, ни опомниться, какъ она ужъ была превосходно разыграна и произвела должный эффектъ: обезпечила ей возможность не возвращаться еще долго въ ненавистное отечество ея мужа, пока не прибѣгая къ рѣшительнымъ мѣрамъ,—къ разводу или скандальной ссорѣ.

Принцъ Эдгаръ Альтенгеймъ искренно призналъ себя «неделикатнымъ эгоистомъ» и его внутренній,—гнѣздившійся въ немъ по убѣжденію жены его «дикій звѣрь» былъ укрощенъ

на долго и такъ легко, что по заключеніи мира Людмила Альтенгеймъ фонъ Зоннербергенъ имѣла право презрительно улыбнуться и рѣшить со свойственной ей рѣзкостью:

«Такой-же самонадѣянный пентюхъ, какъ и всѣ они! Напрасно я вообразила, что съ нимъ будетъ труднѣе справиться, нежели съ другими».

Неизвѣстно, что случилось бы, еслибъ опасенія ея сбылись. Укротителя она еще никогда не находила и быть можетъ и ея недюжинная натура могла смириться предъ сильнѣйшимъ и цѣловать руку, занесшую надъ нею бичъ... Но этого не случилось. Спасовавшій на ряду съ прочими германскій колоссъ, котораго она, казалось ей, готова была признать достойнымъ если не любви, положительно не признаваемой ею, то хоть нѣкотораго уваженія,—утратилъ окончательно престижъ.

Дня черезъ два они вновь прошли Гибралтаръ. Погода стояла чудесная. Море дремало, словно зеленовато-бирюзовая безбрежная скатерть, осыпанная золотомъ и алмазами. Билеты путешественниковъ были не срочные; они подолгу оставались въ живописныхъ портахъ, успѣвали дѣлать прогулки, экскурсіи, вездѣ гдѣ впадала охота. Общество собравшихся туристовъ было разнообразное. Были типы не европейскіе, почти незнакомые Людмилѣ Юрьевнѣ, которые ее заинтересовали. Былъ одинъ Бразилъянецъ, полуиспанецъ по отцу, полу французскій еврей по матери; красавецъ и богачъ, забавлявшійся коммерческими предпріятіями, несмотря на титулъ маркиза. Звали его донъ Хозе-Маріа Аспертучи. Маркизатъ былъ ему купленъ у папы, отцемъ его, порабатавшимъ на своемъ вѣку серьезно и успѣшно, не ради уступки модѣ, «требуваніямъ практическаго вѣка»,—какъ шутя работалъ донъ Хозе, по наторенной родителемъ дорожкѣ. Этотъ поверхностно отполированный дикарь заинтересовалъ герцогиню Альтенгеймъ, какъ новый образчикъ челоѣчества, ей еще незнакомый. Незамѣтно она впала въ прежнее препровожденіе времени: одновременно кокетничая съ нимъ, и съ пожилымъ банкиромъ изъ Вашингтона, и съ юношей, почти ребенкомъ, сыномъ испанскаго гранда, донъ Реналемъ, трехъ ярусную фамилію котораго она не могла и запомнить; и съ какимъ-то бравымъ брѣтушкомъ, славяниномъ, именовавшимъ себя княземъ Руссичъ. Послѣдняго впрочемъ она болѣе употребляла, какъ орудіе, для подразниванія остальныхъ, непонимавшихъ ихъ русско-славянскихъ разговоровъ, которые она изощрялась представить чрезвычайно интересными, находя ихъ въ сущности преглупыми.

Она со всѣми кокетничала, по своему,—незамѣтно, ловко

кружа имъ головы, каждому парознь; ни мало не утрачивая при этомъ собственного достоинства и постоянного, величаваго аншломба.

VIII.

вотъ недѣли черезъ три, въ концѣ Января, выяснился наконецъ изъ за тумана, изъ за дыма вулкановъ и паровъ кипучихъ подводныхъ струй, окружающихъ его, вѣчно цвѣтущій островъ Сциллы и Харибды. Въ ярко зеленомъ поясѣ померанцевъ, мирта, оливковъ и розмарина, съ перекинутой надъ ней золотисто-пурпурной аркой облаковъ, окрашенныхъ ложившимся солнцемъ, съ вереницей своихъ живописныхъ, бѣдныхъ городковъ, похожихъ на деревушки и съ бѣломраморнымъ Палермо, издали похожимъ болѣе на сплошной дворецъ изъ кружевъ и мозаики, чѣмъ на городъ, — Сицилія предстала, какъ изумрудъ въ дорогой оправѣ. Падермскій соборъ, монастырь Бенедиктинцевъ, съ живыми картинами изъ высохшихъ труповъ монаховъ и богатыхъ мірянъ, расположенныхъ группами; процессіи св. Розаліи, покровительницы палермцевъ и пикники въ садахъ La Marina и la Ziza, — здѣсь много было интереса для праздныхъ туристовъ, какъ и для серьезныхъ людей науки.

Потомъ проѣхали чудными берегами въ Мессину, заѣзжая по дорогѣ въ живописные городки, рискуя быть задержанными въ экскурсіяхъ членами знаменитаго разбойничьяго товарищества «muffia» этой компаніи на акціяхъ, невозбранно грабившей своихъ и чужихъ путешественниковъ, вплоть до восьмидесятихъ годовъ нашего вѣка... Наконецъ совершили экспедицію къ кратеру Этны, еще дымившейся мѣстами послѣ послѣднихъ изверженій. Изъ дамъ никто не рѣшился предприни-

мать послѣдняго подъѣма, кромѣ Людмилы Юрьевны и американки. Миссисъ Келлингъ собралась заранѣе, систематично, по принципу; герцогиня неожиданно даже для себя самой, въ послѣднюю минуту, подъ давленіемъ все того же, присущаго ей въ послѣдніе мѣсяцы желанія развлечься, забыть дѣйствительность хотя бы подъ вліяніемъ сильныхъ впечатлѣній, даже опасности...

Опасностями она положительно шутила, смѣясь надъ ужасомъ, въ который повергали спутниковъ ея смѣлыя выходки. Она искала рискованныхъ прогулокъ по морю и по сушѣ, по извилистымъ тропкамъ на утесы, въ живописныя пропасти, къ гротамъ, вырытымъ морскими валами и на отвѣсныя скалы къ тысячелѣтнимъ руинамъ римскихъ и греческихъ укрѣпленій, которыми такъ богата живописная Сицилія. Стоя на высотахъ Алессіо или на Таорминскомъ утесѣ, надъ развалинами театра, гдѣ когда-то десятки тысячъ грековъ аплодировали драматическимъ произведеніямъ Эсхилла; обозрѣвая три моря съ высотъ Ачи-Реале, городка, гнѣздящагося на мысѣ, образованномъ изъ остывшей лавы семи изверженій; смѣло спускаясь по ступенямъ выбитымъ надъ безднами или всходя на *fiutare*, остывшіе потоки расплавленныхъ металловъ и шлака, краснѣвшіе по зубчатымъ хребтамъ и въ разодранныхъ бокахъ Этны, — этого купола, взведеннаго циклопами надъ вѣчной кузницей Вулкана, — всегда и вездѣ, въ яркіе дни и ясныя ночи, сколько ни заставляла себя Людмила думать о другомъ, вспоминать ли великое прошлое Сициліянъ или тревожиться собственными настоящими опасностями, — одна только мысль, одна забота никогда не отходила отъ нея: «Чтожь дальше будетъ? — думалось ей. — Куда теперь идти? Къ чему стремиться?.. Неужели застынуть на весь вѣкъ принцессой Альтенгеймъ, эфемерной герцогиней двухъ-аршиннаго, ненавистнаго Зоннербергена?.. Покориться вольной-волей избранной судьбѣ?.. Быть добродѣтельной женой и вѣрноподданной Германіи?..»

И она горько смѣялась сама надъ собой. Впервые въ жизни Людмила Юрьевна не видѣла пути передъ собою, не могла представить себѣ, что ждетъ ее въ будущемъ?

Разводъ съ принцемъ Эдгаромъ она предвидѣла; но пока еще не имѣла причинъ его искать. Зачѣмъ вновь возбуждать о себѣ толки, вниманіе скандальной хроники безъ опредѣленной цѣли, которая оправдывала бы средства?.. Оно такъ! Охотно бы она смирилась и терпѣливо выжидала событій, еслибы будущее ей что нибудь сулило... Но оно было темно и неприглядно!

А между тѣмъ настоящее становилось все нестерпимѣе!.. Ея положеніе ей представлялось такимъ банальнымъ, такимъ оскорбительнымъ! Она боялась и подумать о возвращеніи въ общество. Какъ ни ужасна была ей мысль объ Альтенгеймскомъ замкѣ, но ужъ скорѣе бы въ немъ она согласилась прожить, чѣмъ ѣхать въ Парижъ или другіе европейскіе центры... Обидныя соболѣзнованія «друзей»; разпросы, косвенные взгляды, наблюденія доброжелателей. О! Одна мысль даромъ подвергнуться всѣмъ этимъ истязаніямъ заставляла герцогиню содрогаться отъ отвращенія. Другое дѣло, еслибъ была цѣль... О, тогда она сумѣла бы справиться и съ собою и со всѣми когтями и зубами недруговъ и злоязычниковъ!.. Но цѣли-то ей не представлялось! Ее то она и не видѣла, какъ зорко ни осматривалась, какъ глубоко не вдумывалась въ свое положеніе.

«Чтожь это будетъ?!— все чаще задавала она себѣ этотъ отчаянный вопросъ. — Такъ и останусь я заклеименной юмористической кличкой *archiduchesse manquée*!..»

«Вѣроятно... и даже навѣрное!.. Сама себѣ затынула шею въ петлю, — вотъ и радуйся лестному титулу непризанной герцогини, лишенной даже возможности пользоваться законными правами по браку, по положенію и рожденію мужа, непавшаго изъ за этого именно брака въ немилость».

Такимъ озлобленнымъ отвѣтомъ себѣ обыкновенно заканчивала Людмила Юрьевна свои размышленія, не находившія выхода, какъ бѣлки въ колесѣ, несмотря на дѣятельную, безустанную работу.

Озлобленіе и скука овладѣвали ею сильнѣе и сильнѣе. Все надоѣло ей!.. Искренняго, простаго веселья она уже давно не знала. Занятій, интересовъ въ жизни — не оказывалось никакихъ... Даже безцѣльное кокетство совсѣмъ не занимало. Что было ей за дѣло до того, что бразильскій маркизъ позабылъ коммерческія порученія отца?.. Что маленькій донъ Реналь металь на него взгляды разъяреннаго тигренка; что князь Руссичъ нещадно рвалъ свои полуаршинные усы и хватался за пистолеты, каждый разъ, что она явно предпочитала ихъ обществу разговоръ съ нимъ и безцеремонно заявляла ему, посмѣиваясь:

— Ну, князь, отстаньте! Теперь довольно раздражать европейцевъ нашей русской бесѣдой... Видите? Мужъ мой нахмурился, а маленькій Реналь чуть не плачетъ!.. Дайте мнѣ ихъ утѣшить.

Сердитый взглядъ изъ подъ черной капы и хмурыхъ бро-

вей удалявшася «братушка» едва заставлялъ ее улыбаться. Все это такъ прѣблосъ!.. Такъ опошлилось и надоѣло.

Крупная, непривычная неудача до того подѣйствовала на сильную натуру этой женщины, не знавшей до этихъ поръ унынія, что ей не разъ приходилось ловить себя на мысли: ужъ не лучше-ли разрубить гордіевъ узелъ? Не довольно-ли пожилосъ? Не забастовать-ли расчеты съ жизнью, пока все окончательно не измѣнило? И тутъ же она себя останавливала:

«Въ двадцать семь лѣтъ умирать?! Мнѣ?.. Такой женщиѣ, какъ я!.. Не рано-ли отчаяваться?»

И Людмила обращалась къ вѣрному своему утѣшителю и наставнику: къ зеркалу... И тотъ совершенный образъ, который побѣдоносно глядѣлъ на нее оттуда, заставлялъ ее невольно улыбаться и приходитъ къ убѣжденію, что мысли ея недѣльны! Что она грѣшитъ противъ природы,—противъ совершенства ея творчества, замышляя преждевременное разрушеніе такой красоты.

«Кому же жить?.. Кому же пользоваться жизнью, если мы въ ней отчаяваться?.. Нѣтъ. Быть не можетъ, чтобы все было кончено... Выпутаюсь еще!.. Воспряну!»

Но несмотря на такія минуты возвращенія энергіи, общее отсутствіе ея сказывалось все сильнѣй. Она ивнывала въ безнадежной тоскѣ по сильнымъ ощущеніямъ, по хитросплетенной, тонко разыгрываемой интригѣ, съ радужной цѣлью на далекомъ горизонтѣ. Какъ рыба, вынутая изъ воды, она задыхалась въ обыденной жизни, безъ животрепещущихъ задачъ среди мелочныхъ интересовъ, не останавливавшихъ ея вниманія.

А мелочи жизни, между тѣмъ, ее обступали.

Мужъ, уступившій ей въ дѣлѣ совѣсти, въ жизненномъ интересѣ, лежавшемъ на душѣ его, помышлявшій ради нея выписать сына, куда она захочетъ и на вѣки измѣнить отечеству,—хмурился глядя на ея обращеніе съ окружающими ее мужчинами, замѣчая то, чего не видѣли другіе, что сама она врядъ ли сознавала,—ея постоянное кокетство со всѣми. Не то чтобы онъ ревновалъ «къ мальчугану и какимъ-то проходимцамъ»,—какъ онъ опредѣлялъ самъ съ собой соціальныя положенія новыхъ поклонниковъ жены; но его возмущало, что она можетъ такъ ронять себя,—поощрять дѣтскія выходки Ренала, любовность маркиза Аспертучи, грубую безцеремонность славянина. Изъ деликатности онъ долго не рѣшался ей высказать свое неудовольствіе, но наконецъ замѣтилъ, что

удивляется ея охотѣ подвергать себя возможнымъ неприятностямъ, а свое имя нареканіямъ...

— Вы дѣлаете этимъ господамъ честь ревновать меня къ чимъ?—горделиво усмѣхнулась герцогиня, въ отвѣтъ на его замѣчаніе.

— Для этого я слишкомъ уважаю васъ и себя—серьезно отвѣтилъ принцъ Эдгаръ.

— А! Понимаю... Вы находите, что «жена кесаря не должна быть подозрѣваема»!.. Бойтесь за славное имя Альтенгеймовъ?

— Да... Я скорѣе согласился бы умереть, чѣмъ подвергнуть имя это клеветамъ или подозрѣніямъ.

— Въ самомъ дѣлѣ!.. Несмотря ни на что вы все еще придерживаетесь преимуществъ вѣщесловца?!

— Нѣтъ! Я держусь лишь правъ честныхъ людей!—вспылилъ герцогъ.—Неужели вы ихъ не признаете?

Она только тихо разсмѣялась.

Принцъ Эдгаръ въ сильномъ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Знаете, Лида, я положительно васъ не понимаю и... и иногда боюсь понять!—сказалъ онъ.—Какъ вы не сознаете самыхъ простыхъ вещей?

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, что вы роняете достоинство женщины своимъ обращеніемъ... съ нѣкоторыми лицами,—а что вантъ насмѣшливый тонъ со мною положительно неприличенъ!

— Очень жаль, если онъ вамъ такимъ кажется... Мнѣ говорили не разъ, что моя манера выражаться нѣсколько саркастична, вообще. Но, къ несчастію, мнѣнать ее мнѣ уже поздно!.. Странно, что вы ее не замѣтили прежде!

— О! Прежде я многого не замѣчалъ.

— Вы должны въ томъ винить себя. Я, право, не давала себѣ труда лицемѣрить.

— Я не виню васъ, хотя мнѣ это весьма грустно!

— Да... Я тоже имѣю много поводовъ грустить. Но что же дѣлать?.. Мы должны прощать другъ другу наши обоюдныя разочарованія!—рѣзко отвѣтила Людмила.

И, повернувшись къ нему спиной, закричала громче чѣмъ требовали обстоятельства, кому-то стучавшему въ ея дверь:

— Entrez!

Вошла миссисъ Келлингъ съ предложеніями новыхъ прогулокъ; поѣздки въ лодкахъ на острова Фаральони,—тѣ самыя, которыми, вѣка-вѣковъ тому назадъ одноглазый гигантъ, стражъ Этны, Полиемъ, метнулъ съ берега въ эскадру Улисса, державшую слишкомъ приблизиться, ко ввѣренному ему

острову... По этому они и въ исторіи называются островами Циклопа.

Прогулка была назначена на слѣдующій день.

— А потомъ мы вернемся въ Мессину,—предложила предприимчивая американка—и чрезъ проливъ обратно переѣдемъ на Іонійскіе берега. Говорятъ, въ Сиракузахъ надо прожить по крайней мѣрѣ недѣли двѣ, чтобы видѣть все замѣчательное... Вы согласны, герцогъ, не правда-ли?

— Дальнѣйшее путешествіе вполне зависить отъ принцессы Альтенгеймъ!—отозвался герцогъ.—Она можетъ располагать своимъ временемъ и мѣстопробываніями, какъ ей угодно... Что же до меня касается, я долженъ лишить себя удовольствія дальнѣйшихъ странствій въ вашемъ обществѣ: я не могу долѣе откладывать свиданія съ сыномъ и завтра же ѣду въ Германію.

Миссисъ Келлингъ, разумѣется, ахнула и залила цѣлымъ потокомъ сожалѣній, услышавъ такое рѣшеніе. Людмила Юрьевна и глазомъ не сморгнула, ничѣмъ не выказавъ, что намѣреніе мужа и для нея столь же неожиданная новость, какъ и для всѣхъ остальныхъ.

Когда ея новая знакомая удалилась, она обратилась къ принцу Эдгару съ равнодушнымъ вопросомъ:

— Вы точно намѣрены ѣхать?

— Да. Это необходимо... Я получилъ извѣстіе, что князь Лейнике боленъ, что они ранней весной уѣзжаютъ на воды... Нельзя долѣе затруднять тетушку присутствіемъ Эдгара.

— Разумѣется... Вы свезете его въ Альтенгеймъ?

— Нѣтъ... Вѣдь мнѣ его тамъ некому поручить!

— Какъ?.. Фрау Денверсъ такая вѣрная, испытанная слуга!

— Слуга,—этимъ вы все сказали, Лида. Эдгаръ нуждается въ попеченьяхъ не нянекъ, а родителей...

Онъ умолкъ, ожидая поддержки, отвѣта. Но жена его молчала, разсѣянно перебирая кружева и ленты на своемъ платьѣ.

— Я вчера лишь получилъ письмо отъ княгини и только что хотѣлъ сообщить вамъ о необходимости скорѣе устроить моего бѣднаго мальчика! наконецъ заговорилъ онъ, ничего не дождавшись.—Я думалъ, что быть можетъ, вы сами пожелаете...

— Что? ѣхать въ Берлинъ?!. Ни за что въ свѣтъ!

— Но вѣдь не на долго... Только чтобъ взять Эдгара.

— О! Вы его устроите гораздо лучше меня.

— То есть какъ устрою?.. Я просто привезу его съ собой.

— Какъ?.. Сюда?.. въ свою очередь изумилась Людмила.

— Сюда или туда, гдѣ наконецъ вы пожелаете болѣе прочно основаться...

— Да!.. Ну, я еще не знаю, когда и гдѣ это будетъ!.. Я откуда, быть можетъ уѣду въ Америку.

— Однако, ужь если я долженъ разъ на всегда отказаться отъ отечества, то надо же намъ избрать мѣстопребываніе... въ Европѣ.

— Но я не вижу необходимости такой для васъ тяжелой мѣры! живо перебила она.—Я въ вашу Германію не поѣду,— это вѣрно! Но почему же вамъ не возвратиться туда?

— Временно я конечно буду ѣздить домой!.. Это для Эдгара еще необходимѣй, чѣмъ для меня! вздохнулъ Альтенгеймъ.

— Разумѣется. Живите съ нимъ!.. Я буду путешествовать. Буду также иногда возвращаться въ свое отечество, въ Россію...

— Но, Лида!.. Вы предлагаете разлуку?! Возможно-ли?.. Такъ просто! Такъ холодно!

— Мой другъ! Я говорю для вашего блага... Я не хочу, чтобъ вы экспатріировались...

Она замолчала, понявъ, что слишкомъ далеко зашла.

Передъ глазами поблѣднѣвшаго Альтенгейма вдругъ блеснули искры, пронеслось огненное облако... Впервые ему мелькнула истина.

Онъ тяжело опустился на стулъ и закрылъ лице рукою. Въ эту рѣшительную минуту глубокой сердечной боли, на него, наконецъ, снизошло откровеніе, сразу объяснившее ему всѣ его недоумѣнія: эта женщина, околдовавшая его красотой,— только одной красотой,—была недостойна любви его!.. Она лицемѣрила: она его никогда не любила взаимно, а вышла за него изъ за честолюбивыхъ расчетовъ! Не сбылись эти расчеты—и вотъ онъ ей не нуженъ!.. Она равнодушно говорить о разлукѣ, предлагаетъ ему разойтись,—такъ же просто и холодно, какъ бы предложила оставить ее какому нибудь наемщику, не оправдавшему ея ожиданій...

Когда принцъ Эдгаръ опустилъ руку и устремилъ свой глубокой, пристальный, скорбный взглядъ въ неспокойное, передергивавшееся неувѣренной улыбкой лице Людмилы, ему казалось, что онъ пережилъ годы, что цѣлый вѣкъ отдѣляетъ его отъ той женщины, которую онъ видѣлъ передъ собой за нѣсколько мгновеній...

И у нея болѣзненно сжалось сердце. Впервые сжалось отъ испуга, когда она увидѣла лице этого великана, лице искаженное страданіемъ, и презрѣніемъ, и гнѣвомъ медленно приближавшееся къ ней, склонявшееся надъ нею, не сводя зора

съ ея глазъ, словно насильственно извлекая изъ нихъ отвѣтъ, котораго она давать не хотѣла.. Скорбно качая головой, склонился онъ къ лицу ея и положилъ тяжелую, холодную, какъ жельзо руку, ей на плечо.

— Изъ любви къ Богу! Ради спасенія себя и меня,— скажи мнѣ правду, Лида! проговорилъ надъ нею голосъ, который она даже признать не могла за голосъ мужа:— зачѣмъ ты вышла за меня?.. Любила-ль ты меня когда нибудь?..

«Заплакать?.. Броситься ему на шею?.. мелькали мысли въ испуганномъ умѣ Людмилы. Вѣдь это звѣры!.. Онъ теперь на все готовъ!»

Но прежде, чѣмъ она рѣшилась, прежде чѣмъ голосъ вернулся къ ней и успѣла она пошевелиться, принцъ Эдгаръ встряхнулъ ее такъ, что рука его на долго отпечатлѣлась на бѣломраморномъ плечѣ прекрасной женщины и сдержаннымъ шопотомъ приказалъ:

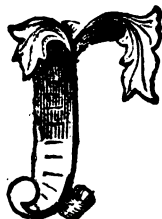
— Молчи! Не лги,— не то я убью тебя!.. Я знаю самъ... Я... Знаешь-ли ты, что я имѣлъ бы право задушить тебя,— обманщицу! Лгунью!.. Но... я не оскверню себя еще убійствомъ!

Онъ съ силой оттолкнулъ ее такъ, что она упала въ кресла почти безъ чувствъ отъ испуга.

— Поди прочь отъ меня и будь проклятъ тотъ часъ, когда я тебя узналъ!

IX.

ерцогъ Зоннербергенскій уѣхалъ въ тотъ же день, а на другое утро, передъ прогулкой на Циклоповы острова герцогиня, вслѣдъ ему, написала письмо. Она всю ночь прометалась въ бевсильной злобѣ, терзаясь тѣмъ, что не она первая оттолкнула мужа, а онъ ее оставилъ.

«Вчера вы не дали мнѣ говорить: я не привыкла объясняться съ людьми, способными поднять руку на женщину! писала она ему.— Узнавъ ближе принца Эдгара Альтенгеймъ (къ несчастію ужъ послѣ брака!) и убѣдившись, что онъ на

это способѣтъ, я тотчасъ поняла, что жизнь съ подобнымъ человѣкомъ — немыслима и невозможна. Вина моя въ томъ, что я медлила сказать рѣшительное слово... Не разлуку предлагаю я вамъ, герцогъ, я требую формальнаго развода!.. Вы должны искать его у своихъ лютеранскихъ властей и конечно получите безъ труда. Я же имѣю право считать себя и безъ этой формальности свободной: я православная и въ своей, русской церкви, благодареніе Богу, вѣнчана не была!.. Желаю вамъ преуспѣянія васъ достойнаго.

Людмила, графиня Рейзенъ-фонъ Рейзенштернъ.»

Но не смотря на личное, добровольное отреченіе ея отъ его титула и фамилии, принцъ Альтенгеймъ не избѣжалъ его послѣдняго позора: его имя, официальное имя женщины, которую онъ самъ призналъ своей законной женой, незапятнанное дотолѣ скандальной хроникой, честное имя предковъ его, герцоговъ Зоннербергенскихъ, снова появилось въ летучей прессѣ и на нѣсколько дней заняло вновь, худшимъ чѣмъ прежніе скандаломъ «весь свѣтъ».

— *La re-voila, «la superbe comtesse», — la duchesse sans pareille! Elle fait des siennes!* вскричалъ разъ тридцать къ ряду, въ различныхъ парижскихъ гостиницахъ, виконтъ Шампальякъ, не выпуская въ тотъ день изъ рукъ газетъ, въ которыхъ рассказывался курьезъ, происшедшій на дальнемъ югѣ, въ забытой всѣми нынѣ, когда-то гремѣвшей славой, столицѣ тирана Діонисія Сиракузскаго.

— О, боги! Вотъ она снова! воскликнулъ съ мѣсяцъ спустя Долголецкій, въ Гайдерабадѣ, куда онъ только что прибылъ на пути изъ Калькуты въ Миссору, и гдѣ жадно набросился на ждавшую его почту...

И до захоластнаго россійскаго города X., гдѣ бойкая совѣтница казенной палаты Нелажина, бывшая подруга Любочки Сайницкой, сочла своей обязанностью въ одинъ изъ «визитныхъ» правдничныхъ дней влетѣть какъ ураганъ въ скромную квартиру своей бывшей начальницы, вдовы Ивана Максимовича, съ номеромъ большой газеты въ рукахъ.

— Ахъ, Зинаида Алексѣевна! кричала она еще изъ темненькой передней, выпутываясь изъ боа и калошъ:— что только пишутъ здѣсь про вашу Людмилу Юрьевву, — прочтите!.. Пре герцогиню Зоннербергенскую, — Богъ знаетъ что такое! Наверное лгутъ итальянцы и французишки... Имъ бы вѣдь только насъ, русскихъ задѣтъ... Но интересно — удивительно!

И траурная старушка, — мать прославляемой героини, — возмутилась духомъ и только руками замахала на шумливую гостью:

— Тите! тите! взмолилась она, указывая на запертую дверь слѣдующей комнаты.— Тамъ «бабушка» толь-ко что за дремала...

Старушка Сайницкая все еще тянула безотрадную жизнь, переживъ дѣтей своихъ и внуковъ. Зинаида Алексѣевна послѣ вончины мужа посвящала все свое время заботамъ о ней.

Что-же случилось на берегахъ Іонійскаго моря съ ея дочерью? Какъ ни стала Людмила чужда родной своей матери, но все-же не могла она ея живо не интересоваться... И вотъ надѣла она очки, дрожащими руками развернула газету и, поощряемая возгласами посьбительницы, которая отказывалась «разскавать» въ чемъ дѣло, принялась читать. Но по мѣрѣ чтенія волненіе и тревога ея все усиливались. У нея то и дѣло срывались восклицанія, на великую потѣху слѣдившей за ней молодой женщины. Она читала:

«Бракъ принца А*, герцога З*, на графинѣ Р*, русской красавицѣ, извѣстной за границей своими похождениями, этотъ неравный бракъ, лишившій принца эрцъ—герцогской короны и богатѣйшаго владѣнія въ Германіи, долженъ быть на дняхъ расторгнутъ изъ за новаго, кровопролитнаго скандала, о которомъ иностранныя газеты рассказываютъ различно. Рознятся впрочемъ только подробности, суть-же всего происшествія сводится къ одному.

«Герцогиня, путешествуя послѣ своего политическаго фіаско по югу Европы съ большимъ, но не особенно избраннымъ обществомъ, какъ видно вела, по своему обычаю, двойныя и тройныя интриги съ многочисленными цѣнителями ее красоты. Мужъ, понявъ въ чемъ дѣло и желая избѣжать скандала, былъ на столько остороженъ, что бросилъ ее на польпути, въ Сициліи. Тутъ ужъ не стало удержу эротическимъ порывамъ красавицы-герцогини, воспламененной вулканической почвой острова, прославившагося похождениями прекрасныхъ нимфъ и нялауновъ-сатировъ еще съ тѣхъ далекихъ временъ, когда блаженной памяти Олимпійцы сходили забавляться на землю... Она повела игру шибко, не хуже своихъ прототиповъ, богинь Олимпа, да на бѣду перемѣшала дни и часы или вѣрнѣе перепутала зори и очутилась между двумя, тремя, другіе даже утверждаютъ—между четырьмя пламенными огнями сразу... Понятно, какой страшный взрывъ долженъ былъ произойти, на сей разъ не въ жерлѣ Этны, а у подножья вѣковаго волкана, отъ столкновенія соперниковъ!..

«Дѣти пламеннаго юга предварительныхъ приготовленій къ дуелямъ не признаютъ: бой произошелъ тутъ же, на глазахъ опрометчивой красавицы, ожесточенный, смертельный. Одинъ

изъ ея избранниковъ какой-то бразильянский Крезъ, маркизъ Аспертучи раненъ серьезно,—другой, совсѣмъ юноша путешествовавшій, говорятъ, еще какъ ученикъ,—со своимъ губернаторомъ,—убить на повалъ. Смерть этого послѣдняго и причинила навеличайшій скандалъ. Отецъ его, испанскій грандъ, донъ Гонзаго Кастеламенте де Санта Кроче, неутѣшенъ. Онъ самъ прибылъ въ Сиракузу за тѣломъ сына. Полъ Мадрида надѣло трауръ по случаю преждевременной кончины бѣднаго юноши, котораго не пошадилъ эта безсердечная авантюристка, — другаго названія эта женщина недостойна!

«Впрочемъ и она не осталась безнаказанной. Въ жару повошица на нее была опрокинута лампа, — другіе утверждаютъ будто воспламенился слишкомъ сильно пушенный газъ, — однимъ словомъ, принцесса Л. фонъ А**мъ едва не сгорѣла. Обжогъ не серьезны: она внѣ опасности; но вспыхнувшее на ней кружевное покрывало сожгло волоса и, какъ слышно, навсегда изуродовало ея классическую красоту...

«Къ сожалѣнію, мы, ея соотечественники, не имѣемъ права соболѣзновать о ней, а можемъ лишь воскликнуть съ напимъ корреспондентомъ изъ Парижа: «*cette femme est justement punie par où elle a péché...*»

И точно: Людмила Юрьевна была наказана судьбой именно въ томъ, чѣмъ грѣшила! Такъ полно, неожиданно и страшно было воздаяніе, что силъ ея не хватило его перенести: когда, очнувшись отъ страшной боли обжоговъ, она впервые увидала себя въ зеркалѣ, ей сдѣлалось дурно, а двое сутокъ спустя она лежала въ жару и бреду.

Корреспонденты напрасно вовѣщали, что она внѣ опасности; они судили по опредѣленію врачей о поверхностныхъ поврежденіяхъ лица и головы, не принимая въ расчетъ нервной системы пострадавшей.

Дни, полные озлобленнаго отчаянія и страшныя безсонныя ночи подорвали силы ея. Въ то самое время, какъ Зинаида Алексѣевна Сайницкая читала, что дочь ея изуродована, новнѣ опасности,—она металась въ галлюцинаціяхъ нервной горячки.

Общество, ее окружавшее, разлетѣлось, всугнутое громкимъ скандаломъ, какъ стая воробьевъ отъ неожиданнаго выстрѣла. Миссисъ Келлингъ, вашингтонскій банкиръ, едва оправившійся отъ раны въ плечо на вылетъ, нанесенной ему донъ Реналемъ, бразильянский маркизъ, — отвѣчавшій бѣдному юношѣ смертельной раной въ сердце, — всѣ быстро исчезли изъ Сиракузъ и съ острова. Нѣкоторые, какъ донъ Хозе-Маріо Аспертучи круто измѣнили начертанный маршрутъ; другіе, съ систематичной

американкой во главѣ, такъ и направились, какъ предполагали въ Сѣверную Италію.

Герцогиня Альтенгеймъ осталась бы въ полномъ одиночествѣ, еслибъ не преданность князя Руссича, блистательно выказавшаяся въ эту тяжкую пору испытаній...

На его рукахъ Людмила Юрьевна потеряла сознание и ея же увидала первымъ у изголовья своего, когда память вернулась къ ней. Еще не ясно сознавая происшедшее, она подумала: «зачѣмъ этотъ человѣкъ возлѣ меня?.. Что ему нужно?..» Она готова была спросить объ этомъ свою горничную. Присутствие Руссича ей что-то неприятно напоминало... Сама она еще не знала, что именно?.. Маленькое усиліе надъ ослабѣвшей памятью и недавнее прошлое, во всей своей нелѣпости, во всемъ безобразіи ей предстало...

Она подняла обезсилѣвшія руки къ головѣ, сбросила лежавшіе на ней компрессы и вся дрожа себя ощупала... Да! Да!.. Она не бредитъ: все это точно было!.. Она почувствовала подъ дрожащими руками повязку, еще крѣпко стягивавшую лобъ ея и високъ до самой щеки и свои щетинистые, обгорѣлые, въ попыткахъ неровно, кое-какъ остриженные волосы. И замахавъ руками на присутствовавшихъ, она зарылась въ подушки, залившись жгучими слезами.

Все кончено! Она уродъ! Безобразный уродъ!..

Холодный потъ ужаса, безсильнаго отчаянія проступилъ на лицѣ ея.

Она стала припоминать, какъ все это было.

Воспоминанія ее терзали, но она нарочно старалась возстановить въ своей памяти всю ту безобразную сцену, все что ее вызвало и какъ она разыгралась.

Но подробности ускользали, несмотря на всѣ ея усилія. Ужасъ результата подавлялъ все! Мелочи, вызвавшія его, исчезали и тонули въ огнѣ и крови.

Она помнила только, что написавъ свое рѣшительное письмо мужу «раздѣлавшись со своимъ вторымъ бракомъ»,—она почувствовала потребность «жить». Ей захотѣлось шума, веселья, развлеченія, чѣмъ бы и съ кѣмъ бы то нибыло... Понятно, какъ такое расположеніе духа отозвалось на отношеніяхъ къ наличнымъ поклонникамъ. Она сама имъ объявила, что разошлась съ мужемъ и требуетъ развода. Дни помчались шумные, безумно переполненные впечатлѣніями, разнообразіемъ, въ которомъ она искала забвенія и удовольствія, но находила одно утомленіе и озлобленную скуку. Нѣсколько разъ въ ней пробуждалось сознание, что она окончательно компрометируетъ

свое имя и тутъ же, забывая о себѣ самой, она радостно думала:

«Ну, чтожь?.. Тѣмъ лучше! Вѣдь мое имя пока — еге-имя... И пусть! Такъ ему и надо, глупцу!»

Они переселились всѣмъ обществомъ въ Сиракузы. Тамъ она не захотѣла жить въ отелѣ, а наняла виллу на берегу моря. Она сорила деньгами: съ утра до вечера всѣ новые знакомцы ѣли, пили, играли у нея. Сама не зная, какъ и зачѣмъ, она, до сихъ поръ не понимавшая страсти къ картамъ, допустила бѣшеную игру у себя и сама играла со страстью, съ увлеченіемъ. Каждый вечеръ на освѣщенной а *giorno* террасѣ ея виллы шли безумныя оргіи, лились и вина, и музыка, и золото...

Маркизь состоялъ ея признаннымъ поклонникомъ; Русситъ — избранникомъ тайнымъ, но вполне довольнымъ своей второстепенной ролью, позволявшей ему втайнѣ же пользоваться не одной любовью, но и болѣе существенными доказательствами пріязни щедрой герцогини. Одинъ бѣдняжка Реналь былъ обиженъ. Она долго «его жалѣла»... Долго обманчалась съ нимъ, какъ съ балованнымъ маленькимъ мальчикомъ, урезонивая его, убаюывая... Было зачѣмъ!.. Разъ во всю жизнь нашла на нее щекотливость, — хотѣла добра глупому мальчишкѣ, и вотъ какъ награждена за чувствительность!.. Она теперь со скрежетомъ зубовъ вспоминала свою «глупость».

Она его щадила. Но пылкій юноша самъ не пощадилъ себя... Онъ бѣшено ревновалъ ее и вѣрить не хотѣлъ ея успокоительнымъ увѣреніямъ. Онъ ей грозилъ, что уличитъ ее, что убьетъ счастливыхъ соперниковъ!..

Разъ ночью, когда всѣ разошлись, только славянинъ бродилъ еще въ саду, вокругъ виллы, ожидая послѣднихъ приказаній ея хозяйки; а сама она, приказавъ ему ожидать, замѣшкалась почему-то въ комнатахъ, донъ Реналь перепрыгнулъ черезъ изгородь, вскочилъ въ открытое окно, впотымахъ опрокидывая мебель и какъ безумный бросился къ внутреннимъ дверямъ.

Люди, безъ зова, не смѣли никогда являться; но Русситъ издали послѣдовалъ за непримѣтившимъ его юношей. Онъ вошелъ въ ту минуту, какъ грянулъ выстрѣлъ изъ револьвера, пушенный Реналемъ въ запертыя двери спальни... Они отворились. Ярко освѣщенная керосиновой лампой, которую держала въ рукахъ, въ нихъ на секунду появилась Людмила, но въ тотъ же мигъ она упала, отброшенная назадъ рукой не помнившего себя донъ Реналья и комната озарилась яркимъ пламенемъ, огласилась воплями и выстрѣлами...

Когда славянинъ, наконецъ, рѣшился войти въ спальню, Аспертучи изъ нея выскочилъ весь окровавленный; донъ Реналь лежалъ на коврѣ, убитый, а Людмила металась, вся обхваченная пламенемъ разбившейся о лицо ея лампы. Стащивъ со стола скатерть, хватая что попало, чтобъ ее укутать, Русичъ бросился тушить огонь; но ничего этого уже не сознавала обезпамятѣвшая женщина.

Она опомнилась лишь тогда, какъ толпа людей, полицейскихъ и докторовъ уже завладѣли ею и ея жилищемъ; а на другой же день снова впала въ болѣзненное безпамятство, долгое время продержавшее ее между жизнью и смертью.

Когда она снова пришла въ себя, все вспомянувъ первой сознательноймыслью ея, было жгучее сожалѣнiе о томъ, зачѣмъ она не умерла. Какъ бы все просто разрѣшилось ея смертью, а теперь... Впрочемъ, вѣдь это разрѣшительное средство всегда подъ рукою... Она не разъ и такъ легко немъ думала прежде...

Прежде! Когда оно было не нужно тотчасъ,—когда въ будущемъ, въ случаѣ крайности, оно казалось такъ доступно... Вотъ теперь то, далекое время наступило. Неужели она ошибалась въ своемъ мужествѣ, въ равнодушіи къ жизни? И даже не къ жизни, а къ тяжкому, отвратительному прозябанію?! Нѣтъ. Она съ собой покончить, но... не сейчасъ.

Надо выждать. Быть можетъ черезъ нѣсколько времени заживутся раны, выростутъ волосы и слѣда не останется отъ этой катастрофы. Отъ этой глухой, пошлой, бессмысленно вторгшейся въ ея существованіе, катастрофы, на которую она пошла безъ всякой нужды, слѣпо, какъ бабочка на огонь, сама не зная зачѣмъ добиваясь сгорѣть... И сгорѣла! Хуже чѣмъ умерла!

О! Проклятое время! Проклятая ошибка—этотъ ненавистный бракъ!.. Проклятый Альтенгеймъ!..

Съ такимъ воплемъ въ душѣ подписала Людмила Юрьевна нѣсколько недѣль спустя разводный актъ съ человѣкомъ, виноватымъ передъ ней лишь въ томъ, что безумно ее полюбилъ и позволилъ ей разбить всю жизнь свою.

Оправившись окончательно, она вся укуталась въ черныя кружева, какъ печальная вдова оплакивающая свое прошлое и на долгое, неопредѣленное время, разсталась съ Европой. Она рѣшила по крайней мѣрѣ цѣлый годъ никому не показываться; ѣздить по самымъ мало посѣщаемымъ странамъ, даже на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ ни съ кѣмъ не знакомиться, никогда не подымать съ лица кружевнаго вуаля и, по возможности въ зеркало не смотрѣться до срока.

— Если будущей весной я увижу, что слѣды этого несчастія прошли, тогда... Посмотримъ! Но долѣе года я ждать не стану.

И она отправилась, сама того не подозрѣвая, исполнять предсказаніе Долголецаго, — въ кругосвѣтное плаваніе.

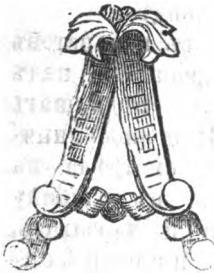
Князь Руссичъ очутился на пароходѣ рядомъ съ нею... Онъ тоже рѣшилъ съ нею не разставаться и такая преданная любовь трогала Людмилу Юрьевну сердечно... Она умилялась ей и все чаще ловила себя на мысли:

— Преданность и благодарность—сами по себѣ! Но едва ли бы и та и другая устояли въ сердцѣ этого человѣка природы, если бы ужъ я была совсѣмъ безобразна!..

И помимо воли ея, постоянство славянскаго князя пріятно щекотало ея самолюбіе и заставляло улыбаться, втихомолку расцвѣтавшимъ надеждамъ.

X.

а и ѣе года я ждать не стану! Другими словами:—если время не сгладитъ пятнъ и шрамовъ, обезобразившихъ мое лицо, я черезъ годъ убью себя!

Такъ рѣшила Людмила Юрьевна и была убѣждена въ своей искренности и въ разумности своего рѣшенія. Но въ то же время срокъ казался ей такъ дологъ! Годъ!.. Двѣнадцать мѣсяцевъ,—когда еще пройдутъ они!.. Въ пылу желанія скорѣе дать себѣ право нравственно отдохнуть отъ начинавшаго угнетать ее подозрѣнія въ собственномъ малодушіи и безсиліи, Людмила упустила изъ виду сравнить прошедшее съ будущимъ... Если бы обернулась она на прожитые ею послѣдніе 7—8 лѣтъ, они, пролетѣвшіе такъ незамѣтно, навели

бы ее на соображеніе, что годъ-ли, мѣсяць-ли, — дѣнь или даже нѣсколько лѣтъ, — ничто!.. Время, какъ ровная прямая, открытая дорога по наклону; какъ отлогій спускъ съ высокой горы кажется долгимъ лишь когда смотришь на него сверху. А когда пройдя его, оглянешься, — ахъ! какъ онъ коротокъ покажется въ ракурсѣ пережитой жизни, этотъ путь!..

Такъ, разумѣется, и случилось.

Годъ промчался такъ мгновенно, что слѣдующей ранней весной, ужасъ овладѣвалъ ею все чаще и все сильнѣй, когда она вспоминала, что срокъ испытанія кончается.

Мраченъ и тяжекъ былъ ей этотъ годъ гнетущей тоски и непрерывныхъ горькихъ разочарованій. Препжній вѣрный утѣшитель ея — зеркало, стало теперь ея влѣйшимъ, неумолимымъ врагомъ и мучителемъ. Часто она переживала такія муки, что положительно боялась съ ума сойти. Все ей грозило этой возможностью: и воспоминанія, — которыя не хотѣли улетѣть и замолкнуть и боязнь будущаго, которое не хотѣло выясниться...

Путешествія, чудеса природы и заморскихъ диковинъ ее не интересовали нимало. Въ большинствѣ случаевъ она даже ихъ не видѣла; не знала, гдѣ она, не замѣчала того, чѣмъ восхищались, чему дивились ея спутники и тогда все забывала, поглощенная своей внутренней, единичной жизнью, отъ всего и отъ всѣхъ отторгнутой.

Въ минуты полного отчаянія она часто внутренно восклицала:

«Такъ умри-же, несчастная! Чего-жъ ты ждешь?.. Или смѣлости не хватаетъ, безвольная! Слабоумная! Презрѣнная!..»

И она точно себя презирала и глубоко ненавидѣла.

Она смотрѣла подолгу съ бортовъ кораблей, съ парапетовъ набережныхъ, съ краевъ обрывовъ и горныхъ пропастей, надъ которыми случалось ей пробѣжать и думала: «вѣдь шагъ одинъ! Одно движеніе — и все это кончено!.. И полное уничтоженіе! Покой и вѣчный миръ!..» Думала и смотрѣла на бурныя волны, на голубую, зеркальную лазурь, въ глубину безднъ полныхъ солнечнаго или луннаго сіянія и терзалась, не находя въ себѣ рѣшимости преодолѣть страхъ не и з в ѣ с т н о с т и...

Да, — неизвѣстности! Прошло время опредѣленныхъ, ясныхъ, казалось бы невыблемыхъ убѣжденій. Ихъ разшатали разстроенные нервы, ослабѣвшій разумъ!.. Вѣрнаго ни въ жизни, ни въ смерти для Людмилы ничего ужъ не было! Она тяготилась жизнью, — она боялась и въ самой смерти не найти

блаженнаго уничтоженія... Вѣрно-ли то было? Точно ли одни эти отвлеченныя сомнѣнія въ окончательномъ концѣ всего за предѣлами жизни отталкивали Людмилу Юрьевну отъ самоубійства? Не было-ли въ этой нерѣшимости малодушнаго страха страданій, простой боли?—она не разбирала изъ боязни еще сильнѣе себя возненавидѣть. Вѣроятно, малодушіе ея объяснялось обоими чувствами.

Однако, по истинѣ, въ ней сотворилось нѣчто страшное въ послѣдніе мѣсяцы полнаго отчужденія отъ общества, непривычной ей замкнутой жизни. Все будто сговорилось измѣнить ей: и внѣшнія обстоятельства и внутренніе устои. Все, что казалось ей всегда такъ просто, такъ недостойно минуты задумчивости, теперь затянулось туманомъ сомнѣнія, представлялось неяснымъ и далеко невѣрнымъ. Она то и дѣло останавливалась на отвлеченныхъ вопросахъ, на задачахъ, которыя прежде никогда ее не смущали. Ее пугали ея грезы, хуже: ее заставляли задумываться пустые сны...

«Отъ скуки и одиночества умъ за разумъ заходитъ!» — злобно порѣшила сама про себя эксъ-герцогиня.

И въ самомъ дѣлѣ, не только помыслы ея и чувства, но и самыя поступки позволяли заключать, что ея трезвые, практическіе взгляды на жизнь измѣнили ей.

Чуть не годъ она позволяла Руссичу слѣдовать за собою, принимать въ отношеніяхъ къ ней покровительственный, нѣжный тонъ и манеры, приличныя лишь жениху или нѣжно любящему брату. Она была такъ убѣждена, что онъ страстно влюбленъ въ нее, что часто втайнѣ помышляла: какъ скажетъ она ему, что за него не выйдетъ?.. Какъ огорчить ей такого преданнаго ей человѣка?.. Она знала, что онъ бѣденъ и потому охотно, заранѣе, не дожидаясь его просьбъ, оплачивала его путешествіе, благодарная ему за то, что онъ облегчаетъ ей заботы и мелочныя дорожныя хлопоты; очень мало заботясь о томъ, какъ перетолкуютъ ихъ близость встрѣчныя и спутники ихъ, она до нѣкоторой степени даже будто бравировала и, чего никогда прежде не бывало,—будто бы рисовалась его любовью. Она хвасталась имъ передъ другими, вслѣдствіе того, что ей для себя самой было пріятно останавливаться на мысли, что вотъ есть же человѣкъ въ нее влюбленный,—*quand même!*.. Еслибъ ей сказалъ ранѣе кто либо о возможности такого низкаго паденія, она сочла бы того клеветникомъ, а себя скорѣе способной предаться всѣмъ пыткамъ, всѣмъ смертямъ, чѣмъ дойти до подобнаго униженія. Но она поняла его лишь тогда, когда комедія князя Руссича разыгралась пошлѣйшимъ фарсомъ. Наскучивъ развѣздами по бѣлу свѣту и услышавъ, что

все состояніе, которымъ пользуется графиня принадлежить ей лишь по жизни и распорядиться имъ она не имѣетъ права,— о чемъ сама она заблагоразсудила распустить фальшивые слухи,—славянинъ вдругъ спохватился. Цѣли его отнюдь не заключались въ безплодномъ путешествіи по океанамъ и странамъ дикарей, вслѣдъ за больной, капризной, нелюдимою женщиной, давно ему надоѣвшей... Тутъ подвернулась одна бойкая миссъ, дочь нѣкоего self-made man, янки, болѣе неправдами, чѣмъ трудомъ прибрѣвшаго не одинъ миллионъ долларовъ. Миссъ янки закокетничала съ интереснымъ иностранцемъ, княземъ и красавцемъ въ необыкновенно живописномъ костюмѣ, на пропалую... Руссичъ круто измѣнился, но не желая выказать игры своей сразу, объявилъ, что боленъ и долженъ высадиться въ первомъ портѣ, то есть въ Санъ-Франциско, куда направлялась бойкая миссъ-путешественница. Оттуда онъ разсчитывалъ слѣдовать за нею въ Вашингтонъ и тамъ благополучно обвѣнчаться... Но для такой эволюціи надо было все-же имѣть довольно значительную сумму... Руссичъ въ средствахъ разборчивъ не былъ, но сомнѣвался, чтобъ Людмила Юрьевна щедро открыла ему свой кошелекъ, еслибъ постигла его коварныя намѣренія. Онъ въ свою очередь былъ увѣренъ, что она отчаянно въ него влюблена... Ради этого онъ рѣшился сыграть комедію внезапной болѣзни. Зная, что большихъ городовъ графиня избѣгаетъ и навѣрное незахочетъ ждать его въ Калифорніи, по крайней мѣрѣ въ ея шумной столицѣ, онъ имѣлъ въ виду предложить ей продолжать путешествіе, съ тѣмъ чтобъ ее догнать, гдѣ она укажетъ, какъ только ему станетъ лучше... Для этого, само сабою разумѣлось, она должна была ему вручить средства...

Вся эта комедія быть можетъ и разыгралась бы благополучно къ обоюдному удовольствію, еслибъ не случай,—этотъ мощный рычагъ, который близорукое человѣчество привыкло называть слѣпымъ, но который зачастую является ему на выручку или на погибель, будто-бы руководимый силой несравненно болѣе зрячей и прозорливѣй, чѣмъ оно само.

Поздно вечеромъ вышла графиня изъ душевой каюты на палубу. Пассажировъ ужъ не было на ней, но въ каютъ-компаніи еще было полное оживленіе. Она поспѣшно прошла, мимо ярко освѣщенныхъ люковъ, на самый конецъ огромнаго парохода, и приютилась на кормѣ, за громаднымъ канатомъ, свернутымъ цѣлою башней, закрывавшей ее совершенно. Она оперлась о бортъ, глядя на необозримую гладь, поблескивавшую тамъ и сямъ блестками; на широкую, сіявшую какъ переливчатый фосфоръ и быстро таявшее жемчужное кружево

волнистую ленту, выбѣгавшую изъ подъ винта; на звѣздное, безоблачное небо и откинула густое кружево съ лица. Какъ все въ природѣ было тихо, свѣтло и глубоко спокойно!.. Какъ этотъ миръ и сіянье влекли и манили къ отдыху истомившуюся душу человѣка.. Если-бъ только возможно было имъ вѣрить? Если-бъ и они не были обманчивой мишурой, какъ все на свѣтѣ!.. Ей рѣдко случалось забываться, переставать чувствовать гнетущее ощущеніе безсилія и тоски, овладѣвшее ею на вѣки, но въ этотъ разъ оно отошло... Она забылась, съ наслажденіемъ вдыхая живительный воздухъ, пресыщенный испареніями Великаго океана и ароматами, доносившимися съ тропиковъ; глядя на гористый островъ, мягко темнѣвшій впереди, на сіявшее полушаріе луны, въ послѣдней четверти, картинно выплывавшей справа, изъ за высотъ Сіерра-Невады, тонувшихъ въ серебристомъ туманѣ дальняго горизонта.

Въ двухъ шагахъ отъ нея, за пирамидой каната раздался смѣхъ и мужской голосъ, говорившій по англійски:

— А этотъ костюмированный князь опять проигрался? Рискованно по большой съ нимъ играть...

— Да! самъ-то онъ, кажется, не богаче цорковной мыши, отвѣтить другой голосъ.—Но его Дульцинея заплатитъ!

— His scare-crow with the scar? разсмѣялся другой, играя словами.—Его помѣченное пугало? Ну—да еще бы!.. Можетъ щедро платить такому молодцу.

— Но только она страшно надоѣла бѣднягѣ! подхватилъ первый.—Онъ, кажется, замыслилъ отъ нея сбѣжать, подъ предлогомъ не здоровья... Проболтался, хвативъ черезъ край, вчера вечеромъ.

— Да? Ну, чтожъ, въ добрый часъ! снова разсмѣялся веселый собесѣдникъ.—Такой красивый паренъ можетъ найти лучше.

— Да кажется ужъ нашель! Эта маленькая миссъ Джерсонъ отъ него безъ ума...

Голоса замерли, удалившись. Разговаривавшіе очевидно вышли освѣжиться изъ каютъ-компаніи и прохаживались.

Скоро къ нимъ присоединились другіе, палуба ожила. До Людмилы доносились отсюду голоса и смѣхъ.

«Надо уйти! Уйти!..» повторяла она себѣ мысленно. Но громче сознательныхъ мыслей, со всякимъ біеніемъ крови въ ней бессознательно, назойливо отдавалось одно слово и заглушало всѣ соображенія, мучительно сжимая ей сердце:

«Scare - crow!.. Scare - crow!.. раздавался безжалостный, насмѣшливый вызовъ.—Пугало! Мѣченное пугало!..»

Вотъ и все!.. Все чего она дождалась отъ приговора людскаго... А годъ кончался!

Она хотѣла вскочить и убѣжать, но не хватило силъ. Вся похолодѣвъ, въ тоскѣ отчаянія и безсильнаго ужаса, понурившись и свѣсивъ голову—прислонилась она къ канату, какъ приговоренная и не могла пошевелиться..

Свершилось... кажется? Приговоръ точно былъ произнесенъ надъ нею!.. Ждать нечего?

XI.

туманенная, какъ во снѣ, схватилась она за желѣзо рѣшетки... Силою рукъ она приблизила свое изнемогавшее тѣло къ борту, къ самому краю и взоръ ея вперился въ блестящій, кипучій слѣдъ. Его развивавшіяся, въ сіявшую даль уходившія волны, будто заманивали ее вслѣдъ за собою, тянули къ себѣ, сулили что-то вдали отъ опостылѣвшей ей жизни, отъ ненавистныхъ людей!..

Еще немного ближе... Мигъ! Одно усиліе!..

Но она не могла его сдѣлать. Все тѣло ея будто свинцомъ налилось... Какъ очарованная, смотрѣла она въ убѣгавшую минуту, сотканную изъ фосфора и алмазовъ, стараясь проникнуть сквозь нея, заглянуть въ неизвѣданную глубь; но зрѣніе ея, какъ и движенія, какъ и сознаніе дѣйствительности всего ее окружавшаго были скованы и затуманены ощущеніями и образами, возставшими изъ глубины ея души.

Не въ первый разъ, въ такія скорбныя минуты, когда усиливались въ ней желаніе и рѣшимость все покончить, внутреннему взору ея неожиданно и негаданно являлись страшныя, «безсмысленныя» видѣнія... Какъ темныя, грозныя тѣни прошлаго, казалось бы канувшаго въ вѣчное уничтоженіе,

лица и рѣчи и цѣлыя сцены вдругъ выдѣлялись изъ мрака; проносились насмѣшливыя, печальныя или грозныя, но всегда многозначущія, всегда мучительно устрашающія и отымали, въ послѣдній мигъ, нужныя бодрость и силы... Вотъ!.. Вотъ они и теперь, эти неожиданныя видѣнія!.. Все страшно знакомыя лица: Гирзаевъ и Любочка!.. Леонора и Эмма! И тотъ крошка, — Генрихъ, ребенокъ ея и другіе, еще и еще... А вотъ и они! Фердинандъ и Бреммеръ. Страшные! Всѣ въ крови!.. И этотъ блѣдный мальчикъ, — Реналь... Вотъ, вотъ они всѣ пролетаютъ, и плачутъ и смѣются, и ей киваютъ, кружась надъ бездной океана, то въ лунномъ сіяніи, то въ огненномъ или кровавомъ вихрѣ, словно справляя какую-то адскую сарабанду.

— Да что же это?.. Откуда?.. Зачѣмъ?!.. — поднимались со дна растерзанной души ея вопросы.

Ни отвѣчать на нихъ, ни отогнать пугавшихъ ее видѣній она не могла. И не могла побороть все возроставшей боязни прорваться сквозь цѣпь мрачныхъ воспоминаній, живой преградой возстававшихъ между желаніемъ ея «все покончить» и концомъ, который они превращали въ начало чего-то еще болѣе ужаснаго, чѣмъ самая жизнь, отъ которой она стремилась избавиться.

Безъ силъ, безъ воли стояла Людмила надъ очарованнымъ рубикономъ, который ей казалось, прежде такъ легко переступить и не могла пошевелиться. Холодный потъ смертной тоски проступилъ на безжизненномъ, искаженномъ лицѣ; широко открытыя глаза не моргали, будто она дѣйствительно превратилась въ мраморное изваяніе и только тяжелое дыханіе проявляло въ ней жизнь... Страданія, возможности которыхъ никогда она себѣ не могла и представить, заставили ее забыть гдѣ она, кто и что ее окружаетъ...

Вдругъ снова говоръ. Надъ самымъ ухомъ ея раскатился молодой звонкій смѣхъ, — кто-то набѣжалъ на нее и въ ту же секунду, съ крикомъ испуга отшатнулся и бросился прочь, назадъ... Она дѣйствительно была страшна, вся помертвѣлая, съ багровымъ шрамомъ, выступившимъ, еще ярче на блѣдномъ лбу и щекѣ, вся облитая мѣсячнымъ свѣтомъ...

Миссъ Джерсонъ, круто повернувъ въ узкомъ проходѣ между снастями и перилами кормы, попала прямо въ объятія за нею слѣдовавшаго князя Руссича; а тотъ, глядя лишь на нее, естественно истолковалъ этотъ маневръ въ свою пользу и крѣпко обнялъ попавшуюся ему добычу. Но поцѣлуй его еще не замеръ въ воздухѣ, какъ американка съ силой вырвалась изъ его объятій, крича:

— There's a ghost!.. Oh! Surely! Dont you see?..

Въ неподдѣльномъ ужасѣ отъ встрѣчи съ «привидѣніемъ» она даже забыла, что ея поклонникъ не знаетъ роднаго ей языка и, только отбѣжавъ за уголъ, вспомнила и перевела на плохой французскій, которымъ они объяснялись:

— Да поглядите же, кто это тамъ, съ такимъ ужаснымъ лицомъ и взглядомъ?

Но испугавшаго ее лица уже не было видно.

Прежде чѣмъ Руссичъ успѣлъ опомниться, передъ нимъ промелькнуло черное облако, — Людмила опустила кружевной покровъ и быстро проскользнула въ другую сторону.

Минута вновь была упущена! Вновь безотрадное, мучительное существованіе предпочтено невѣдомому, неизвѣстностью страшному расчету съ жизнью.

На другой день, одѣвшись и по обыкновенію прикрывъ лицо накинутой на голову мантилей изъ испанскаго кружева, графиня послала просить къ себѣ князя Руссича. Она занимала просторную каюту въ два отдѣленія, сообщавшуюся прямо съ большой каютъ-компаніей. Подходили къ Сант-Франциско. На порогѣ отворенныхъ дверей стоялъ курьеръ графини, въ ожиданіи ея приказаній; горничная укладывала складной сакъ-несессеръ и приводила вещи въ порядокъ. Курьеру было приказано обождать, а Сесиль продолжать свое дѣло. Спокойно поставивъ на подносъ допитую чашку шоколаду, графиня, противъ обыкновенія, заговорила съ славяниномъ по французски.

Сконфуженный Руссичъ ждалъ всего, кромѣ того, что усмывалъ.

— Мнѣ очень жаль, князь, что вы давно меня не предупредили о томъ, что морское путешествіе вамъ надобно и вредитъ вашему здоровью, — сказала она, вынимая изъ кармана приготовленный чекъ и разглаживая его на столѣ. — Какъ ни полезны мнѣ были во время пути ваши услуги, я бы конечно, сама отъ нихъ отказалась, въ виду вашей пользы... Эрнстъ такой опытный и расторопный курьеръ, что я бы могла обойтись и безъ вашихъ дружескихъ услугъ давно, — какъ обойдусь теперь...

Славянинъ вспыхнулъ и сдѣлалъ гнѣвное движеніе.

Но одинъ взглядъ по направленію взоровъ и руки графини заставилъ его смолкнуть и благоразумно воздержаться отъ протеста: на чекѣ, обезпеченномъ подписью Ротшильдовъ, четко вписана была такая сумма, которая ему и не снилась...

Онъ лишь покосился въ сторону почтительно вытянувшаяся

гося курьера, а въ сторону бойкой субретки побоялся и взглянуть и что-то пробормоталъ совершенно непонятное.

Графиня невозмутимо продолжала, разглаживая свой чекъ:

— О! не извиняйтесь, прошу васъ. Я конечно весьма вамъ благодарна за участіе ваше и доброту ко мнѣ, со времени моей болѣзни; но теперь достаточно поправились, чтобы довольствоваться услугами Эрнста и Сесиль... Я пробуду въ Санъ-Франциско не долѣе нѣсколькихъ дней, — а вы вѣроятно хотите отдохнуть по долѣе и продолжать путешествіе сухимъ путемъ?.. Или вернуться въ Европу?.. Во всякомъ случаѣ я съ вами здѣсь прощусь. Вотъ, милый князь, моя благодарность...

Она подвинула ему чекъ.

— Графиня!.. Я, право, незнаю... Моя преданность... Я... Я, право, безкорыстно! — началъ было князь по русски.

Не Людмила Юрьевна тотчасъ прервала его, снова заговоривъ на языкѣ понятномъ прислугѣ и всѣмъ, кто могъ случайно находиться по близости дверей, отворенныхъ въ общую залу.

— Перестаньте!.. Всякій трудъ долженъ оплачиваться. Вы помните, когда я просила васъ вести за меня всѣ счета, всѣ хлопоты, даже переговоры съ Эрнстомъ, я говорила вамъ, что поблагодарю васъ, помимо дорожныхъ вашихъ расходовъ... Эрнст! Я надѣюсь, что у васъ всѣ счета по путешествію господина Руссича въ порядкѣ и оплачены?

— О, да, ваше сіятельство! Какъ вы изволили приказывать.

— Такъ вотъ... Неудобно-ли вамъ получить? — подала она чекъ оторопѣвшему князю и кивнула ему головой. — Прощайте, мой другъ... Желаю вамъ всего лучшаго... О, нѣтъ! Пожалуйста, не надо!..

И она отдернула руку, которую Руссичъ бросился было цѣловать, словно у лакея, вздумавшаго неумѣстно выказывать излишнюю благодарность и прошла въ столовую каюту, съ перога приказавъ горничной:

— Сесиль, вы мнѣ скажете, когда мы будемъ подходить къ порту.

И заперла за собой дверь.

Князь Руссичъ, весь красный, какъ обваренный, нахмурилъ брови и сунувъ руку съ чекомъ въ карманъ, выскочилъ изъ каюты графини, не подымая глазъ на презрительно улыбавагося курьера.

— *Le gueux!* — пропенталъ тотъ ему вслѣдъ и, переглянувшись съ сочувственно улыбавшейся ему субреткой, доба-

виль, подмигнувъ на дверь въ спальную комнату:—bien joué
hein?.. A-t-elle du front?.. Вотъ такъ отдѣлала голубчика! Что
говорить,—смѣла!

На что Сесиль шопотомъ отозвалась:

— C'est égal, tout de même, je la plains! Мнѣ все-жъ ее
жалко!

И права была субретка въ своей жалости! Пожалѣла бы
каждая христіанская душа Людмилу Юрьевну, еслибъ могла
увидѣть ее теперь въ ея любимой позѣ, за дверью узенькой
каюты. Точно такъ стояла она вытянувшись по стѣнкѣ, за-
кинувъ руки за шею, а на нихъ откинувъ голову, когда мы ее
впервые увидали, лѣтъ за девять ранѣе, въ день смерти сестры
ея. Но тогда спокойныя чувства не нарушали строгой кра-
соты ея лица; теперь же, помимо безобразившаго его шрама,—
помимо уродливости разсѣченной губы и фальшивыхъ волосъ,
прикрывавшихъ облысѣвшій лобъ,—оно поражало вырази-
емъ такого озлобленнаго отчаянія, которое можетъ породить
лишь горе, связанное съ безнадежностью, съ худшимъ изъ
несчастій: съ глубокимъ презрѣніемъ и ненавистью ко всему
живущему,—начиная и кончая собой.

XII.

Какъ ни оттягивалъ Долголецкій командировекъ и
отпусковъ, все же время вернуться домой на-
стало, по немъ, гораздо скорѣе чѣмъ было же-
лательно. Кругосвѣтныя экскурсіи ему такъ при-
шлись по вкусу, что онъ только и мечталъ «выр-
ваться» и снова очутиться на Чимборазо, въ
американскихъ преріяхъ, у истоковъ Нила или въ цвѣтущихъ
пустыняхъ Австраліи.

— Тогда ко новыдаюсъ съ батюшкой, упрошу его отпустить
мою душу на покаяніе, а грѣшное тѣло на свободу; выйду

въ отставку и дадимъ мы съ тобою опять стрекача въ страны дальнія! А?.. Какъ думаешь, Гришенька? — говорилъ онъ Недвинову, съ нимъ прощаясь, на родной ужь землѣ.

— Думаю, что пора и честь знать, батеньки! И что заяць орлу не товарищъ! — смѣялся Григорій Михайлычъ. — Тебя все еще тянетъ на подоблачныя высоты, да за моря — за окіяны; а я радъ радешенекъ, что до своей хаты добрался, послѣ чуть не трехлѣтнихъ плаваній.

— Не столько до хаты, какъ до лежанки, да до молодой хозяйки? — засмѣялся Долголецкій и махнулъ рукой на пріятеля: — вижу, что ты человѣкъ пропачій!

— Дастъ Богъ не совсѣмъ! — также шутя отвѣтилъ Недвиновъ. — Не на обумъ хозяйку выбралъ!.. А ты смотри: — по первому востребованію являйся въ Малороссію вѣнецъ надо мной держать.

— Не премину, другъ сердечный. Дай тебѣ Богъ счастья! — искренно пожелалъ Евгеній Андреичъ.

Пріятели разстались. Долголецкій остался въ Петербургѣ, художникъ направился къ югу, въ деревню къ матери, гдѣ его поджидали, съ сердечной истомой, не она одна, а съ нею за одно и молодая дѣвушка-сосѣдка, давно избранная имъ, съ дѣтства его любившая невѣста. Обстоятельства до нынѣ мѣшали имъ. Недвиновъ не хотѣлъ жениться безъ всякихъ средствъ обезпечить семью. Теперь его имя стало достаточно извѣстно, чтобъ онъ могъ рассчитывать на будущее смѣлѣе: и картины его и литературные труды оплачивались хорошо. Онъ довольно намыкался по бѣлу свѣту, довольно набралъ эскизовъ и впечатлѣній и съ наслажденіемъ помышлялъ о тихой жизни въ семьѣ, въ деревенской тиши, гдѣ такъ досужно будетъ ему передавать эти пестрыя впечатлѣнія перомъ и кистью.

Долголецкій пробылъ въ Петербургѣ ровно столько времени, сколько пришлось потратить ради устройства себѣ новой прикомандировки, а передъ отбытіемъ на службу новаго отпуска, для свиданія съ отцемъ и присутствія на свадьбѣ пріятеля. Онъ рассчитывалъ «однимъ камешкомъ двухъ птицъ убить», — побывать въ Малороссіи и въ Крыму, гдѣ отецъ его жилъ на покой, попути въ Константинополь, куда былъ нынѣ назначенъ. У этого баловня судьбы все спорилось во время и по его желанью...

Зацвѣталъ яркій май. Югъ Россіи былъ восхитительно красивъ въ эту молодую пору года. Всякая дубовая или липовая рощица, всякій хуторокъ съ аллеей пирамидальныхъ тополей, всякая бѣло-глинная хатка съ тыномъ, разукраше-

нымъ павиликой и съ высокой жердью журавля при колодцахъ, ярко выступали въ прозрачномъ воздухѣ, рисуясь на фонѣ голубаго неба или свѣтло-зеленыхъ полей, какъ приманка и отдыкъ усталому зрѣнію горожанина.

Небогатая деревушка Недвиновыхъ, ихъ деревянный домикъ съ мезониномъ, вновь превращеннымъ въ мастерскую, ихъ старый садъ, граничившій съ рѣчкой и лѣсомъ, показались даже взыскательному гостю ихъ прелестными. Онъ пріѣхалъ за три дня до вѣнца, а на слѣдующій день послѣ свадьбы, долженъ былъ уѣхать. Церкви въ имѣніи Григорія Михайлыча не было; оно принадлежало къ Полянскому приходу,—къ селу доставшемуся графинѣ Рейзенштернъ послѣ смерти кузины и дяди ея Дарзапа, въ числѣ значительнаго наслѣдія, незаконно ею полученнаго. Въ сельскомъ храмѣ, возлѣ котораго схоронена была маленькая «Леля», какъ называла старушка Недвинова Леонору Дарзансъ, долженъ былъ вѣнчаться Григорій Михайлычъ.

Наканунѣ свадьбы они съ Долголецкимъ съѣздили распорядиться кое чѣмъ въ церкви. Пришелъ туда и священникъ. Пріѣзжіе вмѣстѣ остановились поклониться могиламъ общихъ родственниковъ.

У новой бронзовой рѣшетки, съ прекраснымъ бѣломраморнымъ ангеломъ надъ крестомъ, Долголецкій остановился дольше и уходя невольно промолвилъ:

— Бѣдняжка!.. Жертва отцовскаго сомодурства!

— Жертва алчности и грабежа!—промолвилъ тихо Недвиновъ, отходя и стараясь не смотрѣть на крышу барскаго дома, видѣвшуюся изъ-за пруда и зелени парка, на противоположномъ пригоркѣ.

Священникъ не разслышалъ ихъ словъ, а слѣдуя за взглядомъ Долголецкаго, спросилъ:

— Изволите въ домъ пройти, къ ихъ сіятельству?

— Зачѣмъ?—быстро обернулся Недвиновъ.

— Что намъ тамъ дѣлать?.. Богъ съ нимъ съ этимъ опустѣлымъ домомъ!—прибавилъ его спутникъ, въ то же время думая про себя: «пустуютъ палаты, никому не нужны!.. А ужъ какъ бы теперь Гришѣ, законному наслѣднику, пригодись»...

— Я думалъ, вы навѣстите пріѣзжую изволилипріѣхать,—замѣтилъ священникъ.

Тутъ оба остановились и воззрились прямо въ лицо служителя церкви.

— Какую пріѣзжую?—вскричалъ Евгенийъ Андреичъ.

— Да графиню, Людмилу Юрьевну... Я так полагаю, что онѣ къ Григорью Михайловичу на свадьбу пожаловали.

— Она пріѣхала?—Когда?

— Помилуй Господи!.. Я ее и знать-то не знаю!—одновременно вскричали друзья.

— Еще вчера утромъ изволили прибыть,—отвѣчалъ священникъ Долголецкому.—Нынче по утру были здѣсь и меня призывали панихиду по Еленѣ Валентиновнѣ отслужить...

Друзья изумленно переглянулись.

— Par tous les saints! Il y a du nouveau!—воскликнулъ дипломатъ, по привычкѣ сбиваясь съ русской рѣчи.—И... и что же, батюшка, какъ она вамъ показалась?..—съ запинкой освѣдомился онъ.

— Ничего-съ!—въ простотѣ душевной отвѣчалъ священникъ.—Кажется въ вождѣленномъ здравіи... Впрочемъ лица ихняго я не рассмотрѣлъ: густою вуалью были закрыты...

— И чтожь, можетъ быть плакала? иронически спросилъ Недвиновъ и буркнулъ, отвернувшись: крокодилы слѣзки проливала!

— Незнаю-съ, не примѣтилъ... Но долго на могилкѣ сидѣли. Очень!.. Поблагодарили меня; отъ молебна въ домъ,—я предлагалъ,—отказались! Но здѣсь значительное время пробыли.. Мы, съ матушкой; изъ окошекъ ихъ наблюдали. Ужь не знаю,—въ молитвенномъ-ли настроеніи или такъ, въ воспоминаніяхъ прошлаго мысленно витали!

— Вѣроятно пріятными воспоминаніями утѣшалась! насмѣшливо промовилъ Недвиновъ. Прощайте,—батюшка. До завтра... Ровно въ шесть, пожалуйста.

И не дожидаясь товарища, художникъ быстро пошелъ съ погоста, къ ожидавшимъ ихъ лошадямъ. Долголецкій, простившись съ священникомъ, ничего не узнавъ отъ него касательно намѣреній и срока пребывания графини въ Поляновѣ, медленно пошелъ за нимъ.

— Вотъ еще принесла нелегкая! сердито вскричалъ Григорій Михайловичъ, какъ только они сѣли и тронулись.—Знать бы—обратился-бъ въ Александровское! Ни за что бы здѣсь не вѣнчался.

— Что она тебѣ мѣшаетъ... Не покажется никому, не безпокойся! задумчиво возразилъ Долголецкій.

— А чортъ ее знаетъ!.. Вдругъ вздумаетъ наградить сюрпризомъ.

— Да никогда!.. Слыхаль: вуалья не подымаетъ. Вѣрно вправду сильно осезображена, какъ, помнишь, писали?.. Нѣтъ: ее нечего бояться. А вотъ меня интересуеть: что съ нею

— Сталось?.. Что за фазисъ новый такой въ ея натурѣ?... Неужели просто ханжество?.. Быть не можетъ!

— А что?.. Слишкомъ было-бы вульгарно для такой «свыше одаренной» природы, не-бойсь?.. созлобствовалъ художникъ.

— А, понятно! хладнокровно отвѣчалъ Долголецкій, не обращая вниманія на его иронию:—Я былъ-бы жестоко разочарованъ!.. Нѣтъ, чтонибудь да не то!.. Я дивлюсь, какъ она жива до сихъ поръ? Я этого не ждалъ!

— Погоди, пріятель!.. Еще не успѣли ее угрызения совѣсти замучить... Дай срокъ!

— Совсѣмъ дѣло не въ нихъ. Я былъ увѣренъ, что если этотъ обжогъ ее окончательно изуродуетъ,—она съ собою миломъ покончитъ.

— Ой-ли?.. Достойный конецъ твоей несравненной и безподобной героинѣ!

— Да ты не посмѣивайся!.. А знаешь что? Не сердись, дружище! А я ее навѣщу.

— Ну, что-жъ! Я того и ждалъ отъ твоей эксцентричности...

— Просто, скажи,—отъ моего бабьяго любопытства!

— Ну пусть и такъ!.. Такъ что-же? Прикажешь подвести къ воротамъ?

— Ой нѣтъ! Зачѣмъ мнѣ тебя задерживать и стѣснять?.. Я ей напишу, что здѣсь и завтра утромъ, до твоего вѣнца, лобываю.

— Сдѣлай одолженіе не стѣсняйся!.. Для милаго друга,—серезка изъ уха! Знаешь?.. Хотя ты у насъ не на долгій срокъ, но я понимаю, что общество такой универсальной женщины тебѣ занятнѣй нашей скромной бесѣды...

Но Евгенийъ Андреевичъ не далъ сердитому пріятелю договорить. Онъ пристыдилъ его, укоряя въ несправедливости и въ нежеланіи понять законнаго интереса, который до такой степени выходящая изъ общаго уровня личность должна внушать каждому мыслящему человѣку, а тѣмъ болѣе такому любителю житейской сцены, какъ онъ.

— Эхъ, Грицько! Грицько!.. Хорошій ты парень, но въ нѣкоторыхъ вещахъ непростительно одностороненъ! коригуй его.—Ну какъ не понять, что Людмила Юрьевна интересуется меня, какъ живая задача! Какъ интересный ребусъ, не совсѣмъ распространенный между человѣчествомъ...

— И слава тебѣ Господи! прервалъ Недвиновъ.

— Я согласенъ вообще, по принципу... Чѣмъ меньше тигрицъ и волчицъ на волѣ гуляетъ, тѣмъ безопаснѣе ротоушьямъ! Но, тѣмъ не менѣе, согласись, что каждый любозна-

тельный человек скорѣй обратитъ вниманіе на тигрицу, чѣмъ на домашнюю кошку, повстрѣчавшись съ ними на людяхъ! Не такъ-ли?.. Ну, вотъ и пойми, что мнѣ, бездѣльному человеку, не имѣющему прямыхъ интересовъ въ жизни, занимательно прослѣдить за психическими метаморфозами и жизненной дѣятельностью такого рѣдкаго субъекта... Пойми мое любопытство и успокойся: не упрекай меня въ предпочтеніи тебѣ общества созданія рѣдкостной породы, за которымъ я наблюдаю, какъ любитель-натуралистъ.

ХІІІ.

Возвратившись домой, Долголецкій написалъ графинѣ Рейзенштернъ, что пріѣхавъ на свадьбу Григорія Михайловича Недвинова и случайно узнавъ, что она въ Поляновѣ, онъ проситъ ее принять его на другое утро, такъ какъ въ тотъ же день вечеромъ онъ уѣзжаетъ въ Крымъ къ отцу...

Отвѣта сразу не дали, но на слѣдующій день, до полудня, верховой привезъ тяжеловѣсное письмо, недоумѣвавшему Долголецкому, незнавшему ѣхать ему въ Поляново или нѣтъ.

Письмо Людмилы Юрьевны еще сильнѣе разожгло любопытство дипломата и вмѣстѣ отняло у него возможность удовлетворить его.

«Здравствуйте, дорогой Евгенийъ Андреичъ! — писала графиня. — Вы удивили меня — я думала, что вы еще странствуете, — и обрадовали: близостью (потому что нужны мнѣ) и желаніемъ увидѣть меня, потому что никто теперь этого не хочетъ... Вѣроятно только потому... А впрочемъ, не знаю!.. Со мной творятся такія чудеса, что я сама себя не узнаю... Но вамъ-то какое до нихъ дѣло?.. До нихъ и до меня?.. Ни-

какого... Ахъ! Боже мой! Такъ что-же нужно? Да! Вотъ что, вспомнила!»

«Не безпокойтесь прѣзжать: не застанете меня въ Поляновѣ,» хотя бы прѣехали ранѣ полученія этого письма. Я увѣжаю... Куда? Навѣрное не знаю, но думаю, что въ Х. Вы знаете, — туда, гдѣ все это, первое, случилось?.. Мой дебютъ, — я вамъ, кажется, когда-то говорила, какъ это было: Любочка, моя сестра, отравилась изъ за любви къ мальчику, къ одному юношѣ, не старше Реналы... Вы знаете довѣ-Реналы?.. Они вѣдь оба одинаково умерли, — застрѣлены! Одинъ самъ, другой... Ахъ! Не надо сбиваться... Юноша этотъ, князь Гирзаевъ нравился Любѣ... И она вѣдь была еще совѣмъ дѣвочка! Даже моложе Леоноры. Но вѣдь теперь это все равно! Не правда-ли?.. Теперь для нихъ вѣдь это безразлично! Да и для всѣхъ, — теперь, тогда, послѣ, — все это вѣдь слова, безъ всякаго значенія... Ахъ! Какое вамъ дѣло?! Простите... Слушайте, я бы въ тотъ проклятый городъ не поѣхала, еслибъ тамъ еще была моя мать... Но она уѣхала и поселилась въ монастырѣ, послѣ смерти старухи бабушки, матери мужа... Не смѣшно-ли? И она, старая эта, умерла... А вѣдь какъ тогда мучилась, рыдала, — за Любочкой то. Стоило-ли?.. Ну, теперь и сама тамъ. Не все ли равно?.. Но ужъ въ ея то смерти, старухи этой, Любиной бабушки — я не виновата... Вѣдь правда?.. Мать пишеть въ послѣднемъ письмѣ, — я на него не отвѣчала! Зачѣмъ?.. Она не пойметъ. Она въ немъ пишеть: «опомнись! Какой ты Богу данъ отвѣтъ? Сколько грѣховъ на душѣ твоей... Чѣмъ искунишь?» Она, мать, — вѣритъ! Всегда, всему этому вѣрила... Ну, ушла въ монастырь. «Буду, говорить, о тебѣ молиться...» Пусть молится. Прежде я бы смѣялась. Теперь меня интересуеть, какъ это все тамъ будетъ?.. Интересуеть и... и немножко безпокоить. Все таки страшно!.. Какъ это и зачѣмъ?»

«Да вѣдь и вы не знаете!.. Нѣтъ! Вы очень, очень умны, — но вы всего не знаете, а я... я многое узнала, Долголецкій! И многое меня теперь страшить... Ахъ, голубчикъ! еслибъ вы знали, какъ я ихъ боюсь!.. Они такъ мучительно страшны!.. Хотя... вѣдь вотъ что: я перехитрила!.. Да!.. Только вы никому не говорите, — я даже и хъ перехитрила!.. Слушайте. Я достала снадобье, — усыпляетъ безъ сновъ. Спишь — какъ убитая!.. Понимаете?.. Я тогда его выпью, въ послѣднюю минуту, на морѣ... Выпью и лягу на волны... И будутъ онѣ меня укачивать!.. Качать и нести, — а ихъ — умершихъ, я не буду видѣть, потому что засну!.. О, Господи! Какіе они ужасны!.. Но я такъ умру, что ихъ не увижу...»

«Впрочемъ... зачѣмъ я все это рассказываю? Вѣдь вы по-

думаете, что я сумасшедшая? Но это не правда и вот доказательство: я все вернула имъ... не тѣмъ, а живымъ, — кому можно! Я все чужое отдала обратно, формально, по закону и вы мой душеприкащикъ. Такъ и знайте!.. Меня спросили: кто будетъ исполнять? Я васъ и вспомнила... Вамъ-то я вѣрю!.. Я такъ и сказала тамъ, въ Москвѣ, повѣренному, когда мы писали завѣщаніе. Все устроено. Скажите вашему другу, Гри-Гри,—такъ она, Леонора, его называла, что Поляново и все Недвиновское, — его! Его и другихъ наслѣдниковъ... Недвиновымъ — тетушкино; Дарзансамъ — дядино... Моего «второго отца», а?.. Помните?.. Смѣшн... нѣтъ! Страшно!.. Но... не теперь я все возвратила законно...

«Постойте... Какъ это тамъ?..»

«Состоя въ здоровомъ разсудкѣ и въ полной памяти.. И еще: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа...» Какъ все это странно! Ну, все равно!.. Какъ есть — такъ и есть. Не перемѣнишь... Ужасно это!.. И боюсь я, голубчикъ! Но рѣшила. Окончательно рѣшила и скоро все сама узнаю.. Пора!.. Но какая я хитрая, Долголецкій! Что могла — я все поправила! Даже всѣ Альтенгеймовскія драгоценности возвратила... На что онѣ мнѣ?.. Ахъ! Еслибъ вы знали, какой я уродъ!.. Какое я пугало, — ужасъ!.. Смотрѣть на себя мнѣ страшно и претивно...

«Вотъ оттого я ни вамъ и никому не показываюсь... О, нѣтъ! Пусть всѣ меня помнятъ такой, какой была я прежде... Помните, Долголецкій, какая я была красавица?.. А теперь!.. О! Низачто никому не покажусь! Даже тогда, мертвой, — никто не увидитъ меня, такъ хорошо я все придумала и все устрою!.. Хотите скажу?.. Вамъ можно... Да! Вы не выдадите.

«Слушайте-же, какъ все будетъ.

«Я себѣ оставила немножко денегъ — ровно столько, чтобъ дѣлать куда... куда нибудь, до моря... Я люблю море!.. Ахъ! Помните? — А не она!.. Вотъ такъ оно и выйдетъ, по вашему: я теперь какъ анемона оторванная отъ почвы... Я выброшена волнами изъ родной, привольной глубины, гдѣ царила... красотою царила! О, какая сила была въ моей красотѣ.. А теперь я растерзана! Разбита бурными волнами... Скоро и памяти обо мнѣ не останется ни въ свѣтѣ, ни въ родной мнѣ стихіи... холодной, безжалостной!.. Но... такъ вѣдь и надо?.. Всѣ вѣдь и все къ безобразію безжалостны!»

«Прощайте, Евгенийъ Андреевичъ. Довольно! А письма я перечитывать не стану... А то разорву. Знаю, что оно сумасшедшее. Я всегда такая, когда приму сильную дозу своего благодѣтельнаго эликсира... Какая страшная старуха дала мнѣ

еть! Негритянка... Говорить: макъ и семена лотуса. А я сказала: мнѣ все равно что! Лишь бы спать крѣпко, безъ сновъ... И съ тѣхъ поръ сплю. Голова, правда, послѣ тяжела—мысли путаются; но зато я ничего не вижу! Это такое счастье!.. Перехитрила ихъ... Умна-то я, какъ и прежде. Вѣдь только бы здѣсь ихъ не видѣть и рѣшиться,—а тамъ будь что будеть! Вы понимаете?.. Вѣдь когданибудь то придетъ и противъ него мы безсильны! А время,—развѣ не все равно, въ концѣ концовъ, когда? Если неизбежно,—такъ ужъ лучше скорѣй. Потому-то я и рѣшилась: ѣду отъ Леоноры на тѣ старыя могилы... Просила ее... буду просить и ихъ, Любочку и всѣхъ, сжалиться, простить... Вотъ только у Эммы не могу! Не могу туда ѣхать!.. А вѣдь въ ея смерти я больше всѣхъ, больше всѣхъ... Я одна виновата!.. Могла-ль я все это знать?!.. Ахъ! Довольно-же!.. Скорѣй теперь, скорѣй на море.

«Прощайте!»

«Подпишусь своимъ настоящимъ, единственнымъ именемъ.
«Людмила».

Долголецкій прочелъ разъ и другой это длинное посланіе, зотъ бредъ больного мозга и молча передалъ его Недвинову.

Тотъ нехотя пробѣжалъ и отдавая обратно промолвилъ:

— Ну, чтожь! Должна благодарить судьбу, что упадетъ въ сумасшедшій домъ, а не на каторгу. Она очевидно сошла съ ума!

— Никуда она не попадетъ, мой другъ, кромѣ могилы... да и то врядъ-ли!.. отвѣтилъ Долголецкій.—Или я совсѣмъ ее не знаю,—или мы скоро услышимъ, что она... утонула, погибла душой и тѣломъ—безвозвратно. Вотъ—сильная натура, очень сильная. А искуса не выдержала: сломилась!

— Ну да еще бы! Греческій профиль и цвѣтъ лица утратить—не шутка!.. Другихъ-то, со своей дороги, въ могилы сводить умѣла твоя красавица анемона; а съ собой покончить,—пожалуй и въ такой страшной крайности не рѣинится.

— Ну, довольно, Гриша! Предоставъ ужъ ее суду Божьему... Еслибъ зналъ ты, какъ я, ея желѣзную натуру! Зналъ, что должна она была перенести, чтобъ дойти до такого состоянія, быть можетъ и ты бы ее пожалѣлъ.

И не слушая дальнѣйшихъ возраженій, Долголецкій ушелъ въ садъ.

Въ тотъ же вечеръ, выпивъ здоровье молодыхъ и пожевавъ Григорью Михайловичу и его женѣ всякаго счастья, онъ выѣхалъ въ Одессу и на Южный берегъ.

XIV.

олужденные часы лѣтняго дня на Черноморскихъ берегахъ сіяютъ и парятъ. Голубая пелена моря едва дышетъ мертвой зыбью; деревья замерли въ яркомъ, неподвижномъ воздухѣ; надъ лугами поблескиваетъ марево, — паръ земли; скалы и стѣны зданій накалились. Все живое, не вынужденное въ потѣ лица добывать денной хлѣбъ свой, попяталось въ садахъ и подъ кровли жилищъ; лишь въ гавани работа не прекращается, но и тамъ люди и животныя движутся лѣниво, дѣло спорится медленнѣй.

Въ окрестностяхъ городка, на горѣ, въ зелени виноградниковъ и развѣсистыхъ деревьевъ, на большой, одноэтажной дачѣ, съ бельведеромъ и вышкой далеко видной съ моря и береговъ, тоже настало затишье. Унялись приготовления къ приему гостей: давно поджидаемаго сына хозяина ея, Андрея Александровича Долголецкаго и совсѣмъ неожиданнаго посѣтителя, наканунѣ извѣстившаго о своемъ прїѣздѣ изъ чужихъ краевъ, съ устья Дуная.

Княгиня Наталья Александровна Зарипская - Арматова, старшая сестра хозяина дома, дѣятельная и живая, несмотря на годы и тучность сложенія, старушка, только что сошла «изъ подъ пѣтушка», — такъ у нихъ называлась вышка, на которой точно вертѣлся флюгерный пѣтушокъ. Тамъ она лично наблюдала за устройствомъ комнаты для сына своей старой прїятельницы; комната племянника ея давно была готова рядомъ съ кабинетомъ нетерпѣливо ждавшаго его отца.

И старикъ Долголецкій, и сестра его давно овдовѣли и нѣсколько лѣтъ уже жили вмѣстѣ. Княгиня жила, по смерти мужа, значительнымъ пенсіономъ; личнаго состоянія она не имѣла, раздѣливъ все имущество между двумя замужними дочерьми. Тѣмъ не менѣе привычки ея были такъ скромны, что она находила возможнымъ многое удѣлять и изъ пенсіи твоей на дѣла благотворительности; въ особенности на помощь дѣтямъ-сиротамъ, которыхъ воспитала многое множество. Она была постоянная данница всякихъ прїотовъ, школъ и гимназій, но никогда не состояла членомъ никакихъ обществъ и терпѣть не могла такъ-называемый «благотворительной дѣятельности». На основаніи этой петеримости, она, не записы-

ваясь ни въ какія корпораціи, даже игнорируя учрежденіе Краснаго Креста, въ годъ послѣдней войны отличалась такой самостоятельной частной дѣятельностью, что ей, помимо воли ея, были предложены и почетное званіе и знаки отличія сестеръ милосердія. Она впрочемъ ихъ никогда не носила, добродушно посмѣиваясь надъ своими «регаліями», какъ подсмѣивалась надъ всѣмъ на свѣтѣ, благодаря, не смотря на рѣдкое добродушіе, врожденному всѣмъ Долголецкимъ юмористическому складу ума. Юмористическая жилка, менѣе выдававшаяся въ мужчинахъ ея семьи, въ ней выражалась такой тонкостью наблюденія и остроуміемъ, что общество ея и бесѣда могли доставлять истинное удовольствіе даже поверхностнымъ людямъ, не подозрѣвавшимъ ея ума и многостороннихъ знаній; близко же знавшіе образованіе ея и нравственныя силы ставили Наталью Александровну неизмѣримо выше уровня женщинъ ея круга.

Братъ ея, вообще скептически относившійся къ людямъ, одну ее считалъ внѣ подозрѣній въ общечеловѣческихъ слабостяхъ и несостоятельности. Онъ любилъ и уважалъ ее глубоко.

Отецъ Евгенія Андреича, не въ одной Россіи извѣстный членъ дипломатическаго корпуса, достигъ высокаго положенія въ своей служебной дѣятельности и могъ бы достигнуть еще гораздо высшаго, еслибъ не его прямой, безкорыстный и неподатливый въ дѣлѣ убѣжденій характеръ. Благодаря этимъ свойствамъ, онъ долженъ былъ ранѣе времени выйти въ отставку, предпочтя удаленіе отъ дѣлъ уступкамъ... Онъ ужъ два года жилъ частнымъ человѣкомъ, занимаясь винодѣліемъ, шелководствомъ и огородничествомъ, а въ свободное отъ пересадокъ и прививокъ время поглощалъ европейскую литературу и замышлялъ писать свои воспоминанія... Сынъ говорить, что онъ по примѣру своего многолѣтняго пріятеля, Альфонса Карра, «пересаживая розы, приберегаетъ шишки для своихъ будущихъ мемуаровъ»...

— Но Бога ради, писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ:—Бога ради, батюшка, скорѣй садитесь за работу, не выжидая для этого, какъ Альфонсъ Карръ, дождливыхъ дней... Вѣдь ненастье въ Крыму бываетъ еще рѣже, чѣмъ въ Санъ-Рафаэлѣ, а породы розъ, пожалуй, еще разнообразнѣй!.. Ну что-жь это будетъ, если вы, увлекаясь цвѣтами настоящаго, утратите память о пережитыхъ терніяхъ и насъ лишите своихъ «воспоминаній»?.. Это была-бы слишкомъ большая утрата!.. Не заставляйте грамотныхъ людей желать переменъ климата для всего Южнаго берега...

— *Flatteur et blagueur, va!* отвѣтилъ ему отецъ. Не воображай, что лестью отворишь головоюйку за всѣ свои провинности. Вотъ только приѣзжай! Мы съ tante Nathalie окажемъ тебѣ приемъ, достойный твоихъ кругосвѣтныхъ подвиговъ à la Миклуха—Маклай,—плюсъ Норденскиюльдъ и К^о.

И вотъ, наконецъ, наступилъ давно жданный день возвращенія «блуднаго сына».

Все утро Андрей Александровичъ, какъ всегда, проработалъ въ саду; какъ всегда же съ десяти часовъ до завтрака слушалъ чтеніе Маринушки, одной изъ воспитанницъ княгини, немолодой ужъ дѣвушки, застрявшей въ домѣ, на ея попеченіи. Маринушка прочла русскія газеты; а въ теченіи дня, до обѣда, сама княгиня, оберегая слабѣе зрѣніе брата, должна была прочитать ему иностранныя. Но прежде, вскорѣ послѣ завтрака Андрей Александровичъ, по обыкновенью, пошелъ къ себѣ, прилечь на часокъ... Но противъ обыкновенья, садовые работы, равно какъ и отечественная политика, въ это утро не поглощали его вниманія и сонъ не хотѣлъ придти въ свое время...

Не прошло и получаса, какъ Наталья Александровна, сойдя внизъ, застала брата подъ маркизой широкой каменной галлерей, занимавшей весь фасадъ дома, выходившій въ садъ. Тамъ въ тройной тѣни парусины, ползучихъ растений и громаднаго бука, протянувшаго вѣтви надъ крышей, старикъ сидѣлъ съ послѣднимъ журналомъ въ рукахъ; но поверхъ перегнутой книги лежалъ его золотой хронометръ, явно изобличая, что онъ не читаетъ, а считаетъ... часы, оставшіеся до прибытія парохода... Передъ балкономъ, внизу, за безконечной зеленью, виднѣлся край города; портъ весь былъ какъ на ладони, а за нимъ далеко разстилалась морская лазурь, сливаясь, непримѣтно для глаза, съ синевою неба.

— Это что же такое, André!? изумилась княгиня Заринская-Армадова, остановившись въ дверяхъ.— Ужъ не возня-ли наша подъ пѣтушкомъ тебѣ отдохнуть помѣшала?

— О, нѣтъ, chère amie!.. Просто что-то не спится... Посмотри, другъ милый, въ бинокль... видишь дымокъ на горизонтѣ? Ужъ это не «Михаилъ»-ли подходит? Не послать-ли лошадей?

— Allons donc! снисходительно засмѣялась княгиня. «Михаила» еще часа черезъ три надо ждать, если не опоздаетъ... Богъ съ тобой!.. Когда-же онъ приходитъ утромъ?

— Чтоже! Разстояніе обманчиво... И этотъ пароходъ еще очень далеко. Посмотри, а я пока подзорную трубу наведу.

И Долголецкій сталъ налаживать стоявшую на мраморныхъ

перилахъ трубу, тогда какъ княгиня разыскивала въ бинокль, обратившій вниманіе его, совершенно незамѣтный еще дымокъ Высокій, но стройный старикъ казался небольшимъ въ сравненіи съ крупной по росту и по дородству фигурой его сестры. Отецъ и сынъ Долголецкіе были очень схожи, только Андрей Александровичъ съ молодости былъ красивѣй и до старости сохранилъ тонкость чертъ, прелесть улыбки и глубину взгляда, сдѣлавшіе ему репутацію красавца.

Пароходъ оказался иностраннымъ и прошелъ, мимо не заходя въ портъ. Пришлось отложить нетерпѣливое ожиданіе еще на нѣсколько часовъ. Княгиня предложила обычное чтеніе и взялась за газеты. Утренняя почта всегда лежала тутъ же, на угольномъ столѣ. Наталья Александровна сѣла возлѣ на кресло—качалку и только было взялась распечатать номеръ Daily—News или Temps, какъ изъ середины газетныхъ бандеролей выпалъ, незамѣченный прежде, конвертъ.

— Ба! это что-же за письмо? удивилась княгиня, наклоняясь.

Но Долголецкій не допустилъ ее согнуться. Онъ поднялъ конвертъ и хотѣлъ было передать ей, но взглянувъ на адресъ, остановился.

— Ни для меня, ни для васъ, chère amie! сказалъ онъ, незамѣтно соскользнувъ на привычный французскій языкъ. — Еще птичка въ клѣтку не влетѣла, а вотъ ужъ ей кормъ!.. Это—Евгенію!.. Пусть подождетъ... Но какой странный, неровный почеркъ.

И онъ протянулъ конвертъ, держа его передъ княгиней.

— Да, почеркъ не увѣренный—согласилась она и взглянувъ, прибавила:— а что всего страннѣй посмотрите штемпель!.. Кто-бъ оттуда могъ ему писать и знать, что онъ пріѣдетъ?

Почтовый штемпель былъ изъ недальняго приморскаго-же пограничнаго городка; адресовано письмо было Андрею Александровичу Долголецкому, для передачи сыну. Подивились, положили его въ сторону и забыли о немъ, въ тревогѣ ожиданія и встрѣчи. Какъ бывасть съ людьми, сдержанными по принципу, по воспитанію и по привычкѣ всей жизни, свиданье, нѣсколько лѣтъ не видавшихся отца и сына, произошло по наружности, довольно спокойно и даже холодно,—à l'anglaise; но подъ внѣшней сдержанностью чувствовалась глубокая радость и обоюдное счастье. Наталья Александровна была нѣсколько экспансивнѣе и ея веселость, живые разпросы и рассказы оживили родственное свиданіе и поздній обѣдъ.

Солнце, въ багровомъ и огненномъ пожарѣ лучей, уже зашло за горы, бросая ихъ синія тѣни на сушу и море, когда

Долголецкіе вышли снова на балконъ. Изъ порта вновь раздавались продолжительные свистки и оживленіе сопровождавшіе приходъ судовъ.

— Ахъ! Боже мой! Поѣхаль-ли Лукьянъ? вдругъ вспомнила княгиня и засуетилась.

— Да вѣдь съ утра приказано! онъ не забудеть! успокаивалъ ее хозяинъ дома.

— Какъ? Вы ждете гостей, батюшка? изумился Евгеній Андреичъ.

— Представь себѣ, mon cher!.. Де Марли изъ Вѣны, по Дунаю, ѣдетъ сюда, а потомъ на Кавказъ, отвѣтилъ отецъ. Задумалъ цѣлое путешествіе: въ Персію, въ азіятскую Турцію и такъ далѣе.

— Какой де Марли? Спортсменъ? Племянникъ герцога де Ломаръ? Вы съ нимъ знакомы?

— О, вѣтъ! Нашъ полурусскій французъ, сынъ бывшаго посланника... Тотъ,—парижанинъ,—кажется ему cousin german приходиться.

— Ну развѣ ты не помнишь, Eugène, Мари Ольшанскую?.. Племянницу моего мужа, — красавицу Мэри что вышла за барона де Марли и уѣхала за границу... Потомъ они жили въ Испаніи... Помнишь? напомнила ему тетка, успокоившись насчетъ экипажа посланнаго на пристань.

— Mary Olchanşky?.. Боже праведный! Ну, какъ же не помнить?.. Да я въ нее съ тринадцати лѣтъ былъ влюбленъ!.. Единственная моя страсть. Первая и единственная женщина, заставлявшая меня мечтать.

— Единственная?.. Fagseug!.. прервалъ его отецъ.—За кого ты насъ принимаешь, чтобы рассказывать такіе турысы?.. Первая—положимъ! Это естественно для тринадцати лѣтняго поклонника...

— Смѣю увѣрить васъ, что и послѣдняя!.. Когда я объяснилъ ей мои чувства, а она, жестокая, послала меня проучиться, посовѣтовавъ подождать своей шестилѣтней сестры,—я понялъ, что для меня жизнь сердца кончена—*et dès lors j'ai fait mes vœux de célibat!*

— Ah! Mais... Tu as toujours été un enfant précocé—за смѣялась княгиня.—Съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ твои вкусы были эстетически правильны, потому что бѣлокурая Мэри была красавица, какихъ мало... Вся ея ошибка состояла въ томъ, что она лѣтъ на двѣнадцать раньше тебя родилась.

— Но я все же не пойму: кто же это пріѣдетъ? Почтенный соперникъ мой, баронъ де Марли, если вѣрить официальнымъ извѣстіямъ, давно скончался?

— Раузмѣтся!.. Это сынъ его, мой крестникъ Жюль. Прелестный молодой человекъ, зараженный общей съ тобою страстью къ путешествіямъ.

— Уже—сынъ?! Да, да! Я теперь припоминаю... О! Какъ предательски улетаетъ время!

— Но тетушка твоя, Eugène, законовъ времени не признаетъ! прервалъ старикъ.—Представь себѣ: сама влюбилась въ этого путешественника и—да простить ей Богъ! Второй годъ назначаетъ ему свиданія, бесплодно старается на учить его материнскому языку, не смотря на его неправославіе,—*car il n'est rien moins qu'orthodox!* И нянчится съ нимъ какъ съ маленькимъ сокровищемъ.

— *C'est que cet enfant est un vrai bijou!* согласилась Наталья Александровна.—Ты самъ увидишь, какой это милый мальчикъ!

— Ужасный болтунъ и балагуръ. Вѣчно бьетъ на эффекты перебилъ ее братъ.

— Не вѣрь, Eugène! Это у него природное. Помнишь, какъ Мэри хорошо говорила?.. Онъ весь въ мать!

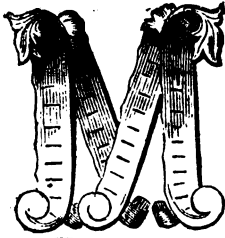
— Вотъ это дѣлаетъ ему честь! улыбаясь препирательству отца и тетки, замѣтилъ Евгений Андреевичъ.—Остается лишь пожалѣть, что неумѣстно щедрая природа такъ одарила созданіе, принадлежащее непрекрасной половинѣ человѣчества. Но вы правы, *chère tante!* Я теперь вспомнилъ, что мелькомъ встрѣчалъ этого юнцу... Онъ много обѣщаль съ дѣтскихъ лѣтъ.

— *En vrai homme d'honneur*—онъ сдержалъ все свои обѣщанія! пошутила старушка.—Ты самъ посмотришь и рассудишь меня съ твоимъ несправедливымъ отцемъ... Да вотъ онъ ужъ ѣдетъ, кажется?.. Поглядите! Вѣдь это наша коляска подымается по дорогѣ?

И княгиня прищурилась вдаль и волненіемъ своимъ явно выказывала, что готова забыть этикетъ и сама выйти на встрѣчу своему любимцу...

XV.

олодой баронъ де Марли оказался дѣйстви- тельно очень красивымъ и симпатичнымъ юношей, чрезвычайно живымъ и приятнымъ рассказчикомъ. Ему было едва двадцать пять лѣтъ, но онъ столько путешествовалъ и такъ хорошо зналъ свѣтъ, что разговоры его были въ высшей степени занимательны.

Но только со старшими своими хозяевами, съ которыми мать его всю жизнь не прекращала дружескихъ сношеній, но и съ младшимъ Долголецкимъ у него нашлось такое множе- ство общихъ знакомыхъ и общихъ воспоминаній, что самая живая бесѣда не умолкала до полуночи.

Де Марли былъ жанристъ. Какъ истый французъ, онъ билъ на эффекты не только положенія, но и краснорѣчія и мастерски описывалъ сцены и картины природы. Евгеній Андреевичъ подхватывалъ его рассказы, болѣе отаанавливаясь на личностяхъ, на особенностяхъ и выдающихся чертахъ людей. Двумя, тремя чертами онъ характеризовалъ лицъ, дѣй- ствовавшихъ въ рассказахъ де Марли и придавалъ имъ реальную пикантность, чрезвычайно возвышавшую ихъ общее впечатлѣніе.

Старики наслаждались и забывали время.

На небо всплыла полная луна и, то скрываясь за разроз- ненными облаками, то ярко выбѣгая изъ за нихъ, казалось, неслась и падала въ море, никогда его не достигая. Внизу была тишь. Черныя силуэты кипарисовъ рѣзко выдѣлялись на кущахъ свѣтлой зелени, неподвижно сіявшихъ въ молочномъ свѣтѣ мѣсяца; даже вершины пирамидальныхъ тополей, какъ стрѣлы высившіяся къ небу, не шевелились. Но въ верхнихъ сферахъ вѣтеръ гналъ тучи и съ моря доносились рокотъ и всплески, предвѣстники волненія.

— Какъ на морѣ картинны такія движенія атмосферы!— сказали де Марли, любуясь эффектами свѣта и тѣней.— Ахъ! Какую сенсаціонную вещь я видѣлъ третьяго-дня, неподалеку отъ устья въ Дуная,—началъ было онъ, обращаясь къ княгинѣ, потому что Андрей Александровичъ въ эту минуту о чемъ то заговорилъ à parté съ сыномъ.

— Что такое?—спросила она.

— Утопленницу.. Но при такихъ эффектныхъ подробностяхъ!

— André! Eugène! Venez donc!—позвала Наталья Алек- сандровна.— Жюль рассказываетъ интересную вещь.

— Сейчасъ,—отозвался старшій Долголецкій.— Я вспомнилъ

объ этомъ письмѣ, mon amie, къ Евгенію... Онъ сейчасъ взглянетъ.

— Я къ вашимъ услугамъ!.. Могу прочесть и послѣ,— заявилъ было Евгеній Андреевичъ.

Но увидавъ адресъ на конвертѣ, поданномъ ему отцемъ, онъ замѣтно взволновался, посмотрѣлъ внимательнѣй и быстро подойдя къ столу, подъ свѣтъ лампы, промолвилъ:

— Pardon! Я долженъ... Одну минуту!

Онъ узналъ недавно видѣнный имъ, крупный неровный псчеркъ.

Тревожно вскрылъ онъ письмо и прочелъ:

«Пишу еще разъ, въ послѣдній. Распорядитесь всеѣмъ по завѣщанію, оставленному тамъ, въ Москвѣ, у нашего нотариуса. Написала, оставляю и здѣсь заявленіе, въ отелѣ. Чтобъ никого не обвиняли и тѣла моего не розыскивали... Надѣюсь, что волны его обратно на землю не вынесутъ?.. А?.. Какъ вы думаете, другъ?.. Надѣюсь!

«Сейчасъ!.. Сейчасъ конецъ. Уѣзжаю... Погодите! — какъ это будетъ?.. Я ѣду далеко, за городъ, купаться. Тамъ поплыву,—я плаваю хорошо!.. Заплыву какъ можно дальше!.. Буду плыть съ роздыхами, ложиться на воду... Ах! Какъ я любила лежать, качаться на волнахъ въ необозримомъ просторѣ, смотрѣть туда,—въ синнюю глубь неба,—въ яркія звѣзды или лунный свѣтъ... Хорошо!.. Вѣдь тамъ спокойно?.. Авось!.. Авось не помѣшаютъ?.. И вотъ, въ послѣднюю минуту, когда почувствую, что выбилась изъ силъ,—въ открытомъ морѣ,—выплю все! Все, что осталось въ моемъ пузырькѣ и засну!.. Засну, какъ убитая»!..

«А какъ вы думаете, Долголецкій, я не проснусь?! О!.. Это было бы ужасно, ужасно!.. Но гдѣ-жъ вамъ знать и зачѣмъ я спрашиваю?! Вотъ я... другое дѣло и... вѣдь какъ это странно: сегодня-жъ ночью я все буду знать!.. А ночь близка... Молиться?.. Безмыслица, выдуманная людьми! Но я желаю,—страстно желаю, чтобъ сила сотворившая жизнь, и смерть, и все то,—невѣдомое,—дала мнѣ наконецъ, что нибудь сноснае этой муки. Прощайте... Хотя вы не поминайте лихомъ!»

«Людмила».

Сосредоточенное выраженіе лица Долголецкаго предупредило отца его и тетку, что письмо имъ полученное имѣло серьезное значеніе. Безпокойно смотрѣли они на него, когда онъ подошелъ къ ихъ примолкнувшему кружку и сказалъ:

— Вы помните, конечно, родственницу нашу, графиню Рейзенштернъ?

— Людмилу Юрьевну? Дочь Жоржа Недвинова?.. Какже не помнить?.. Съ дѣтства знала! отвѣчала княгиня.

— Прославившуюся на весь міръ, неудавшуюся герцогиню? Кто-жь ее не знаетъ? прибавилъ старикъ Долголецкій.

— Эту убійцу, принцессу Альтенгеймъ? въ одинъ съ ними голосъ отозвался де Марли. — Кто не знаетъ этой великой преступницы, хотя бы по репутаціи!.. Эта женщина, годъ тому назадъ нанесла мнѣ великое горе! Она погубила друга дѣтства моего, бѣднаго Реналья де Кастелламонте.

— Ага!.. Вотъ именно! сказалъ Евгенийъ Андреевичъ. — Къ своему несчастію и стыду человѣчества она губила многихъ... Теперь она убила самое себя.

— Людмила? Людмила Недвинова? вскричала княгиня.

— Именно. Людмила Юрьевна, рожденная Недвинова, по первому браку графиня Рейзенъ-фонъ-Рейзенштернъ, по второму принцесса Альтенгеймъ, герцогиня фонъ Зоннербергенъ, покончила съ собою три дня тому назадъ, недалеко отсюда... Она заплыла въ открытое море и тамъ выпила опиуму или какого то дурману... Вотъ ее письмо.

— Mon Dieu Seigneur!—воскликнулъ ахнувъ молодой путешественникъ:—такъ это она?!. Такъ это мы ее трупъ подобрали неподалеку отъ Змѣиныхъ острововъ!.. Я только что вспомнилъ, хотѣлъ рассказать... Но позвольте! Вотъ и доказательство... Я срисовалъ...

И баронъ началъ поспѣшно перелистывать свою карманную записную книжку.

Но, какъ любитель эффектовъ, онъ передумалъ и, положивъ руку на открытую страничку, продолжалъ:

— Вы мнѣ позволите прежде рассказать послѣдовательно, какъ было дѣло?

— Пожалуйста!.. Мы васъ объ этомъ просимъ!—въ одинъ голосъ отвѣчали всѣ трое.

— Ainsi donc, c'était avant hier!—подумавъ и нѣсколько сосредоточившись началъ рассказывать де Марли. — Мы только что вышли въ открытое море. Ночь была тихая по низу, — на сушѣ и водѣ; бурная въ выси, — въ поднебесьи. Почти такая же, какъ сегодня, только тучи были обрывистѣе, грознѣе... Пароходъ нашъ порою нырялъ въ мракъ и сразу выскальзывалъ изъ подъ набѣжавшей тучи, въ серебристое сіянье. Великая водная пелена вся была покрыта пятнами свѣта и тѣней, безъ устали бороздившими ее то золотистой рябью, то бликами молочной бѣлизны, то темной синевою стали, то черными силуэтами какихъ-то безформенныхъ, невѣдомыхъ чудовищъ, перелетавшихъ по небу, скользившихъ по волнамъ... То была совершенная фантазмагорія!.. Настоящая ночь для преступления и привидѣній! А потому ничего не было удивитель-

наго въ томъ, что когда съ вахты раздался крикъ: «Человѣкъ въ морѣ!» — всѣ мы бросились на рубку въ сильномъ возбужденіи...

«Въ самомъ дѣлѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ, на зыби началось что-то бѣлое, то ныряя во мракъ, то появляясь отчетливо, какъ въ яркомъ сіяніи... Капитанъ командовалъ:

— Шлюбку на воду!

«И тотчасъ пароходъ былъ остановленъ, шлюбка спущена и трое матросовъ въ погонѣ за трупомъ, человѣкомъ или привидѣніемъ, — кто-бы ни былъ появившійся намъ бѣлый образъ.

«Но, какъ нарочно, густая, черная туча заволкла мѣсяцъ и на большое разстояніе покрыла море съ той стороны, гдѣ показалось намъ видѣніе и оно исчезло, словно морская бездна втянула его въ себя... Однако намъ, съ высоты палубы оно продолжало мерещиться то здѣсь, то тамъ. Всѣ кричали гребцамъ на шлюбкѣ, всѣ указывали различныя направленія. Пароходъ покачивался испуская шипѣніе и глухой вой задержанныхъ паровъ, словно болѣзненный, за душу хватающій стонъ; на яркій дискъ мѣсяца то и дѣло налетали черныя чудища, — то крылатые змѣи, то драконы съ узловатыми хвостами и не давали ничего распознать въ переливчатомъ сумракѣ свѣта, боролшагося съ тьмою...

«Наконецъ, капитанъ рѣшилъ, что поиски ни къ чему не приведутъ, что это очевидно трупъ, носимый волнами, которому помощь уже давно не нужна; что нельзя долѣе задерживать живыхъ изъ за мертвеца и приказалъ матросамъ вернуться на бортъ.

«Я стоялъ на носу парохода, перевѣсившись черезъ перила рядомъ съ какой-то дамой и съ пожилымъ господиномъ. Въ ту минуту, какъ матросы вскарабкались обратно на палубу и втащили шлюбку, господинъ этотъ промолвилъ, въ видѣ напутствія скрывшемуся утопленнику:

— «Пусть море само погребаетъ своихъ мертвыхъ!.. Да почіетъ онъ съ миромъ.

— «Не онъ, а она! — прервала его сосѣдка наша. — У меня превосходное зрѣніе и я хорошо разглядѣла, бѣлый, купальный пенюаръ, ложившійся складками вокругъ этой несчастной.

«Я только что успѣлъ подумать, что врядъ ли возможно довѣрять показанію этой дальнозоркой дамы, какъ пароходъ нашъ заработалъ винтомъ и пыхтя и шипя, сталь мощно разбивать плавные валы, набѣгавшіе поперегъ, ему на встрѣчу. Въ то же время черное облако, во тьмѣ котораго мы шли нѣсколько минутъ начало постепенно сползать, отлетая назадъ и очищая впереди насъ море... Мгновеніе, и мы снова скользили будто по расплавленному серебру и всякая встрѣчная струйка отчетливо сіяла, издали видная.

«Теперь ни единая щелка не могла бы пройти незамѣченной. Но мы ужъ не смотрѣли на воду, наскучивъ безплодными поисками и навѣрное допустили бы тѣло проплыть незамѣченнымъ, еслибъ не наша настойчивая сосѣдка, дама, утверждавшая, что то была утопленница.

«Только что мы разбрелись и разговорились въ разныхъ концахъ палубы, какъ она, все еще стоя на переднемъ концѣ парохода, перегнувшись за бортъ, закричала:

— «Смотрите сюда, скорѣй! Вотъ она снова плыветъ намъ на встрѣчу.

«Всѣ бросились къ ней.

«Бѣлая фигура, раскинувшись по водѣ, разбросавъ руки, словно призывая кого нибудь въ свои объятія, мѣрно качаясь и скользя съ вала на валъ, приближалась прямо подъ пароходъ... Теперь мы всѣ увидали, что то была точно женщина. Но живая или мертвая?.. Не успѣли мы опомниться, какъ набѣжали на нее и утопленница исчезла подъ нашимъ килемъ.

«Крикъ ужаса невольно вырвался у многихъ! Ну что если она еще была жива?.. Большинство возстало противъ такого чудовищнаго предположенія; однакожъ капитанъ вновь приказалъ остановиться, а мы всѣ бросились на корму...

«Бѣлая фигура вновь неясно замелькала предъ нами, кружась и ныряя въ волнистомъ хвостѣ пѣны. Но то, что черезъ десять минутъ было выужено матросами изъ моря ужъ не носило никакого образа человѣческаго... То былъ окровавленный комъ растерзаннаго мяса съ лохмотьями бѣлья,—батиста и кружевъ. Тѣло, вѣроятно, попало подъ винтъ и разбилося въ его оборотахъ.

«Но, по странной случайности, уцѣлѣлъ батистовый платокъ, привязанный къ рукѣ. Бѣлый, тонкій платочекъ, съ вышитой монограммой подъ графской короной и—удивительный фактъ: съ тщательно привязаннымъ къ одному изъ угловъ его маленькимъ флакономъ...»

— Вы сохранили его?.. Этотъ флаконъ? — прервалъ рассказъ барона Евгеній Андреевичъ.

Все время онъ слушалъ краснорѣчивый рассказъ путешественника, опершись на столъ, нетерпѣливо закусивъ губы, опустивъ глаза и голову, чтобы не выдать своей тревожной досады.

«Вотъ росписывается son amour!—думалось ему.—Еще, пожалуй составить un article à sensation и тиснетъ куда нибудь!.. Не избѣгнеть, бѣдняга, людской молвы и въ самой смерти, какъ не ухищрялась сгинуть безъ слѣдовъ!»

— Флаконъ?.. О, нѣтъ!—отвѣчалъ де Марли. — Мнѣ бы его не отдали. Вѣдь онъ и носовой платокъ ея составляли

единственные, удѣлѣвшія вещественныя примѣты, по которымъ возможно было признать личность утопленницы. Но я срисовалъ монограмму... Вотъ она!

И молодой человекъ снялъ руку съ записной книги. На бѣломъ листкѣ красовались, причудливо переплетенныя латинскія буквы, — L и R, — подъ графской кароной.

— Людмила Рейзенштернъ! прошептала Наталья Александровна, склонившись, какъ и всѣ къ рисунку де Марли. Прости ей Господи и помилуй душу ея!

А старикъ Долголецкій посмотрѣлъ въ блѣдное лицо своего сына съ глубокимъ соболѣзнованіемъ, невольно заподозривъ его въ томъ, чего никогда не бывало.

— И что-же случилось съ тѣломъ несчастной? спросилъ Евгений Андреечъ послѣ минуты общаго затишья.

— Егосдали въ первомъ портѣ... Вѣроятно завтраже прочтемъ объѣздомъ грустномъ дѣлѣ. Nous aurons bientôt le mot de l'énigme!

— О, безъ сомнѣнія газеты разъяснятъ все любопытной публикѣ. Вѣдь недоумѣній и тайнъ для нихъ не существуетъ! печально усмѣхнулся меньшей Долголецкій.

Онъ вспомнилъ, какъ часто на своемъ короткомъ вѣку приходилось Людмилѣ Юрьевнѣ занимать собою досужихъ корреспондентовъ и съ какою жадностью снова ухватятся «виконты Шампальяки» за это послѣднее о ней сенсаціонное извѣстіе.

Онъ положилъ ея посмертное къ нему письмо открытымъ на столѣ и сказалъ:

— Вотъ тутъ несчастная мнѣ пишетъ, что послѣднее желаніе ея, послѣдняя молюба, чтобъ тѣло ея было принято моремъ, не возвращаясь къ людямъ, на землю... Да видно не суждено было тому исполниться!

— Мой милый другъ! сказалъ ему отецъ:—эта женщина, во время жизни своей, считала исполненіе всѣхъ желаній своихъ — законнымъ, неотъемлемымъ правомъ. Нельзя же требовать, чтобъ судьба и посмерти продолжала ей полагать.

— И въ такомъ позднемъ воздаяніи, право, законъ возмездія сказался еще очень милостиво! усмѣхнулся баронъ де Марли.

А задумавшаяся о прошломъ княгиня вдругъ спросила племянника:

— Жива-ли еще ея мать?

— Жива, — отвѣтилъ Долголецкій. — Но мать съ малыхъ лѣтъ ее не знала... Онѣ были другъ другу такъ чужды, что смерть Людмилы Юрьевны, думаю, ни для матери ея, какъ и ни для кого въ мірѣ — несчастія не составитъ!

— Грустная эпитафія! единодушно заключили присутствовавшіе.